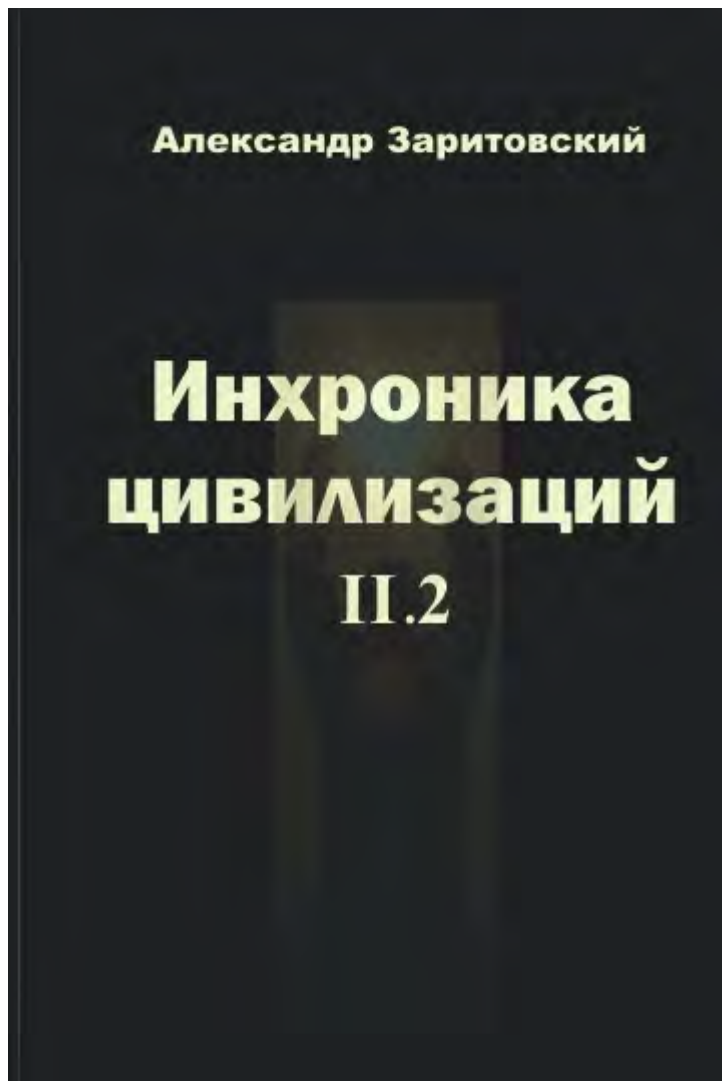




Сравнительно-историческое исследование

**Проект «сиНус»
2023 г.**

Заритовский А. Н.

Иन्हроника цивилизаций. Книга вторая «Явление». Часть 2: Сравнительно-историческое исследование. – Проект «сиНус», 2023. – 264 с.

Во второй части второй книги «Иन्हроники цивилизаций» инхронический подход применен к изучению культурно-исторических процессов и их причинных связей в периоде с середины II тыс. до н.э. до начала II тыс. н.э. В центре внимания причины, мотивы и акторы зарождения глобальной сети водных (океанских, морских и речных) транспортных путей, сложившейся в XVI-XVII вв. в результате так называемых Великих географических открытий и последующих колониальных захватов западных европейцев. А также связанные с этой грядущей глобальной воднотранспортной сетью культурные, социальное, экономические метаморфозы и потрясения по всему Старому Свету на указанном отрезке времени сер. II тыс. до н.э. – нач. II тыс. н.э., т.е. задолго до самих Великих географических открытий.

КНИГА ВТОРАЯ

ЯВЛЕНИЕ

Часть 2

Оглавление

3

Хронография №5. Постосевая инхроника
(~1600 г. до н.э. – XVI - сер. XVII вв. – 60-ые гг. XX в.)

Первый этюд: «Железный поток или как закалялась сталь»	4
Второй этюд: «Народы моря»	13
Третий этюд: «Восток – дело тонкое...»	73
Четвертый этюд: «Пророки и империи: по эту сторону добра и зла»	92
Пятый этюд: «Великий перелом»	143
Шестой этюд: «Единый»	165
Седьмой этюд: «Халифаты, каганаты, фемы, тантры, ламы, латы»	193
Восьмой этюд: «Два цветка языческой Европы»	234
Заключение	248

249

Литература

261

References

ХРОНОГРАФИЯ №5

Постосевая инхроника

(~1600 г. до н.э. – XVI - сер. XVII вв. – 60-ые гг. XX в.)

**ПЕРВЫЙ ЭТЮД:
«Железный поток или как закалялась сталь»**

В конце предыдущего тома, в завершающем этюде Хронографии №4, опираясь на ряд синхронных культурно-политических реакций евразийского и переднеазиатского населения, мы пришли к выводу, что в 1600-1400 гг. до н.э. (точнее, в самом начале периода, т.е. в ~1600 г. до н.э.) был получен инхроимпульс некой новой инхроники, настолько близкой осевой инхронике, что новая инхроника смогла сильнейшим образом повлиять на осевую и ответы социумов на нее изменением самого осевого инхронического будущего, в котором с 1500-1400 гг. до н.э. устанавливается очередной единственный последний и окончательный его вариант в виде зарождения и первоначального становления Великого шелкового пути (ВШП) в периоде ~120 г. до н.э. – 220 гг. н.э.

С другой стороны, судя по части тех же культурных реакций 1500-1400 гг. до н.э., в частности и особенно по распаду и исчезновению в это время некоторых крупных культурных сообществ Сибири, Урала и Восточной Европы (срубной и андроновской культурной принадлежности), тесно связанных с оловянно-бронзовой производством и торговлей по евразийским степным маршрутам так называемого третьего ВОП (Великого оловянного пути), было установлено еще одно свойство новой инхроники. А именно: она сразу же входит в непримиримое противоречие со всей оловянно-бронзовой металлургией в целом – становым хребтом осевой инхрозоны до момента прохождения осевого инхроимпульса в 1600 г. до н.э., – игравшей в этом периоде роль главного причинного и мотивационного движителя практических всех ответов социумов на осевую инхронику, к тому же являющейся основным причинным фактором, который вызвал само прохождение осевого инхроимпульса.

Исходя из всего вышесказанного, причинные истоки новой инхроники также имеет смысл поискать именно в металлургической сфере деятельности населения Евразии и Северо-Восточной Африки. Столь широкий территориальный охват вызван тем, что нам пока что неизвестна содержательная сторона новой инхроники. Зато по аналогии с археологической терминологией мы уже можем поименовать ее “постосевой”, поскольку в данном названии отражена как близость постосевой инхроники предыдущим осевым процессам, так и некоторое весьма существенное противостояние им.

Итак, металлургия... Что же в районе 1600 г. до н.э. могло произойти такое особенное в данной области, что практически сломало всю осевую инхрозону в отношении ответов на инхронику в результате довольно кардинального изменения осевого инхронического будущего с тотчас последовавшим быстрым спадом (иногда всплеском – в зависимости от связей социума с оловянно-бронзовым металлургией и торговлей ее продуктами по тем или иным осевым маршрутам, а еще и от отношения к ожидаемому ВШП) уровня осевой инхроэнергетики самых разных обществ Евразии и Северной Африки? И что самое интересное, в металлургии примерно в это время, т.е. около сер. II тыс. до н.э., в самом деле произошло некоторое весьма знаменательное событие, последствия которого до сих пор во многом определяют облик мира – в это время где-то в Анатолии открыли сыродутный способ металлургического производства железа, позволивший перейти к производству изделий из железа в промышленных масштабах. Проще говоря, был изобретен сыродутный горн, который интенсивно осваивался на протяжении всей второй половины II тыс. до н.э. В конце же II тыс. до н.э.,

не позднее XII–XI вв. до н.э., были открыты способы улучшения механических свойств железных изделий за счет таких операций, как цементация (целенаправленное поверхностное науглероживание изделия) и термообработка (закалка)^[1]. Открытие же самой возможности выплавки железа из руды произошло на территории все той же Анатолии значительно раньше, не позднее второй половины III тыс. до н.э., о чем свидетельствуют по крайней мере пять достаточно крупных достоверно датированных изделий и фрагментов с доказанным металлургическим происхождением^[2].

Отметим еще, что когда мы говорим “железо” и “железный” применительно к продукту металлургического производства даже для столь ранних времен, а тем более к изделиям, произведенным в сыродутном горне, то на самом деле это было не чистое железо, получение которого является достаточно сложным металлургическим процессом, а нецеленаправленно неравномерно науглероженная (за счет неизбежного смешивания конечного продукта с древесным углем, служившим топливом при выплавке железа из руды) малоуглеродистая сталь, которую именуют сырцовой, и которая по твердости уже превосходила бронзу^[3].

И если имеются по сути единичные артефакты из металлургического железа, датируемые временем до середины II тыс. до н.э., то их число, относящихся ко второй половине II тыс. до н.э., начинает лавинообразно расти, что как раз и было связано с открытием сыродутного способа выплавки металла из руды. Причем чем ближе к концу тысячелетия, тем значительнее рост, тем больше обнаружено таких изделий. Вместе с тем, расширяется и ассортимент металлургической продукции – появляются топоры, серпы и другие крупные предметы из сырцовой стали, – и география использования сыродутного горна: на Балканах в Южной Сербии не так давно был обнаружен металлургический центр с остатками многочисленных сыродутных горнов и еще множество других следов железного металлургического производства, относящиеся к середине XIV в. до н. э.; в Палестине также обнаружен датируемый XIII в. до н. э. металлургический горн; синхронны этим находкам и металлургические объекты на территории Юго-Восточного Причерноморья^[4].

Другим косвенным подтверждением существенного перелома в металлургии железа около середины II тыс. до н.э. может послужить тот факт, что с XVI в. до н. э. в Анатолии начинается выделение специализированных кузнецов по железу^[5], что отразилось в хеттских текстах их особым отличием от всех прочих кузнецов наименованием.

И если расплывчатое “около середины II тыс. до н.э.” обозначить несколько более конкретной датировкой 1600-1400 гг. до н.э., то мы увидим что время перелома в металлургии железа совпадает с периодом странных инхрозэнергетических реакций социумов во время вторых “двухосных” метаморфоз, когда третий ВОП сменялся ВШП – процесс, который, как мы выяснили в последнем этюде Хронографии №4, был как-то связан с прохождением нового, т.е. постосевого, инхроимпульса в ~1600 г. до н.э. Таким образом, велика вероятность того, что прохождение постосевого инхроим-

^[1] В. И. Завьялов, Н. Н. Терехова “К проблеме перехода от эпохи бронзы к эпохе железа (технологический аспект)”, КСИА, Вып. 242, 2016, стр. 199–211.

^[2] Там же, стр. 202.

^[3] Там же, стр. 200-201.

^[4] Там же, стр. 203-205.

^[5] С. А. Григорьев “Металлургическое производство в Северной Евразии в эпоху бронзы”, Челябинск: Цицеро, 2013, стр. 543.

пульса *причинно* было вызвано именно открытием сыродутного способа выплавки железа из руды и, соответственно, изобретением сыродутного горна.

На другую новацию в металлургии железа – улучшение механических свойств изделий из сырцового стали методами их цементации и заковки, начавшее широко применяться с XII–XI вв. до н.э. (кстати, такой же двухвековой разброс, который тоже вполне уместно будет записать в принятой на этих страницах нотации – 1200-1000 гг. до н.э.), – некоторые социумы также откликнулись довольно необычными реакциями, плохо укладывающимися в чисто осевое представление мира. Однако эти реакции мы обсудим чуть позже в следующих этюдах данной хронографии.

Итак, похоже, что на роль ведущего процесса постосевой инхроники с полным на то правом претендует спонтанный процесс развития металлургии железа, ставший фатальным во многих своих узловых точках после открытием сыродутного способа выплавки железа из руды в ~1600 г. до н.э. и изобретения сыродутного горна, скорее всего, в ~1500 г. до н.э. Однако в данном спонтанном потоке развития явно не хватает события-источника инхроники. Да, металлургия железа и далее очень даже неплохо развивалась и продолжает развиваться: и различные присадки, легирование, коксующийся уголь и ферросплавы, и разнообразные конструкционные новшества от доменницы до доменной печи и современных мартенов и конвертеров, но... Во всей этой цепи непрерывного развития и усложнения технологических процессов нет ни одного *мотивационно* столь значимого события, которое могло бы серьезно, практически на эмоциональном уровне, воздействовать на подсознание людей, напугать или воодушевить их или хотя бы сильно озаботить, стимулировав таким образом их мотивационную сферу к приему соответствующего инхроимпульса, что сделало бы возможным само его прохождение из будущего. Проще говоря, людям середины II тыс. до н.э. были не очень-то интересны, чтобы не сказать – глубоко безразличны, все эти не совсем понятные им технологические перипетии будущего развития металлургии железа.

Зато их насущные проблемы в настоящем и будущем, связанные с реализациями осевых ответов, самым непосредственным образом, зачастую катастрофическим образом, задевала замена в осевом будущем третьего ВОП на ни в коей мере не оловянно-бронзовый ВШП. А смена эта в свою очередь была вызвана ставшим уже достаточно фатальным после изобретения сыродутного горна развитием металлургии железа, до которого в начальном периоде данного развития в 1600-1400 гг. до н.э. большинству осевых социумов не было никакого дела. И многие из этих социумов в данном инициальном периоде смены бронзового века железным и даже позже продолжили развиваться исключительно под осевой инхроникой. Как, например, египтяне, сразу сделавшие ставку на ВШП, и изгнавшие из своей страны гиксосов, чей осевой ответ был намертво привязан к оловянно-бронзовой торговле и, соответственно, к третьему ВОП с его окончательностями на Ближнем Востоке, в частности в Египте. Затем египтяне Нового Царства еще несколько веков бились с такой же осевой и “вшпэшной” Новохеттской империей за окончательности ВШП на средиземноморском побережье Леванта^[6]...

^[6] Первый фараон новой XVIII династии Яхмос I в первой половине XVII в. до н.э. изгоняют гиксосов из Египта (Б. М. Бонгард-Левин (ред.) “История Древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации”, Часть вторая “Передняя Азия. Египет”, М.: Наука, 1988, стр. 421-422; А. Х. Дани, Ж.-П. Мозн (ред) “История человечества. Том II. III тысячелетие до н.э – VII век до н.э.”, Издательский дом МАГИСТР-ПРЕСС, 2003, стр. 138; В. А. Якобсон “История Востока. Том 1.

Подытожим промежуточные выводы. Освоение сыродутного способа выплавки железа из руды в ~1600 г. до н.э. стимулировало спонтанный процесс дальнейшего развития металлургии железа, который во многих своих узловых точках стал уже достаточно фатальным, как минимум, вплоть до появления огнестрельного оружия у западных европейцев в XIV в. н.э., а далее (возможно, и на пару-тройку веков раньше), как увидим в следующей хронографии, в дело со всей своей инхрозой вступает совершенно другая инхроника, идущая вслед за постосевой инхроникой, но об этом пока что слишком рано говорить. В результате вот как, постепенно, век за веком фатальное развитие металлургии железа начинает отеснять оловянно-бронзовую металлургию и торговлю на вторые роли, и бронзовый век медленно, но верно, сменяется железным.

Кроме того, развитие металлургии железа, ставшее фатальным с ~1600 г. до н.э., имело своим следствием еще два *независимых* друг от друга события, связанных меж собой лишь общим “железным” причинным происхождением: 1) в осевом инхроническом будущем оловянно-бронзовый третий ВОП тотчас, прямо в ~1600 г. до н.э., сменяется универсальным в торговом отношении ВШП, не привязанным ни к оловянным месторождениям, ни к бронзовым металлургическим центрам; и 2) в том же ~1600 г. до н.э. к некоему социуму на просторах Евразии проходит постосевой инхроимпульс, который на первый взгляд вроде бы должен был исходить от ставшего фатальным процесса развития черной металлургии, однако до конца Средневековья не имеется (во всяком случае, не наблюдается) никакого принадлежащего данному процессу события, которое в силу своих мотивационных характеристик и возможностей могло бы выступить в роли источника постосевого инхроимпульса для осевого евразийского населения ~1600 г. до н.э.

С первым событием мы уже худо-бедно разобрались. Что же касается прохождения постосевого инхроимпульса, то если импульс не имел возможности пройти напрямую от процесса спонтанного фатального развития металлургии железа, тогда почему бы ему не пройти от какого-нибудь другого зависимого от металлургии железа процесса, который точно так же стал бы во многом фатальным, но только после того как сам процесс развития черной металлургии приобрел бы достаточно фатальный характер? Ведь развитие металлургии само по себе довольно сильно определяет возможности развития самых разных культурных, производственных и экономических процессов в обществе, как спонтанных, так и ответных на инхронику. Вспомним хотя бы связку развития медной и бронзовой металлургии с процессом становления ирригационных хозяйств в аридной инхроzone, когда каждый из этих процессов стимулировал развитие другого – непосредственно причинно ли, или через потребности, в данном случае не имеет особого значения.

Таким процессом вполне мог бы быть более общий, чем металлургическое развитие, процесс накопления и использования научно-технических знаний, т.е. научно-технический прогресс (НТП), который в те древние времена и даже еще в средневековье весьма сильно зависел от уровня метал-

Восток в древности”, М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2002, стр. 175), положив тем самым конец второму переходному периоду от Среднего царства к следующей в египетской культуре эпохе Нового царства. С этого времени Египет в значительно большей мере открывается миру и в политике и в торговле, а его фараоны переходят к активной завоевательной политике в Палестине на севере и в Нубии на юге. Про оловянно-бронзовую торговлю, третий ВОП и его окончательности на Ближнем Востоке см. в тринадцатом этюде предыдущей Хронографии №4.

лургических знаний и освоения передовых металлургических технологий, создававших благоприятные условия для развития самых разных наук, в первую очередь химии и физики, причем как в области эмпирико-интуитивных основ этих наук, так и созданием более качественных инструментов (возможно, сооружений) для дальнейшего научного и технологического совершенствования экспериментальных исследований, с последующим применением этих инструментов уже не только в металлургии или в каких-то других физико-химических технологиях, но и в практике самого широкого спектра областей научно-технологического развития общества и, в конечном счете, в быту. Например, более острые и прочные инструменты из стали способствовали улучшению качества деревообработки, ее ускорению и облегчению, что стимулировало развитие судостроения, а значит и всех связанных с судостроением и судовождением теорий, практик и технологий: навигации, астрономии, географии, торговли, такелажно-парусного вооружения судов, управления ими, первых эмпирических основ гидродинамики и аэродинамики и пр. и пр. Вот что значит острое хорошо, а главное вовремя, заточенное долото, стамеска или рубанок...

Таким образом, если спонтанный процесс НТП так же, как и совершенствование металлургии железа, с изобретением сыродутного горна становится достаточно фатальным в плане наиболее важных изобретений и открытий, то можно ожидать, что именно одно из открытий-изобретений этого ну очень уж многогранного процесса или применение на практике данного открытия-изобретения, возможно, даже целого каскадного комплекса открытий и изобретений и вытекающих из всего этого пула социальных последствий, как раз и запустило процесс прохождения постосевого инхроимпульса.

И тогда критически важным становится определение хронологических рубежей этого почти наверняка протяженного во времени события-источника в событийном потоке постосевой инхроники, чтобы можно было разобраться с ее содержанием.

Выше уже было сказано, что где-то в первой половине II тыс. начинается инхроза, следующая после постосевой. В то же время из предыдущего опыта наших инхронических изысканий мы знаем, что инхрозоны стыкуются без зазора, но не стык в стык, а, так сказать, внахлест с небольшим временным интервалом пересечения инхрозон. И, как правило, событие-источник предыдущей инхрозоны располагается именно в данном интервале пересечения. Таким образом, постосевое событие-источник по идее тоже должно было находиться в первой половине II тыс. С другой стороны, именно в этом интервале, точнее, в самом его конце, расположено начало одного из важнейших и переломных периодов в истории человечества, который принято называть периодом Великих географических открытий, который протекал с конца XV в. (открытие европейцами Америки) до середины XVII в. (открытие европейцами Австралии). Открытия наших землепроходцев на востоке Евразии от похода Ермака в Западную Сибирь до выхода землепроходцев к берегам Тихого океана также лежат в этом периоде.

Казалось бы, все, мы нашли искомое событие-источник постосевой инхроники – это последовательность Великих географических открытий, принадлежащих событийному потоку научно-технического прогресса (НТП). К тому же и с мотивационной силой здесь все в полном порядке – такое будущее событие-источник, особенно ее не научная, а экспансионистская часть (экспансия западных европейцев на весь мир), не могло не взволновать население в любом уголке планеты в любую эпоху. Но не все так

просто... Следует сразу оговориться, что Великие географические открытия протекали уже под знаком двух инхроник: постосевой и следующей за ней. Поэтому трудно судить, как они на самом деле выглядели бы в отсутствие инхроники, следующей за постосевой.

Небывалый взлет НТП после XV-XVI вв., продолжавшийся почти до наших дней, явно определялся этой новой следующей за постосевой инхроникой. Поэтому нам сейчас следует не столько обращать внимание на масштаб и значимость Великих географических открытий, сколько присмотреться к предыдущему до XV в. неспешному постосевому протеканию НТП, создавшему технологическую основу для совершения этих открытий уже в следующей инхроне.

В основе же лежали достаточно крупные парусные корабли, приспособленные к длительному плаванию в открытом море и перевозке довольно больших партий груза и/или немалого числа людей. В Европе такие корабли стали появляться, начиная с нефов, перевозивших крестоносцев в Святую Землю, которые со временем переросли в каравеллы и каракки Колумба, Васко да Гамы и Магеллана, а затем и в последовавшие по их следам галеоны, вооруженные целыми палубами пушечных батарей^[7]. Китай же, как всегда, шел свойственным ему одному особым путем, задолго до Великих географических открытий на века опережая все остальные страны, регионы и цивилизации своим научно-техническим развитием, в том числе и в деле строительства сверхкрупных кораблей. Тогда как отрезанная от океанов (кроме Северного Ледовитого) Россия своими землепроходческими и торговыми маршрутами намного позже всех остальных принялась активно пробиваться к океанским побережьям и вышла к одному из них на Тихом океане в самом конце эпохи Великих географических открытий...

Поэтому в отсутствие инхроники, следующей за постосевой, итогом медленного постосевого НТП в том же интервале XV-XVII вв., скорее всего, стали бы не Великие географические открытия, а только динамически меняющихся в зависимости от природных условий и конкретных политико-экономических ситуаций гибкая глобальная сеть морских транспортных маршрутов, если необходимо, далеко проникающих в крупные массивы суши по судоходным артериям больших полноводных рек. Хотя весьма вероятно, что не столь значительные географические открытия все-таки сопровождали бы и данный неспешный процесс, причем совершались бы они параллельно многими странами и народами... Тем более что подобные транспортные водные маршруты и в самом деле пытались пробиваться в реальной истории еще с викингов, крестоносных времен и до эпохи Великих географических открытий, включая и ее. И возникали, и исчезали... – и если в осевой инхроне смена ВОП была экзотикой, а зачастую и катастрофой, в постосевых ответах становилось нормой, гибкость и динамика которой были порождены одной лишь заменой глобальных осевых сухопутных исключительно *торговых* маршрутов на глобальные же постосевые водные многофункциональные *транспортные* маршруты.

И, пожалуй, самым известным среди этих воднотранспортных маршрутов, одним из первых реализованный в полном объеме, был проложенный португальцами морской путь из Европы в Индию и Китай вокруг Африки, который победил конкурировавший с ним, а затем исчезнувший (точнее, так и не успевший толком до конца установиться), другой более короткий и прямой водный путь от берегов Англии, и далее: Балтика - Волга -

^[7] В. И. Сержин "Все о парусных кораблях", Вильнюс: UAB «Bestiary», СПб.: ООО «СЗКЭО», 2014, стр. 41-53.

Каспий - короткий сухопутный участок до Тигра и Евфрата по ирано-иракским территориям - Персидский залив - Индия - Индокитай и до Южного Китая.

И еще один любопытный штрих, подтверждающий, что вершиной постосевой инхрозоны были не экспансия времен географических открытий и колонии, а именно воднотранспортные пути – Португалия, в начале XV в. еще до проникновения на Иберийский полуостров новой следующей после постосевой инхроники начавшая свое упорное продвижение на восток вдоль берегов Африки, таким образом реализовывала в постосевой инхроzone в основном чисто постосевой воднотранспортный ответ, особенно на первых порах. В то время как несколько позже вышедшая в океан Испания решала уже новые экспансионистские колониальные задачи, поставленные перед ней новой инхроникой, следующей за постосевой, что и стало главной причиной конфликта меж двумя этими странами, инхронического по своей глубинной природе, и раздела в 1494 г. океанских сфер экспансии и завоеваний между Испанией, за которой остался Запад с Америкой, и устремленной на Восток в Индию и Китай Португалией. А потом небо вспороли голландские и английские мачты, и гонку выиграла Англия...

Про Китай пока что не говорим, да и вообще... Кажется, мы слишком уж увлеклись и отвлеклись, забегая вперед без особой на то необходимости, отчего и возникают столь странные словосочетания, как “следующая за постосевой инхроникой”. Сейчас для нас главное – всего лишь зафиксировать основные положения инхронической модели постосевой инхрозоны:

1) С открытием сыродутного способа металлургической выплавки железа из руды в ~1600 г. до н.э., развитие металлургии железа и всей металлургии в целом приобретает фатальный характер как минимум до первой половины II тыс. – пока что предполагаемого времени начала инхрозоны, следующей после постосевой.

2) Вместе с металлургией фатальным становится и научно-техническое развитие (НТП) человечества в целом.

3) В том числе и судостроение, и судовождение – ветвь НТП.

4) В результате данного фатального развития водного транспорта за несколько веков до XV в. на западе в Европе и на востоке в Китае появляются парусные корабли большого водоизмещения и, соответственно, грузоподъемности, обладающие высокими мореходными качествами, в том числе и повышенной остойчивостью, способные к длительному плаванию в открытом море.

5) Синхронно с этим постепенно, вначале один затем другой, пытаются возникать глобальные торговые воднотранспортные пути. Со стороны Европы одним из таких возможных путей был водный путь из Средиземноморья в Красное море и Индийский океан через небольшую сухопутную суэцкую перемычку между Средиземным и Красным морями, который пытались наладить еще крестоносцы, но так и не смогли довести это дело до конца из-за начала масштабного наступления монголов на западные страны. Другим – Балто-Волго-Индийский путь, который с XIII в. усиленно развивает Ганза на Балтике и в Северо-Западной Руси, а много позже и Россия, но и этот путь начинает терпеть крах в эпоху Великих географических открытий, поскольку с конца XV в. появляются океанские транспортные трассы, по которым западные европейцы начинают осуществлять массовую экспансию на другие континенты и в течение нескольких веков распространяются почти по всему миру, попутно ликвидируя конкурирующие с ними глобальные

воднотранспортные пути постосевого происхождения, как уже существующие, так и, возможно, еще только планируемые постосевыми ответами, заменяя их своими морским и океанскими транспортными путями. Балто-Волго-Индийский путь окончательно сходит с геополитической авансцены после проигрыша России в Ливонской войне.

6) В результате финалом и вершиной постосевой инхрозоны становится возникновение глобальной мировой сети воднотранспортных путей в виде морских, океанских и речных трасс, реализованная в основном западноевропейскими странами (отчасти и Россией вдоль северного побережья Евразии) в эпоху Великих географических открытий в XV-XVII вв., правда, уже под действием инхроники, следующей за постосевой. Поэтому, что из себя представляла бы эта сеть в чисто постосевом исполнении, можно только догадываться. И все же, если в следующих этюдах мы где-то скажем, что постосевой инхроимпульс пришел от Великих географических открытий, то будем иметь в виду именно так и не реализованную в своем истинном облике воднотранспортную постосевую сеть, о структуре которой нам известно не так уж и много: успевшие проявить себя в исторической действительности средиземноморские и волжские трассы на западе Евразии, полностью реализованный атлантический маршрут вокруг Африки... - вот, пожалуй, и все.

7) Таким образом, именно от фатального события-источника возникновения в XV-XVII вв. глобальной воднотранспортной постосевой сети, а не от Великих географических открытий самих по себе, и был получен постосевой инхроимпульс осевым население Евразии в ~1600 г. до н.э., для которого замена глобальных сухопутных торговых трасс на воднотранспортные маршруты была жизненно важной, особенно для населения, проживающего вдоль главной континентальной трассы третьего ВОП. Как видим, и с мотивационных позиций данное событие-источник постосевой инхроники также не вызывает возражений.

8) Событием же, способствующим прохождению постосевого инхроимпульса в ~1600 г. до н.э., так называемым триггером, становится изобретение сыродутного горна, скорее всего, в Анатолии. При том что за развитием воднотранспортной сети, выступавшей в роли *внешнего* ведущего потока постосевой инхрозоны, стояла целая череда процессов: металлургия-НТП-судостроение, в которой каждый предыдущий процесс причинно обуславливал следующие. И все же корнем всего этого постосевого медленно прогрессирующего развития и главным причинным фактором, главным двигателем всего и вся, продолжал оставаться процесс развития металлургии железа, особенно на первых этапах постосевой инхрозоны. Со временем эта роль постепенно переходит к более общему процессу НТП в целом, и в частности к его отдельным ветвям – судостроению и морской навигации, – напрямую влиявших на процесс возникновения, становления и развития воднотранспортной сети. Поэтому в качестве ведущего потока следует рассматривать всю совокупность причинно связанных процессов: металлургия-НТП-судостроение-сеть глобальных воднотранспортных путей, как единый ведущий поток, в котором процесс зарождение и развитие глобальных воднотранспортных путей является всего лишь вершиной и мотивационно наиболее активным потоком, внешним относительно остальных более значимых глубинных процессов единого ведущего потока. И если на первых парах постосевой инхрозоны чаще наблюдаются синхронизмы в ответах ведомых социумов с развитием металлургии железа, то в середине инхрозоны это уже могут быть синхронизмы с некоторыми открытиями или изобрете-

ниями НТП всего человечества, на первый взгляд к воднотранспортному развитию прямого отношения не имеющими, а ближе к концу инхрозоны – уже с новациями в судостроении и судовождении и с событиями установления самих воднотранспортных путей. Однако это всего лишь тенденция, на самом же деле на любом участке постосевой инхрозоны могли возникать синхронизмы ответов ведомых социумов с любым из вышеперечисленных процессов развития, составляющих единый ведущий поток.

Как видим, одним из примечательных отличий постосевой инхрозоны от осевой инхрозоны является ориентация осевой инхроники в основном на сухопутные маршруты глобальных торговых путей, а постосевой – на водные маршруты глобальных торгово-транспортных путей. Но это чисто внешне, более же глубинное и значимое отличие заключено в том, что главным истоком осевой инхроники было развитие цветной металлургии и рост потребности в ней с параллельным ростом потребностей самой цветной металлургии (в оловянных месторождениях прежде всего), а постосевой – развитие черной металлургии и рост ее причинного воздействия на множество сфер деятельности человека. То есть во главе угла осевой инхрозоны располагались потребности и цели (надо полагать, ввиду ее тотального пересечения с аридной инхрозоной), а постосевой – фактор спонтанного причинного развития уже достаточно сложной единой системы всего человечества.

ВТОРОЙ ЭТЮД: «Народы моря»

Теперь же займемся вопросами, связанными с прохождением постосевого инхроимпульса: где, в каком регионе, каким этнокультурным образованием он был получен? В конце предыдущего этюда в пункте 7) уже говорилось о повышенном мотивационном внимании населения, проживающего на центральном степном участке главной трассы третьего ВОП между Алтаем и Волго-Уралем, к разного рода коллизиям на маршрутах торговых путей, а значит, и к смещению акцента с сухопутных континентальных торговых трасс осевой инхрозоны на водные торгово-транспортные постосековые трассы. Не менее значимым, если не более, для этого скотоводческо-металлургического населения срубно-андроновского культурного происхождения являлся и переход с оловянно-бронзовой металлургии на металлургию железа. Кроме того, здесь в евразийских степях наиболее зримо и выпукло, прежде многих других регионов, проявился распадный характер осевых культурных процессов местных сообществ вскоре после прохождения постосевого инхроимпульса. Конечно, и здесь распадные реакции социумов можно было бы попытаться объяснить изменением осевого будущего с третьего ВОП на ВШП, как мы это делали ранее в предыдущей хронографии, где похожие переходы с одного ВОП на следующий были поименованы осевыми метаморфозами. Тем более что в некоторых регионах подобная интерпретация культурно-исторических процессов в начале постосековой инхрозоны выглядит еще более уместной.

К примеру, в Анатолии у хеттов где-то в это же время 1500-1400 гг. до н.э. при переходе с Древнего Царства к Новохеттской империи^[1] происходили похожие распадные процессы, и Хатти сократилась до размеров Центральной Анатолии, однако хетты нашли в себе силы заново собрать державу и расширить ее до еще больших размеров. И данный культурно-инхронический кульбит как раз-таки отлично вписывается в переход хеттов от осевых ответов третьего ВОП к ответам, связанным с ВШП. Впрочем, как и в других странах Ближнего Востока и даже в далеком Китае, где переходные процессы носили кратковременный характер – или спад осевой инхроэнергетики с последующим восстановлением на еще более высоком уровне, или даже скачок уровня осевой инхроэнергетики без каких-либо предварительных спадов. Переход на ответы ВШП вполне в состоянии и в достаточной мере объяснить именно такие модели поведения пока все еще чисто осевых социумов. И это коренным образом отличает их от окончательного и бесповоротного распада срубных и андроновских племен, которые наверняка среди всего прочего и *главного* тоже пытались хоть как-то приспособиться к универсальной торговле ВШП, но что-то перебило эти их потуги.

Таким образом, с ~1600 г. до н.э. и, как увидим, далее вплоть до XII–XI вв. до н.э. ни на Ближнем Востоке, ни в Китае постосековой инхроники даже близко не было и все наблюдаемые культурно-политические пертурбации вполне понятно и внятно объясняются сменой третьего ВОП на ВШП в осевом инхроническом будущем. Европа в общем-то тоже показывает более

^[1] О сложностях датировки по письменным источникам перехода с Древнего Царства хеттов к их Новохеттской державе и самой наиболее вероятную датировку (XV в. до н.э.) см, например, в Б. М. Бонгард-Левин (ред.) «История Древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации», Часть вторая «Передняя Азия. Египет», М.: Наука, 1988, стр. 142-143.

поздние признаки присутствия постосевого инхроники – лишь с XIV–XIII вв. до н.э. (см. ниже). И только полный распад срубно-андроновской общности демонстрирует, что в мир вошло что-то совершенно новое, в корне несовместимое с предыдущим осевым историческим предназначением этого огромного степного-лесостепного образования – обеспечивать безопасность глобальных сухопутных торговых маршрутов способом этнокультурного единства больших территорий...

Суммируя все сказанное, а особенно мотивационные моменты, приходим к выводу, что, скорее всего, постосевого инхроимпульс был получен в ~1600 г. до н.э. срубными или андроновскими племенами, проживающими между Алтаем и Волго-Уралем, интересам которых (оловянно-бронзовому производству и колесно-транспортной среде третьего ВОП) осевой-постосевого переход угрожал намного больше, чем интересам обитателей остальных не столь континентальных оловянно-бронзовых торговых регионов планеты.

Попробуем несколько сузить область поиска социума-приемника постосевого инхроимпульса. Много говорит о том, что наилучшими шансами на получение постосевого инхроимпульса располагало федоровское население Восточного Казахстана, граничащего с Алтаем, т.е. там, где располагались текущие базовые месторождения олова третьего ВОП вблизи водной торговой трассы Иртыша (см. в предыдущей Хронографии №4). Действительно, здешнее олово в постосеовом будущем становилось, мягко говоря, не очень-то востребованным, что несло в себе вполне определенную и сильную угрозу осевому ответу федоровцев верховий Иртыша и ставило под удар саму их будущность. Так что с мотивацией к приему постосевого импульса у них было все более чем в порядке. С другой стороны, иртышская водная трасса по идее доходит аж до Обской губы и Карского моря, и в будущем (с XVII в.) оттуда доходила бы и до Архангельска, а далее можно было бы хоть в Москву, хоть в Лондон, но... зачем? Данный воднотранспортный канал в рамках постосеовой инхрозоны вплоть до того же XVII в. мало что решал и мало кому был нужен. Самая обидная, а главное, совершенно неожиданная, “бесперспектива”, которая начисто перечеркивала все мотивационные преимущества федоровцев – угрозы угрозами, но, получается, что они просто-напросто не располагали необходимым и достаточным ресурсом для формирования адекватного ответа на постосеовой инхроимпульс, и вроде бы никак не могли принять его. Разве что взяв на вооружение ответ миграцией, причем очень далеко... В принципе обычное распространенное решение, когда ничего другого не остается.

Однако, мигрировав, пришлось бы оставить алтайский оловянный ресурс, который еще лет этак пятьсот оставался на гребне спадающей осевой волны оловянно-бронзовой ЕАМП (Евразийской металлургической провинции), как принято называть самый главный участок третьего ВОП между Алтаем и Днепром, ставший, таким образом, именно замкнутой металлургической провинцией только на заключительной фазе существования ЕАМП во второй половине II тыс. до н.э. уже без самого третьего ВОП. И все это, т.е. переформатирование ЕАМП в замкнутую металлургическую провинцию, скорее, напоминает новый осевой ответ, чем постосеовой, но уже не на третий ВОП в осевом инхроническом будущем, а на ВШП в нем же. И без активного участия сменивших свой осевой ответ федоровцев, в результате распавшихся как этнокультурная общность, т.е. переставших быть федоровцами, которые “сидели” на алтайском олове, такое переформатирование вряд ли было бы возможным.

А теперь подойдем к нахождению конкретного места прохождения постосевого инхроимпульса с противоположного края – со стороны срубного населения Волго-Уралья. Угрозы здесь были схожи с теми, что и на Алтае, только вместо оловянных запасов выступали большие медные запасы Урала и Средней Волги, которые в постосеовом будущем также остались бы не до конца востребованными. Таким образом, мотивационный стимул к приему постосеового инхроимпульса здесь был такой же, как у федоровцев, только существенно более слабый, из-за того что медные месторождения в природе встречаются гораздо чаще, чем оловянные. Зато с ресурсными возможностями адекватно ответить на постосеовую инхронику у волго-уральских срубников все обстояло как нельзя лучше, поскольку рядом протекала Волга, великолепная водная магистраль, с одной стороны впадающая в Каспийское море, а с другой – верховьями своими выходящая к бассейну Балтийского моря. В сложившейся ситуации лучшей водной артерии и представить невозможно. Мало того, водная трасса Балтика-Волга-Каспий была одним из важнейших участков того самого водно-сухопутного глобального транспортного пути Балтика - Волга - Каспий - Персидский залив - Индия - Китай, соединяющим три океана, о котором уже говорилось в предыдущем этюде.

Сейчас самое время отметить еще одну особенность постосеовой инхроны, роднящую ее с осевой инхрозоной. Фатальным было возникновение в постосеовом будущем только самой воднотранспортной сети, но многие составляющие ее конкретные пути при этом оставались в лучшем случае лишь условно фатальными. То есть входящие в сеть пути могли присутствовать в постосеовом будущем с некоторой долей вероятности их реализации в реальном будущем, пусть иногда и с достаточно большой долей, но тем не менее их возникновение ни в коей мере не было фатальным событием, а определялось только *успешной* ответной активностью формирующих данный конкретный путь социумов, в результате чего вероятность возникновения такого воднотранспортного пути в реальном будущем постоянно варьировалась во времени. И одним из таких условно фатальных трасс как раз и был воднотранспортный участок Балтика-Волга-Каспий.

Таким образом, мы видим ситуацию, в которой федоровцы на Алтае обладали сильнейшей мотивацией к приему постосеового инхроимпульса, но не располагали достаточной ресурсной поддержкой для формирования и реализации адекватного ответа на него. В то время как мотивация срубников Волго-Уралья к приему постосеового инхроимпульса была слабее из-за большей распространенности меди в природе чем олова, зато они располагали таким мощным ресурсом для реализации самых разнообразных постосеовых воднотранспортных ответов, как возможная и даже очень вероятная в постосеовом будущем балто-волго-каспийская водная магистраль. Так, может быть, существовал какой-то способ объединить все плюсы срубных и федоровских условий к приему постосеового инхроимпульса и тем самым нивелировать минусы? Да, такая возможность и в самом деле имелаась, и называлась она осевой ЕАМП.

Так как по нашим предыдущим геоинхроническим раскладам срубно-андроновские племена представляли собой некую этнокультурную общность, а именно, иранскую, реализовывавшую единый осевой ответ по безопасной и эффективной транспортировке самых различных товаров, прежде всего олова и бронзы, по степной-лесостепной колесно-транспортной среде от Алтая до Днепра, обычно именуемой ЕАМП, то обладавшие наибольшей постосеовой мотивацией федоровцы вполне могли воспользоваться данным

обстоятельством и в поисках постосевого ресурса сделать ставку не на иртышскую воднотранспортную трассу, по постосевым меркам ведущую в никуда, а на балто-волго-каспийскую транспортную артерию. Тем более что федоровцы как бывшие катакомбники и посткатакомбники в основной своей массе имели неплохие представления о воднотранспортных возможностях Волги и Каспия (еще раз повторю обо всех этих этнокультурных перипетиях подробнее говорится в этюдах предыдущей Хронографии №4).

Да и хронология распада срубных и андроновских племен, также говорит о том, что постосевой ответ (надо полагать, балто-волго-каспийский) вместе осевым ответом постепенно замыкающейся ЕАМП (ответ на ВШП в осевом инхроническом будущем), которая в новых инхронических условиях пыталась заново сплотить население бывшего главного степного и лесостепного участка третьего ВОП прежними экономическими торгово-металлургическими связями, в том числе и колесно-транспортной средой, распространялись с востока на запад: федоровская культура исчезает в Зауралье, Барабинской лесостепи и Минусинской котловине в 1500 г. до н.э.; алакульская в Зауралье – в 1450 г. до н.э.; срубная в Предуралье – в 1400 г. до н.э.^[2] В это же время ~1400 г. до н.э. срубная культура исчезает и на Нижней Волге^[3]. Как, впрочем, и во всем Донецко-Дона-Волжском регионе^[4], но только с одной отличительной чертой – в самой западной части данного региона, т.е. в Доно-Донецком междуречье, срубная культура к ~1400 г. до н.э. не исчезает окончательно. Просто один ее вариант – покровская культурная разновидность – сменяется здесь другим срубным культурным типом – так называемым маевским, – который в западном направлении примерно в то же самое время доходит до Днепра, где близ Днепропетровска расположен эпонимный памятник этого срубного культурного варианта Верхняя Маевка^[5], а местами и еще дальше – до Ингула.

Пока что остается под вопросом, где конкретно зародился маевский срубный культурный тип в ареале своего распространения на степных просторах между Доном и Днепром с XV в. до н.э. по XIII в. до н.э. Единственное, что можно сейчас сказать по этому поводу с точки зрения инхронического подхода, так это предположить, что маевский тип зародился в XV в. до н.э. в процессе дрейфа постосевой инхроники с федоровским балто-волго-каспийским (или короче – с волжским) постосевым ответом от Дона на запад до Днепра, скорее всего, сопровождающегося формированием на этих территориях еще и какого-то нового постосевого ответа вместо прежнего волжского. В рамках инхронического подхода только этим и можно

^[2] В. И. Молодин, А. В. Епимахов, Ж. В. Марченко “Радиоуглеродная хронология культур эпохи бронзы Урала и юга Западной Сибири: принципы и подходы, достижения и проблемы”, Вестник НГУ, Серия: История, филология, Т. 13, Вып. 3: Археология и этнография, 2014, стр. 136–167, Рис. 2.

^[3] О. В. Сергеева “Анализ поселений эпохи поздней бронзы Нижнего Поволжья (типы, площадь, плотность заселения региона)” в В. А. Лопатин (ред.) “Археология Восточно-Европейской степи”, Вып. 5, Саратов: Научная книга, 2007, стр.119–136, на стр. 120. Если срубная культура существовала на Нижней Волге в XVI–XV вв. до н. э., а время ее существования здесь оценивается “согласно современной хронологической шкале около двухсот лет” (стр. 119), то в нашей хронологической нотации это и означает, что время исчезновения срубной культуры на Нижней Волге приходится на ~1400 г. до н.э.

^[4] Ю. М. Бровендер “Металлопроизводство покровско-мосоловской срубной культуры эпохи поздней бронзы Доно-Донецкого региона”, ВІСНИК СХІДНОУКРАЇНСЬКОГО НАЦІОНАЛЬНОГО УНІВЕРСИТЕТУ імені Володимира Даля, № 5 (246), 2018, стр. 11–21, на стр. 11.

^[5] І. Ф. Ковальова, С. С. Волкобой “Маївський локальний варіант зрубної культури”, Археологія, Вип. 20, 1976, стр. 3–22.

объяснить то, что срубная культура между Доном и Днепром не исчезает раз и навсегда, а лишь один ее тип (или типы) сменяется другим. И тогда более естественным и предпочтительным выглядит вариант, в котором новый постосевой ответ был сформирован и перешел в стадию реализации прямо на Дону, и дальше на запад постосевая инхроника распространялась уже вместе с этим новым ответом на нее.

Мы и далее по возможности будем избегать применения введенных В. В. Отрощенко термина и понятия “бережновско-маевская срубная культура”^[6], по причине существенной хронологической отдаленности бережновского срубного горизонта, существовавшего в совсем других культурно-исторических и даже инхронических (этнокультурный ответ на осевой третий ВОП) условиях в Поволжье раннесрубных времен начала позднего бронзового века^[7], от позднесрубных сообществ маевского срубного культурного типа, датируемых ближе к концу периода поздней бронзы в Днепро-Донском регионе, одновременно реализовывавших и осевой ответ замыкающейся ЕАМП, и некий новый постосевой ответ, отличный от балто-волго-каспийского, который мы подробно обсудим чуть ниже. В свое время, оценивая концепцию бережновско-маевской срубной культуры, наш известный специалист по срубной культуре волго-уральской лесостепи В. С. Горбунов:

“...отмечает, что при выделении В. В. Отрощенко двух вариантов этой культуры (маевского и бережновского) следовало бы дать более подробное обоснование самого названия, вновь выделяемой им срубной культуры, как впрочем и ее вариантов, что «позволило бы снять у читателя впечатление некоторой искусственности в ее названии и содержании»»^[8].

К тому же данная концепция так и не получила всеобщего признания^[9]. И тем не менее понятие “бережновско-маевская срубная культура” до сих пор продолжает активно использоваться в научной археологической периодике:

“Изложенные В. В. Отрощенко построения оказывают серьезное влияние на всю последующую разработку в украинской археологии проблематики срубной культурно-исторической общности применительно к бассейну Северского Донца, что прежде всего проявилось в работах его многочисленных учеников (Ю. М. Бровендер, Р. А. Литвиненко, В. В. Цимиданов, А. С. Усачук и др)”^[10].

Выше уже было сказано, что бережновский локальный вариант бережновско-маевской срубной культуры сложился много раньше, чем маев-

^[6] В. В. Отрощенко “К истории племен срубной общности” в А. Д. Пряхин и др. (ред.) “Археология восточноевропейской лесостепи: Доно-Донецкий регион в эпоху бронзы”, Вып. 17, Воронеж: Воронежский государственный университет, 2003, стр. 68–96.

^[7] Н. К. Качалова “Ранний горизонт срубных погребений Нижнего Поволжья”, Советская археология, Вып. № 3, 1978, стр. 69–79.

^[8] Цитата, кратко передающая общий смысл оценки В. С. Горбунова, приведена по О. А. Максимова “Бытовые памятники срубной культурно-исторической общности бассейна Северского Донца в оценке украинских исследователей первого десятилетия XXI столетия”, Вестник ВГУ, Серия: история. политология. Социология, № 1, 2013, стр. 119–125, на стр. 120. См. также В. С. Горбунов “Срубная общность Восточной Европы”, Уфа: изд-во БГПУ, 2006, стр. 107–110.

^[9] См., например, в В. А. Лопатин “Смеловский могильник: модель локального культурогенеза в степном Заволжье (середина II тыс. до н. э.)”, Саратов, 2009, стр. 225–230.

^[10] О. А. Максимова “Бытовые памятники срубной...”, стр. 120.

ский тип^[11]. И хронологический водораздел между двумя этими типами в XV в. до н.э. как раз и разделяет бережновско-маевскую срубную культуру на два периода: первый бережновский и второй маевский. Или, как пишет Р. А. Мимоход, рубеж XV в. до н.э. является *terminus ante quem* для первого периода бережновско-маевской срубной культуры^[12]. А поскольку сейчас мы занимаемся исключительно культурно-инхроническими процессами XV в. до н.э. и последующих веков II тыс. до н.э., то будем и далее без обиняков называть бережновско-маевскую срубную культуру (как несколько искусственное образование) второго периода ее существования маевской срубной культурой, появившейся на том же рубеже XV в. до н.э. (или в нашей нотации в ~1450 г. до н.э.), и завершившейся в XIII в. до н.э.^[13]

Таким образом, имеем следующую картину прохождения постосевого инхроимпульса. В ~1600 г. до н.э. он, скорее всего, был получен федоровцами Алтая, или иначе – верхнего Обь-Иртышья, – которые начинают одновременно формировать сразу два ответа: осевой ответ созданием замкнутой ЕАМП, которая только своим среднеазиатским участком соприкасалась бы с будущим ВШП, и постосевой ответ балто-волго-каспийской воднотранспортной трассой вместе с подсоединением к ней Алтая и в целом Западной Сибири посредством развитых *сухопутных* торговых связей внутри самой ЕАМП. Формирование данных двух ответов, принадлежащих двум разным инхроникам, завершается в ~1500 г. до н.э., и они тотчас начинают дрейфовать с востока на запад и в ~1400 г. до н.э. уже проявляются у срубников Предуралья в исчезновении здесь срубной культуры. А до того еще в ~1450 г. до н.э. постосевая инхроника и комбинация двух этих ответов (постосевого балто-волго-каспийского с осевым ЕАМП) успевают проникнуть дальше на запад до Днепра, что отражается в зарождении в Днепро-Донском регионе первых ростков маевской срубной культуры, к ~1400 г. до н.э. сменившей здесь предыдущие варианты срубной культуры.

Как видим, постосевая инхроника в ~1450 г. до н.э. вплотную подступает к самому западному краю срубно-андроновского иранского мира. И если постосевой балто-волго-каспийский ответ (впрочем, как и осевой ответ замкнутой ЕАМП) населением андроновских степей и лесостепей, а уж тем более срубниками Волго-Уралья, по вполне понятным причинам был принят без каких-либо особых затруднений и возражений, то за Доном складывается уже несколько иная постосевая инхроническая ситуация, внешне вылившаяся в совсем другой сценарий схода срубной культуры с исторической сцены. Нет, осевой ответ замкнутой ЕАМП, судя по наблюдаемым археологами границам этой металлургической провинции во второй половине II тыс. до н.э., быстро переняли и здесь и, видимо, по тем же торгово-металлургическим причинам – в данном случае исходя из уже давно сложившихся осевых торгово-металлургических связей добывающих медь горно-металлургических и металлообрабатывающих центров Донецкого края с другими областями и центрами ЕАМП. А вот с постосевым балто-волго-каспийским ответом за Доном что-то пошло не так...

В результате осевая по происхождению срубная культура, выросшая как западная ветвь осевого этнокультурного ответа на третий ВОП, а также алакульская и федоровская культуры восточной андроновской ветви того же

^[11] См. еще и в Ю. А. Черниенко “Сабатиновская культура в системе древностей бронзового века юга Восточной Европы”, *Stratum plus*, №2, 2014, стр. 15–112, на стр. 59.

^[12] Р. А. Мимоход “Радиоуглеродная хронология блока посткатакомбных культурных образований”, КСИА, Вып. 225, 2011, стр. 28–53, на стр. 39.

^[13] Там же.

ответа, до Дона без каких-либо особых проблем просто замещаются рядом постосевых региональных *постсрубных* культур, например, такими как хвалынская культура валиковой керамики в Нижнем Поволжье^[14], или даже культурами совсем иного *несрубного* происхождения, обычно пришлого, как кобяковская культура в Низовьях Дона, имеющая северокавказские культурные корни^[15]. В то время как на территориях от Дона до Днепра срубная культура покровской и иных возможных здесь разновидностей замещается зародившейся в данном регионе маевской культурой *нового срубного* же типа, но уже постосевого инхронического происхождения.

Но почему и откуда в постосевой инхроне могло возникнуть столь различное адаптивное ответное культурное поведение населения степной-лесостепной зоны от Енисея до Днепра? Чем же таким уж особенным сообщество Днепро-Донского междуречья отличалось от других постосевых сообществ данного обширного евразийского региона? Для ответа на эти вопросы следует вспомнить о главном мотивационном ядре постосевой инхроники, о ее внешнем ведущем потоке, т.е. о будущей глобальной сети воднотранспортных путей. С точки зрения постосевого инхронического будущего население Днепро-Донского междуречья отличалось от других постосевых евразийских сообществ разве что только тем, что последние, реализуя балто-волго-каспийский постосевой ответ, главным образом опирались на водные ресурсы балтийского и *каспийского* бассейнов, в то время как реки степи и юга лесостепи Восточной Европы от Дона и далее на запад до Дуная уже принадлежали *азовско-черноморскому* бассейну. А Дон как раз и был первой рекой азовско-черноморского бассейна на пути дрейфа постосевой инхроники с востока на запад...

Как мы знаем, Каспийское море, являясь озером, не имеет непосредственной связи ни с одним из океанов планеты. Тогда как Черное море и связанное с ним Керченским проливом Азовское море через проливы Босфор и Дарданеллы (с Мраморным морем между ними) напрямую сообщаются со Средиземным морем, которое в свою очередь Гибралтарским проливом соединяется с Атлантическим океаном – частью Мирового океана. Такой вот неожиданный небольшой урок всем известной географии...

Урок сей географический я, разумеется, тоже выучил еще со школьной скамьи, но... Я живу в Таганроге, где метрах в трехстах за окнами моей квартиры за территорией металлургического завода плещется такое же небольшое, как тот урок, Азовское море. И как-то одним ранним летним утром, когда я стоял и курил у окна меня вдруг пронзила совершенно неожиданная и в то же время нелепая мысль: так ведь там за окном, рукой подать, по сути плещутся волны Атлантического,.. да что там Атлантического – Мирового океана! Для которого Азовское море – всего лишь маленький далекий заливчик... Все же остальное – придуманные людьми разделения, границы и имена. Нет, даже не мысль, а острейшее чувство прямой непосредственной и действенной связи со всей планетой. А ведь это был всего лишь я, живущий в совершенно другой инхронической эпохе, в совсем другом культурно-инхроническом окружении сегодняшнего дня – что с нас прирожденных прагматиков взять? И что же тогда говорить о людях постосевой инхрозоны, которые все подобные водные – речные, озерные, морские, океанские... – связности должны были воспринимать и ощущать еже-

[14] О. В. Сергеева “Анализ поселений эпохи поздней бронзы, стр. 120.

[15] В. В. Потапов “Кобяковские памятники в низовьях Дона: проблемы появления и исчезновения”, Российский археологический ежегодник, № 2, 2012, стр. 287–308.

минутно и ежесекундно буквально всей кожей?! Прошу прощения за столь длинное лирическое отступление, но так нагляднее, а главное, понятнее.

Добавим еще, что Средиземное море в те постосековые времена лишь небольшой сухопутной перемычкой Суэцкого перешейка было отгорожено от Красного моря, а значит, и от Индийского океана. Дальше и тоже морем – сама Индия, и Китай – уже у берегов Тихого океана... И это был самый прямой и короткий практически целиком водный путь из Южной Европы в Индию и Китай. К тому же исторический регион Средиземноморья включает в себя еще и ближневосточные территории на западе Юго-Западной Азии и севере Африки. Вот какие воднотранспортные перспективы и возможности торгового, культурного и даже междивилизационного взаимодействия таил в себе этот “самый короткий” водный путь, а значит, и его ответвление в Черное и Азовское моря и далее на север по рекам азовско-черноморского бассейна.

Плюс ко всему впадающий в Черное море Днепр по отношению к данному пути вполне мог выступить, как его речное ответвление на север вплоть до Балтики и Северной Европы (средневековый путь “из варяг в греки”), поскольку Днепр, как и Волга, своими верховьями и верховьями своих притоков очень близко подходит к рекам балтийского бассейна. То есть Днепр точно так же, как Волга и балто-волго-каспийская водная трасса, а может, и с еще большим успехом, мог водными путями связать Балтику с Индией и Индийским океаном. Что неизбежно должно было породить противостояние между двумя исходящими из Северной Европы воднотранспортными путями: балто-волго-каспийским и путем “из варяг в греки”, морские и водно-сухопутные продолжения которых в равной степени в постосековом будущем вели в Индию, а оттуда в Китай, представляя собой конкурирующие между собой участки глобальной постосековой воднотранспортной сети. Возможно, с некоторым преимуществом второго пути, открывающим более широкое поле для воднотранспортного взаимодействия еще и в Средиземноморье. Да и Суэцкий перешеек на втором пути, по которому сегодня проходит судоходный Суэцкий канал, был много меньше сухопутной преградой, чем ирано-иракские территории от Каспия до Евфрата, а уж тем более прямо до Персидского залива, на первом пути.

Вот почему новый азовско-черноморский постосековой ответ, который пока что временно и весьма условно назовем варяжско-греческим, вероятнее всего, был сформирован еще на Дону, первой крупной реке азовско-черноморского бассейна на пути дрейфа постосековой инхроники с востока на запад, и тут же начал переходить в стадию реализации в виде маевской срубной культуры. И постосековая инхроника продвигалась далее на запад уже с этим новым постосековым ответом вплоть до Днепра, поскольку второй крупной рекой этого же бассейна за Доном был как раз-таки Днепр. В крайнем случае, реализация ответа началась где-то между Доном и Днепром, тогда уж, скорее всего, в Подонцовье, откуда ответ затем распространился и на запад и на восток.

Правда, при этом не понятно, почему проживающее в азовско-черноморском бассейне население Днепро-Донского междуречья, реализовавшее постосековой варяжско-греческий ответ, в отличие от других осевых срубников смогло сохранить внешние срубные культурные (маевские) формы проявления своего нового ответа и в постосековой инхронизации? Причем не понятно совсем – от слова “совершенно”... Поэтому попробую выдвинуть столь же совершенно голословное предположение: а что если сыграли какие-то далекие ассоциации с самоорганизующееся колесно-транспортной

средой третьего ВОП, реализовывавшей и упорядочившей торговлю в евразийских степях самыми разными товарами (прежде всего все-таки металлургическим сырьем и готовой продукцией) в самых разных актуальных на данный момент направлениях даже после исчезновения третьего ВОП – в постепенно замыкающейся на саму себя ЕАМП? Ведь и сама срубная культура и принадлежащие ей сообщества скотоводов-металлургов в свое время возникли в степях Восточной Европы одновременно и параллельно с появлением и становлением восточноевропейской части евразийской колесно-транспортной среды... Но ассоциации в связи с чем? Навряд ли с металлургией железа – не вижу, так сказать, повода. Металлургия широко распространения железа, скорее, наносила вред торговле колесно-транспортной среды. С более общим НТП – научно-техническим прогрессом – тоже как-то не очень бьется... Остаются разве что какие-то воднотранспортные коллективные ассоциации, что-то связанное с реками, морями океанами... Да почему же только связанное? Само море! А уж тем более океан... Это же самые близкие водные аналоги степной колесно-транспортной среды, но только при наличии в этих морях и океанах соответствующих им средств передвижения, разумеется, т.е. кораблей, способных перевозить большие партии товара в каких угодно направлениях, фигурально выражаясь, хоть завтра и практически без какой-либо заранее подготовленной торгово-путевой инфраструктуры. И в этом смысле – все как в степной самоорганизующейся колесно-транспортной среде. А такие галеры, правда, пока что приспособленные в основном только к каботажному плаванию к XV в. до н.э. уже давно существовали в Средиземноморье у кикладцев и их культурных наследников минойцев Крита. Но, наверное, все же не о них речь, а о парусных каравеллах и галеонах постосевого будущего, которые могли бороздить моря и океаны, как угодно, куда угодно и когда угодно.

И ключевое слово во всем этом гипотетическом пассаже – это Средиземноморье. Средиземное море – это почти полный морской аналог степным сухопутным территориям от Днепра до, скажем, Рудного Алтая. Вплоть до размеров и даже формы – тоже где-то так, близко. Да и средиземноморская талассократия (власть в море), когда обладать властью над морскими просторами и перевозками по ним могло только одно государство или культура, в результате по очереди сменявших друг друга, по духу и назначению (осуществлять *безопасные* перевозки, торговые или какие иные) вполне явственно перекликается с первоочередным предназначением этнокультурного осевого ответа степной колесно-транспортной среды, особенно в его первой синташтинской фазе, когда во главу угла была поставлена безопасность дальней международной торговли.

Думается, когда на Дону или в Подонцовье XV в. до н.э. покровские срубники азовско-черноморского бассейна отказались от готового к реализации восточного балто-волго-каспийского ответа, и они уже слышали плеск средиземноморских волн из какого-то своего грядущего постосевого далека. Чего не было и близко не могло быть с балто-волго-каспийским ответом, привязанным к каспийскому бассейну и Каспийскому “озеру”, в котором ведь не Каспий был главным воднотранспортным звеном, а втиснутая в рамки своих неизменных берегов Волга. И срубники Днепро-Донского междуречья, сохраняя срубный (маевский) культурный внешний облик своего нового постосевого варяжско-греческого ответа, под эти ритмично пляшущие в будущем волны Средиземного моря оставались верны и своему прежнему безбрежному “морю” степной колесно-транспортной среды. Почему

нет? Вполне приемлемый вариант социальных бессознательных ассоциаций...

Кстати, пришла пора переименовать маевский срубный постосевой ответ из “варяжско-греческого” в более короткий, понятный, широкий и в то же время более точный “средиземноморский”. Тем более что в средиземноморском ответе главным звеном и целью был отнюдь не днепровский путь “из варяг в греки”, а его продолжение именно до Средиземного моря, откуда можно было бы “как угодно, куда угодно и когда угодно”. И еще большой вопрос, что чьим продолжением или даже ответвлением являлось в эти ранние постосевые времена – средиземноморские маршруты-продолжения “варяжско-греческого” отрезка или ответвление средиземноморской водно-транспортной среды по Черному морю и Днепру вплоть до Балтики.

Итак, средиземноморский постосевой ответ днепро-донских степняков. А ведь ответ этот вряд ли смог бы прекратить свой дрейф на запад на днепровском рубеже, поскольку дальше на западе лежали такие крупные реки азовско-черноморского бассейна как Южный Буг, Днестр, Прут и Дунай, проживающее вдоль которых население было не менее заинтересовано в средиземноморском постосевом ответе, чем срубные иранцы степного Днепро-Донского междуречья. Он и не прекратил... – первым своим шагом средиземноморский ответ в виде маевской срубной культуры дрейфовал за Днепр в его нижнем течении и, продвинувшись чуть дальше, дошел до самой западной границы иранского мира по Ингулу, условному притоку Южного Буга^[16] – западнее этого рубежа срубная культура наблюдается уже лишь от случая к случаю. В то же время, исходя из вышеприведенных мотиваций, можно не сомневаться, что сам средиземноморский постосевой ответ дрейфовал еще дальше на запад, много дальше.

На первый взгляд, казалось бы, такое положение дел, т.е. отсутствие срубной культуры западнее иранских территорий, можно было бы объяснить теми же факторами, что и на востоке маевского ареала восточнее Дона, где срубная культура также не наблюдается после ~1400 г. до н.э. Тем более, как помним из этюдов предыдущей Хронографии №4, ингульская катакомбная культура, т.е. ингульский вариант общеарийской культуры, до ~2200 г. до н.э. начала бабинской экспансии и даже несколько позже (арии-катакомбники Днестро-Прутского междуречья переняли бабинскую культуру чуть позже, в ~2100 г. до н.э., катакомбных ариев Днепро-Донецкого междуречья – см. в восьмом этюде Хронографии №4) доходила аж до Прута, т.е. чуть ли не до устья Дуная, и здешние арии, хоть и подвергнувшиеся сильному бабинскому культурному влиянию, возможно, смогли бы вместе со средиземноморским постосевым ответом перенять по дрейфу и его внешние маевские срубные формы. Ежели это были еще арии, разумеется... Но, нет, – отсутствие срубной культуры после ~1400 г. до н.э. на востоке и западе маевского ареала объясняется двумя совершенно разными причинами.

Во-первых, восточнее маевских территорий, т.е. восточнее Дона, иранские андроновские (алакульские и федоровские) и часть срубных племен взяли за основу своего постосевого ответа балто-волго-каспийский водно-транспортный путь, который далее для краткости будем называть волжским, как и соответствующий ему постосевой ответ. Так вот, этот связанный с каспийским бассейном путь не имел прямой водной связи ни с морями, ни с океанами, отделенный от них небольшими сухопутными перемычками

^[16] См. карту в Ю. А. Черниенко “Сабатиновская культура в системе древностей бронзового века...”, Рис. 1, на стр. 17. Для удобства эта же карта, но под другим наименованием, приведена ниже еще и на Рис. 5.1.

(более существенными на юге волжского пути по ирано-иракским территориям между Каспийским морем и Евфратом с Тигром, а тем более между Каспием и непосредственно Персидским заливом), в отличие от средиземноморского пути, положенному в основу постосевого ответа маевцев в азовско-черноморском бассейне, который по одним только водам без каких-либо сухопутных преград выходил прямо в Атлантический океан. Наверное, именно по этой простой причине у восточных срубно-андроновских сообществ и не появились устойчивые социальные ассоциации степной колесно-транспортной среды с бескрайним мировым океаном и идущими по нему крупными многотоннажными кораблями постосевого будущего. Ассоциации, которые восточнее Дона так же, как и к западу от него, могли бы способствовать сохранению колесно-транспортной по происхождению срубной (или алакульской, или федоровской) культуры и в постосевой воднотранспортной инхроне, хотя бы в первые века после ~1400 г. до н.э. И все же подобные постосековые ассоциации на востоке так и не возникли, отчего с ~1400 г. до н.э. мы не видим здесь и соответствующих культур: срубную, алакульскую и федоровскую.



Рис. 5.1
Культуры Северного Причерноморья в позднем бронзовом веке и их культурное окружение
 (Карта взята из Ю. А. Черниенко "Сабатиновская культура в системе древностей бронзового века...", Рис. 1)

Во-вторых, колесно-транспортная среда, выросшая из этнокультурного осевого ответа, требовала этнически более или менее однородных и при этом очень крупных степных или лесостепных территорий, коими и стали заселенные иранцами (срубными и андроновскими) евразийские степь и лесостепь. Поэтому западнее Днепра, за пределами *сплошного* иранского мира, колесно-транспортная среда ни коим образом не смогла бы функционировать, а следовательно, у здешнего населения, уж не то что иранского, но даже и не совсем арийского после многовековой и весьма плотной бабинской ассимиляции и аккультурации, не могли возникнуть и описанные выше ассоциации постосековых морских и океанских воднотранспортных просторов с колесно-транспортной средой срубников и андроновцев. О ней

эти местные бывшие ингульские арии-катакомбники, если и имели от соседних срубников какие-то слабые представления, то это были чисто внешние поверхностные ощущения на манер “бывает же такое”. В отличие от катакомбников Днепро-Донского междуречья, после оттеснения бабинцев за Днепр подвергнувшихся не менее плотной обратной аккультурации срубниками-иранцами. Последних же в общем и целом по большому счету в западном направлении интересовали лишь территории, расположенные не так далеко от Донецкого кряжа и его медных рудников. С другой стороны, сопротивление бабинцев и постбабинцев массовому проникновению иранцев росло прямо пропорционально тому же удалению от Донецкому кряжа на запад. И оба эти фактора (индифферентность срубных иранцев к слишком западным территориям и рост бабинского культурного противостояния на них) сходились в равновесии на границе Днепр-Ингул. В результате внешнее выражение постосевого средиземноморского ответа в виде маевской срубной культуры попросту не имело ни малейшего шанса дрейфовать вместе с ответом на запад за эту равновесную границу иранского мира и уже постбабинского круга культур возможного фракийского этнического происхождения.

Последнее обстоятельство подразумевает, что где-то по Днепру проходил этнокультурный рубеж между иранскими племенами восточнее него и неиранским (фракийским?) населением западнее данного рубежа, что и определило западные границы ЕАМП и ее торгово-металлургического стержня – колесно-транспортной среды.

Здесь необходимо пояснить, что когда мы говорим о рубеже или границе по Днепру-Ингулу между срубными племенами иранского происхождения и неиранским населением, которое в рассматриваемый период принадлежало сабатиновской культуре, то имеется в виду не четкая граница сродни современным государственным границам, а некая переходная территория от одного этнокультурного массива к другому. В данном конкретном случае переходная территория занимала довольно обширный район примерно от Ингула до середины южной части Днепро-Донецкого междуречья (см. карту на Рис. 5.1) близ небольшой реки Берда^[17], на которой расположен современный город Бердянск.

Предполагается, что столь большая размытость буферной границы между двумя этническими массивами была вызвана инфильтрационной природой ее возникновения, когда неиранские сабатиновцы проникали на территорию срубной культуры, где создавали свои достаточно крупные поселения с развитой металлообработкой, а срубники, соответственно, просачивались на запад. Причем, подвижные мобильные срубники-скотоводы проникали на запад значительно дальше, чем оседлые сабатиновцы на восток – отдельные группы срубников обнаружены далеко на западе вплоть до Подунавья^[18]. Возможно, так далеко на запад, в отрыв от иранского мира, этих срубников могла занести уже постосево-инхроника и средиземноморский постосево-инхроника ответ, которые, в таком случае, вместе со этими срубниками стремительно проникли бы аж до Дуная, а оттуда дрейфовали от народа к народу вдоль Дуная, разнося по всем Северным Балканам постосево-инхронику со средиземноморским ответом на нее, стремительно теряющим

^[17] Я. П. Гершкович “Этнокультурные связи в эпоху поздней бронзы в свете хронологического соотношения памятников (Нижнее Поднепровье – Северо-Восточное Приазовье – Подонцовье)”, Археологический альманах, № 7, 1998, стр. 61–92, на стр. 61.

^[18] Там же, стр. 66.

срубное внешнее выражение. Местами проникали даже в Центральную Европу...

Таким образом, границы осевой ЕАМП, в том числе и западная по Днепру-Ингулу с Сабатиновкой, определялись территориями, заселенные иранцами *сплошным* массивом с возможными инокультурными включениями, в случае западной границы – сабатиновскими, в пограничных буферных зонах. А вот с хронологическими рамками сабатиновской культуры дела обстоят совсем не так благополучно, как хотелось бы – часть археологов считает ее синхронной развитой срубной культуре (XVII/XVI–XIII вв. до н. э.^[19]), другая часть ограничивает ее синхронность вторым периодом бережневско-маевской срубной культуры^[20], т.е. по сути полагает, что сабатиновская культура синхронна позднесрубному маевскому культурному типу в XV–XIII вв. до н. э.

Такая неоднозначность в хронологии порождает двоякость и в интерпретации культурных процессов западнее Днепра, вызванных к жизни дрейфом постосевой инхроники и средиземноморского ответа. Во втором случае средиземноморский постосевой ответ за Днестром порождает саму сабатиновскую культуру, судя по всему, в бабинском культурном окружении^[21], в первом же – вызывает лишь переход в уже существующей сабатиновской культуре от ее ранних форм к поздним формам, которые культурно различаются. Однако для нас в данный момент, при рассмотрении процесса дрейфа средиземноморского постосевого ответа на запад, такая двойственность принципиального значения не имеет, а важно лишь одно – где-то с XV/XIV вв. до н. э. население Северо-Западного Причерноморья уже также пребывало под действием постосевой инхроники и средиземноморского ответа на нее.

Давно и не раз выдвигалось предположение о фракийском этническом происхождении блока родственных культур Сабатиновка – Ноуа (в Прикарпатье) – Кослоджень (в устье Дуная)^[22] (см. карту на Рис. 5.1). К тому же на Среднем Днепре, Южном Буге и Днестре найдено множество иллирийских и фракийских гидронимов^[23]. Высказывались и другие версии этнической атрибуции указанного блока культур: иранская^[24], киммерийская^[25]... Киммерийскую вариант как отдельную гипотезу сразу отбрасываем, поскольку относительно самих киммерийцев пока что нет консенсуса – их считают то иранцами, то к фракийцами. Мы о них еще поговорим – отдельно... Так что в остатке имеем только две основные гипотезы этнической принадлежности сабатиновцев и родственного им населения Прикарпатья и

[19] Р. А. Мимоход “Радиоуглеродная хронология блока...”, стр. 39.

[20] Ю. А. Черниенко “Сабатиновская культура в системе древностей бронзового века...”.

[21] С. С. Березанская и др. “Культуры эпохи бронзы на территории Украины”, Киев: Наукова думка, 1986, стр. 115.

[22] И. Т. Черняков “Северо-Западное Причерноморье во второй половине II тыс. до н.э.”, Киев: Наукова думка, 1985, стр. 145–158; Г. Шепард “К вопросу об истоках культа Диониса” в Е. В. Яровой (ред.) “Индоевропейская история в свете новых исследований (Сборник трудов конференции памяти профессора В. А. Сафронова)”, М.: МГОУ, 2010, стр. 295–308, на стр. 304–305; С. С. Березанская и др. “Культуры эпохи бронзы на территории...”, стр. 84.

[23] О. Н. Трубаев “Названия рек Правобережной Украины. Словообразование. Этимология. Этническая интерпретация” в Трубаев О. Н. “Труды по этимологии: Слово. История. Культура”, Том 4, М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009, стр. 381–694 (первое издание: О. Н. Трубаев “Названия рек Правобережной Украины: словообразование, этимология, этническая интерпретация”, М.: Наука, 1968).

[24] А. В. Сафронов “Этнополитические процессы в Восточном Средиземноморье в конце XIII - начале XII вв. до н.э.”, автореферат кандидатской диссертации, Москва, 2005, стр. 13.

[25] И. Т. Черняков “Северо-Западное Причерноморье во второй...”, стр. 145–158.

Нижнего Дуная: иранская и фракийская. Однако, если оставаться в рамках инхронического подхода, то видим, что иранский вариант противоречит выявленному нами выше принципу формирования территории ЕАМП по границам сплошного массива расселения иранских племен, который вырос из этнокультурного осевого ответа последних, так как сабастиновское металлопроизводство принадлежит уже не ЕАМП (хотя сабастиновцы и непосредственно граничат с ней), а Европейской металлургической провинции (ЕМП)^[26] – то самое неиранское население, ограничившее распространение ЕАМП на запад по Днепру-Ингулу. И мы вынуждены остановиться на единственной приемлемой с культурно-инхронической точки зрения гипотезе – о фракийской (или протофракийской) этнической атрибуции сабастиновской культуры.

Но к чему весь этот сыр-бор, весь этот спешный разговор о весьма возможной фракийской этнической принадлежности сабастиновцев, а возможно, и бабинцев, от которых те, скорее всего, происходят? Дело в том, что по мнению некоторых лингвистов и археологов (и раньше, и сегодня...) иллирийцы вместе с фракийцами^[27] были одной из ударных сил так называемых “народов моря”, в сер. XIII-XII вв. до н. э. осуществивших ряд вторжений в страны Восточного Средиземноморья, после или во время которых рухнула Хеттская империя и пал Угарит, а собравший все свои силы Египет, хотя и выстоял, отразив атаки “народов моря”, однако в скором времени также вошел в длительную полосу глубочайшего кризиса. Канули в Лету и златовратые Микены... Правда, насчет “сегодня” я немного погорячился, и требуется отдельный и особый разговор на эту животрепещущую непростую тему, поскольку в свете современных археологических, палеоклиматических и хронологических исследований уже поднимается вопрос о самом существовании “народов моря”, вернее, об их многочисленности и важности той роли, которую они сыграли в разворачивании масштабного кризиса, охватившего почти все страны Восточного Средиземноморья в конце позднего бронзового века.

Вот этими проблематичными “ударными силами”, а точнее, теми самыми пресловутыми “народами моря” в целом, мы прямо сейчас и займемся.

Сегодня уже мало кто сомневается в глубоком упадке, в который впали общества многих восточно-средиземноморских территорий в конце позднего бронзового века с сер. XIII-XII вв. до н.э., сопровождаемом рядом негативных и даже стрессовых, а то и вовсе катастрофических, как природных, так и социальных, явлений, прямо наблюдаемых в археологических, палеоклиматических и иных материалах или по каким-то косвенным признакам только предполагаемых: засуха, голод, стихийные бедствия (землетрясения), разрушение поселений, спад торговли, особенно международной, народные волнения, усиление миграций, массовые вторжения извне, регресс

^[26] Е. Н. Черных “Культуры номадов в мегаструктуре Евразийского мира”, Том 1, М.: Языки славянской культуры, 2013, Рис. 14.1 на стр. 245.

^[27] Л. А. Гиндин, В. Л. Цымбурский “Гомер и история Восточного Средиземноморья”, М.: Восточная литература РАН, 1996, стр. 132–184; А. Воронков “Гидронимы и этнонимы – свидетели миграций народов моря. Тевкры, сикелы и сарды”, LAP LAMBERT Academic Publishing, 2012, стр. 6-7, 35-62. Иногда же, отталкиваясь от некоторых археологических находок, так прямо и утверждают – сабастиновцы (И. Т. Черняков “Северо-Западное Причерноморье во второй...”, стр. 157–158; А. В. Сафронов “Этнополитические процессы в Восточном Средиземноморье...”. Правда, А. В. Сафронов почему-то считает сабастиновцев ираноязычными...).

культуры^[28]. На протяжении почти всего прошлого века, с конца 20-х годов, после работ Ф. Шахермайра и его последователей, социально-политическую и экономическую составляющие всей этой лавины разнородных коллизий, пытались свести исключительно к одному главному причинному фактору – вторжению на Южные Балканы и в страны Передней Азии массы блуждающих варварских племен из Центральной Европы, Адриатики, Подунавья и Прикарпатья, т.е. тех, кого египтяне называли “народами моря”^[29].

“Египетские надписи XIX–XX династий, упоминающие о нападении «народов моря» на Египет, либо называют их обобщенно «северянами, пришедшими из всех стран», либо обозначают их как «северные чужеземные страны (букв. «нагорья»), которые на островах их» и локализуют «посреди Великой Зелени/моря». Современный же термин «народы моря», введенный в научный оборот в XIX в. Гастоном Масперо, достаточно условен, поскольку создает некую иллюзию единой общности напавших на Египет и Восточное Средиземноморье племен, на самом деле никогда не существовавшей»^[30].

Однако с 70-х – 80-х гг. XX века начинают появляться работы, в которых до того господствовавшие в науке представление о быстротечной тотальной катастрофе, вызванной вторжением в Грецию и другие страны Восточного Средиземноморья нескольких орд северных варваров, выходцев с Северных Балкан и Прикарпатья, т.е. “народов моря”:

“...постепенно начинают уступать место представлению о затяжном, охватывающем по крайней мере два столетия (XIII–XII вв.) кризисе, в котором передвижения варварских племен играли далеко не самую важную роль и были скорее следствием, чем причиной всеобщего хаоса и упадка”^[31].

Примерно в то же самое время в некоторых работах уже начинают заменять вторжение извне как главный причинный фактор кризиса и падения многих государств Восточного Средиземноморья в конце позднего бронзового века на другую столь же единичную и единственную причину. И, разумеется, на передний план, тотчас выходит климатическое объяснение^[32]. Внутренняя, не всегда декларируемая, логика всех подобных климатических интерпретаций самая что ни на есть простая – ведь при синхронности вышеизложенных катастрофических явлений ни вторжения, ни народные волнения, ни голод, ни миграции не могут сами по себе вызвать изменение климата, а вот климат может вызвать любое из перечисленных явлений, за исключением разве что землетрясения... Хотя в принципе в какой-то малой, а сегодня так и в немалой, степени и социальные и тем более эко-

^[28] A. B. Knapp, S. W. Manning “Crisis in Context: The End of the Late Bronze Age in the Eastern Mediterranean”, *American Journal of Archaeology*, Vol. 120, No. 1, 2016, pp. 99–149; D. Kaniewski et al. “Environmental Roots of the Late Bronze Age Crisis”, *PLoS ONE* 8(8): e71004, 2013, doi:10.1371/journal.pone.0071004.

^[29] Ю. В. Андреев “От Евразии к Европе. Крит и Эгейский мир в эпоху бронзы и раннего железа (III – начало I тыс. до н. э.)”, СПб.: Издательство «Дмитрий Буланин», 2002, стр. 649–652.

^[30] А. В. Сафронов “Очерки по истории Восточного Средиземноморья в XIV–XII вв. до н.э.”, Москва: Институт востоковедения РАН, 2018, стр. 11.

^[31] Ю. В. Андреев “От Евразии к Европе...”, ком. 56 на стр. 641. См. еще и N. R. Sandars “The Sea Peoples. Warriors of the Ancient Mediterranean 1250–1150 BC”, London: Thames & Hudson, 1978; Г. Ф. Полякова “От микенских дворцов к полису” в Е. С. Голубцова (ред.) “Античная Греция”, Том 1 “Становление и развитие полиса”, М.: Издательство «Наука», 1983, стр. 89–127, на стр. 92–103.

^[32] Например, применительно к микенской Греции см. в R. Carpenter “Discontinuity in Greek Civilization”, Cambridge University Press, 1966.

номические явления также могут влиять на климат – так называемые антропогенные воздействия на климат, – однако очень медленно и постепенно. Поэтому при взрывном характере коллапса восточно-средиземноморских культур (даже при вековом или двухвековом периоде его протекания) существенные антропогенные воздействия на климат в конце позднего бронзового века можно смело исключить.

Так вот... В самом скором времени эта пионерская (для данного периода и региона) в плане климатического детерминизма работа Р. Карпентера была серьезно раскритикована. Но что самое примечательное – тенденция тотальной климатической интерпретации столь сложной запутанной ситуации, как коллапс восточно-средиземноморской части переднеазиатской цивилизации и европейской цивилизаций в Греции XIII-XII в. до н.э., продержалась практически до настоящего времени^[33]. И, кстати, точно так же вскоре подверглась не менее разгромной критике в основном с хронологической позиции, но также и с палеоклиматической и даже с культурной позиций^[34]. Взамен же однобокой климатической концепции коллапса в этой же обзорной критической статье была выражена следующая модель:

“Дворцовые элиты позднего бронзового века все продолжали и продолжали заниматься своими масштабными строительными проектами, мобилизуя для этого рабочую силу, различные ресурсы, набирая воинов для ведения непрерывных войн, что год за годом подрывало основные сельскохозяйственные системы, а вместе с ними и само деревенское население, от которого зависел весь их мир. Так со временем элиты сделали его уязвимым к любым неожиданным сторонним стрессовым воздействием, таким как значительные негативные изменения климата, особенно засухи, уменьшавшие доступ к воде, которая являлась основой производства сельхозпродукции”.

(“The Late Bronze Age palatial elites who continued endless building on a grand scale, conscripting labor, resources, and soldiers and fighting wars, were year by year undermining the basic agricultural systems and peasant populations of the countryside on which their entire world depended. Thus, they made it vulnerable to any unexpected additional stresses – such as significant negative climatic change – and especially to arid conditions, reducing water availability that was fundamental to crops and livestock production”)^[35].

А это уже интереснее... Во всяком случае, в данной модели негативное климатическое изменение (засуха, возможно, и не столь значительная, как это видится по социально-экономическим реакциям населения) действует не само по себе, а выполняет роль такого спускового крючка, запускающего механизм взрывного разрушения системы дворцового хозяйствования, которая и без того уже была сильно подорвана предыдущей интенсивной многовековой эксплуатацией крестьянских масс дворцовой бюрократической элитой.

Странно лишь одно: почему по всему Восточному Средиземноморью от Микен до Египта дворцовое хозяйство в столь разных культурных средах перед наступлением более засушливого периода оказалось смертельно раненым деятельностью дворцовой бюрократии, в то время как в соседней Ассирии, расположенной в более континентальной аридной зоне Верхней Месопотамии, где, скорее всего, в это же время тоже пришла засуха, ничего похожего не наблюдается^[36]?

^[33] D. Kaniewski et al. "Environmental Roots of the Late...".

^[34] A. B. Knapp, S. W. Manning "Crisis in Context: The End of the Late Bronze Age...", pp. 102-107.

^[35] Там же, р. 136.

^[36] "...В Месопотамии на удивление мало документальных свидетельств, прямо связывающих засуху с голодом, за исключением нескольких писем, относящихся к старовавилон-

Существует общее согласие, что период времени между 1400-800 гг. до н.э. в Восточном Средиземноморье был одним из засушливых климатических периодов^[37]. Конечно, в разных регионах Восточного Средиземноморья этот период будет смещаться и сокращаться в ту или иную сторону, но в общем и целом для всего Восточного Средиземноморья как более или менее единой климатической зоны достоверно определить засушливый период конца позднего бронзового века можно пока что лишь в столь широком хронологическом диапазоне. И этот чисто климатический интервал почти полностью совпадает в Ассирии со Среднеассирийским периодом (XIV-X вв. до н.э.), в начале которого Ассирия, совершив ряд захватов и завоеваний, параллельно проведя ряд внутривластных реформ, превратилась из торгово-купеческого города-государства (нома) Ашшура в Ассирийское царство. Да, в этом периоде в Ассирии, как и во всей Месопотамии, тоже были разрушения, но это были обычные военные разрушения в результате постоянных столкновений между Ассирией, Вавилонией и Эламом, т.е. примерно такие же, какие были и в Леванте до коллапса в конце позднего бронзового века в результате войн Египта, Хатти, Митанни и той же Ассирии, вернее, Ашшура. И лишь в конце Среднеассирийского периода ассирийцам пришлось отступить на свои исконные территории собственно Ассирии под давлением наступавших с юга-запада арамейских племен, которых из сирийских степей, возможно, вытесняли новые волны еще более диких кочевников-семитов с Аравии. А с севера в это же время навалились так называемые мушки (то ли фригийцы, то ли армяне), которых также принято относить к “народам моря”. Тем не менее, ассирийцы, отступив в свои родные земли, выстояли. И спустя век вернулись на арену ближневосточной политики еще более мощной Новоассирийской державой^[38]...

Никто и не спорит, климат определенно сыграл какую-то свою роль, возможно, даже весьма существенную роль, в коллапсе позднего бронзового века, иначе вряд ли имела бы место их синхронность – в случайное совпадение в данном конкретном случае как-то слабо верится... Но кто сказал, что связь климата с социально-экономическими процессами и распадом прежней системы хозяйствования должна быть столь прямолинейной к тому же однозвенной – с нещадной дворцовой эксплуатацией в качестве одного единственного посредника?

Кстати, свою посильную лепту в критику оголтелого засилья климатического детерминизма вносят и отечественные ученые – не столько в отношении одного лишь ближневосточного кризиса XIII-XII в. до н.э., но с гораздо более широкой общей точки зрения^[39]. И в этой связи хотелось бы прояснить для себя еще два синхронизма, на которые ученые или вообще не обращают внимания, либо же стараются обходить стороной. Один из них

скому периоду, и серии документов с самого конца позднего бронзового века...”; “...несомненно, что засуха представляла значительную и периодически повторяющуюся угрозу людям Месопотамии бронзового века. Во многих случаях, особенно когда засухи были кратковременными и редкими, негативные последствия неурожая, по-видимому, были успешно предотвращены с помощью различных стратегий буферизации...” (курсив мой – А.З.) (Т. Paulette “Domination and Resilience in Bronze Age Mesopotamia” in J. Cooper, P. Sheets (eds.) “Surviving Sudden Environmental Change: Answers from Archaeology”, University of Colorado Press, 2012, pp. 167–195, p. 170).

^[37] M. Finne et al. “Climate in the eastern Mediterranean, and adjacent regions, during the past 6000 years – A review”, *Journal of Archaeological Science*, 38, 2011, pp. 3153–3173, p. 3167.

^[38] Б. М. Бонгард-Левин (ред.) “История Древнего Востока. Зарождение древнейших...”, Часть вторая, стр. 99-110.

^[39] С. Г. Карпук “Климатический детерминизм и история климата в работах В. В. Клименко”, ВДИ, №1, 2007, стр. 244–257.

связан как раз с упомянутыми выше арамеями, а другой – с металлургией. Начнем со второго – просто так можно быстрее подобрать ключи к их обоюдному разрешению.

Среди приведенного в самом начале этюда списка бед и прочих катастроф, которые свалились или могли свалиться на несчастные головы обитателей Восточного Средиземноморья в сер. XIII-XII вв. до н.э., мы не видим одного события, отнюдь не катастрофического, а даже наоборот. Наверное, поэтому и не видим, что не катастрофического... Я имею в виду важнейшую ступень в развитии металлургии железа, о котором было рассказано в первом этюде настоящей хронографии – открытие и освоение в конце II тыс. до н.э., не позднее XII-XI вв. до н.э., а вероятнее всего, именно в это время, где-то в Анатолии способов значительного улучшения механических свойств железных изделий за счет таких операций, как цементация (целенаправленное поверхностное науглероживание изделия) и термообработка (закалка). Казалось бы, какая тут связь с климатом вообще и засухой в Восточном Средиземноморье в частности – в огороде бузина, а в Киеве дядька... Разве что некоторая синхронность. Но откуда мог взяться данный синхронизм, если оба процесса, и климатический и металлургический, – это спонтанные самопроизвольно развивающиеся процессы? Да спонтанные, в том смысле, что климат зависит от очень большого числа факторов, все взаимосвязи и взаимодействия которых данным конкретном случае практически не представляется возможным учесть. Поэтому-то для построения и изучения климатических моделей обычно и выбираются самые действенные влияющие на климат факторы, такие как, скажем, солнечная инсоляция.

Ну, с климатом, положим, все более или менее понятно, а как же быть со спонтанностью развития металлургии железа, которая была декларирована и положена нами в основу причинно-следственного функционирования постосековой инхрозоны? Вот именно, что постосековой. Это только в рамках постосековой инхрозоны и применительно к постосековым ответам, процессам и явлениям развитие металлургии, в том числе и металлургии железа, можно считать спонтанным и самопроизвольным. Применительно же к другим инхроникам данная декларация не просто неверна, а в корне неверна. Особенно в отношении аридной инхроники и инхрозоны, в которой металлургия рука об руку с ирригацией и земледелием выступает в качестве главных ответов на аридную инхронику. И тогда становится полностью понятным и прозрачным время освоения технологий цементации и закалки железных изделий именно в XII-XI вв. до н.э., привязанных к самому концу аридной инхрозоны, которая завершалась в ~1000 г. до н.э. Откуда и синхронность с засухой в Восточном Средиземноморье, определяемой климатическими процессами в более широком масштабе по всему Северному полушарию^[40], в том числе и в африканской Сахаре, где с ~1000 г. до н.э. устанавливается стабильный гипераридный климат, близкий современному (см. график плотности заселения Сахары на Рис. 3.2 в первом этюде Хронографии №3 в первом томе).

К тому же, как мы помним, по мотивационным причинам (волны миграций в Переднюю Азию из Сахары и прилегающих территорий вплоть до Аравийского полуострова) окончание аридной инхрозоны именно в ~1000 г. до н.э. было привязано к последней – арамейской – волне аридных миграций, отчего выше и было сказано, что арамеи, по всей видимости, теснили

^[40] Во всяком случае, и во льдах далекой Гренландии во второй половине II тыс. до н.э. конца позднего бронзового века также отчетливо наблюдается пик температур (см. в А. В. Кнапп, S. W. Manning "Crisis in Context: The End of the Late Bronze Age...", Fig. 4 at p. 110).

более южные аравийские племена. И здесь мы вплотную подходим ко второму синхронизму, который всегда занимал меня: почему “народы моря” и арамеи практически одновременно обрушились на цивилизованные ближневосточные страны позднего бронзового века? И только после того как наметились контуры постосевого инхроники, я нашел приемлемый ответ на этот давно мучивший меня вопрос...

Если только предположить, что “народы моря” во время своих вторжений на территории Восточного Средиземноморья пребывали под действием постосевого инхроники и несли ее народам Ближнего Востока, то все сразу становится на свои места.

Во-первых, синхронность наступления “народов моря” и арамейских племен была обусловлена привязкой и тех и других к окончанию аридной инхрозоны: арамеи – непосредственно аридными процессами, а средиземноморский постосево-инхронический ответ “народов моря” просто не мог не отметить каким-нибудь их *осмысленным* деянием столь важное событие в истинном и самом глубинном ведущем металлургическом потоке, как освоение технологий цементации и закалки, в разы улучшающих механические свойства железных изделий, в итоге выводящих сталь на позицию неоспоримого лидера в ее конкуренции с бронзой. А время появления этих продвинутых технологий в процессе развития металлургии (в том числе и черной) уже как *аридного ответа* в свою очередь было привязано к окончанию аридной инхрозоны. И тогда “народы моря” не просто двигались к своему постосево-инхроническому идеалу, т.е. к средиземноморской воднотранспортной среде, но одновременно приближались и к тем анатолийским регионам, где могли наиболее быстро и эффективно приобрести столь необходимые им знания и освоить новейшие технологии металлургии железа еще до окончания аридной инхрозоны, а именно – в XII-XI вв. до н.э. появления там технологий цементации и закалки. Вот так, через ответы на две действующие очень разные инхроники (аридную и постосево-инхроническую) развитие металлургии железа переплелось и синхронизировалось с климатом...

Во-вторых, социальная среда “народов моря” вместе с постосево-инхроникой несла в своих глубинах не только средиземноморский ответ на нее, но и волжский ответ, связанный с балто-волго-каспийским путем в Индию и в Китай, который еще в степях Причерноморья был подавлен и оттеснен в среде будущих “народов моря” средиземноморским ответом в более глубинное архетипическое подсознание, и не только у “народов моря”, но и у населения, проживающего далее по пути их продвижения на запад и юг. В Ассирию же эта сложная постосево-инхроническая гамма могла проникнуть хотя бы от тех же мушкетеров, и ассирийцы восприняли из нее именно подавленный волжский ответ, поскольку единственный значительный сухопутный участок продолжения будущего воднотранспортного балто-волго-каспийского пути, наиболее эффективный с точки зрения водной логистики, т.е. от Каспийского моря до Евфрата или хотя бы до Тигра, прошел бы по ассирийской территории. В то же время исконные ассирийские территории располагались и на важнейшем участке будущего ВШП (Великого шелкового пути) из Ирана в Месопотамию, Анатолию и Сирию, который мог бы поддерживать экономику Ассирии после установления этого глобального пути в конце осевой инхрозоны и долго еще за ее пределами. Таким образом, на ассирийской территории II тыс. до н.э. пересекались торговые и транспортные пути как далекого постосевого будущего, так и более близкого осевого будущего, т.е. ВШП, что обеспечивало Ассирии стабильное устойчивое будущее развитие, если только удастся выстоять в самом что ни на есть настоящем настоящем. Вот

почему постосево́е инхроника не принесла разруху в Ассирию – только из-за того что ассирийские земли были удачно расположены на скрещивании осевого ВШП с постосевым водным балто-волго-каспийским путем, и обе инхроники сошлись здесь ни коей мере не противореча одна другой. Чего не скажешь о Восточном Средиземноморье...

Да, и здесь торговые трассы осевого ВШП также пересекались с постосевыми трассами воднотранспортного балто-волго-каспийского маршрута, причем еще более интенсивно, чем в Ассирии – не просто и не только скрещивались как в Верхней Месопотамии, а на многих своих участках на достаточно большом их протяжении буквально совпадали друг с другом, особенно это касается морских средиземноморских трасс. А столь тесное переплетение осевых и постосевых трасс запросто могло вызывать излишне активное сильное взаимодействие между осевыми и постосевыми ответами, в итоге ведущее к достаточно серьезным конфликтам между их реализациями, в таких восточно-средиземноморских регионах, как микенская Греция, Хеттская империя, ряд левантийских государств и Египет. И если в Ассирии не очень сильное *гармоничное* взаимодействие между осевой и постосевой инхрониками и ответами на них стало источником дополнительной социально-политической стабильности, то в Восточном Средиземноморье такое же взаимодействие, только гораздо более интенсивное, наоборот, в самом скором времени привело к коллапсу и разрухе. О подобных негативных последствиях взаимодействия между осевыми и постосевыми ответами мы подробнее поговорим в следующих этюдах, когда речь пойдет о гибели античного мира... А пока что попробуем поискать какие-то другие факторы, которые могли быть причастны упадку обществ Восточного Средиземноморья в XIII-XII вв. до н.э.

Итак, похоже на то что все разрушения, наблюдаемые в XIII-XII вв. до н.э. в Восточном Средиземноморье, все предполагаемые народные волнения, голод, усиление миграций, регресс культуры и т.д. (за исключением стихийных природных явлений – засухи, землетрясений и т.п.) – это все дела проникновения постосевой инхроники и ответов на нее, возможно, требующими коренной перестройки осевых ответов и/или темпов их реализации, и даже затрагивающими самые основы системы дворцового хозяйствования (“храмово-дворцовое хозяйство”), возникшей и развившейся здесь как раз в осевое время череды смен ВОП или, как в микенской Греции, при смене третьего ВОП Великим шелковым путем (ВШП).

Менее всего в этих осевых-постосевых пертурбациях, особенно в торгово-металлургических оловянно-бронзовых, участвовал, конечно же, Египет. Что как раз и позволило египетскому обществу поначалу отбиться от первого прямого наступления “народов моря”, зато потом его в полной мере накрыла упадком сама постосево́е инхроника и проблемы, связанные с ответами на нее. Все это говорит о том, что существовал еще один источник бедствий Восточного Средиземноморья указанного времени, с которым столкнулись египтяне вскоре после нападения “народов моря”. И таким источником мог стать конфликт между какими-то двумя существенно разными или, наоборот, достаточно близкими потосевыми ответами. Однако волжский и средиземноморский ответы на территории Восточного Средиземноморья вряд ли могли конфликтовать друг с другом ввиду отсутствия тяготения одного из ответов, а именно, волжского, к здешним землям и, соответственно, отсутствия интереса у местного восточно-средиземноморского населения к данному ответу. И тогда остается лишь возможность конфликта между различными вариациями средиземноморского ответа.

Собственно говоря, группы “народов моря” и впрямь могли быть не столь уж и многочисленными, так как их главным, правда неосознаваемым ими самими оружием, была не численность и вооружение, а несомое ими новое постосевое будущее, совершенно неожиданное для большинства ближневосточных обществ. Все эти общества в свое время (в периоде 1600-1400 гг. до н.э.) уже пережили сворачивание, а точнее, слом осевой оловянно-бронзовой торговли из-за прохождения постосевого инхроимпульса, исчезновение третьего ВОП из осевого будущего и удлинение осевой инхронизации аж на тысячу с лишним лет с событием-источником инхроники в ней в виде ВШП. Где-то пережили в более болезненной форме (Хатти), где-то – в менее, а то и, наоборот, воспрянули духом и вернули себе независимость на этом сломе (Египет), а где-то в результате даже зародились первые цивилизованные сообщества (Микены). Поэтому все они к XIII в. до н.э. уже давно осуществляли свои осевые ответы, связанные с будущим ВШП. Выше мы уже имели возможность убедиться, как в случае с Ассирией удачное местоположение могло помочь ассирийцам сгладить острые углы между осевой и постосевой инхрониками при реализации волжского постосевого ответа. И данный пример наглядно показывает, насколько важную роль в осевых-постосевых хитросплетениях играл географический фактор, что в общем-то неудивительно, если вспомним, что речь идет об осевых торгово-металлургических и постосевых воднотранспортных маршрутах.

К слову сказать, существенный географический уклон проскальзывал еще в азовско-черноморских степях, когда при дрейфе постосевой инхроники к волжскому ответу был добавлен средиземноморский ответ. Так чем же так не угодили средиземноморскому постосевому ответу, который явно владел умами “народов моря”, и который вместе с постосевой инхроникой дрейфовал (или только пробовал дрейфовать) к населению Восточного Средиземноморья, осевые окончания будущего осевого ВШП на побережье Леванта и в Западной Анатолии близ островной границы Микен и Хатти? Или все-таки виной всему стали какие-то внутренние конфликты в самом средиземноморском ответе при его реализации в Восточном Средиземноморье? Чтобы разобраться во всех этих сплетениях, пересечениях, переплетениях, попробуем проследить и найти, какие именно особо ярко выраженные географические или иные специфические пристрастия “народов моря” могли сыграть именно в восточно-средиземноморском регионе. И начнем мы, как водится, издалече.

Хотя свои походы на южные цивилизованные страны “народы моря” и совершали в XIII-XII вв. до н. э., отдельные их группы появляются в Восточном Средиземноморье еще в XIV в. до н. э. Судя же по надписям времен XVIII династии, угроза Египту со стороны Средиземного моря была известна уже с XV в. до н. э.^[41] До боли знакомые века, не правда ли? Вы не ошибаетесь – это как раз то самое время, когда по всем нашим предыдущим подсчетам постосевая инхроника вместе со средиземноморским ответом на нее должна была появиться среди населения Юго-Восточной Европы, а точнее, Прикарпатья, Нижнего Подунавья, возможно, и восточной части Северных Балкан в целом.

Мало того, кое-кто из воинов одного из племен “народов моря” – шардана – в начале XIII в. до н. э. служили телохранителями фараона Рамсеса II. Правда, сей факт почему-то дает основание некоторым лингвистам полагать, что “шардана проживали не на севере Балкан, а значительно

^[41] А. В. Сафронов “Очерки по истории Восточного Средиземноморья...”, стр. 11.

ближе к Египту»^[42]. Да, все так и было бы, и первоначальный ареал расселения шардана, наверное, и впрямь следовало бы искать где-нибудь на западе Малой Азии, если бы... Если бы не проникший к фракийцам Северных Балкан и прилегающих к ним с востока территорий средиземноморский постосевой ответ. Как там было сказано выше: “воспринимать и ощущать ежеминутно и ежесекундно буквально всей кожей”? Уточню конкретно для данного случая: “воспринимать и ощущать” небывало мощную тягу ко всему средиземноморскому региону вообще, а особенно к Египту и Суэцкому перешейку, отделявшему водные пути из азовско-черноморского бассейна в Индийский океан. И сразу становится понятным, почему “народы моря” так яростно вцепились именно в Египет, – тоненький перешеек Суэца, по которому прорывали канал еще в глубокой древности (то ли во II тыс. до н.э., то ли в I тыс. до н.э.)^[43], в случае наличия канала открывающий самый прямой и короткий исключительно водный путь из Европы в Индию.

Почему же тогда постосевая инхроника не проникла в Египет еще XV-XIV вв. до н. э. вместе первыми группами “народов моря”? Объяснением сего странного факта может служить, пожалуй, лишь малочисленность указанных групп. И хотя с XV в. до н. э. Египет вступает в полосу завоеваний в Палестине и Сирии, а затем с XIV в. до н. э. еще и длительных продолжавшихся с перерывами ожесточенных войн с Хатти за эти левантские земли^[44], что свидетельствует о новом всплеске инхроэнергетики в XIV в. до н. э. и в египетском обществе и у хеттов, инхроэнергетика эта явно была осевого, а не постосевого, происхождения, поскольку обе державы боролись за обладание средиземноморскими окончаниями ВШП в Леванте, а вовсе не за с Суэц или канал между Нилом и Красным морем, – в противном случае египетско-хеттская конфронтация так или иначе проявила бы себя “суэцкой” спецификой театра военных действий или хотя бы местоположением одного из главных сражений. Но – нет... Сам же быстрый рост осевой инхроэнергетики, скорее всего, был спровоцирован началом растущего преобладания ВШП над третьим ВОП в осевом инхроническом будущем после ~1500 г. до н. э. и окончательной его победой в ~1400 г. до н. э.

Но тогда возникает очередной вопрос – почему все эти века с XV в. до н. э. и позже отдельные представители “народов моря” группами, а может, и поодиночке, удовлетворяли свою не очень понятную им самим внутреннюю тягу к Средиземноморью тем, что просто добирались до этих самых южных цивилизованных земель, служили здесь, жили, причем, похоже, жили – не тужили, и вдруг с конца XIII в. до н. э. как с цепи сорвались и всем скопом (но отдельными достаточно обособленными друг от друга отрядами, совершенно справедливо уточняет А. В. Сафронов в приведенной выше цитате) синхронно и дружно устремились на юг и принялись топтать и всячески уничтожать так привлекавшие их раньше города и веси переднеазиатской цивилизации?

Частично на этот вопрос мы уже ответили выше – “народы моря” столь воинственным образом синхронно реагировали на важнейшее событие

^[42] А. Воронков “Гидронимы и этнонимы – свидетели...”, стр. 7.

^[43] А. Штенцель “История войн на море с древнейших времен до конца XIX века”, Том 1, Часть первая “Период господства гребных флотов”, Глава I “История мореплавания и морской торговли в древности”, М.: Изографус, ЭКСМО-Пресс, 2002. О канале, возможно соединяющим восточный рукав Нила с Красным морем во времена Нового царства, см. в И. В. Виноградов “Лекция 13. Новое царство в Египте” в И. М. Дьяконов (ред.) “История древнего мира”, Книга 1 “Ранняя древность”, Издание 3-е исправленное и дополненное, М.: Главная редакция восточной литературы, 1989, стр. 272-291, на стр. 273.

^[44] И. В. Виноградов “Лекция 13. Новое царство...”, стр. 272-291.

в глубинном ведущем потоке постосевого инхроники, т.е. на освоение в XII-XI вв. до н.э. технологии цементации и закалки в процессе развития металлургии железа. Да и не топтали они города вовсе, во всяком случае, не все, – в основном это дела постосевого инхроники, запускавшей распадные процессы в обществах, чьи осевые ответы как-то противоречили ей, и ответов на нее, когда внутренние конфликты постосевых ответов в данных обществах расцветали пышным цветом, а “народы моря”, в крайнем случае, лишь добивали эти уже смертельно раненные постосевого инхроникой социальные организмы. За исключением Египта – здесь “народы моря” не стали дожидаться полноценного проникновения постосевого инхроники в древнеегипетское общество и ее разрушающих действий, а под влиянием необоримой тяги к вожделенного Суэцу несколько раз кряду в конце XIII – начале XII вв. до н.э. совершили нападение на вотчину фараонов. Но в результате были разбиты и отброшены, правда, позже постосевого инхроника все-таки добралась и до египтян...

Таким образом, в общем и целом картина ясна и достаточно прозрачна – в Восточном Средиземноморье “народы моря” более всего интересовались будущим и на тот момент всего лишь потенциальным Суэцким каналом, позволявшим контролировать связь Средиземноморья с Индийским океаном. Отчего одно из самых сильных и многочисленных племен “народов моря”, нападавших на Египет (“ПЛШТ” древнеегипетских надписей, “пелесет” в условном современном прочтении, филистимляне Библии, по которым, собственно, и названа Палестина), в итоге осело в Южной Палестине в непосредственной близости от Суэца.

По одной из распространенных версий после ряда нападений на Египет (может, вскоре и сразу, а может, аж в начале I тыс. до н.э. – определенности нет) некоторые союзники филистимлян – сикулы (шакалуша), сарды (шардана) и тирсены (турша) – оказываются в Центральном Средиземноморье, где поселяются на Сицилии, Сардинии и в Северо-Западной Италии соответственно. Все это довольно неточно, имеется масса противоречащих друг другу версий и гипотез, много туманна и мало достоверных фактов, но при всем при том из сего внушающего мало доверия пула можно сделать один достаточно надежный вывод: “народы моря”, вне всякого сомнения, проявляли интерес не только к потенциальному в постосево-м будущем Суэцкому каналу, но также к Центральному и Западному Средиземноморью. И если учесть еще и их “нездоровый” интерес к Суэцу, то становится понятным, что на самом деле их интересовала морская связь Центрального и Западного Средиземноморья с Индийским океаном. А если совсем уж точно – воднотранспортный путь в Индию с территорий и акваторий Юго-Западной Европы между Апеннинским и Иберийским полуостровами.

При таких мотивационных раскладах у “народов моря” в реализации их варианта средиземноморского постосевого ответа, успевшего переключиться и к части местного восточно-средиземноморского населения, развитие портовых окончаний осевого ВШП в Леванте и Западной Анатолии в лучшем случае не пересекалось бы с реализацией этого варианта средиземноморского ответа, а в худшем – стало бы лишней помехой, создающей совершенно ненужную ему портовую инфраструктуру там, где сей ответ в ней совершенно не нуждался. Да что портовая инфраструктура! – реализация подобных осевых ответов ВШП в Восточном Средиземноморье сосредотачивали здесь целые *местные* страны-метрополии, которые наращивали бы свою морскую колониальную экспансию на запад – в то самое Центральное и Западное Средиземноморье, где “народы моря” явно собирались обосно-

ваться надолго, если не навсегда. А это уже стало бы прямой угрозой как самим “народам”, так и их средиземноморскому ответу, который одновременно разворачивал бы морские портово-транспортные структуры метрополия-колония в прямо противоположном направлении с запада на восток. Иными словами, “народы моря” своим постосевым средиземноморским ответом собирались переносить центр дальнейшего, уже постосевого, цивилизационного развития западной Евразии – Центр Мира в их, и не только их, понимании – из Восточного Средиземноморья и прилегающих ближневосточных территорий в Западно-Центральное Средиземноморье и Юго-Западную Европу. “Собирались” – это, конечно, слабо сказано и не совсем точно – они уже переносили сей Центр, как только приступили к реализации своего варианта средиземноморского ответа рядом вторжений в страны Восточного Средиземноморья.

Что, собственно, и вызывало социально-политическое противостояние в государствах Восточного Средиземноморья между сторонниками осевой инхроники и ВШП с одной стороны, и возникающими словно из ниоткуда приверженцами новой постосевой инхроники с другой, которое, возможно, непомерно усиливалось еще и конфликтующими взаимодействиями различных вариантов средиземноморского ответа и их носителей. И, как следствие, упадок и развал этих государств... А часть вновь нарождавшихся адептов постосевой инхроники в самом Восточном Средиземноморье вслед за “народами моря” и вместе с ними устремлялись все туда же – на средиземноморский запад.

То ли исключением из этого правила, то ли его подтверждением, стали финикийские^[45] города, большую часть которых “народы моря” на своем пути из Малой Азии в Египет почему-то обошли стороной, даже не затронув их. И обитатели этих городов, не претерпев никаких упадков или хотя бы кризисов, продолжили жить той же жизнью, которой жили до того^[46]. Это что же получается – туда даже постосевая инхроника со средиземноморским ответом не проникла? Но этого быть не может. Тогда с необходимостью приходим к выводу, что, либо население этих торговых городов все как один приняли постосевую средиземноморскую ответ “народов моря”, причем

^[45] ”...историю Финикии большинство современных ученых начинают предположительно с 1200 г. до н. э.” (Ю. Б. Циркин “От Ханаана до Карфагена”, М.: ООО «Издательство Астрель», ООО «Издательство АСТ», 2001, стр. 4). Однако вопрос о том, с какой именно даты можно употреблять слова “Финикия” и “финикийский” отнюдь не празден, не так прост, как кажется, и до сих пор актуален. Сам Ю. Б. Циркин предпочитает вести отсчет существования финикийцев как народа с момента появления на средиземноморском побережье Леванта в ~3000 г. до н.э. ханаанейских племен, часть которых поселилась на территориях, много позже названных Финикией. И финикийцы в этнокультурном плане ничем не отличались от ханаанев, какими они сами себя и называли. При том что “...История Финикии конца II – I тысячелетий до н. э. (до завоевания Александром Македонским в 332 г. до н. э.) является прямым и почти непрерывным продолжением предшествующей и в политическом, и в экономическом, и в социальном, и в культурном отношении” (стр. 6). В то же время Ю. Б. Циркин, признавая “время великих потрясений XIII – XII вв. до н. э., когда менялись этническая и политическая карты Средиземноморья”, считает, что “Нападения того времени, как мы увидим далее, оказали определенное влияние на судьбы финикийских городов, но не прервали ход исторического процесса” (стр. 5-6). А под “нападением” здесь имеется в виду нападение именно “народов моря”... Сторонники же альтернативной точки зрения прямо и беспартийно утверждает простенькую формулу: “Ханаанеи плюс народы моря равняется финикийцы” (А. В. Волков “Загадки Финикии”, М.: Вече, 2004, стр. 90-91), понимая под этим, что финикийцы – всего лишь смесь ханаанев с “народами моря”. Может, и смесь, но не только и даже не столько – во всяком случае, как увидим ниже, одним этногенезом здесь дело явно не ограничивалось.

^[46] Ю. Б. Циркин “От Ханаана до...”, стр. 82-83.

один и тот же его вариант, либо же, они так же дружно начали вырабатывать и формировать свой собственный постосево́й ответ, чрезвычайно близкий ответу “народов моря”, во всяком случае, в той его части, которая касалась переноса “Центра Мира” из Восточного Средиземноморья и Месопотамии в Западное Средиземноморье. Последний вариант выглядит более предпочтительным, поскольку в случае первого варианта финикийцы всем обществом вместе с “народами моря” просто переселились бы на запад и далее действовали бы совместно и полностью согласно с ними – разумеется в *инхроническом* плане, а не в политическом или экономическом. Однако в состоявшейся истории наблюдается несколько иная стратегия исторического поведения финикийцев, заключающаяся не просто в основании в Западном Средиземноморье колоний Восточного, т.е. самой Финикии, и не просто в переселении в Западное Средиземноморье, а в создании там мощных образований, таких, например, как, Карфагенская держава^[47], способных к более развитой и самостоятельной экономической, политической и культурной деятельности, чем даже города самой финикийской метрополии. Другими словами, финикийцы на деле и достаточно быстро, причем гораздо быстрее самих “народов моря”, принялись переносить “Центр Мира” на запад. Видимо, торгово-ремесленное население финикийских городов сразу уловило всю много большую потенцию взаимодействия с ожидаемой в постосево́м будущем воднотранспортной сетью при пребывании их в Западном Средиземноморье, а не в Восточном, – в отличие от остальных обитателей Восточного Средиземноморья, среди которых в такт с ростом упаднических настроений только усиливались конфликты различных *инхронических* групп друг с другом. И этот финикийский вариант быстрого средиземноморского ответа на уровне коллективной психики был тотчас прочувствован “народами моря”, что в итоге и вызвало соответствующее их отношение к финикийцам как к союзникам (пусть и временным), и вытекающее из этого отношения поведение.

Возможно, “народы” еще и смешивались с финикийцами (или с ханаанеями, как утверждают некоторые), кто знает, но как отдельные социумы принять быстрый ответ финикийцев “народы моря” пока что никак не могли, так как не располагали в Восточном Средиземноморье необходимой для этого метропольной базой, достаточно мощной в торгово-экономическом и политическом отношении, а их предполагаемая родина (балканская или центрально-европейская или северочерноморская) для этого явно не годилась. А финикийцы располагали. Мало того, по всей видимости, осевую потенцию ВШП им также удалось приспособить для скорейшего разворачивания реализаций своего постосево́го ответа. Однако вывести эти реализации на наглядно проявляемый конечный уровень, когда Карфагенская империя, а не Римская, триумфально вернулась бы с запада всеми своими державными структурами в старый родной метропольный Тир, им так и не удалось – да и могли ли они подозревать, что один из далеких культурных потомков их союзников “народов моря” спустя примерно тысячу лет начнет твердить в римском сенате, как заведенный: “Карфаген должен быть разрушен!”. И Карфаген был разрушен, но на то были свои объективные причины...

Однако, вернемся все же к планам и ожиданиям самих “народов моря”. Надо ли говорить, что возможное ответвление средиземноморской воднотранспортной среды в Черное и Азовское моря и далее по рекам на север вплоть до Балтики и Северной Европы было глубоко безразлично привер-

^[47] Ю. Б. Циркин "От Ханаана до..." – вся книга целиком.

женцам варианта средиземноморского ответа “народов моря”, который логично было бы поименовать западно-средиземноморским? Те же этносы, некоторые из которых были близки “народам моря” по крови, но отнюдь не по духу и инхроническим привязанностям, чья судьба еще во времена распространения постосевой инхроники успела связаться с данным ответвлением на север Европы и его закономерным продолжением в Восточном Средиземноморье и далее через все тот же Суэц в Индийский океан и Индию, остались в Прикарпатье, причерноморских степях и дальше по рекам азовско-черноморского и балтийского бассейнов, где воднотранспортная потенция этих рек оказалась наиболее востребуемой. Таковыми были, например, иранские потомки маевских срубников, в среде которых в азово-черноморских степях около 1450-1400 гг. до н.э., собственно, и зародился самый первый средиземноморский ответ, способный противостоять как возникшему несколько позже родственному западно-средиземноморскому ответу на западе, так и предыдущему волжскому постосевому ответу на востоке. И этот первый средиземноморский ответ по аналогии столь же логично было бы назвать восточно-средиземноморским ответом на постосевую инхронику.

Так вот, скорее всего, именно эти бывшие маевские иранцы, которым в смутное времена падения ЕАМП и других железно-металлургического синхронизмов в XII-XI вв. до н.э. пришлось отказаться от многих своих срубных культурных привычек и начать смешиваться с оставшимся на местах соседним фракийско-сабастиновским населением Днепро-Днестровского междуречья, где обе этнические группы уже веками бок о бок жили вперемешку, в подавляющем большинстве своем как раз и остались верны восточно-средиземноморскому ответу в ходе прохождения по Балканам и соседним регионам волны “народов моря” с их западно-средиземноморским ответом.

А вот здесь мы вновь сделаем большое отступление от нашей главной темы “народов моря” и поговорим о... киммерийцах, скифах, вообще о кочевниках степи того времени и о, возможно, связанных с ними культурах.

Да, меньшая часть фрако-иранцев Днепро-Днестровского междуречья, переняв западно-средиземноморский ответ от “народов моря”, была увлечена их потоком в южные земли. Зато оставшееся в родных местах подавляющее большинство, в среде которого развернулся бурный процесс *осевого* этно- и культурогенеза в его новой белозерской культурной форме и в уже возможном киммерийском этническом облики, совершив несколько осевых и постосевых культурно-инхронических переходов, распространились при этом до Дона и даже до Северного Кавказа и в начале I тыс. до н.э. и железного века, как и вся степь, перешли к кочевому образу жизни в рамках черноморовской и новочеркасской культурных групп^[48]...

^[48] По мотивам А. И. Тереножкин “Киммерийцы”, Киев, Наукова думка, 1976, где вопросы генезиса киммерийцев освещены в основном на стр. 186-215. Эта одна из версий киммерийского культурогенеза – наиболее популярная, базирующаяся в основном на археологических материалах. Альтернативная ей гипотеза отрицает какую-либо причастность памятников черноморовско-новочеркасского типа к реальным киммерийцам, под которыми понимаются лишь обитатели расположенной в Передней Азии страны Гамирры ассирийских клинописных текстов конца VIII-VII вв. до н.э. в сопоставлении со свидетельствами античных авторов (А. И. Иванчик “Киммерийцы. Древневосточные цивилизации и степные кочевники в VIII-VII вв. до н.э.”, М.: Институт всеобщей истории РАН, 1996). Очень похоже на две стороны одной той же медали... И, наверное, все-таки не стоит вот так безоговорочно отрицать киммерийское присутствие в Северном Причерноморье и на Северном Кавказе предскифского периода, а следует ставить вопрос ребром: почему, по какой такой *объек-*

Одной из главных отличительных культурных черт белозерской культуры является присутствие двух разных погребальных обрядов: в грунтовых могильниках и в курганах. Обычно это интерпретируется двухкомпонентным этническим составом белозерского общества, однако было предложено еще одно возможное объяснение данному культурному феномену, не исключающее и прежнюю этническую интерпретацию: два разных погребальных ритуала возникли среди белозерцев в результате перехода от оседлого образа жизни к степному кочевому хозяйствованию^[49], когда данный переход обострял, усиливал и поляризовал уже имеющиеся в белозерском обществе тенденции этнокультурного расслоения, в результате чего победил кочевой образ жизни и курганный обряд захоронения, правда, в несколько усеченном виде. Так, на черногоровско-новочеркасском этапе развития киммерийской культуры, следующем после белозерского этапа, вместо крупных стационарных могильников белозерского времени, насчитывающих десятки и даже более сотни погребений, повсеместно распространяются одиночные впускные захоронения в курганы более древних эпох в виде подбоев и разнообразных ям^[50]. И несмотря на то что в инвентаре, выявленном в наиболее ранних кочевнических захоронениях I тыс. до н.э., прослеживается определенная близость с посудой и украшениями белозерской культуры^[51], видно насколько сильно новый кочевой образ существования и хозяйствования определял многие культурные черты жизни... как, впрочем, и смерти.

Параллельно с переходом от оседлости к кочевому хозяйствованию в белозерском Северном Причерноморье совершался и переход от бронзового к раннему железному веку. Однако кочевничество – это безусловно не постосево́й ответ, во всяком случае, я не вижу, как, каким таким образом, а лучше вполне понятной внятной аргументацией, можно связать кочевое хозяйство с воднотранспортной системой постосевого будущего или хотя бы с металлургией железа. Вместе с тем уже в черногоровское время:

“Киммерийские кинжалы и мечи, изготовлявшиеся из железа и стали, получили распространение в соседних странах. Можно сказать даже, что на территориях, куда дости-

тивной причине археологические следы новочеркасского культурного типа не наблюдаются в Передней Азии (А. И. Иванчик “Еще раз к дискуссии о киммерийцах и хронологии раннескифской культуры” в сборнике “«Terra Scythica»: Материалы международного симпозиума «Terra Scythica»”, Новосибирск: Издательство Института археологии и этнографии СО РАН, 2011, стр. 64–76) во времена, когда страна Гамирра упоминается в переднеазиатских письменных источниках? Простое размещение страны Гамир на Северном Кавказе (С. В. Махортых “Киммерийцы и древний Восток”, ВДИ, № 2, 1998, стр. 95–104) тоже как-то мало приближает нас к разрешению данного вопроса... И все же на страницах настоящего исследования мы продолжим придерживаться традиционно более распространенной первой гипотезы, ввиду ее большей интерпретирующей потенции, причем гораздо более широкого круга культурно-исторических явлений и процессов, как бы подразумевающей более гибкие, разносторонние и многообразные связи между археологическими культурами и этнокультурными образованиями. Связи, совокупность которых, к сожалению, пока что зачастую воспринимается и вычленяется только на чисто интуитивном уровне. Чем, собственно, и объясняется непреходящая популярность и обаяние этой версии киммерийского культурогенеза...

^[49] С. В. Махортых “Переход от заключительного периода эпохи поздней бронзы к раннему железному веку в Северном Причерноморье”, Российский археологический ежегодник, №2, 2012, стр. 276–286.

^[50] Там же, стр. 280.

^[51] Там же.

гали эти кинжалы, распространялось и железо как новый и более совершенный материал для изготовления предметов вооружения и орудий труда”^[52]

И еще – применительно к последней завершающей фазе черногоровско-новочеркасского этапа:

“В производстве орудий и предметов вооружений из железа население степного юга Европейской части СССР в большей или меньшей степени опережало своих соседей”^[53]

Таким образом, приходим к выводу, что кроме осевого кочевого ответа, начиная с белозерского времени, киммерийцы осуществляли еще и какой-то другой ответ, и мы даже знаем, какой именно – восточно-средиземноморский постосевой, унаследованный оседлыми белозерскими киммерийцами от маевских срубников, что конкретно у кочевых киммерийцев проявилось в более быстрых, чем у соседей, темпах освоения и развития металлургии железа.

А вот с осевыми ответами, причем как раз-таки с ответами на ВШП, кочевничество, в начале I тыс. до н.э. охватившее почти всю евразийскую степь, очень даже неплохо состыковывается. Вне всякого сомнения внешним поводом для столь резкого к тому же массового изменения образа жизни да еще в такой крайней форме были климатические пертурбации – засуха и смена температурного режима в степи в конце II – начале I тыс. до н.э., а вот глубинной причиной... Если бы в социумах не было ответов на инхронику, с которыми климат в принципе мог бы взаимодействовать, то навряд ли в степи даже при самой свирепой засухе сложились бы такие институты, как кочевничество и всадничество, тем более во всех регионах евразийского степного пояса повсеместно – в таком случае степное население просто так же поголовно мигрировало бы в более благоприятные климатические зоны, и не более того. Конечно, в реально состоявшейся истории степняки точно так же мигрировали из степи во все ближайшие более удобные зоны, но во всех случаях, когда удастся хоть как-то, хоть мало-мальски, хоть гипотетически, отследить эти миграции, в них всегда присутствует это самое “более того”.

Однако, какие именно ответы могли бы взаимодействовать с климатом? Аридная инхроника практически уже сходила на нет в конце своей инхрозоны, постосевые адаптационные ответы, как уже говорилось, трудно, если вообще возможно, увязать с кочевым хозяйствованием... Остаются только осевые ответы. ЕАМП и ВШП? Похоже на то... К концу II тыс. до н.э. уже почти развалившаяся ЕАМП полностью сходит на нет и исчезает. Инхроническая причинность вполне понятна и прозрачна – новые технологии цементации и закаливании в металлургии железа, открытые и освоенные в XII-XI вв. до н.э. на Анатолийском плато, в перспективе окончательно задирают бронзу как металлический *инструментальный* материал в чисто бытовую сферу. Что вынуждало оставшихся вообще без осевого ответа степняков приступить к формированию нового осевого ответа столь же вынужденно привязанного к будущему осевому ВШП – никакого другого варианта просто не существовало. И степное население евразийских степей находят сей ответ в кочевничестве. Казалось бы, какая связь между ВШП и кочевым хозяйством? Да, собственно никакой. Дело вовсе не в хозяйстве, а в

^[52] А. И. Тереножкин “Киммерийцы”, стр. 200.

^[53] Там же, стр. 201.

массовом освоении верховой езды – всадничестве, – особенно в его применении на войне при ведении боевых действий и для совершения стремительных дальних походов, а оттуда уже и востребованное в новой климатической обстановке и хозяйство, и кочевой быт, и все остальное. И ключевое словосочетание здесь применительно к ВШП – это “дальние походы”.

Степной пояс, расположенный значительно севернее ВШП, тянулся почти параллельно южным землям, по которым должна была пройти в будущем главная магистраль ВШП. И крупные хорошо вооруженные конные отряды были самым что ни на есть непрекраснейшим способом “взаимодействия” степняков с данной будущей трассой и богатствами цивилизованных стран, как уже существующих, так и тех, что со временем неизбежно возникли бы вдоль нее. Попросту говоря, всадничество и освоение стратегий и тактик конных сражений предоставляло степнякам отличную возможность в будущем периодически, но постоянно и беспрепятственно, грабить караваны на трассе ВШП и расположенные на нем торговые города, против чего, собственно говоря, в свое время и был направлен этнокультурный ответ срубно-андроновского общества. Однако век больших самоорганизованных этнокультурных систем давно миновал, а степняки-кочевники к тому времени уже располагали бы всем необходимым, чтобы время от времени, зато крайне эффективно, “подсоединяться” к грядущей главной глобальной торгово-цивилизационной магистрали осевого мира столь оригинальным разбойным способом, а порой и надолго, если не навсегда, поселяться здесь, когда предоставлялась такая возможность, и была в том необходимость со стороны, реализации своего осевого или даже постосевого ответа. И такое осевое кочевое поведение степняки начали демонстрировать задолго до появления самого ВШП...

Понятно, что все эти “подсоединения” дальними конными походами в основном должны были происходить в направлении, близком к меридиональному, поскольку и ВШП и степной пояс каждый на своей средней широте располагались параллельно друг другу. В то же время воднотранспортные трассы, проходящие в том числе и по степным кочевым территориям постосевых ответов – восточно-средиземноморского и волжского, точно так же как и походы кочевников в данной географической нише между степью и ВШП, были вытянуты меридионально – местами по суше, но все больше по воде. Конечно же, такое подобие может ничего и не означать, и виной всему лишь география и ландшафтные особенности, а может косвенно указывать на некую коллективную ассоциацию с одним из перечисленных постосевых ответов.

И походы киммерийцев и скифов в VIII-VII вв. до н.э. в Переднюю Азию, иногда кратковременные, а порою достаточно длительные, в этом ряду не были исключением, совершаясь именно в меридиональном направлении. Да и не могли они совершаться никак иначе – чисто по географическим соображениям. Другое дело, что они вообще могли бы не происходить, но они были... И тогда уже в самой Передней Азии некоторое явно выраженное тяготение киммерийцев к широтному распространению на запад в сторону Малой Азии и Восточного Средиземноморья в целом и, наоборот, большая, чем у киммерийцев, привязанность скифов к территориям между Тигром-Евфратом и Каспийским морем, по которым или близ которых проходил бы и ВШП, можно трактовать, как указание на реализацию киммерийскими сообществами восточно-средиземноморского постосевого ответа, а скифами – волжского постосевого ответа. К тому же у скифов, сравнительно недавно прибывших в азовско-черноморские степи из Южной Сиби-

ри, бывшей вотчины федоровцев, в указанный отрезок времени (раннескифский период) навряд ли мог бытовать какой-либо иной постосевой ответ, кроме как волжский. Но уже начинался подспудный переход на восточно-средиземноморской ответ...

Итак, киммерийцы и Малая Азия. По общепринятой версии киммерийцы в 676/675 г. до н.э. в союзе с урартийцами разгромили Фригийское царство в Центральной Анатолии, а затем после отхода армии царя Урарту Русы II на родину более двадцати лет опустошали Фригию, напали на расположенную еще дальше Лидию, на время даже захватили ее столицу Сарды, вторглись в Ионию... Однако появившейся еще в 680-670 гг. до н.э. на территории Передней Азии инхронически враждебные киммерийцам скифы, которые поселились в районе оз. Урмия в Северо-Западном Иране, в середине 650-ых гг. до н.э. ворвались в Малую Азию, где нанесли сокрушительное поражение киммерийцам, остатки которых были отеснены дальше на восток в Каппадокию, подальше от восточно-средиземноморских водно-транспортных трасс, а фригийские земли занял лидийский царь^[54]. Последнее обстоятельство указывает на то, что скифов, в отличие от киммерийцев, западные малоазийские территории интересовали весьма мало – они шли только по следу своих злейших врагов киммерийцев с их восточно-средиземноморским постосевым ответом.

Но как тогда быть с рассказом Геродота о походе скифов на Египет времен фараона Псамметиха I (664-610 гг. до н.э.)? Псамметих встретил их на территории Сирии богатыми дарами и сумел уговорить отказаться от вторжения в Египет... [Геродот, I.105]^[55]. А ведь согласно нашей инхронической версии происходившее в те времена сосредоточение геополитической активности стран и народов в том или ином регионе должно было протекать от реализации того или иного постосевого ответа. Но что скифам с их волжским ответом Египет? Можно было бы, предположить, что скифы даже здесь на Ближнем Востоке хотели продолжить свою вражду с киммерийцами за территории, как они делали это в северочерноморских и приазовских землях. Предположить, конечно, можно все, если бы ряд авторов не отнесся скептически не только к хронологической, но и к содержательной стороне рассказа Геродота^[56], выдвинув при этом достаточно обоснованные сомнения в достоверности его многих деталей^[57]. Поэтому гораздо ближе к истине будет гипотеза, что за данным сообщением на самом деле стоит поход киммерийско-лидийской армии в Сирию и далее в Палестину, а киммерийцы, как и лидийцы, и греки-ионийцы, в среде которых также бытовал восточно-средиземноморский постосевой ответ, как раз-таки имели совершенно прозрачную мотивацию к геополитическому продвижению в сторону Египта и Суэца. И если бы не остановившие их скифы, то киммерийцы со временем прочно обосновались бы в греческой Ионии, т.е. на эгейском побережье Малой Азии, где имели бы все возможности развернуть свой восточно-средиземноморский постосевой ответ в совершенно ином качестве и на совсем другом уровне, одновременно обладая при этом плацдармами как

^[54] А. В. Седов (ред.) “История Древнего Востока. От ранних государственных образований до древних империй”, М.: Восточная литература, 2004, стр. 417-418; А. И. Иванчик “Киммерийцы...”, стр. 76-77, 109-121, 131-132.

^[55] Геродот “История. В девяти книгах”, Перевод и примечания. А. Г. Стратановского, Л.: «Наука», 1972, стр. 45.

^[56] А. В. Седов (ред.) “История Древнего Востока. От ранних государственных ...”, стр. 555-556.

^[57] И. Н. Медведская “Древний Иран накануне империй (IX—VI вв. до н. э.). История Мидийского царства”, СПб.: Петербургское Востоковедение, 2010, стр. 209-217.

в Восточном Средиземноморье, так и в Северном Причерноморье. Причем не исключено что успели бы сделать все это раньше, чем столь удобного геополитического положения достигли древние греки в процессе колонизации Причерноморья, тоже начавшейся в VIII в до н.э. почти синхронно с началом походов киммерийцев в Переднюю Азию. В крайнем случае, не отстали бы от последних, разделив с ними геополитическую сферу влияния восточно-средиземноморского постосевого ответа.

Имеются также и другие косвенные свидетельства пребывания киммерийцев не только под воздействием кочевого осевого ответа, но и восточно-средиземноморского постосевого ответа. Например, проникновение в черногоровско-новочеркасское время причерноморских степных киммерийцев далеко на север в Среднее Поднепровье на границу степи и лесостепи и даже еще севернее. Некоторыми исследователями считают, что именно их военными вторжениями было обусловлено возникновение городищ у племен здешней чернолесской лесостепной культуры в бассейне р. Тясмины. По Днепру же киммерийское влияние простиралось до района г. Канева^[58]. Да, все это, наверное, вполне объяснимо меридиональными сезонными перекочевками зимой к берегу моря, летом же на границу степи и лесостепи, а в наиболее засушливые годы и в южные районы лесостепной зоны^[59], т.е. реализацией одного лишь кочевого осевого ответа в чисто климатическо-хозяйственной его части. Однако, если учесть и сильное киммерийское влияние (конкретно – черногоровского культурного типа) на ананьинскую культуру Волго-Камья в самой ранней ее фазе^[60], не исключающее, что и здесь данное влияние спровоцировало ускоренное культурное развитие всего региона, лежащего далеко на севере от исконно киммерийского степного ареала и их сезонных перекочевков, то невольно закрадывается мысль, что одними осевыми сезонными перемещениями круг интересов киммерийцев явно не ограничивался, а, наоборот, наряду с реализацией кочевого ответа немало усилий они вкладывали и в реализацию некоторых элементов восточно-средиземноморского постосевого ответа – например, таких как исследование русел северных рек, возможно, что всего лишь во вред конкурирующему волжскому ответу.

Более того, киммерийцы оказывали столь же сильное влияние и на племена кобанской культуры в Центральном Предкавказье – вполне понятный осево-постосево-интерес в свете последующих вторжений в Переднюю Азию. А несомненно широкий и большей частью *односторонний* спектр связей киммерийцев и фракийского населения Карпато-Дунайского бассейна некоторые авторы склонны объяснять сериями вторжений киммерийцев в Среднюю Европу^[61], которые, надо полагать, происходили вдоль долины Дуная, чьи истоки, кстати, вплотную подходят к истокам Рейна, впадающего уже даже не в Балтийское, а в Северное море.

Возвращаясь к заданному выше вопросу, почему в Передней Азии не наблюдаются следы собственно киммерийской культуры в виде артефактов новочеркасского культурного типа, особенно там, где по свидетельствам клинописных источников должны были пребывать киммерийцы, прежде всего хотелось бы привести ряд цитат из одной работы двух наших исследо-

^[58] А. И. Тереножкин “Киммерийцы”, стр. 202.

^[59] С. В. Махортых “Культура и история киммерийцев Северного Причерноморья”, докторская диссертация, Киев, 2008, стр. 380.

^[60] С. Н. Коренюк “К вопросу о датировке начального этапа ананьинской культуры Волго-Камья”, Известия Самарского научного центра РАН, т. 11, №2, 2009, стр. 265–270.

^[61] А. И. Тереножкин “Киммерийцы”, стр. 203-204.

вателей – М. Н. Погребовой и Д. С. Раевского (с использованием материалов Э. А. Грантовского):

“Так, на юге Восточной Европы выделены два типа памятников — черногоровский и новочеркасский, которые многие исследователи трактуют как последовательные стадии развития преемников срубной культуры позднебронзового века. По одной из существующих концепций киммерийцами считают носителей обеих этих культур. Другие исследователи полагают, что одна из этих культур оставлена киммерийцами, а другая принадлежала ранним скифам на стадии, предшествовавшей окончательному сложению их собственной культуры...”

...Еще нагляднее, чем в предскифское время, процесс унификации разных археологических культур прослеживается на несколько более поздней стадии, с распространением в евразийских степях так называемых культур скифского типа. Именно в это время на обширном степном пространстве получили широкое распространение определенные категории инвентаря, связываемые с самими скифами или с современными им народами. Особенно характерна для всех этих культур так называемая скифская триада, включающая предметы вооружения специфических форм, определенные детали верховой конской сбруи и произведения прикладного искусства, выполненные в характерном «зверином стиле». Для этих культур типичен и ряд других категорий инвентаря...

...С годами, по мере углубленного изучения степных археологических памятников скифской эпохи, стало ясно, что культура обитателей каждой из конкретных областей, входящих в евразийский степной пояс, имеет свои самобытные корни, как правило восходящие к предыдущей эпохе. В собственно скифское время на эти черты наложились общие для разных культур проявления, придавшие различным группам памятников определенное единообразие, хотя и в них в большей или меньшей степени заметны местные особенности. Такое понимание специалистами процессов культурной эволюции привело их к новому толкованию процессов этногенеза обитателей разных областей степного ареала, в частности к иному представлению о взаимоотношениях между уже упомянутыми киммерийцами и скифами”^[62]

“Существует, в частности, весьма основательная концепция, согласно которой племена киммерийцев и скифов на определенной стадии были однокультурны и распознать, кому из них какие памятники принадлежат, практически невозможно”^[63]

По-моему, все достаточно внятно, ясно и понятно – киммерийская культура во времена вторжений киммерийцев и скифов в Переднюю Азию уже так мало отличалась от скифской, что обе они стали археологически неотличимы одна от другой в рамках одной единой *материальной* культуры, которую сегодня называют раннескифской. Осветим лишь некоторые ин-хронические нюансы рассматриваемых культурно-исторических явлений.

1. Уже в предскифском периоде кочевой осевой ответ стал много больше, если не целиком и полностью, определять материальный облик любой евразийской степной культуры того времени по сравнению с постосоосевой составляющей, которая в основном отражалась в геополитическом адаптационном поведении соответствующих сообществ – по той простой причине, что внешние проявления кочевого ответа самым непосредственным образом регламентировались жесткими ресурсно-климатическим рамкам в настоящем, с одной стороны, а с другой – планируемыми в будущем походами в страны торгового пояса ВШП, которые предъявляли не менее жесткие требования к вооружению и боевому конскому оснащению, т.е. опять-таки к материальной стороне культуры.

^[62] А. В. Седов (ред.) “История Древнего Востока. От ранних государственных ...”, Глава 9 “Степи Евразии и Древний Ближний Восток в киммерийско-скифскую эпоху”, стр. 537–578, на стр. 542–543.

^[63] Там же, стр. 546.

2. В рассматриваемое время произошли два разных культурно-инхронических воздействия на население Северного Причерноморья со стороны расположенных восточнее Дона азиатских территорий. Первое из них было вызвано распространением на запад зародившегося в восточных глубинах Евразии кочевого ответа, что привело где-то на границе II и I тыс. до н.э. к исчезновению белозерской культуры оседлых киммерийцев и распространению в причерноморских степях черногоровских культурных артефактов:

“В результате в X в. до н.э. в Северном Причерноморье появляются чуждые местной линии развития формы кинжалов, наконечников стрел, удила, псалиев, а также антропоморфные изваяния, непосредственно связанные с оленными камнями Южной Сибири и Центральной Азии”^[64]

Думается, кочевой ответ на этом этапе распространялся в основном посредством дрейфа, т.е. за счет обычных контактов между социумами, в том числе и торговых, а не какими-то масштабными или не очень миграциями. В связи с этим возникает лишь один вопрос, касающийся оленных камней, появление которых (*курсив в приведенной ниже двойной цитате мой – А.З.*)

“...по справедливому замечанию Н. Л. Членовой окончательно убеждает, что речь должна идти «не о торговых связях (каменные изваяния слишком тяжелы и громоздки, чтобы ими торговать, да и вряд ли такой "товар" нашел бы спрос в совершенно чуждой среде)», а именно о передвижениях населения”^[65]

В том-то и дело, что уже не в совсем чуждой среде. Не надо забывать о главной сакральной функции оленных камней, которая как раз-таки была способна передаваться и распространяться вместе со всей сопровождающей кочевой ответ идеологией – на уровне идей, как принято говорить. Поэтому чуть более развернуто и подробно об оленных камнях (*везде в пространной цитате ниже курсив мой – А.З.*):

“1. Однозначное определение как назначения, так и семантики оленных камней вряд ли возможно. Будучи одинаково связаны с идеей жертвоприношений и исполняя важнейшую при анимистической концепции мира *коммуникативную функцию*, оленные камни разных типов аккумулировали различные виды представлений и соответствующих им ритуальных действий.

...

3. Оленные камни II и III типов связаны непосредственно с погребениями. Истоки использования вертикально установленных «знаков» в погребениях уходят в глубину эпохи бронзы (андроновская культура). Установка оленных камней II и III типов на площади курганов (херексуров) обусловлена наземной формой захоронения, сформировавшей наиболее четкие представления о *сакрализованном пространстве, центральной «осью» которого являлись оленные камни.*

4. Исходные формы памятников, положивших начало генезису оленных камней в двух основных центрах их распространения (монгольском и саяно-алтайском), не совпадали (стелы в погребениях и «жертвенники» на поверхности). Окончательное сложение общего иконографического облика оленных камней, видимо, осложнившее их внутреннее со-

^[64] В. И. Ключко, В. Ю. Мурзин “О взаимодействии местных и привнесенных элементов скифской культуры” в сборнике “Скифы Северного Причерноморья”, Киев, 1987, стр. 12–19, на стр. 18.

^[65] Там же.

держание, произошло на уровне выделения оленных камней с чётким зональным делением, т.е. *не ранее начала раннескифского времени*.

5. Оленные камни *западного ареала* с точки зрения назначения и семантики (как погребальные памятники) наиболее близки оленным камням *II и III типов*. Поэтому можно предполагать, что распространение их за пределами основного (восточного) ареала генетически было связано с саяно-алтайской линией развития оленных камней”^[66]

Когда в приведенном отрывке читаешь о “коммуникативной функции” и “сакрализованном пространстве, центральной осью которого являлись оленные камни”, то в осевом контексте наших инхронических рассуждений невольно закрадывается мысль: а не о ВШП ли идет речь?

3. Следующее проникновение восточного кочевого влияния в Северное Причерноморье и на Северный Кавказ произошло уже в виде миграционного проникновения первых протоскифских племен, что наблюдается в появлении здесь наиболее архаичных форм наконечников стрел скифского типа – удлинённо-ромбических, бронзовых двухлопастных, – а также погребальных комплексов, в инвентаре которых обнаружены вещи, свойственные как новочеркасской, так и скифской культуре. Все эти археологические находки вкупе в свою очередь отражают первые контакты протоскифов с местным восточноевропейским населением^[67] черноморовского культурного типа. А промежуточным продуктом таких контактов стали памятники новочеркасского культурного типа. Конечным же итогом – раннескифская культура, которая вырабатывалась совместно и была быстро принята пришлыми протоскифами, а также киммерийскими черноморцами-новочеркасцами, но уже гораздо медленнее и болезненнее. А происходило все это, надо полагать, в довольно широком промежутке времени от IX в. до н.э. до середины VIII в. до н.э.^[68], в течение которого раннескифская культура впитывала в себя все то, самое действенное и эффективное, что могли предложить кочевые осевые ответы восточных номадов протоскифов и местных киммерийцев. И в этом смысле кочевой ответ бывших фрако-иранцев киммерийцев уступал чисто иранскому исконно степному протоскифскому ответу, отчего в итоговую раннескифскую *археологическую* культуру и вошло так много скифских элементов – больше, чем исходных киммерийских, поскольку, как уже было сказано выше, именно кочевой осевой ответ в основном определял *материальный* облик соответствующей культуры.

4. И тем не менее киммерийцы и скифы не слились в один народ. Мало того, они активно враждовали друг с другом, что особенно наглядно проявилось во время их походов в Переднюю Азию. И виной тому тот простой факт, что культура в целом не исчерпывается одной лишь материальной своей составляющей. Более того, духовная составляющая культуры зачастую (если не всегда), куда более значимо влияет на жизнь, цели, сам смысл существования народов, чем ее внешние чаще просто бытовые или

^[66] Д. Г. Савинов “Оленные камни в культуре кочевников Евразии”, СПб: СПбГУ, 1994, на стр. 150.

^[67] А. В. Волкова, В. В. Горовой “Истоки интерлокальности кочевнической цивилизации скифов и взаимовлияние культурных элементов на территории Северного Причерноморья в раннескифский период”, Вестник Карагандинского университета, Серия: История, философия, право, № 3(39), 2005, стр. 5–11, на стр. 6.

^[68] И. Н. Медведская “Периодизация скифской архаики и древний Восток”, Российская археология, №3, 1992, стр. 86–107, на стр. 86 (начало новочеркасской ступени в IX в. до н.э. по Г. Коссаку), таблица на стр. 88 (начало первого этапа раннескифской культуры в середине VIII в. до н.э.).

хозяйственные выражения. И сей тезис в любой культурно-инхронической модели как бы само собой подразумевается, поскольку мы еще в первом томе пришли к выводу, что все духовное – это всего лишь то же самое бытовое и хозяйственное, только отнесенное в будущее... В степях же предскифского и скифского времени духовное больше определялось постосевыми ответами, чем осевыми. Оленные камни – это, конечно, обратный пример, когда кочевой и именно осевой ответ генерировал некоторые стороны (лишь некоторые...) духовной жизни степных кочевников, но это, скорее, пример, подтверждающий общую тенденцию. Тем более что осевой кочевой ответ в некотором смысле можно рассматривать как особый ресурс для реализации степных постосевых ответов, когда какие-то осевые и постосевые ответные шаги в каком-то отдельно взятом периоде в какой-то конкретной сфере, условно говоря, совершаются в одном направлении или хотя бы не противостоят друг другу.

А постосевые ответы – восточно-средиземноморский у киммерийцев и волжский у скифов – не только совершенно не совпадали, но даже противостояли и конкурировали друг с другом. И переднеазиатское, а может, и древнегреческое, население тонко чувствовало эти духовные инхронические отличия, четко отделяя одних от других, несмотря на всю их общую и единую раннескифскую материальную культуру, которой сегодня оперируют археологи, продолжающие упорно вопрошать: так чем же все-таки киммерийцы отличались от скифов?

И все же геополитика и у скифов со временем скажет свое веское слово – спустя несколько веков после исчезновения киммерийцев из причерноморских степей сменившие их здесь скифы также перейдут с волжского постосевого ответа на восточно-средиземноморский постосевой. И не совсем понятно, что больше сказалось на инициации данного перехода: то ли просто их новое географическое положение, неустанно акцентирующее инхроническое внимание на водных связях степного азовско-черноморского региона; то ли восточноевропейская этнокультурная составляющая, пусть и малой толикой, но все-таки переданная скифам киммерийцами в ходе совместного синтеза раннескифской культуры; то ли плотные контакты с древнегреческим миром после появления греческих колоний в Северном Причерноморье. Скорее всего, в той или иной мере и форме в смене постосевой ориентации скифов участвовали все три фактора...

Подытожим некоторые предварительные результаты. Из всего вышесказанного следует, что в коллективной бессознательной среде “народов моря” на момент их контакта с восточными средиземноморцами в XIII-XII вв. до н.э. могли присутствовать всего три постосевых ответа: самый первый волжский ответ, сформированный на основе балто-волго-каспийской водной артерии раньше остальных еще федоровскими сообществами Южной Сибири и Восточного Казахстана; восточно-средиземноморский ответ – первый из средиземноморских ответов, сформированный в приазовских и причерноморских степях, который опирался на связи Балтики с азовско-черноморским регионом сетью речных трасс, а Черного моря со Средиземным и Индийским (в случае построения Суэцкого канала) океанами; и наконец возникший чуть позже западно-средиземноморский ответ, в основе которого лежал самый короткий воднотранспортный путь из Западного Средиземноморья в Индию, и который подавлял два первых ответа, оттесняя их в самые потаенные глубины коллективного подсознания “народов моря”. Но и в таком подавленном качестве они оставались вполне пригодными и доступными местным обитателям Восточного Средиземноморья для приема по

дрейфу – ассирийцы и волжский ответ тому наглядный пример. А вот у восточных средиземноморцев в те времена не было да и не могло быть никакого особого интереса к волжскому ответу ввиду прохождения будущего балто-волго-каспийского воднотранспортного пути в Индию достаточно далеко от Средиземного моря.

Как было показано выше, западно-средиземноморский ответ с его переносом “Центра Мира” из Восточного Средиземноморья и Месопотамии в Западное Средиземноморье также не очень-то отвечал интересам большинства населения Восточного Средиземноморья. Однако какой-то своей частью этот ответ явно импонировал ему. Видимо тем, что позволял исторически и цивилизационно более молодому населению этого региона (семитскому, индоевропейскому... какому еще? пеласгическому доиндоевропейской Европы?) оторваться от старых цивилизационных центров Ближнего Востока и пойти чисто своим путем культурного развития и построения собственной цивилизации.

Вторым источником конфликтов могли стать попытки генерации местных вариаций уже не исходного средиземноморского (т.е. восточно-средиземноморского) ответа, а возникшего несколько позже западно-средиземноморского ответа, как, например, у финикийцев с их карфагенским вариантом западно-средиземноморского ответа. Именно попытки, поскольку в отличие от финикийцев, у которых свой собственный постосевой ответ был поддержан достаточно значимой и активной частью населения столь масштабным уже в близком будущем деянием, как финикийская колонизация Средиземноморья, во всех прочих восточно-средиземноморских обществах их вариант западно-средиземноморского ответа был поддержан всего лишь подавляющим меньшинством – подавляющим своей непомерной активностью, но не более того. В Египте же, в отличие от других регионов Восточного Средиземноморья, ввиду особой значимости Суэцкого перешейка как для восточно-средиземноморского ответа, так и для западно-средиземноморского ответа, а значит, и для вариаций последнего, все осложнялось и обострялось еще и выбором между двумя этими главными вариантами средиземноморского ответа – с которым из них выгоднее союзничать? То есть принять, возможно, попробовать выработать свой вариант принятого ответа и приступить к его реализации.

Таким образом, получается, что только восточно-средиземноморский ответ, который вместе с волжским ответом был подавлен в среде “народов моря”, с достаточной степенью воодушевления мог быть воспринят большей частью сообществ Восточного Средиземноморья и большинством населения в них и в результате успешно перенят по дрейфу от “народов моря”.

И тогда восточно-средиземноморский ответ соотносился бы с осевым ответом ВШП восточных средиземноморцев примерно так же, как у ассирийцев волжский постосевой ответ волго-балто-каспийским путем успешно сотрудничал с ответом того же ВШП, т.е. разделял бы далекие будущие и сравнительно более близкие к настоящему интересы, водные и сухопутные трассы одной лишь географической разности, соответственно, меридиональные и широтные составляющие с “Центром Мира” в их перекрестье, расположенным именно в Восточном Средиземноморье. И тогда никакого коллапса в Восточном Средиземноморье и близко не было бы. Тем не менее он был, и не просто был, а наблюдается, как говорится, во весь рост в современном археологическом и ином материале. Да, здесь просто могло сказаться слишком интенсивное взаимодействие осевых и постосевых ответов (см. выше), но и геополитический конфликт между двумя средиземномор-

скими постосевыми ответами тоже внес свою весьма и весьма немалую лепту в постигшие Восточном Средиземноморье бедствия.

Виной тому стал все-таки имевший место небольшой параллельный дрейф вместе с постосевой инхроникой и восточно-средиземноморским ответом на нее также и западно-средиземноморского ответа, мало приемлемого для большинства восточных средиземноморцев, совершенно непривлекательного для них, со всеми его проблемами и негативом, т.е. все больше с угрозами и бедами, к меньшей, но более активной части, восточно-средиземноморского населения. Надо сказать, с угрозами и бедами, исходящими не только из далекого будущего, но и вполне себе настоящими – назревал и разгорался конфликт между ответами, между людьми... Причем, не только внутри отдельных сообществ, но со временем и между сообществами – тот самый социально-политический коллапс и культурная деградация. Плюс ко всему сказывалось еще и отдельное противостояние западно-средиземноморского ответа местным осевыми ответам на ВШП.

Итак... За бортом нашего краткого беглого местами так даже поверхностного исследования обширной содержательной стороны настоящего этюда остался всего лишь один момент – в обрисованной выше одиссее “народов моря” нам необходимо выяснить: где, когда, при каких обстоятельствах, почему и как был сформирован западно-средиземноморский постосевой ответ. Всего и лишь... И для этого “всего и лишь” нам придется вновь вернуться во времена распространения постосевой инхроники по Восточной Европе и даже раньше, много раньше – еще до прохождения постосевого инхроимпульса.

Проникшая в 1450-1400 гг. до н.э. в Северное Причерноморье постосевая инхроника имела все возможности продолжить свое движение на запад по черноморскому побережью до Северо-Западного Причерноморья вплоть до устья Дуная, скорее всего, посредством самого что ни на есть обычного дрейфа, поскольку в этой примыкающей к морю степной зоне оставались в силе те же самые воднотранспортные мотивационные стимулы к приему постосевой инхроники, что и в Северном Причерноморье, и в Северном Приазовье. И тогда самым естественным путем, во всяком случае, наиболее быстрым путем ее дальнейшего распространения на запад и северо-запад вместе с выработанным еще в и в Северном Приазовье восточно-средиземноморским ответом и подавленным волжским ответом послужило бы русло Дуная, поскольку эта крупнейшая река азовско-черноморского бассейна, ведущая именно на запад, имела большую потенцию ее использования в качестве одной из ведущих водных трасс будущей постосевой воднотранспортной сети. Правда, возникшая на основе Дуная водная трасса вела бы уже не к Балтийскому морю, как все остальные речные трассы азовско-черноморского бассейна, а к Северному морю, в которое впадал Рейн, чей исток в Боденском озере, расположенном в предальпийской зоне на стыке Восточной Франции, Южной Германии (Баварии), Швейцарии, продолжавшейся вдоль Верхнего Дуная и в Австрии, чрезвычайно близко подходит к истокам Дуная. И это особое северо-западное направление выгодно выделяло Рейно-Дунайскую водную трассу среди прочих трасс азовско-черноморского региона. Кстати, неподалеку от этого района расположен исток и другой на сей раз ведущей на юг реки – Роны, – а еще ближе находится исток ее притока Соны. Далее предальпийский регион от Верхней Соны до Верхнего Дуная, между которыми протекает Верхний Рейн, так и будем называть – предальпийской зоной. Как увидим ниже, этой географи-

ческой зоне еще предстоит сыграть свою немаловажную роль в культурно-инхроническом развитии всей Европы...

И тем не менее одной Рейно-Дунайской трассой дрейф постосевой инхроники на запад не ограничивался. Но, как и было обещано, начнем издавна. В 2200-1600 гг. до н.э. большую часть Центральной Европы занимало население унетицкой культуры европейского раннебронзового века. С 1700 г. до н.э., после прохождения пика своего максимального развития в 1900-1700 гг. до н.э., многие поселения северных областей унетицкой культуры начинают стремительно приходить в упадок, чего нет в южных и западных областях, где наблюдается относительно плавный постепенный рост, и пик развития приходится на самый конец унетицкой культуры в 1600 г. до н.э., когда прежние центрально-европейские культуры, в том числе и унетицкая, сменяются культурами среднего бронзового века, принадлежащие кругу культур курганных погребений, называемых на западе культурой Тумулус (Tumulus culture)^[69].

Некоторые ученые с 50-х годов прошлого века даже считали и продолжают считать, что именно вторжение тумулусцев привело к крушению поселений унетицкой культуры, подчеркивая существенно милитаристский характер общества этих воинов-животноводов. Другие же, напротив, подчеркивают:

“...значительную роль региональных и местных преобразований сообществ раннего бронзового века, которые в сочетании с распространением новых социальных обычаев и ритуалов, возможно, привели к появлению новой культуры. При этом заброшенность некоторых теллей расценивается ими, как следствие медленного структурного кризиса (экономического, политического, социального и поселенческого), который возник в высокоразвитых культурных центрах в бассейне Среднего Дуная в конце первой половины 2-го тысячелетия до нашей эры независимо от появления культурных сообществ Тумулус”^[70].

Упадок Унетице объясняют еще и возможными локальными климатическими сдвигами и растущим антропогенным воздействием на ландшафт (обезлесение)^[71]. Среди множества этих гипотез нам, по вполне понятным причинам, особо интересны интерпретации, делающие упор на торгово-металлургической сфере деятельности Унетице^[72], а особенно те из них, в которых перипетии развития сообществ данной культуры напрямую увязываются с единственным источником олова в Центральной Европе в Рудных

^[69] J. Müller “Changes in the Bronze Age: Social, Economical and/or Ecological Causes?” in J. Kneisel et al. (eds.) “Collapse or Continuity? Environment and Development of Bronze Age Human Landscapes”, Proceedings of the International Workshop “Socio-Environmental Dynamics over the last 12.000 years: The Creation of Landscapes II (March 2011)”, Universitätsforschungen zur prähistorischen Archäologie, Band 205, Bonn, 2012, pp. 257–265; P. Makarowicz “The birth of a new world. Barrows, warriors, and metallurgists (1600 – 1200/1100 BC)” in P. Urbanczyk (ed.) “The past societies. Polish lands from the first evidence of human presence to the Early Middle Ages”, Warszawa, 2017, pp. 127–186. И еще одно... Просьба не путать культуру Тумулус, т.е. культуру курганных погребений в отечественной транскрипции, с существовавшими также и в некоторых юго-восточных и даже в центрально-европейских областях культурами круга евразийской курганной культуры, зародившейся еще во времена энеолита и раннего бронзового века. Далее для краткости и во избежание путаницы мы будем использовать западный термин, но в нашем написании – тумулусная культура или культура тумулус /Тумулус или же просто тумулус/Тумулос.

^[70] P. Makarowicz “The birth of a new world...”, p. 129.

^[71] Там же.

^[72] Как, например, в уже цитируемой выше статье J. Müller “Changes in the Bronze Age...”.

горах на границе Германии (Саксония) и Чехии (Богемия)^[73], где имелись достаточные запасы олова для выплавки бронзы в масштабах всего центрально-европейского региона. Еще и на межрегиональную торговлю немало оставалось... Правда, конечные выводы даже этих близких настоящему исследованию построений порой также вызывают множество вопросов.

Итак, мы также возьмем за основу тезис, что культура Унетице сложилась в результате консолидации значительной части населения Центральной Европы вокруг оловянных месторождений в Рудных Горах в ~2200 г. до н.э. (используется также и дата 2300 г. до н.э. – см. предыдущую ссылку). И тогда в свете торгово-металлургического контекста всего нашего инхронического моделирования осевой инхрозоны, в пределах которой расположена данная дата, мы уже прямо сейчас можем сходу назвать, какое именно событие мировой истории могло вызвать именно такую реакцию центрально-европейских еще неолитических племен – это время появления в осевом будущем второго ВОП (Великого оловянного пути) и начало его противоборства с первым ВОП вплоть до ~2000 г. до н.э., завершившегося полной победой второго ВОП (см. в шестом этюде Хронографии №4). Смысл же данной консолидации заключался в намерении в будущем установить связь с оловянно-бронзовой геоинхронической осью второго ВОП между Восточной и Передней Азией, которая открывала перед унетиццами широчайшие торгово-металлургические перспективы, плюс к тому торговый обмен самыми различными товарами со всем миром и практически неограниченный приток новейших идей и технологий (см. карту Рис 4.16 в Хронографии №4).

В периоде 2200-1900 г. до н.э. в унетицких сообществах появляется первая оловянная бронза и далее пошел процесс наращивания объемов оловянно-бронзового производства и освоения территорий небольшими деревнями. В 1900 г. до н.э. происходит еще что-то, и с этого времени начинает наблюдаться интенсификация указанных выше процессов и их ускорение, сопровождаемые столь же быстрым ростом социального расслоения общества и накопления его совокупных богатств^[74] – унетицкое общество семимильными шагами движется к новой гораздо более высокой ступени своего развития. И надо же какое “случайное” совпадение – как раз в 1900 г. до н.э. третий степной ВОП сменяет второй ВОП в осевом инхроническом будущем и его, если не окончечность, то главная узловая распределяющая точка на западе (назовем ее оловянным хабом), оказывается расположенной уже не в далеких переднеазиатских Леванте и Анатолии, а в гораздо более близким к Богемии и Рудным горам устье Дуная (см. Рис 4.25 в двенадцатом этюде Хронографии №4).

Судя по всему унетицкое общество не стало дожидаться радужного осевого будущего, а сразу начинает налаживать торгово-металлургическое взаимодействие с будущим оловянным хабом третьего ВОП в устье Дуная. И богемское олово, возможно, уже вместе с алтайским оловом потекло по будущим и настоящим трасам третьего ВОП, одновременно решая как задачи своего блестящего осевого будущего, так и весьма вероятную проблему нехватки олова после исчезновения второго ВОП у оловянно-бронзовой ме-

^[73] V. Szeverényi “The Early and Middle Bronze Ages in Central Europe” in P. Bogucki, P. J. Crabtree (eds.) “Ancient Europe 8000 B.C. – A.D. 1000. Encyclopedia of the Barbarian World”, Vol. 2, N.Y.: Charles Scribner’s Sons, 2004, pp. 20–30; S. Svizzero “The collapse of the Únětice culture: economic explanation based on the «Dutch disease»”, Czech Journal of Social Sciences, Business and Economics, 4 (3), 2015, pp. 6–18.

^[74] J. Müller “Changes in the Bronze Age...”, p. 258.

таллургии Балкан и Передней Азии в настоящем. А возвращалось это олово в Унетице массой других товаров... Откуда, собственно, и рост богатства унетицких сообществ после 1900 г. до н.э. и социальное расслоение и, надо полагать, много чего другого. Весьма вероятно, что вместе с оловом Унетице уже в столь раннее время поставляло на юго-восток и балтийский янтарь^[75], однако это был всего лишь сопутствующий товар, а главным стратегическим товарным сырьем вплоть до 1600 г. до н.э., т.е. до самого конца Унетице, оставалось олово.

В этих геоинхронических условиях унетиццы решили использовать территории Подунавья^[76] в качестве главного связующего звена с оловянным хабом в устье Дуная. Взглянем на карту Рис. 5.2. Мы видим, что от Верхнего и Среднего Дуная на север отходят пять торговых путей, перечислим их с востока на запад: 1) по Висле и 2) по Одеру (сама река Одер на карте почему-то не показана) ведет от Дуная в Данию (на о. Зеландия) и к южному балтийскому побережью, т.е. к местам добычи янтаря; 3) по Эльбе – в южную германскую часть Западной Ютландии и тоже к источникам янтаря,

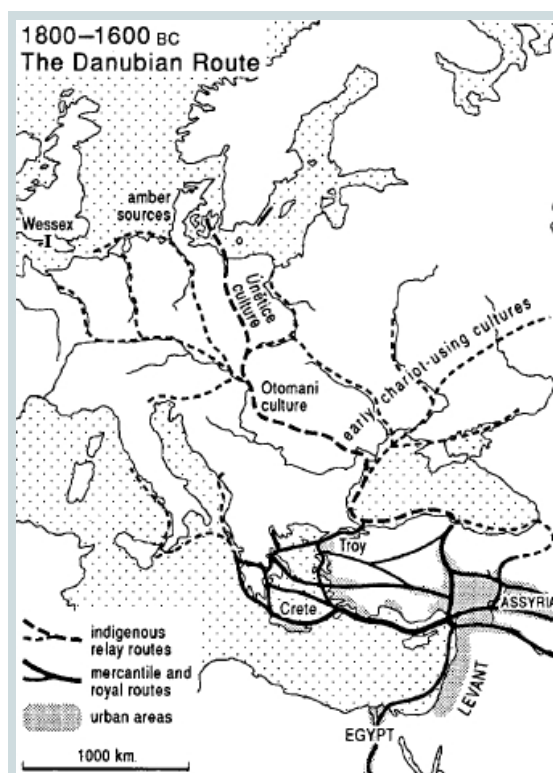


Рис. 5.2
Предполагаемы европейские и переднеазиатские торговые пути в 1800–1600 гг. до н.э., связанные “оловянной” торговой трассой Подунавья

(Карта взята из статьи V. Szeverényi “The Early and Middle Bronze Ages...”, p. 28.

но этот путь еще и продолжается от Ютландии по прибрежным Фризским островам на запад и далее морем до пролива Па-де-Кале – надо полагать, к британским месторождениям олова на полуострове Корнуолл; 4) по Рейну и 5) по Сене – похоже, что тоже в Корнуолл.

Пути 1) и 2), ведущие к янтарю, сейчас нас не интересуют. Путь 3) по Эльбе совершает немалый “янтарный” крюк по дороге к британскому олову. Путь 5) по Сене – довольно далек от Дуная и в этом смысле выглядит менее перспективным, а значит и менее развитым, чем путь 4) по Рейну, чьи истоки, как было сказано выше, максимально близко подходят к истокам Дуная. Как видим, в 1800-1600 гг. до н.э. торговый путь Корнуолл-Рейн-Дунай представляется наиболее подходящим для основных поставок британского олова в устье Дуная, а оттуда уже на Балканы и в Пер-

еднюю Азию. Но и пути 3) и 5) также в какой-то мере могли участвовать в описанном торгово-металлургическом взаимодействии Британии с развитыми странами Юго-Восточной Европы и Передней Азии.

Отметим еще, что данная торговая трасса Корнуолл-Рейн-Дунай в большей части была водной, причем задолго до появления и распространения постосевой воднотранспортной инхроники. Такой же, как например, в свое время была и иртышская “оловянная” трасса в Сибири... Однако пока

^[75] V. Szeverényi “The Early and Middle Bronze Ages...”, p. 27.

^[76] V. Szeverényi “The Early and Middle Bronze Ages...”, p. 28.

что трудно сказать, в какой мере при транспортировке британского олова на юго-восток использовался значительный воднотранспортный потенциал участка Рейн-Дунай – не исключено, что товары просто транспортировались по суше вдоль русел этих рек.

Таким образом, любое развитие торговли оловом в Подунавье неизбежно притягивало бы к себе британское олово. Оно и притянуло... Видимо, движение британского олова по дунайской трассе началось где-то с 1800 г. до н.э. Логика такая: разработка месторождений в Корнуолле началась в 2200 г. до н.э.^[77] – чисто в силу инхронической синхронности, когда в осевом будущем появился второй ВОП. А с ~1900 г. до н.э., когда в осевом будущем устанавливается третий ВОП со своим оловянным хабом в устье Дуная, и к тому же начинается интенсивный рост оловянно-бронзового производства Унетице, который стал быстро загружать дунайскую трассу торговых металлами, добыча олова в Корнуолле и производство бронзы принимает промышленные масштабы^[78]. Примерно век – это вполне достаточное время, чтобы взрывное развитие торгово-металлургических процессов в центре Европы наконец-то докатилось и до окраинного Корнуолла, и в ~1800 г. до н.э. британское олово уже вполне могло выйти на континентальные торговые пути^[79].

И, что странно, похоже на то, что уже с 1700 г. до н.э. британское олово начинает вытеснять саксоно-богемское олово Рудных гор с дунайской трассы, что, на мой взгляд, могло быть как-то связано с началом упадка сообществ культуры Унетице прежде всего в ее северных областях и именно в это время, тогда как в южных унетицких областях поселения продолжали развиваться, укрепляться и богатеть – возможно, уже на транзите британского олова в юго-восточные развитые страны.

Правда, возникает очередной закономерный вопрос: а за счет чего олово с далеких месторождений в Корнуолле могло вытеснять близкое богемское олово из Подунавья? Может быть, из-за того что в Саксонии и Богемии усложнились условия добычи олова? Скажем, по каким-то чисто геологическим причинам – например, со временем истощились поверхностные россыпи касситерита, которые образуются в процессе выветривания гранитных скал, и этот минерал стал добываться из сравнительно более глубоко залегающих гранитов, в то время как в Корнуолле продолжали эксплуатировать касситеритовые россыпи. И богемское олово просто-напросто стало дороже британского... Может быть. Во всяком случае, имеются свидетельства, что после перехода от раннего бронзового века к среднему брон-

^[77] J. Bruck “Bronze Age Britain and Ireland” in P. Bogucki, P. J. Crabtree (eds.) “Ancient Europe 8000 B.C...”, pp. 54–61, at p. 54.

^[78] “Было высказано предположение, что богатые могилы Уэссекса начала второго тысячелетия на юге центральной части Англии обязаны были своим богатством контролю над богатым корнуоллским оловом на юго-западе полуострова” (M. Pearce “The Significance of Bronze” in P. Bogucki, P. J. Crabtree (eds.) “Ancient Europe 8000 B.C...”, pp. 6–11, at p. 8).

^[79] Во всяком случае, недавно проведенное исследование изотопного анализа ряда бронзовых изделий из Центральной Европы, Подунавья и Юго-Восточной Европы на принадлежность содержащихся в них олова к месторождениям Корнуолла или Рудных гор выдало лишь один более или менее определенный результат – только для так называемого небесного диска из Небры, пожалуй, самого известного унетицкого бронзового артефакта, изготовленного и используемого в 1750–1650 гг. до н.э., можно сказать, что он, скорее, изготовлен из британского олова, чем из олова Рудных гор. Что касается более ранних фаз раннего бронзового века в указанных регионах, то там никакой ясности нет – одинаково возможен как саксоно-богемский, так и британский вариант (B. Nessel, G. Brüggemann, E. Pernicka “Tin isotope ratios in bronzes from central and southern Europe”, The Journal of the International Union for Prehistoric and Protohistoric Sciences, Vol. 2, Issue 1, 2019, pp. 1–11).

зовому веку в 1600 г. до н.э. происходит и смещение основного места добычи олова в Рудных горах с так называемого центрального плутона на западный плутон^[80] – на несколько десятков километров юго-западнее. А ведь какие-то проблемы с центром добычи в центральном плутоне наверняка могли возникать и раньше, значительно раньше – еще в XVII в. до н.э., что, в таком случае, сразу же отразилось бы на конкуренции саксоно-богемского олова с британским на дунайской трассе... Все может быть. В любом случае по той или иной причине объемы добываемого в Рудных горах олова с 1700 г. до н.э., начали постепенно уменьшаться, и уменьшаться весьма существенно. И именно этот спад добычи олова, скорее всего, и лежал в основе начавшегося упадка Унетице, поскольку само по себе появление британского олова на торговых путях континентальной Европы вряд ли смогло бы вызвать столь массовый регресс унетицкой культуры. Так и хочется сказать, как это принято во многих научных статьях, когда понятно, что ничего не понятно: все эти дела, вопросы и гипотезы требуют дальнейшего углубленного изучения, но это-то как раз и так понятно.

Неизвестно, как Унетице вышло бы из создавшегося трудного положения, наверное, как-то вышло бы – хотя бы тем, что унетиццы целиком и полностью переключились бы на транзит британского олова, если бы... Если бы не случился ~1600 г. до н.э. – время, когда население Центральной Европы переходит из раннего бронзового века в средний бронзовый век, представленный культурой Тумулус, о чем уже говорилось выше в начале нашего разговора “за Европу”. Кстати, хорошо знакомое нам время... – дата прохождения инхроимпульса постосевой инхроники и начало замены в осевом будущем третьего ВОП на ВШП. Таким образом, с большой долей уверенности можно утверждать, что появление тумулусной культуры и последующая быстрая смена ею унетицкой и других раннебронзовых культур вызваны выработкой нового осевого ответа, в свою очередь порожденного начавшейся заменой третьего ВОП на ВШП в осевом будущем.

Прежний осевой ответ на третий ВОП, который реализовывала унетицкая культура, носил сугубо торгово-металлургический оловянно-бронзовый характер, впрочем как и подавляющее большинство осевых ответов во всех остальных сообществах всех других регионов мира, охваченных осевой инхроникой в это время – до ~1600 г. до н.э. Про новый тумулусный осевой ответ на появление ВШП в осевом будущем ничего столь же определенного сказать нельзя. В принципе тумулусцы могли использовать то же самое олово, к примеру, британское, в своем ответе, но это уже был бы не стратегический осевой товар, дающий массу профитов в будущем – просто обычный ничем не примечательный товар с его возможным в перспективе выходом на ВШП. С таким же успехом они могли бы использовать и какую-нибудь, скажем, синюю глину...

Поэтому отсутствие олова в осевом будущем, скорее всего, стимулировало бы поиск другого достаточно значимого стратегического товара для установления надежных связей Центральной Европы с грядущим ВШП уже в настоящем, а главное, в будущем, как это решалось с помощью олова применительно к ВОП. Но не в тех случаях, когда олово требовалось для оперативного решения каких-то текущих вопросов, поставленных острой нехваткой олова и оловянной бронзы в настоящем некоторых в торговом отношении очень важных регионов, причем и здесь желательно с параллельным

^[80] W. Powell et al. “Unearthing Europe’s Bronze Age mining heritage with tin isotopes: A case study from Central Europe”, *European Geologist*, 48, 2019, pp. 58–62.

решением задач по подключению к ВШП, однако об этих вариантах мы поговорим чуть ниже, когда речь пойдет о Микенах.

А такой товар в Европе и впрямь имелся. Достаточно редкий и ценный товар, способный хоть в какой-то мере сыграть роль стратегического, но, конечно же, не настолько стратегического, как олово до ~1600 г. до н.э., завязанное на будущем всего осевого оловянно-бронзового мира. Судя по карте на Рис. 5.3 таким новым стратегическим товаром вполне мог выступить весьма ценный на юге балтийский янтарь, который еще с унетицких времен вместе с оловом поставлялся населению Юго-восточной Европы и Передней Азии. Однако, если торговые маршруты, выведенные на карте Рис. 5.2, особых претензий не вызывают (разве что к географической локализации унетицкой культуры), то к торговым путям на Рис. 5.3 уже возникает множество вопросов, и локализация тумулусной культуры – всего лишь один из них, не самый главный. Но чтобы ответить на все эти вопросы для начала их следовало бы задать, а вот для этого нам уже требуется определиться с истоками культуры Тумулус.

На сегодняшний день принято считать, что культура Тумулус зародилась в ~1600 г. до н.э. в уже упомянутой нами выше предальпийской зоне, где истоки Дуная максимально близко подходят к истокам Рейна, откуда тумулусная культура распространилась на северо-восток до Вислы и на юго-восток до притока Дуная Тисы. Вопрос только в том, была ли культура распространена миграциями, или здесь мы имеем дело с дрейфом целостного пакета идеологий, технологий и прочих культурных элементов^[81], т.е. в нашем инхроническом понимании – с дрейфом ответа на осевую инхронику.

В любом случае тумулусная культура распространилась достаточно быстро – в ~1600 г. до н.э. она впервые появляется в предальпийской зоне Южной Баварии, а в 1600-1500 гг. до н.э. уже наблюдается в междуречье Одера и Вислы в виде местного силезско-великопольского ее варианта^[82]. Правда, сравнительно недавно опубликованы свидетельства того, что некоторые элементы (небольшое число так называемых изделий типа Bz B) культуры среднего бронзового века, т.е. культуры Тумулус, появляются в предальпийской зоне Южной Баварии уже в XVII в. до н.э.^[83] Однако вряд

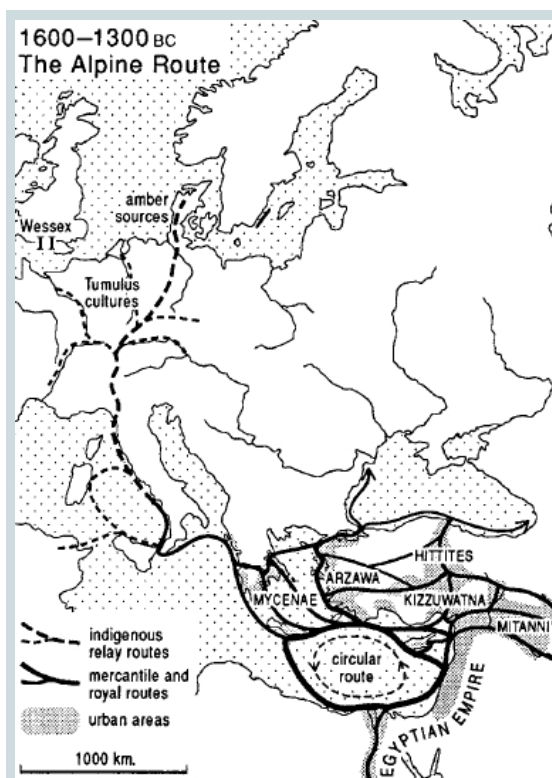


Рис. 5.3

Предполагаемые европейские и переднеазиатские торговые пути в 1600–1300 гг. до н.э., связанные «янтарной» альпийской торговой трассой

(Карта взята из статьи V. Szeverényi "The Early and Middle Bronze Ages...", p. 28.

^[81] P. Makarowicz "The birth of a new world...", p. 128-131.

^[82] Там же, p. 134.

^[83] P. W. Stockhammer et al. "Rewriting the Central European Early Bronze Age Chronology: Evidence from Large-Scale Radiocarbon Dating", PLoS ONE 10(10), e0139705, doi:10.1371/journal.pone.0139705, 2015, pp. 1–32, p. 16, 28.

ли из-за этого факта стоит относить начало культуры Тумулус к 1700-1600 гг. до н.э. – во-первых, в силу редкости этих артефактов в предальпийской зоне в XVII в. до н.э., во-вторых, досрочное появление в предальпийской зоне некоторых изделий типа Vz B еще до 1600 г. до н.э. может означать, что сформированный в ~1600 г. до н.э. осевой ответ тумулусцев в своей основе опирался на некоторые культурные, социальные и/или экономические процессы и явления, которые зародились в самом конце раннего бронзового века еще до формирования нового осевого ответа. Если говорить более конкретно, то эти процессы и явления с большой долей уверенности можно отнести к сфере торговли янтарем, которой население предальпийской зоны ранее, т.е. в раннем бронзовом веке, не очень-то занималось, или вообще не занималось, зато ею издавна и достаточно плотно занимались унетицы. И только с 1700 г. до н.э., когда покачнулась торговля оловом Унетице, не только местная, а в первую очередь международная, унетицы стали потихоньку пополнять недостающие объемы собственного олова оловом Корнуолла, возможно, выменивая последнее на часть добываемого на балтийском побережье янтаря. Так янтарная торговля начала медленно и постепенно проникать и к населению предальпийской зоны – еще до каких-то новых осевых ответов, чисто исходя из текущей практики спада добычи олова в Рудных горах и развития его торговых последствий. А в Европе тем временем все еще продолжал царить и править бал оловянно-бронзовый ответ на третий ВОП в виде своих локальных региональных вариантов... И тогда появление в предальпийской зоне еще в XVII в. до н.э. редких изделий типа Vz B можно расценивать, как культурное проявление начала участия местного населения в янтарной торговле.

А в ~1600 г. до н.э., когда третий ВОП в осевом будущем только-только начал уступать свои позиции новому событию-источнику осевой инхроники, каковым стал ВШП для осевой инхрозоны после прохождения инхроимпульса постосевой инхроники, сообщества тумулусной культуры сходу, резко и сразу, не дожидаясь исхода противоборства ВШП и третьего ВОП, переключаются с торговли оловом как главного стратегического товара осевой инхрозоны на торговлю балтийским (и датским) янтарем в том же качестве. Только теперь тумулусцы выступают уже не как пассивные покупатели и потребители янтаря, а как активнейшие, в пределах сами добывающие янтарь, участники янтарной торговли и его главные, можно сказать, первичные продавцы всем остальным сообществам Европы и не только – имеется ввиду ожидающаяся в будущем торговля по ответвлениям ВШП. Во всяком случае, население предальпийской зоны в районе схождения истоков Рейна и Дуная именно к такому статусу и развитию событий стремилось своим новым осевым ответом, который, собственно, и породил культуру Тумулус. Чем, наверное, и можно объяснить стремительное распространение тумулусного ответа на север и северо-восток к Балтике и на юго-восток вдоль Дуная небольшими группами из предальпийской зоны (где осталась большая часть исходного тумулусного населения), конечной целью которых было взятие под свой контроль янтарных торговых путей от мест максимально близких к районам добычи янтаря на балтийском и североморском побережьях до Верхнего и Среднего Дуная с самым широким привлечением местного унетицкого и иного населений (особенно их элит), к своим геоинхроническим планам, т.е. к своему тумулусному осевому ответу на появление в осевом будущем ВШП.

Вот только как-то чересчур уж быстро население предальпийской зоны отреагировало на появление в осевом будущем ВШП... Пока большая

часть осевых сообществ Европы, да и Передней Азии, выжидали (где-то не так уж и долго, где-то подольше...), чем завершиться противостояние ВШП и ВОП в осевом будущем, предальпийцы не теряя времени кинулось в омут нового осевого будущего. Тому могли поспособствовать, как минимум, два фактора.

Во-первых, временной. Свою роль здесь вновь мог сыграть все тот же упадок Унетице. Если бы население предальпийской зоны промедлило хоть немного после ~1600 г. до н.э. появления ВШП в осевом будущем, то в сложившейся ситуации к янтарному ответу неминуемо пришли бы и сами унетиццы, тем более что они и так уже были монополистами в продаже (конечно же, имеется в виду обмен) янтаря на юг. И новый осевой янтарный ответ, ориентированный на выход янтарной торговли на главную трассу ВШП, в противовес прежнему оловянно-бронзовому осевому ответу, который своими торговыми связями был устремлен к оловянному хабу третьего ВОП в устье Дуная, столь же неизбежно вывел бы из оловянного тупика северные области Унетице. Вот почему своевременный янтарный тумулусный ответ предальпийцев был принят на севере Унетице, как говорится, на ура...

Во-вторых, это гибкость самого тумулусного ответа в его предальпийском исполнении. Как мы видели выше, янтарь уже с XVII в. до н.э. мог появиться на дунайской трассе. И это был бы уже не только основной унетицкий янтарь, поступающий с севера на начало Среднего Дуная, но и с Верхнего Дуная – тот самый янтарь, вернее, какая-то его часть, который предальпийцы выменивали у населения Унетице на британское олово. Однако до ~1600 г. до н.э. янтарная торговля населения предальпийской зоны была слишком слаборазвитой – менялась малая часть британского олова на янтарь, а затем часть этого выменянного у унетиццев янтаря уходила на международную дунайскую трассу. Когда же после ~1600 г. до н.э. тумулусные предальпийцы отказываются от олова как стратегического товара, они отнюдь не отказываются от самой оловянной торговли. Они просто направляют поток британского олова с Рейна не на Дунай, а по пути Сона-Рона к Средиземному морю. Заметим, что такой глобальный разворот торговли оловом Корнуолла в то время могло произвести только население предальпийской зоны, поскольку обитало оно на перекрестке всех торговых европейских путей с запада на восток и с севера на юг, и, надо полагать, до того именно оно как раз и обеспечивало доставку британского олова в Центральную Европу и на смежные с ней территории, например, Среднего Подунавья. И в самом скором времени после того как тумулусные предальпийцы достигли Вислы, – небольшими ли военизированными группами или только тумулусным ответом – уже не столь важно, – туда же в Западное Средиземноморье в районе устья Роны поблизости от современного Марселя они направляют и поток балтийского янтаря от Эльбы, Одера и Вислы, а также датского янтаря по тому же Рейну. Заняв ключевые позиции на всех этих реках, они уже могли позволить себе еще и подобный торговый разворот. Таким вот странным двояким оловянно-янтарным способом предальпийцы со всей своей новой тумулусной культурой и стоящим за ней осевым ответом практически уже разрешали большинство проблем стоящей перед ними главной задачи – подсоединение к будущему ВШП, причем в ближайшей к их предальпийской родине точке морских продолжений (судя по всему, уже *фатальных* продолжений) ВШП в Западном Средиземноморье. Другими словами, в XVI в. до н.э. Тумулусу было что предложить Европе в целом (и Западной, и Северной, и Центральной и даже Юго-Восточной), а именно –

логику, уже проработанную к тому же легко реализуемую торговую логику, мало того, устойчивую в настоящем (олово) и перспективную в будущем (янтарь). В том-то и заключалась гибкость тумулусного осевого ответа, что один основной товар работал на настоящее и ближайшее будущее, а другой – все больше на далекое будущее уже функционирующего ВШП. К тому же тумулусцы в любой момент могли восстановить прежний оловянный статус-кво по дунайской трассе, в случае если бы из противостояния ВШП с третьим ВОП победителем вышел последний. И фактор столь большой гибкости и приспособляемости к самым различным возможным в будущем осевым ситуациям также немало способствовал скорейшему принятию предальпийского варианта тумулусного ответа унетичцами, поскольку их собственный вариант тумулусного ответа, состоясь он и в самом деле, никогда не обладал бы столь широким спектром реализации.

В свете всех этих взаимодействий и взаимоотношений торговые пути на Рис 5.3 местами выглядят, мягко говоря, не очень-то убедительно. Прелесть всего – что означает прохождение главной янтарной торговой трасы по заснеженным труднопроходимым альпийским перевалам? Когда, во-первых, эта трасса должна была быть настолько же оловянной (британское олово), насколько и янтарной (датско-балтийский янтарь). К тому же, был доступен обходящий Альпы сравнительно более легкий путь по долинам Соны и Роны к Средиземному морю. Тем более что в горном Центральном массиве рядом с руслом Роны имелись и свои небольшие запасы олова^[84], которые по своей незначительности не могли конкурировать с британским оловом, но, вливаясь в его поток дополнительной составляющей, только поддерживали бы устойчивость данного оловянного, а значит и янтарного, торгового пути вдоль Роны.

Остальное на карте Рис 5.3 в целом указано верно. В целом и общем, но не все – почему-то не показаны янтарные пути, которые вдоль рек Эльба, Одер и Висла вели к границе Среднего и Верхнего Дуная в восточной предальпийской зоне Австрии, показанные на Рис 5.2. Зато показан путь, отходящий от месторождений датского янтаря и Нижней Эльбы прямо к Рейну, который южнее местности между горным массивом Вогезы во Франции и Южной Баварией далее уже шел вдоль Роны к Средиземному морю. По этому пути датский янтарь, к которому на Рейне присоединялось британское олово, попадал вначале к населению предальпийской зоны, а от него уже и к обитателям Западно-Центрального Средиземноморья. И к микенским торговцам обоими товарами: все еще ценным в эти времена оловом и редким в южных землях янтарем...

Микенская торговля вскоре после зарождения в ~1600 г. до н.э. микенской государственности на периферии развившего ее крито-минойского мира и впрямь уже в XVI в. до н.э. дотягивалась до Западного Средиземноморья (минойские же колонии были основаны здесь и того раньше)^[85]. И все это синхронно с зарождением тумулусной культуры в центре Европы и по той же основной причине – появление ВШП в осевом будущем. Именно к этим минойским, а затем к микенским, колониям в большей степени, чем к местному западно-средиземноморскому населению, и был обращен туму-

^[84] M. Pearce “The Significance of...”, Map at p. 7; D. Berger et al. “Isotope systematics and chemical composition of tin ingots from Mochlos (Crete) and other Late Bronze Age sites in the eastern Mediterranean Sea: An ultimate key to tin provenance?”, PLoS ONE, 14 (6): e0218326, 2019, Fig 1.

^[85] K. Kristiansen, T. B. Larsson “The Rise of Bronze Age Society. Travels, Transmissions and Transformations”, Cambridge University Press, 2005, pp. 120-130.

лусный янтарно-оловянный ответ, поскольку после смены второго ВОП третьим ВОП в ~1900 г. до н.э. должна была возникнуть ощутимая нехватка олова в Передней Азии (примерно такая же, как в правление Саргона, ежели не большая, – см. в шестом этюде Хронографии № 3) и Восточном Средиземноморье в целом, которая подталкивала государства микено-минойского мира к западным источникам олова, что, собственно, и создало условия для возникновения естественных продолжений будущего ВШП до территорий Западного Средиземноморья, причем еще до того как сам ВШП в ~1600 г. до н.э. появился в осевом будущем и совсем уж задолго до начала его функционирования в реале. Таким образом, микенская Греция, находясь в эпицентре этих продолжений ВШП, которые в данном случае после ~1600 г. до н.э. имеет смысл расценивать, как полноценные неотъемлемые участки ВШП, располагала всеми возможностями контролировать их в полном соответствии со своим микенским осевым ответом, сформированном в том же ~1600 г. до н.э., суть которого заключалась в налаживании торговых связей сухопутных окончаний ВШП в странах Восточного Средиземноморья с территориями Западного и Центрального Средиземноморья.

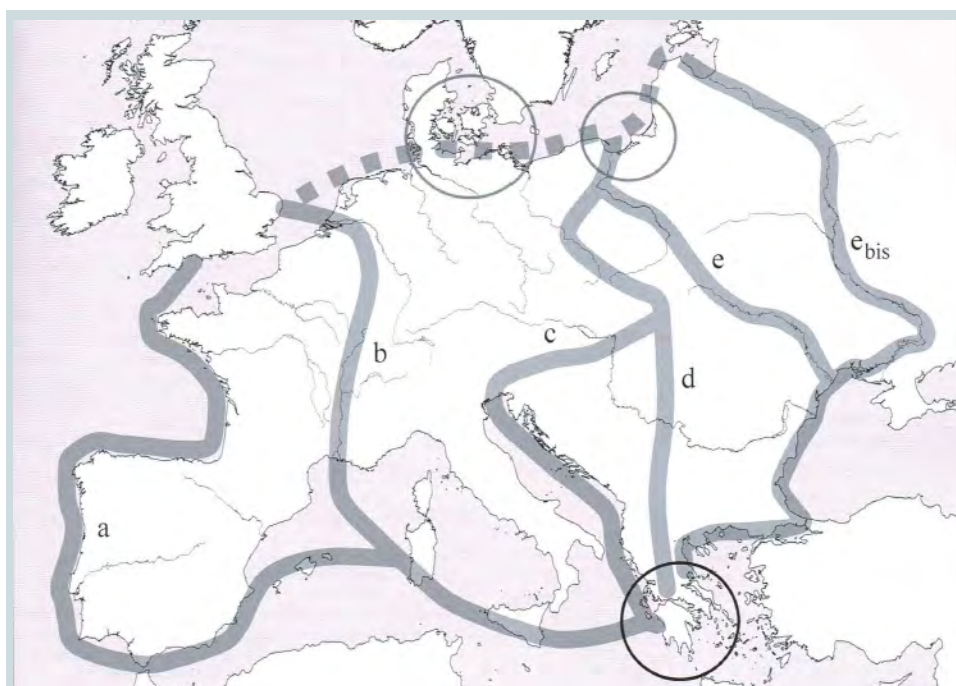


Рис. 5.4

Предполагаемые торговые маршруты, по которым балтийский янтарь мог достигать микенской Греции

(Карта взята из J. Czebreszuk "Mysterious Raw Material From the Far North: Amber in Mycenaean Culture" in S. Bergerbrant, S. Sabatini (eds.) "Counterpoint: Essays in Archaeology and Heritage Studies in Honour of Professor Kristian Kristiansen", Oxford: Archaeopress, 2013, pp. 557–563, Fig. 5)

На Рис. 5.4 показаны всевозможные обсуждаемые современной археологической наукой торговые маршруты, которыми северный янтарь, судя по находкам янтарных изделий, а также олово Корнуолла, в принципе могли бы достигать Микен. И один из этих маршрутов, а именно – b, в точности совпадает с описанным выше маршрутом из Британии по Рейну-Соне-Роне до Средиземного моря в районе устья Роны, где его уже дожидались микенцы – в полном соответствии с нашей культурно-инхронической моделью. Вместе с тем практически не показаны (лишь слабым намеком) прямые пути

от Ютландии и южного балтийского побережья по северным рекам к предальпийской зоне у верхне-среднего Дуная.

Кроме того, в гордиевом узле всех этих сплетающихся, расплетающихся и переплетающихся торговых путей имеется одна странность – большая их часть проходила вдоль русел рек. И все это задолго до появления постосевой инхроники в здешних европейских краях. Причем не так уж и важно, использовались ли реки как воднотранспортные артерии, или же торговля велась по сухопутью вдоль них. Хотя... – может, и важно. Ведь почему из всех возможных и состоявшихся путей развития, следующих из полученного научно-техническим прогрессом (НТП) толчка от становления металлургии железа, постосевая инхроника заострила внимание именно на воднотранспортном аспекте? Не на, скажем, непрерывно совершенствующихся строительных технологиях, не на порохе с огнестрельным оружием, в конце концов, а именно на водном транспорте и связанной с ним потенции транспортировки людей и грузов? Да, понятно – повышенное инхроническое внимание социумов осевой инхрозоны к самым разным перипетиям на глобальных и локальных торговых путях и маршрутах пересеклось с возникшими вдруг возможностями развития судостроения и т.д. Но, может быть, еще и какая-то вполне определенная конкретика спровоцировала сложившееся положение вещей и следующий из него ход событий?

Если предположить, что как раз в вышеуказанной странности, т.е. в тяготении европейских торговых маршрутов к руслам рек в первой половине II тыс. до н.э., мы и видим такую вот дополнительно провоцирующую конкретику, то отсюда закономерно вытекает, что реки эти использовались именно по своему воднотранспортному назначению еще за несколько веков до прохождения постосевого инхроимпульса. И первой и главной артерией, я даже сказал бы – глобальной европейской, – в этой воднотранспортной торговой сети выступала трасса Корнуолл-Рейн-Дунай и далее по Черному морю на Южные Балканы и в Переднюю Азию, разумеется, с неизбежными, но небольшими, сухопутными участками, самый крупный из которых располагался на территории Южной Баварии между судоходными участками Рейна и Дуная.

Кстати, отделение Британии и ее полуострова Корнуолл от европейского континента морскими проливами Ла-Манш и Па-де-Кале как раз и могло поспособствовать “досрочной” ориентации международной торговли на водный транспорт в этом европейском регионе. И в самом деле, если товар (в данном случае олово) на лодках или какими-то другими судами морем доставлялся от Корнуолла к устью Рейна, то было бы, как минимум, неразумно, перегружать здесь товар на сухопутные колесные повозки и везти его дальше на юг по берегу вдоль Рейна, а не прямо по водам этой полноводной реки на тех же судах, даже гребя против течения. А вот далее от верхнего Рейна уже можно было и повозками по предальпийскому сухопутью до оживленной судоходной дунайской трассы.

И тогда получается, что воднотранспортная ориентация европейской торговой трассы Корнуолл-Рейн-Дунай и прилегающих к ней с севера датско-балтийских торговых путей по Эльбе, Одеру и Висле в ~1600 г. до н.э. до н.э. вполне могла сложиться со всеми другими мотивационными и причинными факторами (металлургическими, научно-техническими и пр.), и в результате к федоровским сообществам Южной Сибири и Восточного Казахстана, наиболее мотивированным с точки зрения будущей постосевой угрозы, проходит инхроимпульс постосевой инхроники от события возник-

новения в XVI-XVII веках уже нашей эры мировой воднотранспортной то ли сети, то ли среды. Что тут скажешь? – поразительно!

Но не только относительно торговой трассы Корнуолл-Рейн-Дунай и северных балтийских рек, но и о реках так называемого Карпатского бассейна (коротко говоря, область между Карпатами и Восточными Альпами) времен бронзового века (еще до Тумулуса) также высказывались аналогичные суждения:

“Важность рек в качестве [торговых] маршрутов подчеркивается тем фактом, что вдоль этих рек расположены наиболее значимые поселения и расположенные на возвышенностях участки, что подтверждает «поразительно речную ориентацию» (Sherratt 1993) живущих здесь сообществ”^[86].

Здесь, прежде всего, имеется в виду именно воднотранспортный аспект использования этих рек еще с неолитических времен^[87]. Так, может, не столь уж и поразительно? – если даже в разных концах сравнительно “дикой” в те времена Европы задолго до постосековой инхроники имела место столь бурная воднотранспортная активность...

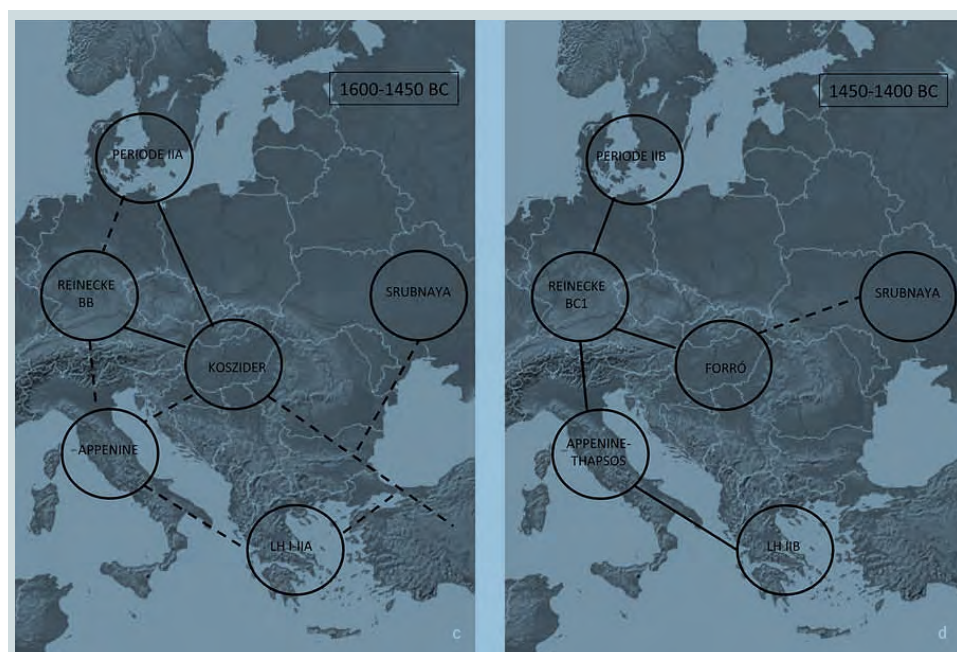


Рис. 5.5
Межрегиональные связи Карпатского бассейна времен местного среднего бронзового века с другими оловянно-бронзовыми металлургическими центрами (по находкам изделий из балтийского янтаря)
(Фрагмент карты взят из K. P. Fischl et al. "Transformations in the Carpathian Basin...", Fig. 8 c,d)

Однако по мере проникновением Тумулуса в западную часть Карпатского бассейна имеющиеся до того торгово-обменные связи здешнего населения с Южной Грецией прерываются (см. Рис. 5.5):

“В то же время западная часть Карпатского бассейна вместе с другими регионами западной части центральной Европы постепенно интегрировалась в тумулусную культур-

^[86] K. P. Fischl et al. “Transformations in the Carpathian Basin around 1600 B.C.”, in H. Meller et al. (eds.) “1600 – Kultureller Umbruch im Schatten des Thera-Ausbruchs?”, Tagungen des Landesmuseums für Vorgeschichte Halle, 9, Halle (Saale), 2013, pp. 355–371, at p. 364.

^[87] J. M. O’Shea “A River Runs Through It: Landscape and the Evolution of Bronze Age Networks in the Carpathian Basin”, Journal World Prehistory, 24, 2011, pp. 161–174.

ную среду. Вместо прежнего северо-западного – юго-восточного сообщения вдоль Дуная были сформированы новые северо-южные связи между локальными региональными сообществами, связанными регулярным обменом и основанными на смешанных браках альянсами, которые соединили Северную и Центральную Европу с Восточным Средиземноморьем через Италию. Вероятно, именно эта сеть и связала сообщества Уэссекса II, Тумулуса и ранних Микен, что просматривается в распределении балтийского янтаря, особенно перфорированных пластин и обрамленных золотом янтарных изделий. Однако Карпатский бассейн остался вне этих связей (Рис. 8d), и большая часть ранее столь настойчиво и выразительно отстаиваемых «микенских связей» оказалась всего лишь мифом – как по хронологическим причинам (Raczky et al. 1992), так и вследствие отсутствия убедительных материальных свидетельств”^[88]

Речь идет об участке пути d на Рис. 5.4 из Карпатского бассейна в Южную Грецию, существование которого в тумулусном периоде в конечном счете не подтвердилось. Что также находится в полном согласии с нашей культурно-инхронической моделью. Но тогда возникает следующий закономерный вопрос: а зачем вообще тумулусным сообществам был необходим Карпатский бассейн, если все их основные торговые трассы шли в обход данного региона? Может, лишь для того, чтобы как раз оградить эти связи от попыток микенцев выйти на прямые торговые связи с Центральной Европой через Карпатский бассейн? Но микенцам и самим не было в том никакой выгоды, если, конечно, мы правы в своем предположении, стержень микенского осевого ответ покоился на создании условий для возникновения фатальных продолжений ВШП в Западное Средиземноморье, которые, таким образом, превращались бы в неотъемлемую часть ВШП в осевом будущем уже с ~1600 г. до н.э., а микенский торговый транзит олова и янтаря морем с запада на восток со временем становился ведущим актором в торговле Восточного Средиземноморья с Западным.

И все же в “охранной” миссии Карпатского бассейна в отношении основных “функциональных” территорий Тумулуса что-то есть... Может, защита от различных культурных, экономических, военных, политических и других всевозможных влияний со стороны восточного степного населения? Которые, кстати, традиционно проникали в Европу по Подунавью... Но не могли же тумулусовцы и в самом деле предвидеть подход медленно дрейфующей с востока на запад постосевой инхроники, которая позже как раз и положит конец Тумулусу! Это даже с инхронических позиций невозможно ни с постосевой, ни, тем более с осевой точки зрения. А вот касаясь Подунавья...

Что если Тумулус в Карпатском бассейне как раз и перекрывал дунайскую трассу, ликвидируя торговое сообщение между Средним и Нижним Дунаем, и тем самым создавая условия в предальпийской зоне для успешного разворота корнуолского олова в сторону Сонны и Роны? Тоже вряд ли... – как бы там ни вели себя тумулусные сообщества, в угасании дунайской торговой трассы, начиная с ~1600 г. до н.э., в несравненно большей мере повинно начало отступления третьего ВОП вместе со своим оловянным хабом в устье Дуная из осевого будущего, а также их последующее окончательное исчезновение из него же в ~1400 г. до н.э. под напором укрепляющего свои позиции в этом будущем ВШП.

Поэтому, как это ни странно выглядит, ответ на вопрос о причине появления тумулусной культуры в Карпатском бассейне, наверное, все-таки лучше поискать не на юго-востоке от этого региона, а к северо-востоку от него, другими словами, не в восточной степной среде, а среди лесных сооб-

^[88] K. P. Fischl et al. “Transformations in the Carpathian Basin...”, p. 364.

ществ Северо-Восточной Европы. Еще раз посмотрим на карту Рис. 5.4. Мы увидим, что балтийский янтарь мог поступать на юг до Черного моря еще по двум взаимосвязанным путям, конкурирующим с тумулусными торговыми путями в юго-западном направлении – это e и e_{bis} . Первый путь (e) проходит по Висле и ее притоку Бугу и далее по Днестру до северного черноморского побережья. Второй путь (e_{bis}) от Рижского залива по Западной Двине доходит до верховий Днепра и далее по Днепру до того же северо-черноморского берега. А из Северного Причерноморья путь морем доведет уже куда угодно: и до Трои, а значит, и до всей Передней Азии с ВШП, и до Микен. И если первый путь от Вислы еще какой-то степени мог контролироваться Тумулусом^[89], т.е. сообществами, реализующими тумулусный осевой ответ, с севера, то второй путь оставался полностью неподконтрольным Тумулусу даже в далекой перспективе – по причине его удаленности от тумулусных территорий. За исключением одного региона – Северо-Западного Причерноморья, где оба пути сливались в один, – до которого из Карпатского бассейна по Нижнему Дунаю было если не рукой подать, то все-таки достаточно близко.

Таким образом, заняв стратегическое положение в Карпатском бассейне, тумулусцы могли в любой момент чисто военными средствами вмешаться в торговлю Северо-Западного Причерноморья с южными территориями и прервать ее, ежели она хоть как-то касалась торгово-обменных операций с янтарем. А поскольку такого вмешательства тумулусцев в торговые дела Причерноморья археологи не обнаруживают, надо полагать, что торговые пути e и e_{bis} так и остались нереализованными, во всяком случае, в тумулусные времена и/или в отношении янтаря и/или в полную силу, опасную для Тумулуса.

Видимо, этим же обстоятельством, т.е. потребностью военной силой защищать свою янтарную монополию посредством контроля торговых путей, ведущих к янтарю, можно объяснить и общий тумулусный феномен – повышенную милитаристскую направленность тумулусного общества в целом независимо от регионов.

В свою очередь местное население Карпатского бассейна, войдя в союз с Тумулусом, получало выход для своих товаров (золото, медь, лошади и т.д.) на все западные тумулусные торговые пути, в том числе и выход на “микенское” продолжение ВШП в Западном Средиземноморье.

И вот на эту весьма непростую тумулусную среду из Северо-Западного Причерноморья начинает дрейфовать постосекая инхроника вместе с восточно-средиземноморским ответом на нее (и подавленным волжским ответом) примерно с ~1400 г. до н.э. – после ее проникновения на Украину (с внешним выражением в виде срубной маевской культуры) и дальнейшего распространения на запад по культурному блоку Сабатиновка – Ноуа – Кослоджень в Прикарпатье и Северо-Западном Причерноморье. Дрейф на тумулусный запад, скорее всего, шел как через Подунавье, огибая Карпаты с юга, так и в северо-западном направлении на силезско-великопольский вариант Тумулуса, обходя Карпаты с севера – просто я не вижу причин, по которым дрейф постосекой инхроники происходил бы лишь по одному из этих маршрутов.

Только начав дрейф на запад по Нижнему Дунаю, постосекая инхроника тотчас утыкается в Карпатский бассейн, большая часть которого входит в состав современной Венгрии. И здесь пред нами сразу же встают не-

^[89] См. карту в P. Makarowicz “The birth of a new world...”, Fig. 1 at p. 132.

которые хронологически препоны, препятствующие рассмотрению взаимодействий с синхронно протекающими в Центральной Европе культурными процессами. Дело в том, что периодизация бронзового века, используемая венгерскими археологами, в некоторых ключевых моментах существенно отличается от оной в Центральной Европе и других смежных с ней территорий. Так, если средний бронзовый век, ассоциируемый здесь с культурой Тумулус, и по радиоуглероду и по типологической хронологии традиционно датируется 1600-1200 гг. до н.э., то в Венгрии здешний средний бронзовый век так же традиционно датируется периодом 1750-1450 гг. до н.э.^[90], что, кстати, уже заметно по фрагменту карты на Рис. 5.5. А поскольку мы пытаемся понять динамику и маршруты распространения постосевой инхроники из Северо-Западного Причерноморья дальше на запад, то традиционное начало среднего бронзового века в Венгрии сейчас нас мало интересует. Зато его окончание интересует, и даже очень, так как дата 1450 г. до н.э. смены среднего бронзового века поздним бронзовым веком, которая везде в Средней Европе была вызвана проникновением постосевой инхроники в регионы, слишком уж ранняя – в это время постосевая инхроника, распространяясь с востока на запад, могла появиться разве что только на Восточной Украине, на никак не западнее.

К счастью, совсем недавно появившиеся новые радиоуглеродные даты из Венгрии немного (или даже не немного, а весьма существенно) поправляют давно сложившееся положение и выводят нас из этого типохронологического тупика, сместив границу между средним бронзовым и поздним бронзовым веками в Карпатском бассейне на 150 лет позже, т.е. к ~1300 г. до н.э.^[91] И эта новая дата уже неплохо вписывается в датировки начала позднего бронзового века в соседних европейских регионах.

Как показывают археологические данные в XIII в. до н.э. в Подунавье и расположенных севернее областях от предальпийских земель на западе до польских, венгерских и словацких территорий на востоке происходит масштабная смена культур среднего бронзового века культурами позднего бронзового - раннежелезного века. А именно, существовавшие здесь до того локальные культуры и варианты Тумулуса, довольно быстро сменяются так называемыми культурами полей погребальных урн – в англоязычной литературе *Urnfield culture*^[92]. И одной из таких урнфилдных культур была лужицкая культура, которая в XII в. до н.э. полностью заменила в бассейне Одера и частично Вислы здешний вариант (силезско-великопольский) тумулусной среднебронзовой культуры^[93].

Урнфилд сравнительно быстро распространился по бывшим тумулусным территориям. Казалось бы, в Карпатском бассейне урнфилдная культура появляется немного раньше (по новым датам – в ~1300 г. до н.э.), чем в Польше (в XII в. до н.э., если судить по времени исчезновения Тумулуса здесь). Однако, во-первых, эти даты еще не окончательные, они явно будут уточняться, во-вторых же, польская дата отмечает время исчезновения Тумулуса, тогда как Тумулус и лужицкая культура какое-то время вполне могли сосуществовать в этом регионе, а это означает, что урнфилдная

^[90] P. R. Duffy et al. "The problem with tells: lessons learned from absolute dating of Bronze Age mortuary ceramics in Hungary", *Antiquity*, 93 (367), 2019, pp. 63–79, Table 1.

^[91] Там же, p. 75.

^[92] С термином *Urnfield*, и тоже для краткости, мы поступим аналогично тому, как ранее обошлись с Тумулусом. То есть для унификации отечественной и англоязычной терминологий будем называть данную культуру урнфилдной культурой или культурой урнфилд/Урнфилд и даже еще короче – просто урнфилд/Урнфилд.

^[93] P. Makarowicz "The birth of a new world...", p. 146, Fig. 1 at p. 132.

лужицкая культура могла появиться здесь несколько раньше, где-то в XIII в. до н.э. Поэтому не следует, исходя только из вышеприведенных датировок, считать, что постосевая инхроника раньше появилась в Карпатском бассейне (т.е. на юго-западном пути ее распространения), чем в Польше (северо-западный маршрут).

Как бы там ни было, в XIII в. до н.э., скорее всего, ближе к середине этого столетия, т.е. в ~1250 г. до н.э., постосевая инхроника вместе со всеми своими ответами (активный восточно-средиземноморский и подавленный волжский) из Прикарпатья и Северо-западного Причерноморья проникает в Центральную Европу и на смежные территории, что внешне выражается в последующем массовом распространении урнфилдной культуры в этих регионах. На этом фоне все осевые проблемы и ответы сразу же несколько тускнеют и отходят, так сказать, на задний план, поскольку постосевая инхроника касалась коллизий гораздо более отдаленного будущего, чем осевая инхроника, что, собственно, и позволило постосеовой инхронике несколькими веками раньше так легко сменить оловянно-бронзовый третий ВОП в осевом будущем на VIII в. По этой же причине осевой Тумулус столь же легко сдал свои тщательно выверенные осевые позиции постосеовой урнфилдной культуре. Кроме того, восточно-средиземноморский осевой ответ идеально ложился на центрально-европейские и северо-восточноевропейские наработки Тумулуса по янтарной торговле вдоль балтийских рек, а особенно на то, с чем Тумулус конфликтовал или собирался конфликтовать – в принципе возможные янтарные торговые пути e и e_{bis} с карты на Рис. 5.4., – так как эти тумулусные и в потенции конкурирующие с Тумулусом территории располагались как раз на стыке верховий северных балтийских рек с верховьями южных черноморских рек или со Средним Дунаем и верховьями его левых (т.е. северных) притоков. При таких геополитических раскладах до того подавленный еще на Украине волжский постосеовой ответ тоже получал возможность активизироваться в некоторых урнфилдных сообществах, поскольку верховья балтийских рек волжского ответа на Балтике максимально сближались, а местами даже совпадали, с оными восточно-средиземноморского ответа.

Казалось бы, в новых постосеовых условиях все способствовало восстановлению торгового (даже при продолжавшемся спаде потребностей в корнуоллском олове – в Британии явно нашлись бы и другие востребованные на востоке товары) маршрута Рейн-Дунай, как участка более глобальной будущей воднотранспортной трассы Британия - Рейн - Дунай - Черное море - Восточное Средиземноморье - Суэц - Красное море - Аравийское море - Индия – практически полностью водной трассы из Северо-Западной Европы в Южную Азию, относительно которой выше уже было высказана гипотеза, что именно ее европейский участок лежал в основе воднотранспортного характера постосеовой инхроники. И все это целиком и полностью в русле маршрутов восточно-средиземноморского постосеового ответа, в котором к балтийским рекам добавляется и воднотранспортная магистраль Рейн-Дунай...

Однако вскоре произошло еще одно событие, которое начисто перечеркнуло возможное блестящее постосеовое будущее воднотранспортного европейского маршрута Рейн-Дунай. Как мы видели, постосевая инхроника распространялась на запад по двум маршрутам: северо-западному и юго-восточному. И нет никаких серьезных оснований предполагать, что по одному из этих маршрутов постосевая инхроника дрейфовала существенно быстрее, чем по другому. Поэтому исконно тумулусной предальпийской зо-

ны два эти потока дрейфующей постосевой инхроники должны были достигнуть почти одновременно, с разницей не более нескольких десятков лет. Тем более что, по какому бы маршруту ни двигаться на запад, расстояния от, скажем, Прикарпатья до предальпийской зоны будут примерно одинаковыми. Другими словами, на тумулусное население предальпийской зоны постосевая инхроника должна была обрушиться практически одновременно с двух разных сторон. Именно обрушиться, поскольку такой двойной удар по населению, среди которого в свое время как раз и зародился Тумулус, ныне повсеместно уничтожаемый наступающей с двух сторон постосевой инхроникой, не мог пройти даром – ни для населения, ни для всего остального мира. Он и не прошел...

Думается, что именно здесь в самом конце XIII в. до н.э. зарождается свой собственный вариант средиземноморского постосевого ответа, логично вытекающий из всего предыдущего развития обитателей предальпийской зоны, особенно в его тумулусном периоде. Читатель уже, наверное, догадался, что речь идет о западно-средиземноморском постосевом ответе.

Западно-средиземноморский постосевой ответ обитателей предальпийской зоны базировался на том же принципе, на котором, наравне с некоторыми другими, зиждился их тумулусный осевой ответ – основные территории формирования и реализации своих ответов, особенно, на первых порах, располагать как можно дальше от развитых центров переднеазиатской цивилизации, дабы избежать ее неизбежного культурного влияния, разрушающего местные культурные особенности и традиции. Поэтому торговые контакты Тумулуса с Микенами и были отнесены так далеко на запад – на юг Франции – поближе к предальпийской зоне и подальше от Восточного Средиземноморья – в данном случае использовался тот момент, что микенцы, формируя продолжение ВШП, сами забрались так далеко на средиземноморский запад. И, располагая уже довольно основательным многовековым опытом интенсивного взаимодействия также и с населением Западного и Центрального Средиземноморья, бывшие тумулусцы вновь избрали центром и основой на сей раз уже своей новой воднотранспортной постосевой активности акваторию Западно-Центрального Средиземноморья. Вот почему вся последующая история Средиземноморья, и осевая, и постосевая, отталкивалась уже от этого тумулусного по происхождению главного посыла...

Мы уже не раз сталкивались с ситуацией, когда в результате прохождения инхроимпульса или формирования нового ответа на инхронику, из региона, где это происходило, наблюдался выброс инхронически самого активного населения. В случае сформированного в предальпийской зоне, можно сказать, на границе Западной и Центральной Европы, западно-средиземноморского постосевого ответа, таким наиболее ранним, показательным и ярким выбросом стало нашествие “народов моря” на территории Восточного Средиземноморья, начавшееся в ~1200 г. до н.э. О целях же – конечных, промежуточных и запасных страхующих – этого в общем довольно-таки неординарного для своего времени выступления все уже было сказано выше, как и о том, что из всего этого получилось.

По пути из предальпийской зоны западные средиземноморцы обросли новыми принявшими этот ответ сторонникам фракийского этнического происхождения (вплоть до Северо-Западного Причерноморья, а об иллирийцах поговорим ниже, в самом конце настоящего этюда), в среде которых чуть ранее уже утвердился восточно-средиземноморский ответ, попавший к ним вследствие дрейфа постосевой инхроники по Подунавью. Но что этим

балканским народам столь далекий от них западный постосево́й ответ, к тому же активно конфликтующий с уже имевшимся у них восточно-средиземноморским ответом?

Во-первых, идея оказаться по возможности дальше от довлеющей переднеазиатской цивилизации была близка многим и в этих этносах. Во-вторых, обладавший огромной воднотранспортной потенцией Атлантический океан. Последний момент сыграл немалую роль и в тумулусной среде при формировании западно-средиземноморского ответа. В-третьих... Собственно говоря, вполне достаточно и двух приведенных мотиваций, которые запросто могли вырвать из балканской фракийской среды отдельных ее представителей и даже их целые группы, возможно, даже отдельные роды или группы близкородственных родов, среди которых предыдущий восточно-средиземноморский постосево́й ответ, разумеется, подавлялся.

Вместе с “народами моря” в XII в. до н.э. произошел еще один выброс урнфилдного населения из той же предальпийской зоны, что также косвенно свидетельствует о том, что западно-средиземноморский ответ был сформирован именно здесь. Если “народы моря” со своими непростыми планами и намерениями двигались из предальпийской зоны в юго-восточном направлении, то инхронически активные участники другого выплеска придерживались южного направления – через Альпы в Северную Италию из более северной урнфилдной Европы, а скорее всего, из ближайшей к Италии предальпийской зоны в южной Германии. В связи с чем здесь, на севере и в центре Апеннинского полуострова, спустя какое-то время возникает своя разновидность урнфилдной культуры – так называемая культура Прото-Вилланова^[94], носители которой наряду с некоторыми “народами моря”, примерно в то же самое время прибывшими после понесенного от Египта поражения из Восточного Средиземноморья в Западное, откуда несколькими веками позже добрались и до северо-центральной Италии^[95], были заложены *инхронические* основы (в виде западно-средиземноморского постосево́го ответа) будущего развития этрусского общества и выросшей из этого этрусского истока мощи Римской державы. Мало того, кое-кто из исследователей связывают появление на Апеннинском полуострове самих италиков (во всяком случае, некоторых их племен, особенно умбро-оскской группы) именно с культурой Прото-Вилланова^[96].

Примерно в это же время Урнфилд появляется и на юге Франции и на Пиренейском полуострове – в Каталонии, что вначале было интерпретировано археологами, как “волны кельтских миграций”. Правда, “волны” вскоре после уточнения хронологии были оспорены, однако кельтское происхо-

^[94] A. M. Bietti Sestieri, A. De Santis “Relative and absolute chronology of Latium Vetus from the Late Bronze Age to the Orientalizing period” in D. Brandherm, M. Trachsel (eds.) “A New Dawn for the Dark Age? Shifting Paradigms in Mediterranean Iron Age Chronology. Proceedings of the XV World Congress (Lisbon, 4-9 September 2006)”, Oxford: Archaeopress, 2008, pp. 119–133, at p. 121; M. Pearce “The Italian Bronze Age” in P. Bogucki, P. J. Crabtree (eds.) “Ancient Europe 8000 B.C...”, pp. 34–42, at pp 38–40; P. Suchowska-Ducke “Understanding Cross-cultural Communication in the European Bronze Age”, in P. Maria, M. H. Öñiz (eds.) “SOMA 2011. Proceedings of the 15th Symposium on Mediterranean Archaeology, held at the University of Catania 3–5 March 2011”, Vol. 1, BAR International Series 2695 (I), Oxford: Archaeopress, 2015, pp. 11–19, at p. 15; N. T. de Grummond “Ethnicity and the Etruscans” in J. McInerney (ed.) “A companion to ethnicity in the Ancient Mediterranean”, Wiley Blackwell, 2014, pp. 405–422, at p. 406.

^[95] А. И. Немировский “Этруски. От мифа к истории”, М.: Наука, 1983, стр. 55–61.

^[96] А. И. Немировский “История раннего Рима и Италии. Возникновение классового общества и государства”, Воронеж: Издательство Воронежского Университета, 1962, стр. 100–117.

ждение здешнего Урнфилда остается в силе – в ранге гипотезы, разумеется, и:

“В настоящее время предполагается, что нет существенных различий в темпах появления культуры Урнфилд между западной частью Центральной Европы, южной Францией и северо-западной частью Пиренейского полуострова”^[97]

В любом случае данный культурный феномен весьма неплохо понимается, как очередной выплеск из предальпийской зоны носителей сформированного здесь накануне западно-средиземноморского постосевого ответа, направленный в сторону Пиренейского полуострова, который, располагаясь между Средиземным морем и Атлантическим океаном, имел важное стратегическое воднотранспортное значение в постосековой инхронизации. Не говоря уж о Гибралтарском проливе...

Итак, в XII в. до н.э. под действием сформированного западно-средиземноморского постосевого ответа наблюдаются выплески населения из предальпийской зоны не только на юг (италиков на Апеннинский полуостров) и юго-восток (“народов моря” в Восточное Средиземноморье), но и на запад и юго-запад (населения возможной кельтской этнической принадлежности на Пиренейский полуостров). Заметим еще, что миграции кельтского населения в следующую после Урнфилда гальштатскую эпоху (750-475/450 гг. до н.э.) из той же предальпийской зоны (в данном случае имеем в виду Западный Гальштат) достаточно надежно фиксируются археологически^[98], а в хронологически идущем за Гальштатом Латенском периоде – уже и историческими письменными источниками и найденными предметами бесспорно кельтского искусства^[99].

Как видим, предальпийская зона претендует на титул прародины как кельтов, так и италиков. Для кельтов это в общем-то неудивительно, поскольку в роли кельтской прародины в большей части современных гипотез по сути муссируются два европейских региона: Испания (атлантическая гипотеза), и восток Франции - Швейцария - юг Германии, или, как по-иному называют этот регион – RSFO по аббревиатуре от Rhin (Рейн) - Suisse (Швейцария) - France Orientale (восточная Франция), – (центрально-европейская гипотеза)^[100]. Таким образом, определенная нами выше предальпийская зона – это область RSFO плюс австрийские территории по Верхнему Дунаю.

А поскольку атлантическая гипотеза вскоре после своего появления была подвергнута уничтожительной критике другими кельтологами^[101], то остается только RSFO в рамках центрально-европейской гипотезы. И как бы эту гипотезу также ни пытались скомпрометировать все те же кельтологи,

^[97] K. Dzięgielewski, M. S. Przybyła, A. Gawlik “Reconsidering Migration in Bronze and Early Iron Age Europe: Bridging a Gap in European Mobility?” in K. Dzięgielewski, M. S. Przybyła, A. Gawlik (eds.) “Migration in Bronze and Early Iron Age Europe”, *Prace Archeologiczne* No. 63 Studies, Krakow, 2010, pp. 9–36, at p. 18.

^[98] J. Leskovar “Hallstatt [2]. The Hallstatt culture” in J. T. Koch “Celtic culture. A historical encyclopedia”, Santa Barbara, Denver, Oxford: ABC-CLIO, 2006, Vol. III (G–L), pp. 887–889.

^[99] J. V. S. Megaw, M. R. Megaw “La Tene [2]. The La Tene period” in J. T. Koch “Celtic culture. A historical...”, Vol. III (G–L), pp. 1071–1076.

^[100] Д. Коллис “Кельты: истоки, история, миф”, М.: Вече, 2007, p. 138; G. De Mulder, M. Van Strydonck, M. Boudin “The impact of cremated bone dating on the archaeological chronology of the Low Countries”, *Radiocarbon*, Vol. 51, Nr 2, 2009, pp. 579–600, at p. 580.

^[101] T. A. Mikhailova “Celtic origin: location in time and space? Reconsidering the “East-West Celtic” debate”, *Journal of Language Relationship – Вопросы языкового родства*, 13/3, 2015, pp. 257–279.

их позиция как-то не очень воспринимается ввиду ее малой обоснованности. Возьмем к примеру такой пассаж: "...кельтское расщепление на р- и q-ветви началось около 1200 г. до н.э..."^[102]. И что? Неужто методы глоттохронологии уже позволяют так точно датировать лингвистические события? Или: "...учитывая широко распространенное мнение о том, что кельтизация Британских островов, возможно, началась еще в 1500 г. до н.э..."^[103]. Тот же самый вопрос: и что? В погоне за оловом Корнуолла предки предальпийских тумулусовцев (возможные протокельты) запросто могли достигать Британии и даже частично поселиться в ней задолго до появления культуры Тумулус, т.е. до 1600 г. до н.э. еще в унетицкие времена; ну и т.д.

Однако кельты (протокельты) с италиками (протоиталиками) в предальпийской зоне – это еще не все. Выше уже говорилось об иллирийцах как об одной из главных этнических составляющих "народов моря". Более того, часть племен, в свое время обосновавшихся на юго-востоке Апеннинского полуострова, были иллирийского происхождения, это: япиги, певкты, давны, мессапы (последних связывают еще и с Критом) и др.^[104] Некоторые археологические данные указывают на ранний железный век как время прибытия иллирийцев в Апулию^[105]. Однако если учесть что все три миграции, выплеснувшиеся из предальпийской зоны под действием западно-средиземноморского ответа, который был сформирован здесь в ~1200 г. до н.э.: кельтский в сторону Пиренейского полуострова, италийский на Апеннинский полуостров и "народов моря" с существенным иллирийским присутствием в них на территории Восточного Средиземноморья, протекали одновременно в XII-XI вв. до н.э., то кажется логичным предположить, что все три протоэтнуса: протокельтский, протоиталийский и протоиллирийский, до ~1200 г. до н.э. проживали в одном регионе, а именно – в том, который мы называем предальпийской зоной. И тогда гораздо вероятнее и логичнее, что иллирийцы попали в Италию вместе с италиками в XII-XI вв. до н.э. Да, возможно, и после того как часть иллирийцев в составе "народов моря" осела на западе Балканского полуострова, отсюда также периодически происходили иллирийские миграции с одной стороны Адриатического моря на другой его берег к родственному населению в Италии, которые как раз и наблюдаются в некоторых археологических материалах. Но основная масса иллирийцев все же имела много больше шансов очутиться в Италии в XII-XI вв. до н.э., т.е. сразу после "взрыва" населения предальпийской зоны, вызванного новым постосевым западно-средиземноморским ответом.

В связи со всем этим не мешало бы вспомнить и о гораздо более древних временах – например, о том, что некоторые лингвисты (в частности и Т. Гамкрелидзе с В. Ивановым – см. диаграмму на Рис. 4.6 и сопутствующий ей текст в первой части второй книги "Инхроники цивилизаций") из общей индоевропейской массы вычлениют итало-кельтско-иллирийскую диалектную группу, т.е. языковую общность, появившуюся еще на индоевропейской прародине. Правда, Т. Гамкрелидзе и В. Иванов добавляют к ней и тохаров, однако нашего текущего рассмотрения чисто европейских этнокультурных раскладов это никоим образом не касается. И вновь звучит все тот же слегка набивший оскомину вопрос: и что? И все... – принадлежность обитателей предальпийской зоны, населявших ее до ~1200 г. до н.э., к итало-кельтско-иллирийской этнокультурной общности закономерно вытекает из

[102] Там же, at p. 262.

[103] Там же.

[104] А. И. Немировский "История раннего Рима и Италии...", стр. 71-74.

[105] Там же, стр. 74.

всего вышесказанного. А в миграционном этническом “взрыве” ~1200 г. до н.э. мы наблюдаем ее распад... Только и всего.

Думается, итало-кельто-иллирийцы попали в предальпийскую зону во время массовых миграций ямных “древнеевропейцев” из Волго-Уралья в Европу, которые происходили в первой половине III тыс. до н.э. под действием осевой инхроники и соответствующего ямного ответа на нее, направленного на запад (см. в Хронографии №4). И в этом пережиточном качестве они сохранились в предальпийском, можно сказать, этнокультурном убежище почти до самого конца бронзового века, подобно тому как в свое время репинские племена пережиточной энеолитической культуры сохранились в лесостепи Верхнего Дона, а потом легли в основу населения доново-волжской абашевской культуры (и об этом см. в соответствующих этюдах Хронографии №4). Правда, итало-кельто-иллирийцы в тумулусном периоде и до того – в унетицкие времена – в процессе развития оловянно-янтарной торговли успели довольно плотно провзаимодействовать с населением Центральной, Восточной и Северной (Британия, Дания, Балтика) Европы. А еще раньше пересеклись с предыдущим неолитическим населением предальпийской зоны, принадлежащим культуре колоколовидных кубков^[106]...

Подведем итоги.

Итак, появившийся в предальпийской зоне в самом конце XIII в. до н.э. западно-средиземноморский ответ расколол до того единый средиземноморский ответ на два разных средиземноморских постосевых ответа: собственно средиземноморский, точнее, уже восточно-средиземноморский ответ и западно-средиземноморского ответ. Появление нового варианта средиземноморского ответа, да еще в достаточно ярко выраженной взрывной форме, лишь ускорило и усилило процессы экспансии незадолго до этого появившейся в Европе в XIII в. до н.э. урнфилдной культуры, являющейся внешним культурным выражением того общего, что объединяло оба постосевых ответа, т.е. их общей средиземноморской направленности. И тем не менее разделение ранее единого средиземноморского ответа на два варианта четко просматривается и в разбиении единого урнфилдного региона на два подрегиона: западный Урнфилд и восточный Урнфилд^[107]. Полусом, если можно так выразиться, восточного Урнфилда стала так называемая лужицкая урнфилдная культура в северо-восточных областях урнфилдного региона, а западного Урнфилда – западная часть предальпийской зоны, т.е. область RSFO. О реализации двух разных вариантов постосевого средиземноморского ответа на западе и востоке Урнфилда прежде всего свидетельствует направленность экспансии Урнфилда в двух этих его подрегионах к двум совершенно разным географическим образованиям в дополнение к их общей средиземноморской направленности. Если лужицкая культура распространяет элементы Урнфилда на север – в Данию и на скандинавские территории южной и центральной Швеции, а также западной Финляндии, – и на восток^[108] – в сущности, к рекам балтийского бассейна и верховьям рек черноморского бассейна, – то группы RSFO уже в урнфилдное время^[109], а осо-

^[106] P. W. Stockhammer et al. “Rewriting the Central European Early Bronze Age Chronology...”, p. 24, Table 1, Fig. 4, 5.

^[107] K. Dzięgielewski et. al “Reconsidering Migration in Bronze and Early Iron...”, pp. 16-21.

^[108] Там же, pp. 19-21.

^[109] Некоторой иллюстрацией к распространению групп RSFO в урнфилдное время может послужить карата из G. De Mulder et al. “The impact of cremated bone dating on the archaeological chronology...”, Figure 1.

бенно в последующую гальштатскую и латенскую эпохи в виде кельтских миграций, распространялись в основном на запад – к Атлантике.

В срединной же части унфилдного региона в Нижней Австрии по верхнему Дунаю, где оба варианта средиземноморского ответа – восточно-средиземноморский и западно-средиземноморский, – граничили друг с другом, сразу же возникла конфронтация между ними, в результате приведшая к выбросу здешних инхронически наиболее активных сторонников нового западно-средиземноморского ответа (“народы моря” – большей частью иллирийской этнической принадлежности) в сторону территорий Восточного Средиземноморья, главную опору восточно-средиземноморского ответа, с целью взятия под свой контроль стратегически важный для обоих ответов Суэцкий перешеек и ослабления здесь в целом позиций восточно-средиземноморского ответа, который в подавленном виде вместе с постосеовой инхроникой они сами же в своей среде непреднамеренно и занесли в данный средиземноморский регион. Справедливости ради стоит заметить, что восточно-средиземноморский ответ все равно рано или поздно проник бы в Восточное Средиземноморье, но уже отнюдь не в подавленном статусе, оттесненным на задний план, а в самом что ни на есть активном состоянии.

Граница между двумя ответами и в последующие времена проходила примерно по Рейну, Верхнему и Среднему Дунаю до Иллирии, а восточнее Иллирии и южнее Дуная, похоже, уже все Балканы пребывали в лоне восточно-средиземноморского ответа. Их начавшееся еще в унфилдные времена противостояние на долгие века, а то и тысячелетия, раскололо до того единое поле европейской цивилизации в ее микено-минойской фазе на два цивилизационных региона: восточноевропейский греческий и западноевропейский римский, подобно тому как и в переднеазиатской цивилизации долгое время существовало два разных цивилизационных центра в Египте и Нижней Месопотамии. И самое любопытное, что и спустя тысячелетие Римская империя, мощнейшая да сильнейшая на тот момент держава Европы, так и не смогла преодолеть эту “мистическую” границу между ответами и присоединить к себе восточные территории за Рейном и северные за Дунаем^[110]. Вот что значит кровная заинтересованность местного населения, такого как германцы и даки, в регионе (в данном случае, в территориях вдоль рек балтийского и черноморского бассейнов и их притоков, плюс прямо на границе – по Рейну и Дунаю), где только и предоставлялась реальная возможность для полноценной реализации конкретных местных вариаций восточно-средиземноморского постосеового ответа на инхронику, в котором данное население было заинтересовано еще более кровно – собственно, как раз сам ответ и интересовал и воодушевлял его более всего... Тем не менее Рим смог включить в себя обширные балканские территории южнее Дуная, чье население (фракийцы, македонцы, греки и другие) также придерживалось восточно-средиземноморского ответа. Видимо, их вариант данного ответа был настолько гибким, что позволял продолжать его реализацию даже в тисках конкурирующего западно-средиземноморского ответа.

С миграциями кельтских племен на восток в зону восточно-средиземноморского ответа, особенно в Латенском периоде (с ~450 г. до н.э. примерно до начала нашей эры^[111]), тоже все обстояло не так уж и просто. Здесь возможны были два варианта: либо, пересекши границу ответов кель-

^[110] См. карту “Римской империи при Константине (306-337 гг. до н.э.)” в С. Л. Утченко (ред.) “Всемирная история”, Том II, М.: Государственное издательство политической литературы, 1956, карта на стр. 799.

^[111] J. V. S. Megaw, M. R. Megaw “La Tene [2]. The La Tene...”, Chronological table at p. 1074.

ты вскоре отказывались от своего западно-средиземноморского ответа и возвращались к восточно-средиземноморскому ответу, либо же продолжали реализацию западно-средиземноморского ответа посреди в общем и целом враждебного окружения восточных средиземноморцев.

Второй случай наиболее ярко и наглядно представлен кельтскими племенами галатов, которые в своем продвижении на юго-восток приблизительно во время войны римлян с Пирром достигли внутренних областей Малой Азии, где сплотились в крепкое государство и окончательно осели по обе стороны р. Галис. Галаты почти всегда поддерживали в этом регионе римлян в их многочисленных конфликтах с малоазийскими эллинистическими правителями, а на первых этапах проникновения римлян в Азию также и в борьбе против пиратов южного берега Малой Азии в Ликии, Писидии, Памфилии и Киликии^[112].

И еще пара многозначительных фраз, подчеркивающих активное бытование именно западно-средиземноморского постосевого ответа среди галатов:

“Однако, несмотря на их многовековое пребывание в Малой Азии, глубокая пропасть отделяла этих западных пришельцев от людей Востока.

...

Противоположность эта была другого рода: кельтское и эллинское вторжения в Малой Азии как бы конкурировали между собой, и к национальной противоположности присоединился мотив соперничества в деле завоевания”^[113]

Много позже эта же граница между двумя ответами, только та ее часть, которая проходила по чуть более южным территориям и акваториям, разрезала Римскую державу на два куска: Западную Римскую империю и Восточную Римскую империю (греческую Византию), а единое христианское поле спустя еще какое-то время начало раскалываться на православных и католиков... Да, до того были (и есть до сих пор) еще и несториане, и монофизиты и другие, но это немного о другом. Вот так и получилось, что вся последующая история Европы в основном уже определялась этой Великой Схизмой двух средиземноморских постосевых ответов, зародившейся еще в конце II тыс. до н.э.

И все-таки хватит про Европу – в других местах происходило много чего не менее любопытного и примечательного...

^[112] Т. Моммзен “История Рима”, в 4 томах, Том четвертый (кн. VIII продолжение), Ростов-на-Дону: «Феникс», М.: «Зевс», 1997, стр. 223-229.

^[113] Там же, стр. 226.

ТРЕТИЙ ЭТЮД: «Восток – дело тонкое...»

Если на западе Евразии в XII-XI вв. до н.э. происходили столь бурные события в связи с появлением постосевой инхроники в Западно-Центральной Европе в XIII в. до н.э., самом западном на тот момент постосевом регионе, то не логично ли будет предположить, что и на востоке Евразии могли происходить какие-то аналогичные события? Причем именно в то же самое время XII-XI вв. до н.э. – во время освоения анатолийским населением технологий цементации и закалки железных изделий, принадлежащих самому глубинному пласту ведущего постосевого потока, т.е. процессу развития металлургии железа. И, правда, логично, однако не всякое логичное предположение реализуется на самом деле...

И все же... – если к тому же учесть почти синхронное образование спустя еще менее тысячи лет (примерно к II-I вв. до н.э., когда прорисовывается первый абрис ВШП, а это уже осевой синхронизм) двух мощных полиэтнических держав на этих двух разных концах Евразии – Римской на западе и Ханьской на востоке, – то высказанное выше предположение начинает наполняться некоторыми реалиями. И уже не столь важно, осевой синхронизм или постосевой лежит в основе данных исторических реалий, поскольку, как мы успели убедиться еще в предыдущем этюде, с конца II тыс. до н.э. осевые ответы все чаще выступают в роли этаккой своеобразной ресурсной базы для реализации соответствующих постосевых ответов. Так было в случае киммерийцев, у которых в их в геоинхроническом выборе отчетливо просматривается восточно-средиземноморский постосевой ответ, а уж тем более в активизации ассирийцев, в I тыс. до н.э. сделавших главную ставку на регулярное, а главное, гармоничное и комплементарное, взаимодействие своих ответов: осевого ВШП и волжского постосевого, чьи транспортные трассы скрещивались в исконных ассирийских землях. Не исключено, что именно сама возможность осуществления подобного механизма комплементарного осевого-постосевого взаимодействия во временном периоде пересечения осевой и постосевой инхронизации и позволила постосевой инхронике при смене оловянно-бронзового производства железно-стальным удлинить осевую инхронизацию аж на тысячу с лишним лет, а не на какой-то более маленький срок, с зарождением и становлением ВШП в качестве осевого события-источника, который своими сухопутными трассами, дополняющими постосевые водные, связывал Тихий, Индийский и Атлантический океаны – ведь не случайно же осевой по происхождению ВШП просуществовал практически до конца постосевой инхронизации в XVII в. н.э., во всяком случае, в своей восточная части.

Продолжим. Правда, на сей раз для краткости обойдемся без рассмотрения всех промежуточных культурных этапов распространения постосевой инхроники на востоке, а сразу обратимся к одному из конечных ее проявлений. По ряду более или менее взвешенных хронологических подсчетов где-то во второй половине XI в. до н.э.^[1] люди народа чжоу с запада напали на осевое по происхождению (или по-иному – находившемся в осевой фазе восточноазиатской цивилизации) государство Шан-Инь в среднем течении Хуанхэ и, разгромив шанскую армию, завладели его землями. Да, на шанцев явно сказался тяжелый поход на проживающих восточнее них пле-

^[1] А. В. Седов (ред.) “История Древнего Востока. От ранних государственных образований до древних империй”, М.: Восточная литература, 2004, стр. 210.

мена жэньфан^[2], проведенный накануне наступления чжоусцев во главе со своим лидером У-ваном, но даже и без этого победа полуварварского-полугосударственного Чжоу над империей Шан, надо полагать, не оказалась такой уж неожиданностью для шанцев и подвластных им народов, а тем более для самих чжоусцев, поскольку:

“При Чане [*отце У-вана, правившего чжоусцами около полвека, посмертное имя Вэнь-ван – А.3.*] за почти полвека чжоусцы сделали быстрый шаг вперед в своем развитии не только и даже не столько в сфере военно-политической (хотя успехи в ней были несомненны и благотворны для Чжоу), сколько в области культуры, так сказать, нравов, что для полуварварского этноса чжоусцев сыграло, видимо, колоссальную, может быть, решающую роль. Без этого скачка они едва ли смогли бы удержаться у власти после завоевания Шан.

...

Посмертное имя Вэнь-ван (Просвещенный ван, Цивилизованный правитель) было дано Чану не случайно. В него был заложен достаточно глубокий смысл. Наследники Чана, всей своей деятельностью подготовившего крах Шан и триумф чжоусцев, стремились подчеркнуть этим именем не столько его политические способности и военные успехи, хотя и они высоко чтились, сколько именно причастность к высокой культуре

...

Сопоставление материалов письменных источников, включая фэнчуцуньские надписи, и иных данных, прежде всего предоставляемых археологией, позволяет зримо ощутить тот серьезный скачок в развитии, который совершили чжоусцы при Вэнь-ване. Можно определить этот шаг следующим образом: за полвека правления Чана чжоусцы если и не перестали быть полуварварами, то во всяком случае настолько близко подошли к стандартам цивилизации, что оказались в состоянии бросить вызов Шан и одолеть шанцев в открытом сражении. Вызов бросил Вэнь-ван, причем не с позиций голой силы, а с использованием иных методов и средств, прежде всего именно тех, что соответствовали высокой духовной культуре”^[3]

Таким образом, в первой половине XI в. до н.э. явно наблюдается ускоренное развитие западной полузависимой периферии Шан при общей постепенной политической и культурной деградации шанского общества:

“...состояние кризиса в Шан как-то было связано с личностью Чжоу Синя [*правителя Шан – А.3.*], от которого его сторонники уходили, тогда как успехи Чжоу зависели от Вэнь-вана, к которому они шли... ...факт остается фактом: престиж чжоусцев возрастал, а шанцев – падал. И только поэтому Чан где-то на 40-м году своего правления объявил себя ваном, бросив тем самым открытый вызов Шан. Позже все это было интерпретировано победившими чжоусцами в терминах теории о «мандате Неба». Но Чан, как известно, только бросил вызов. Военную победу над Шан одержал его сын У-ван”^[4]

Если учесть, что постосежая инхроника могла попасть в район среднего течения Хуанхэ только с запада (точнее, с северо-запада), то сложившаяся XI в. до н.э. драматическая ситуация с Шан и Чжоу возникла бы только в двух случаях: 1) как следствие конфликта постосеевой (Чжоу) и осевой (Шан) инхроник, когда постосежая инхроника, легко проникнув, скорее всего, в XII в. до н.э. в Чжоу, испытывала серьезные трудности для продвижения дальше на запад в Шан; 2) либо же в результате конфликта между двумя разными постосевыми ответами Шан и Чжоу, как это было на западном конце Евразии с конфликтующими восточно-средиземноморским и западно-средиземноморским постосевыми ответами.

^[2] Там же, стр. 208.

^[3] Л. С. Васильев “Древний Китай”, Том 1 “Предыстория, Шан-Инь, Западное Чжоу (до VIII в. до н.э.)”, М.: «Восточная литература» РАН, 1995, стр. 216-219.

^[4] Там же, стр. 219.

Более убедительным выглядит первый вариант, когда в процессе поисковых миграций федоровских племен с Алтая в юго-восточном направлении и сопутствующему им дрейфу постосевой инхроники, последняя попадает к населению бассейна Хуанхэ, которому любые непосредственные волжские мотивации федоровцев были глубоко чужды в силу огромного расстояния от Волги до Китая, и здесь в районе верхнего Хуанхэ зарождается новый постосевой ответ связанный с этой впадающей в Тихий океан рекой, откуда разворачивалось уже морская и океанская прямая связь с Индией, а оттуда и с самыми отдаленными западными территориями, в том числе и с Персидским заливом, Каспием – посредством рек и небольших и/или редких сухопутных перемычек, и... той самой Волгой – рекой обетованной алтайских федоровцев. В свете дальнейшего развития Китая новый постосевой ответ, сформированный в Восточной Азии, уместно назвать тихоокеанским постосевым ответом.

Ситуация сильно напоминает переход приазовского и северочерноморского населения от волжского ответа к сформированному здесь средиземноморскому ответу. Но при этом не совсем понятно: что именно конкретно способствовало необычайно быстрому “усвоению” постосевой инхроники и нового тихоокеанского постосевого ответа чжоускими племенами, одновременно тормозя и затрудняя их распространение в шанской среде? Или на то имелись две разные причины? Навскидку можно назвать добрый десяток причин, которые вызвали бы тот или иной эффект (чжоуский или шанский) или оба их вместе. Это и географическое положение, и разница в инерции традиций, и какие-то нюансы торгово-металлургической экономики... да мало ли что? Поэтому имеет смысл обобщить их всех на основе каких-то более широких понятий.

Несомненно, первым свое веское слово сказал географический фактор – более западное положение Чжоу, чем Шан. В результате чего постосевая инхроника в бассейне Средней Хуанхэ вначале попадает к чжоуским племенам, и лишь затем к шанцам. С другой стороны общество Чжоу, находившееся под развивающим его культурным и цивилизационным влиянием Шан, как молодое сравнительно недавно вставшее на путь движения к цивилизации и государству образование, должно было обладать большей, чем Шан, культурной подвижностью, большей гибкостью, т.е. тем, что по аналогии с физиологической и психологической терминологией можно назвать культурной лабильностью. В то время как в Шан, куда постосевая инхроника также проникла, чуть позже, но все же проникла, где-то пусть и с трудом, но тем не менее распространялась, процессы культурного развития носили куда более ригидный (по той же психологической аналогии), более консервативный характер – в силу намного более крупных территорий, большее численности населения этой полуимперии, уже веками пребывающего под рядом давно выработанных традиций в основном осевого происхождения. И дрейф постосевой инхроники в этой, выражаясь современным языком, “застойной” среде неизбежно протекал много медленнее, чем в молодом подвижном обществе Чжоу, где ее распространение больше напоминало вспышку пламени, перекинувшегося на пересушенный сноп сена.

Но и это еще полбеда – гораздо хуже для Шан было то, что разница в уровне постосевой инхроэнергетики, напрямую зависящая от скоростей протекавших культурных и инхронических процессов, со временем лишь нарастала. И вскоре общество Чжоу, входящее в структуры Шан, стало чем-то, что можно назвать полюсом постосевой инхроники, причем не только для чжоусцев, но и для самих шанцев, особенно для сильных шанских по-

стосевых инхроников, прежде всего в элитных кругах управления Шан. И вот когда эти сильные “элитные” инхроники стали “уходить” из Шан и “шли” в Чжоу, вот тогда победа Чжоу над Шан уже стала необратимой – в силу нравственного, а точнее, инхронического “мандата Неба” (дэ), полученного Чжоу... И хотя получение “мандата Неба” дэ китайская традиция относит к правителю Чжоу (в данном случае к Вэнь-вану), на самом деле и образно говоря, данный “мандат” был получен всем чжоуским обществом в целом как постосевым лидером восточноазиатской цивилизации.

О наличии постосевой инхроники в этом регионе и в это время свидетельствует и некоторые другие обстоятельства. Несмотря на все культурное и политическое влияние Шан на Чжоу в дочжоуском периоде, несмотря на многочисленные шанские культурные заимствования, у шанцев важнейших “принципы духовной культуры, мироустройства и мировоззрения”^[5] и разнообразные подражания в эпоху после утверждения Чжоу на месте Шан, особенно во многих производственных сферах деятельности, социально-политический и культурный разрыв между обществами Шан и Чжоу был огромен. Чего только стоит то, “что чжоусцы положили в основу управления завоеванной территорией систему жалованных владений”^[6], которая была введена еще У-ваном сразу же после завоевания Шан и во многом проявляла чисто феодальные черты. И хоть уделы были известны и шанцам, но имели в Шан несравненно меньшие масштабы и влияние на политическую систему в целом^[7], ввиду их совершенно несистемного характера, к тому же не имеющего ничего общего с феодализмом. Или взять хотя бы тот же самый “мандат Неба” дэ – ничего подобного в Шан даже близко не было! Шанцы в принципе не были знакомы с концепцией обожествления Неба^[8], от которой впоследствии возникло китайское представление о своем императоре как “Сыне Неба”. А выросший из Чжоу Китай уже вне всякого сомнения в основном развивался под действием постосевой инхроники, что особенно ярко проявилось в конце постосевой инхрозоны, когда китайские флотилии времен династии Мин принялись активно устанавливать океанские связи с Индией в начале XV в. н.э. Таким образом, можно ожидать, что и культурно-инхроэнергетический разрыв между Шан и Чжоу также определялся различием основных развивающих инхроник в обоих обществах – осевой в Шан и постосевой в Чжоу.

Все это чем-то напоминает происходившее далеко на западе вторжение “народов моря” в Микенскую Грецию в XIII-XII вв. до н.э., когда с уходом “народов моря” и падением большинства микенских центров туда же в Грецию с севера в XI-X вв. до н.э., как бы второй волной нашествия, на обломки микенской цивилизации переселились дорийские греки^[9], после чего над Грецией на долгое время, аж до VIII в. до н.э. нависли темные века нецивилизованного существования^[10]. И только в VIII в. до н.э. здесь вновь разгорается огонек цивилизации в культуре Архаичной Греции, позже переросшей в классическую Античную Грецию... И здесь также наблюдается такой же большой, если не больший, культурный разрыв между Микенами и Архаично-Античной Грецией, как и в случае Шан и Чжоу, с таким же заим-

^[5] Л. С. Васильев “Древний Китай”, Том 1 “Предыстория, Шан-Инь...”, стр. 231.

^[6] А. В. Седов (ред.) “История Древнего Востока. От ранних государственных...”, стр. 211.

^[7] Л. С. Васильев “Древний Китай”, Том 1 “Предыстория, Шан-Инь...”, стр. 255-256.

^[8] Там же, стр. 230-234, 235-241.

^[9] А. И. Немировский “Нить Ариадны. В лабиринтах археологии”, М.: Вече, 2007, стр. 76.

^[10] Ю. В. Андреев “От Евразии к Европе. Крит и Эгейский мир в эпоху бронзы и раннего железа (III—начало I тыс. до н. э.)”, СПб.: «Дмитрий Буланин», 2002, стр. 646.

ствованием некоторых микенских культурных элементов античными греками. Только в Китае никаких темных веков не было (видимо, сказался более высокий уровень развития чжоусцев, чем дорийских греков), а была лишь несколько более рыхлая по сравнению с централизованной Шан система уделов. И что самое примечательное – и там и, надо полагать, здесь, т.е. в Китае, впереди завоевателей осевого мира шла постосево-инхроника. *Должна была идти впереди Чжоу...*

В отсутствии же пришедшей с запада постосево-инхроники, вызвавшей лавину всех этих стимулирующих друг друга процессов в Китае, крайне трудно представить себе, что же могло бы вызвать столь сильный и в общем-то крайне неожиданный (однако вполне себе ожидаемый и понятный местному населению того времени – и чжоускому, и шанскому, и другим народам) эффект во взаимодействии Шан и Чжоу. Во всяком случае, без постосево-инхроники у меня даже идей никаких нет для объяснения возникшей в конце II тыс. до н.э. на Средней Хуанхэ культурно-политической коллизии.

И еще один восточный пример проникновения постосево-инхроники. В предыдущей хронографии (см. в ее тринадцатом этюде «Неоконченный полуфинал») мы оставили индоариев в Индии после ~1500 г. до н.э. (примерное время, когда оловянно-бронзовый третий ВОП начал уступать свои позиции ВШП) разбитыми на две группы: первая группа (условно названная “хараппской”, точнее будет – “постхараппская”) в Северо-Западной Индии в бассейне Инда, вторая – в долине Ганга. Говорилось еще, что спустя два-три века после ~1500 г. до н.э. “постхараппская” группировка также отправляется на восток – то ли по следам первой группы, то ли под действием каких-то “других явлений”, под которыми, как мы сейчас понимаем, подразумевалась постосево-инхроника. И что “постхараппская” индская группа индоариев в итоге осела *“в центральной части Северной Индии, в так называемой “Срединной области” (Мадхьядеша), ограниченной на севере Гималаями, на юге горами Виндхья, на западе ведийской рекой Сарасвати и на востоке местом слияния рек Джамны (Ямуны) и Ганга, где впоследствии и возникла индуистская цивилизация, распространившаяся затем еще дальше на восток по долине Ганга”*. Попробуем прояснить кое-какие моменты в пуле всех этих событий в свете уже имеющегося у нас понимания постосево-инхронических процессов.

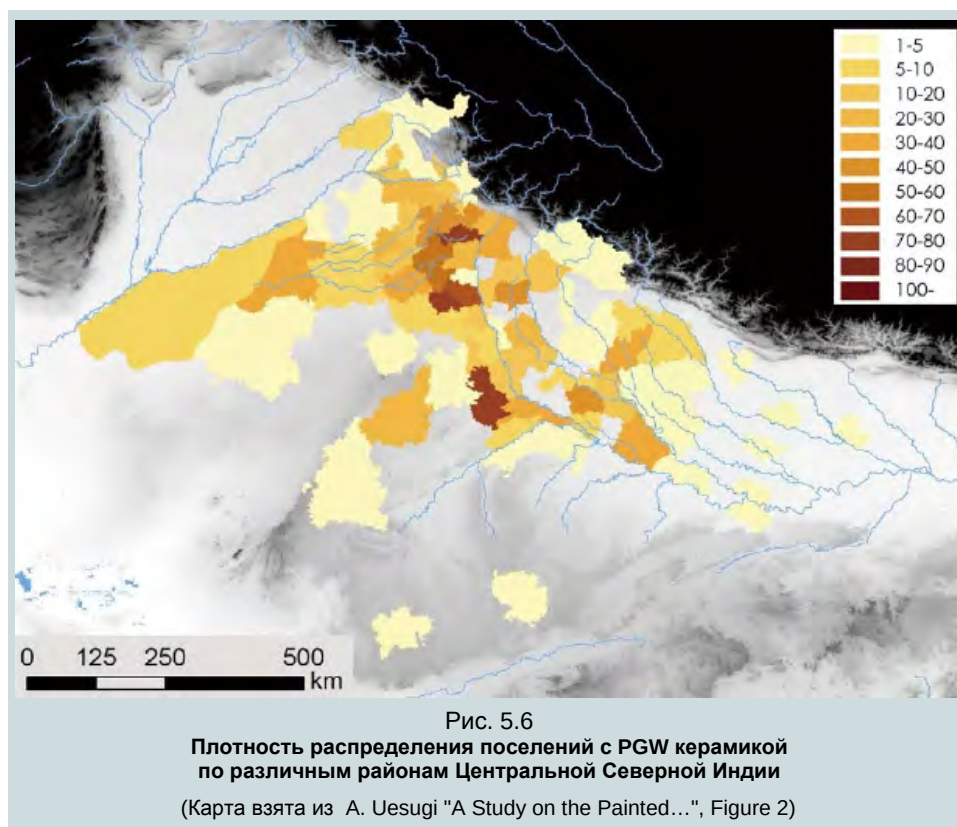
Итак, где-то в районе 1300-1200 гг. до н.э. индские индоарии должны были появиться близ долины Верхнего Ганга в центре Северной Индии... С середины XX века появление индоариев в Индии, а также начало здесь железного века и коневодства, часто связывается с распространением в Северной Индии так называемой серой расписной керамики (Painted Grey Ware или сокращенно PGW). Хотя бы потому что:

“Археологические раскопки, упомянутые прежде, показывают, что те политические центры, в которых происходит действие Махабхараты, в начале I тысячелетия до н.э. действительно были связаны определенным единством – это область распространения культуры серой расписной керамики. Территориально и хронологически с культурой серой расписной керамики в основном совпадает и та древнеиндийская цивилизация, которая находит отражение в памятниках поздневедийской литературы”^[11]

^[11] А. В. Седов (ред.) “История Древнего Востока. От ранних государственных...”, стр. 112-113. Более широко вопрос освещен на стр. 107-113. См. еще и в начале V. K. Gupta, B. R. Mani “Painted Grey Ware Culture: Changing Perspectives”, *Heritage: Journal of Multidisciplinary Studies in Archaeology*, 5, 2017, pp. 370–379, at pp. 370-371, и D. Singh, B. Vikrama, D. K. Kushwaha “Painted Grey Ware Settlements: Spatial Analysis and Interpretation of Inter-site Be-

О времени прибытия индоариев в Индию с точки зрения нашей инхронической модели все уже сказано раньше и выше, а вот появление железной металлургии в сообществах PGW, а потом и в соседних с ними, уже может косвенно свидетельствовать о проникновении постосевой инхроники в Индию. Первоначально время зарождения культуры PGW было определено как ~1100 г. до н.э., и до сих пор многие исследователи придерживаются этой даты^[12]. Однако недавние исследования показали, что появление поселений PGW и, соответственно, начало железного века в Индии следует датировать ~1300 г. до н.э.^[13]

Ниже на Рис. 5.6 приведена карта районированного распределения PGW поселений из той же статьи:



Как видим, поселения PGW простираются от восточной части бассейна Верхнего Инда до западной части бассейна Верхнего Ганга включительно, причем территориально поселения PGW в основном расположены на западе бассейна Верхнего Ганга. И тем не менее большая часть поселений сосредоточена между двумя этими бассейнами близ долины реки Гхаггар, которую многие исследователи считают частью древней реки Сарасвати ведийских текстов. В то же время, как нам уже известно, расположение территорий культуры между двумя крупными речными бассейнами может являться признаком того, что сообщества данной культуры реализуются ка-

haviour", *Man and Environment*, XXXIX(2), 2014, pp. 78–91, at p. 79, и во множестве других статей, монографий и сборников, как в защиту данной концепции, так и против нее, которые здесь мы перечислять не будем.

^[12] Например, в сравнительно недавно нашедшей книге Asko Parpola "The Roots of Hinduism. The Early Aryans and The Indus Civilization", Oxford University Press, 2015.

^[13] A. Uesugi "A Study on the Painted Grey Ware", *Heritage: Journal of Multidisciplinary Studies in Archaeology*, 6, 2018, pp. 1–29, Figure 13.

кой-то постосевой воднотранспортный ответ, как это, например, наблюдалось в случае восточно-средиземноморского постосевого ответа. А сочетание подобного географического положения, характерного для некоторых постосевых ответов (а также для возможных предтеч постосевой инхроники и ответов на нее – вспомним хотя бы Тумулус...), с началом металлургии железа в регионе, да еще и со временем зарождения культуры PGW в ~1300 г. до н.э. (пусть даже ~1100 г. до н.э., если опереться на прежнюю дату), т.е. в широком смысле достаточно синхронно^[14] проникновением постосевой инхроники на большинство территорий, периферийных в отношении евразийских степей... Слишком много совпадений, чтобы счесть это случайностью. Поэтому с большой долей уверенности можно утверждать, что сообщества PGW были первыми носителями постосевой инхроники в Индии, проникшей на постхараппский северо-запад Индии, скорее всего, все же в ~1300 г. до н.э.

В вышеприведенной статье японского археолога Акинори Уэсуги много говорится о взаимовлияниях различных типов керамических стилей в конце II тыс. до н.э. – I тыс. до н.э. на севере Индии, в том числе и о взаимоотношениях керамики PGW с черной керамической традицией Восточного Ганга, а именно – с черно-красной керамикой (Black-and-Red Ware – BRW) и с черно-глазированной керамикой (Black-Slipped Ware – BSW)^[15]. В результате автор приходит к выводу, что

“...стиль PGW был порожден не непосредственным влиянием индустрии черной керамики [т.е. не вырос из черной керамической традиции Восточного Ганга, как ее прямой стилистический и/или технологический потомок – А.З.], а возник в результате взаимодействия с индустрией черной керамики в долине Ганга”

[...PGW was generated not by the straightforward influence from the black ware industry but by the interaction with the black ware industry in the Ganga Valley]^[16]

При этом отдельно подчеркивается, что PGW и BRW/BSW отличаются друг от друга как по технологии обжига, так и по технологии изготовления, однако имеют общие элементы во внешнем облике керамической посуды (блюда и мелкие миски)^[17].

В заключение А. Уэсуги не исключает, что керамика PGW, возможно, появляется в долине Гхаггар как месте своего возможного зарождения (поскольку здесь наблюдается наибольшая плотность поселений с данной керамикой^[18]) в результате распространения в конце II тыс. до н.э. керамических стилей BRW/BSW с территорий бассейна Восточного Ганга на территории Западного Ганга и Северного Раджастанха еще до распространения PGW в этих регионах^[19].

Таким образом, А. Уэсуги осторожно полагает, что причиной появления в 1300 г. до н.э. керамики PGW стало распространение черных керамических стилей BRW/BSW от Восточного Ганга на запад. Однако если

^[14] В том смысле синхронно, что период 1300-1100 гг. до н.э. является тем самым временем, когда постосевая инхроника явно проявляет себя на периферии степной Евразии от Центральной Европы до Китая. А учитывая большую географическую близость Северо-Западной Индии к центральной части евразийских степей, чем у остальных периферийных регионов, появление здесь постосевой инхроники именно в ~1300 г. до н.э., т.е. в самом начале периода, выглядит вполне оправданным.

^[15] A. Uesugi “A Study on the Painted Grey...”, pp. 15-17.

^[16] Там же, р. 16.

^[17] Там же, pp. 15,16.

^[18] Там же, р. 17.

^[19] Там же, pp. 23-24.

взглянуть на хронологическую таблицу в его же статье^[20], к которой мы уже обращались выше, то видим, что керамики PGW и BRW/BSW появляются синхронно в ~1300 г. до н.э.: первая – в районе Верхнего Ганга, вторые – где-то на территориях от Среднего Ганга до Средне-Нижнего Ганга. Поэтому, даже если керамики BRW/BSW в промежуточной области Средне-Верхнего Ганга стратиграфически и предшествуют керамике PGW, то разница во времени появления здесь (тоже в ~1300 г. до н.э.) двух этих разных керамических стилей, которые схожи разве что только в ассортименте посуды, будет минимальной. И разница эта вызвана будет, скорее, разными скоростями распространения стилей из центров своего синхронного зарождения (в том же ~1300 г. до н.э.) и, соответственно, разными расстояниями этих центров от Средне-Верхнего Ганга. А схожесть во внешнем виде посуды может определяться обычным взаимовлиянием стилей, а также еще большим воздействием некоего третьего фактора, который и был истинной причиной зарождения и PGW на Верхнем Ганге и BRW/BSW на Среднем Ганге в ~1300 г. до н.э.

И вовсе необязательно, чтобы это фактор был прямо-таки таким уж и материальным – археологи в таких случаях, как правило, говорят что-то не очень внятное о распространениях идей, идеологий и пр. Ну, идеология так идеология... Да и сам А. Уэсуги тоже туманно ссылается на какие-то не совсем понятные к тому же во многих аспектах нематериальные процессы, которые могли сопровождать смену керамических стилей:

“Собрание, состоящее из мисок и неглубоких мисок / блюд, обычно применяемых PGW и BRW/BSW, подразумевает не только смену керамики, но также серьезное изменение в обычае подачи пищи по сравнению с предшествующими периодом или традициями”^[21]

В то время как инхронический подход во всех подобных случаях подзревает распространение инхроник и ответов на них. Доводы в пользу возможного проникновения постосевой инхроники в Северную Индию в ~1300 г. до н.э. уже были приведены выше. Сейчас же нас больше интересует ответы, которыми индийские сообщества могли прореагировать на постосевую инхронику.

Зарождение сообществ керамики PGW в долине Гхагар между бассейнами Инда и Ганга говорит прежде всего о том, что постосевой ответ этих сообществ базировался на воднотранспортной артерии Инд-Ганг, пересекающей всю Северную Индию в широтном направлении. Поскольку постосевая инхроника, скорее всего, проникла в Индию с северо-запада (с востока крайне маловероятно, так как в это время постосевая инхроника еще и до Китая не добралась...), а реализуемый постосевой ответ в центре Северной Индии, одним из внешних выражений которого стала керамика PGW, вне всякого сомнения, позже вылился в ведийскую цивилизацию, то можно достаточно обоснованно предположить, что постосевая инхроника в впервые появляется в Индии в ~1300 г. до н.э. в среде ригведийских “постхараппских” индоариев, которые до того испытали значительное культурное влияние со стороны местных постхараппских сообществ, что отразилось в их главном эпосе – Ригведе. В результате ригведийские индоарии формируют свой постосевой ответ воднотранспортной трассой Инд-Ганг и сразу устремляются в индо-гангское междуречье. А сама постосевая инхроника меж-

^[20] Там же, Figure 13.

^[21] Там же, p. 23.

ду тем, опережая их, уже всюду распространяется по восточным территориям долины Ганга, где формируется некий свой собственный постосево́й ответ, отразившийся в зарождении здесь черных керамических стилей BRW/BSW. Надо полагать, и этот ответ также формировался в индоарийской среде – в сообществах второй группы индоариев, которые, пробиваясь к индокитайским залежам олова, редкими немногочисленными отрядами проникли в восточную долину Ганга еще до ~1500 г. до н.э. Логика такова: восточно-гангские индоарии, чей осевой оловянно-бронзовый ответ был окончательно сломан после ~1400 г. до н.э. победой ВШП, а трассы самого ВШП проходили довольно далеко от Восточного Ганга, оказались в инхроническом тупике в прямом и переносном смысле, и постосево́я инхроника стала для них чем-то вроде спасательного круга. В то время как местное гангское население, которое и в осевой зоне ничем особенным себя не проявило, и постосево́ю инхронику, скорее всего, встретило бы более чем прохладно. И в самом деле, индийское население, находясь в центре схождения всех будущих глобальных воднотранспортных путей как с востока из Китая, так и с запада из Европы, в принципе могло никак и ничем не отвечать на постосево́ю инхронику – все постосево́е пути и так в любом случае вели в Индию. И только инхроническая активность индоариев, пытавшихся выбраться из геополитического тупика, могла расшевелить эту инхронически инертную массу. В результате оба ответа, и инодо-гангский и гангский, были сформированы в том же ~1300 г. до н.э., что внешне вылилось в синхронное зарождение керамических стилей PGW и BRW/BSW в соответствующих регионах. При этом керамические стили BRW/BSW выросли из местных восточно-гангских керамических традиций в процессе распространения постосево́й инхроники и гангского воднотранспортного ответа на нее среди местного индийского населения.

И еще один нюанс. Противники связи керамики PGW с ариями часто приводят аргумент, что некоторые поселения PGW

“...содержат доказательства использования риса, присутствия домашней свиньи и буйвола наряду с PGW, которые являются признаками восточного происхождения, в отличие от традиционного северо-западного происхождения ариев”^[22]

А вот здесь как раз и могло бы сказать свое веское слово активное взаимодействие зон керамических стилей PGW и BRW/BSW, о чем так много говорил А. Уэсуги в своей весьма полезной статье, а значит и взаимодействие населений этих зон, благодаря которому все эти восточные по происхождения элементы хозяйствования могли проникнуть к населению PGW, т.е. к ригведийским индоариям в нашей терминологии.

Суть же ответа гангских индоариев, похоже, первоначально заключалась в освоении одной только воднотранспортной артерии полноводного Ганга, которая проникала далеко вглубь сухопутных территорий полуострова или даже субконтинента Индостан и тем самым позволяла подключать к будущей постосево́й воднотранспортной системе огромные континентальные массивы северо-восточного индийского населения. О таком первоначальном постосево́м ответе гангских индоариев может косвенно свидетельствовать тот факт, что разделение керамик, – PGW на западе Ганга, BRW/BSW на его востоке, – сохранялось аж до VI в. до н.э. А это в свою очередь говорит о том, что столь длительное время ригведийский инодо-гангский и ганг-

^[22] E. Bryant “The Quest for the Origins of Vedic Culture. The Indo-Aryan Migration Debate”, Oxford University Press, 2001, p. 229.

ский ответы то ли сосуществовали, то ли безуспешно противоборствовали друг с другом. В любом случае во всей этой продолжительной конфликтующей статике довольно отчетливо просматривается заинтересованность гангских индоариев исключительно в одной лишь воднотранспортной артерии Ганга. Тогда как пребывание все это время сообществ PGW в индо-гангском междуречье и долине Западного Ганга только подтверждает, что основой их постосевого ответа являлась будущая реализация более крупной водной трассы Инд-Ганг.

Однако примерно с ~600 г. до н.э. положение меняться – керамика BRW/BSW в долине Восточного Ганга сменяется новым стилем так называемой северной чернолощенной керамикой (Northern Black Polished Ware – NBPW), а керамика PGW на западе начинает постепенно угасать и к ~300 г. до н.э. здесь также заменяется стилем NBPW^[23]. Есть мнение, что вырастающий из давних традиций черной керамики Восточного Ганга керамический стиль NBPW появился в восточной части долины Ганга и сменил стиль BRW/BSW под технологическим (технология обжига) и некоторым ограни-

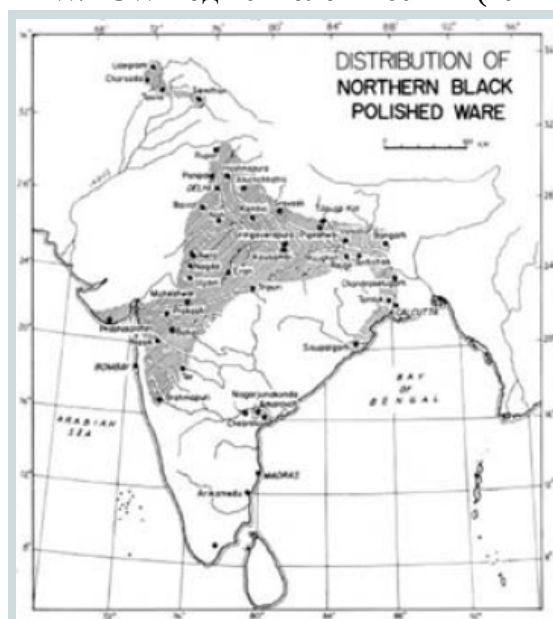


Рис. 5.7
Ареал распространения керамики NBPW

(Карта взята из книги А. Parpola "The Roots of Hinduism. The Early Aryans...", Figure 13.1)

ченным морфологическим влиянием керамики PGW с запада^[24]. Что в рамках нашей инхронической модели можно интерпретировать, как выработку некоего нового постосевого ответа гангскими индоариями под влиянием ответа ригведийских индоариев водной трансиндийской трассой Инд-Ганг. Надо сразу сказать, компромиссного ответа по своей сути, который в конце концов спустя какое-то время приняли и ригведийские арии.

Об инхроническом содержании этого нового ответа в какой-то степени можно судить по ареалу распространения керамического стиля NBPW (см. карту на Рис. 5.7), глядя на который, сам собой напрашивается вывод,

что воднотранспортным ядром нового ответа стал речной путь от устья Ганга и далее на запад по Гангу и Джамне с ответвлением по правым притокам Джамны, особенно Чамбалу, на юго-запад до реки Махи и, возможно, Нармады, впадающих в Камбейский залив Аравийского моря на западном побережье Индии севернее Бомбея (сегодня – Мумбаи).

И если первоначальный гангский ответ только трассой Ганга показывает тяготение гангских индоариев в основном к будущим морским трассам с востока, из Индокитая и Китая, что, впрочем, неудивительно для второй группы индоариев, которые до ~1500 г. до н.э. пытались пробиться к оловянным месторождением Индокитая, то их новый ганго-камбейский постосевой ответ, как и индо-гангский ответ ригведийских индоариев трассой Инд-Ганг, носил уже существенно трансиндийский характер, соединяя западное и восточное побережья Индии системой речных путей с небольшими

^[23] А. Uesugi "A Study on the Painted Grey...", Figure 13.

^[24] Там же, pp. 18, 19-20

сухопутными перемычками на стыке Гангского бассейна с реками Камбейского залива.

Надо полагать, что инодо-гангский трансиндийский ответ ригведийских индоариев был больше ориентирован на волжский постосево́й ответ, т.е. на воднотранспортное взаимодействие с регионом Персидского залива, что следует из достаточно северного расположения западного входа-выхода инодо-гангской трассы в устье Инда. Это позволяет предположить, что ганго-камбейский трансиндийский постосево́й ответ, ввиду более южного положения своего западного входа-выхода, был одинаково нацелен и на волжский и на средиземноморские ответы запада, поскольку обе трассы западных средиземноморских постосево́вых ответов выходили в Аравийское море через Аденский залив, который географически находится значительно южнее Персидского залива. А Камбейский залив как раз и расположен приблизительно на одном и том же расстоянии и от Персидского и от Аденского заливов, что немаловажно для более эффективного взаимодействия западной морской контактной зоны Индии как с волжским, так и со средиземноморскими ответами запада в будущей воднотранспортной системе при наличии развитого судоходства в открытом море и даже в океане. Да, и в океане, поэтому более южное расположение западного выхода на ганго-камбейскую водную трассу может подразумевать и какой-то другой западный постосево́й воднотранспортный ответ, который мы пока что даже не рассматривали.

И тем не менее вероятность проникновения в Индию вместе с постосево́й инхроникой именно волжского постосево́го ответа была много выше оной для далеких от Индии средиземноморских ответов. Хотя бы потому что волжский ответ был первым постосево́вым ответом, а значит, в том или ином виде (в активном или подавленном состоянии) всегда сопровождал постосево́ую инхронику во всех ее дрейфах и распространениях.

Можно предположить, что постосево́ая инхроника, скорее всего, проникла в Индию от иранских племен, которые приблизительно в это же время (~1300 г. до н.э. или даже раньше) начали движение из охваченных волжским ответом центральных и восточных евразийских степей в сторону территорий Средней Азии, а оттуда в Иран. Впрочем, существуют две версии проникновения иранцев в Иран – через Кавказ и через Среднюю Азию^[25]:

“В Иран эти племена [*иранские* – А.З.] могли попасть как через Кавказ, так и из Средней Азии. Для западно-иранских племен, в том числе мидийцев и персов, более вероятным был путь через Кавказ, а не через Среднюю Азию”^[26]

В то же время в другой своей работе И. Н. Медведская утверждает:

^[25] В отечественной науке кавказскую гипотезу наиболее полно представил Э. А. Грантовский в двух главных своих монографиях: Э. А. Грантовский “Ранняя история иранских племен Передней Азии”, Издание второе, исправленное и дополненное, М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2007 и Э. А. Грантовский “Иран и иранцы до Ахеменидов”, М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1998. В то время как среднеазиатский маршрут обосновывается во многих работах И. М. Дьяконова, а особенно досконально с точки зрения археологии – в книге Е. Е. Кузьминой: Е. Е. Кузьмина “Арии – путь на юг”, М.: Летний сад, 2008. Мнения и позиции других исследователей по данному вопросу широко представлены в последней работе, а также в монографии И. Н. Медведская “Древний Иран накануне империй (IX—VI вв. до н. э.). История Мидийского царства”, СПб.: Петербургское Востоковедение, 2010, в которой на стр. 34-58 имеется неплохой историографический очерк по историографии Мидии.

^[26] И. Н. Медведская “Глава 8. Мидийское царство” в А. В. Седов (ред.) “История Древнего Востока. От ранних государственных ...”, стр. 515-536, на стр. 515.

“...последние исследования Р. Цадока все-таки дают основания предполагать движение иранских племен из Средней Азии на восток Ирана”^[27]

Таким образом, на настоящий момент обе точки зрения примерно равноценны, и ни одна из них не имеет каких-то особых преимуществ перед другой. И тогда, наиболее взвешенной гипотезой смотрится предположение, что западно-иранские племена проникли на запад Ирана через Кавказ, а восточно-иранские попали на восток Ирана из Средней Азии.

Для нашей инхронической модели в принципе особого значения не имеет, какими именно путями западные и восточные иранцы оказались в Иране, за исключением двух моментов: от кого из них ригведийские индоарии получили постосевую инхронику по дрейфу в районе 1300 г. до н.э. или чуть раньше, и не реализовывали ли две эти разные группы иранцев столь же разные постосевые ответы?

Западные иранцы как источник постосевой инхроники для индоариев отпадают чисто по хронологическим причинам – так, по Э. А. Грантовскому расселение иранских племен по Западному Ирану началось в XI-X вв. до н.э.^[28] Следовательно, они никак не могли передать постосевую инхронику ригведийским индоариям Северо-Западной Индии в ~1300 г. до н.э. С другой стороны, в Восточном Закавказье, граничащем с Северо-Западным Ираном, уже в XIII/XII вв. до н.э. наблюдаются следы населения предположительно иранского этнического происхождения и с некоторыми позднесрубными культурными признаками. При этом предполагается возможность «проникновения одной из групп населения в конце II тыс. до н.э. из Нижнего Поволжья в Восточное Закавказье, где она... смешалась с местным населением и в основном восприняла его материальную культуру»^[29]. Не исключено, что эта группа принадлежала племенам постсрубной хвалынской культуры валиковой керамики, которая на Нижней Волге исчезает как раз в XIV в. до н.э.^[30] Таким образом, можно сказать, что мы имеем дело

“с медленным поэтапным продвижением компактной группы ираноязычного населения из степей Поволжья через северо-восточное Закавказье в северо-западный Иран... Инфильтрация была постепенной и осуществлялась в конце II – начале I тыс. до н.э.”^[31]

Примерно так иранцы западно-иранской языковой и постсрубной культурной принадлежности в полном соответствии с нашим инхроническим моделированием этнокультурных и инхронических ситуаций II тыс. до н.э. в евразийских степях и на прилегающих к ним с юга территориях могли попасть из степных регионов Нижнего Поволжья в Западный Иран в самом конце II тыс. до н.э. Тогда как область их расселения в западно-иранских землях, примыкающих к горам Загроса с востока от Мидии на севере до

^[27] И. Н. Медведская “Древний Иран накануне империй (IX-VI вв. до н.э.)...”, стр. 45, со ссылкой на статью R. Zadok “The Ethno-Linguistic Character of Northwestern Iran and Kurdistan in the Neo-Assyrian Period”, Iran, 2002, XL, pp. 89–151, at pp. 90, 140.

^[28] Э. А. Грантовский “Иран и иранцы до...”, стр. 37.

^[29] Е. Е. Кузьмина “Арии – путь на...”, стр. 225–226, с ссылкой на книгу М. Н. Погребова “Иран и Закавказье в раннем железном веке”, М.: «Наука», 1977.

^[30] О. В. Сергеева “Анализ поселений эпохи поздней бронзы Нижнего Поволжья (типы, площадь, плотность заселения региона)” в В. А. Лопатин (ред.) “Археология Восточно-Европейской степи”, Вып. 5, Саратов: Научная книга, 2007, стр.119–136, на стр. 120.

^[31] Е. Е. Кузьмина “Арии – путь на...”, стр. 226, с той же ссылкой на книгу М. Н. Погребовой.

Парса на юге, недвусмысленно свидетельствует о постосеовом ответе который осуществляли западные иранцы. Это волжский постосеовой ответ в своем самом чистом незамутненном виде, поскольку зона обитания мидийских племен располагалась как раз между Каспием и теми речными воднотранспортными маршрутами по Тигру и Евфрату, которые ведут к Персидскому заливу, а на восточном берегу самого залива находится Парс (Персида древних греков) – главный ареал обитания персов. Остальные же западные иранцы в основном расселились между мидийцами и персами Персиды. Таким образом, находясь так близко от этого очень важного водно-сухопутного участка воднотранспортной балто-волго-индийской артерии, западные иранцы располагали отличной возможностью в любой момент взять под свой полный контроль ее будущие транспортные потоки. К чему, собственно, они и приступили, когда мидийцы в конце IX в. до н.э. начали борьбу против Ассирийской державы и ее непрерывных завоевательных походов в их земли, и спустя пару веков при поддержке Вавилонии с юга окончательно разгромили ее, и на обломках Ассирии зародились два новых имперских образования: Мидийское на севере и Нововавилонское на юге. После чего во второй половине VI в. до н.э. персы поставили жирную точку в борьбе западных иранцев с переднеазиатскими государствами за участок продолжения волжского пути до Индийского океана, возведя на основе двух этих держав (Мидийского и Нововавилонского) огромную мощную империю Ахеменидов, которая простиралась от европейской Фракии на северо-западе до Северо-Западной Индии на юго-востоке и от Египта и Ливии на юго-западе до среднеазиатских степей на северо-востоке^[32].

Что касается осевого ответа западных иранцев, то он, как и ассирийский ответ базировался на перекрещивании осевого ВШП с постосеовой балто-волго-индийской воднотранспортной трассой в районах Мидии и Верхней Месопотамии. То есть это та же самая комбинация осевого ответа ВШП с волжским постосеовым ответом, под которым долгое время пребывала Ассирия. Однако западные иранцы державы Ахеменидов, в отличие от ассирийцев, в конце концов довели свой осевой-постосеовой симбиоз до его пиковых состояний, максимально возможных на данном этапе исторического развития. Более того, нападением на Элладу они вознамерились еще и единолично утвердиться на всех участках трассы восточно-средиземноморского ответа южнее Черного моря. Вот только зря они на это пошли...

И все же все эти перипетии западных иранцев никоим образом не касались ригведических индоариев ~1300 г. до н.э. и никак их не затрагивали. Так что сосредоточимся на восточных иранцах.

Да, собственно говоря, и сосредотачиваться особо не придется – все самое важное и интересное для нас в принципе вмещается в одну цитату:

“Этот комплекс [комплекс грубой лепной валиковой керамики – А.3.] по технологии, формам и орнаментации находит аналогии в посуде степей, откуда постепенно распространяется в подгорную полосу юга Средней Азии, в Афганистан и Пакистан. Дата валиковой посуды XIII-VIII вв. до н.э. во всем регионе ее бытования. Эта керамика повсеместно манифестирует распространение восточно-иранского языка”^[33]

Правда, с некоторыми уточнениями, которые большей частью касаются хронологии. Е. Е. Кузьмина в основном использует относительные ти-

^[32] А. В. Седов (ред.) “История Древнего Востока. От ранних государственных...”, стр. 518-536, карта “Держава Ахеменидов” на стр. 888-889.

^[33] Е. Е. Кузьмина “Арии – путь на...”, стр. 305.

пологические датировки, местами поддерживаемые более точными дендро-хронологическими датами, поскольку:

“...к сожалению, калиброванные датировки расходятся как с историческими переднеазиатскими, восходящими к египетской шкале, так и с европейскими, основанными на более надежном методе дендрохронологии”^[34]

Поэтому имеет смысл обратиться к более современным радиоуглеродным датам. В свое время В. М. Массон по материалам раскопок поселения Яз-Депе в Мургабском оазисе (Туркмения) выделил три археологических комплекса: Яз-I, Яз-II и Яз-III^[35], культурные и хронологические соотношения между которыми надолго стали таким эталоном не только для периода “эпохи варварской оккупации” (ЭВО, которую В. М. Массон поименовал культурой или эпохой Яз-I)^[36] Средней Азии и смежных с ней регионов, но и до сих пор не утратили своей актуальности. Таким образом, любые поправки в хронологии и культурной атрибуции хотя бы одного из этих эталонных комплексов уточняют хронологические рамки “эпохи варварской оккупации” сразу для всей территории бытования комплекса Яз-I. И чаще всего на памятниках комплекса Яз-I встречается именно та самая грубая лепная валиковая керамика^[37] из цитаты Е. Е. Кузьминой под комментарием 33.

Сейчас нас прежде всего и в первую очередь интересует только один момент, а именно – начало культуры Яз-I в регионах южнее среднеазиатских степей. Сегодня Яз-I в Средней Азии и южнее (т.е. “во всем регионе бытования” грубой лепной валиковой керамики) по радиоуглероду “определенно датируется” в пределах 1500–1000 гг. до н.э.^[38] В итоге за начало отсчета комплекса Яз-I, а значит и “эпохи варварской оккупации”, можно принять ~1500 г. до н.э.

В любом случае восточные иранцы, которые ассоциируются с комплексом Яз-I и грубой лепной валиковой керамикой, появляются на границах бассейна Инда раньше ~1300 г. до н.э., даже если выделить целых два века на постепенную их инвазию с севера на юг и на столь же постепенный рост восточно-иранского населения федоровско-андроновского на территориях “подгорной полосы юга Средней Азии, в Афганистане и Пакистане” по мере расселения здесь все новых и новых групп степных иранцев. И тогда получается, что наиболее вероятным передаточным звеном постосевого инхроники от степных федоровских (андроновских) сообществ ригведийским индоариям являются как раз-таки восточно-иранские племена, чьи этнокультурные особенности постепенно обострялись и усиливались в ходе их инвазии на юг. Что, собственно, и требовалось доказать, на худой конец – показать...

Надо сказать, постосевого ответ восточных иранцев с воднотранспортной точки зрения может показаться не совсем понятным. Не сам по себе, а из-за того, что, рассказывая о первоначальном волжском ответе федо-

^[34] Там же, стр. 317, см. еще и таблицы с радиоуглеродными датами на стр. 454-464.

^[35] В. М. Массон “Древнеземледельческая культура Маргианы”, Материалы и исследования по археологии СССР, № 73, М., Л.: Издательство АН СССР, 1959.

^[36] Сей неуклюжий термин возник на западе в начале XX века и вызвал массу критики. Его даже пытались заменить самыми разными названиями (см. в Е. Е. Кузьмина “Арии – путь на...”, стр. 281-282), но, судя по всему, без особого успеха.

^[37] Е. Е. Кузьмина “Арии – путь на...”, стр. 288-289.

^[38] Л. М. Сверчков, Н. Бороффка “Период Яз-II: этапы и хронология”, Вестник археологии, антропологии и этнографии, № 1 (32), 2016, стр. 5–18, на стр. 6.

ровских племен, нами для удобства и быстроты изложения был опущен один момент, который сейчас приобретает особо важное значение. Вот почему, прежде чем обратиться к восточно-иранскому ответу, не мешало бы ознакомиться с кратким описанием среднеазиатской гидрографии. Оно, правда, касается, ахеменидского времени и во многом основано на свидетельствах античных авторов, однако, думаю, вполне остается в силе и для периода за тысячу лет до возникновения Ахеменидской империи. Итак, большая цитата:

“Гидрография нижнего течения великих среднеазиатских рек [*Амударьи и Сырдарьи* – А.З.], как и очертания морских берегов, в рассматриваемое время была мало похожа на современную. Воды Амударьи по протокам левобережной Сарыкамышской дельты заполняли Сарыкамышскую впадину и текли отсюда по руслу Узбоя, ныне сухому, в Каспийское море. А Красноводский залив Каспийского моря в то время сильно вдавался в сушу, заполняя Бала-Ишемскую низменность и отрезая Челекен от суши. Предполагают, что воды его могли доходить на востоке до местности Игда. В этих-то местах, преодолевая огромный водопад, неоднократно описанный античными авторами и отмеченный Авестой, воды Амударьи и устремлялись в Каспий.

Наверное, о Сарыкамышской дельте VI-V вв. до н.э. говорит Геродот, сообщая, что река Араке изливается сорока устьями, из которых все, кроме одного, впадают в болота и мелководья, и лишь один рукав течет по открытой местности в Каспийское море. О том же говорится в одном из гимнов Авесты, описывающем мощный поток Ардвиз (сакральное имя Амударьи), текущий с востока, с вершины хребта Хара: он делится на множество проток и озер, а одной из проток, очень длинной, низвергается в море Ворукаша (Каспий) напротив острова Ус-Хинду (Челекен?).

Современная Аральская дельта Амударьи тогда еще формировалась. Возможно, на нее намекает несколько более позднее сообщение Страбона, восходящее, видимо, к V-IV вв. до н.э.: река Араке ветвится на множество рукавов, из которых лишь один течет в «Гирканский залив» (= Каспийское море), а все остальные впадают в «другое, на севере расположенное море».

Правобережная, Акчадарьинская дельта Амударьи соединялась тогда, видимо, с одним из русел Сырдарьи. Последняя имела в низовьях два русла: одним она соединялась с Амударьей, другим впадала в Аральское море, которое было в рассматриваемое время, скорее всего, значительно меньше, чем позже, после окончательного поворота Амударьи в Арал”^[39]

Как помним, суть самого первого постосевого волжского ответа андроновцев-федоровцев заключалась в установлении надежных связей с ближайшим участком балто-волго-каспийско-индийско-китайского пути (который мы все для краткости иногда именуем волжским – не путать с собственно волжским локальным воднотранспортным путем в узком смысле: Балтика-Волга-Каспий), а в случае необходимости даже заранее мигрировать поближе к выбранному участку. И ближайший такой участок для федоровцев Алтая и Восточного Казахстана, где они приняли постосевого инхроимпульс, располагался не на Волге, не на Каспии, а в его роли выступала как раз-таки вся среднеазиатская локальная воднотранспортная система Амударья-Арал-Сырдарья, разумеется, только тогда, когда Амударья соединялась с Каспийским морем, как это описано выше. Правда, это был не участок самого волжского пути в прямом смысле этого слова, а всего лишь его ответвление в Среднюю Азию, но тем не менее. И еще отметим, что водная связь Амударьи с Каспием с многовековой периодичностью то исчезала, то появлялась вновь. То же самое и с ее связью с Аралом и напрямую с Сырдарьей, однако при любой конфигурации связности среднеазиатской водной систе-

^[39] А. В. Седов (ред.) “История Древнего Востока. От ранних государственных ...”, стр. 700-702.

мы мы все равно будем использовать ее полное наименование: Амударья-Арал-Сырдарья.

В результате после ~1500 г. до н.э., когда был окончательно сформирован соответствующий постосевой ответ федоровцев, их миграции в основном оказались направленными в Среднюю Азию. Разумеется, не все миграции – наверняка, какая-то часть федоровцев, несмотря на более дальнее расстояние до цели их миграции, направилась к Волге, предпочтя расположение прямо на волжском пути его локальному ответвлению, по дороге передавая постосевую инхронику и свой ответ на нее центрально-евразийскому такому же иранскому населению Казахстана. Другая – в Восточную Азию к самому восточному окончанию волжского пути, где постосевая инхроника вместе с их разновидностью ответа посредством дрейфа была перенята местными племенами, в том числе и чжоусцами. И все же основная масса федоровских иранцев устремилась в Среднюю Азию...

Но одной лишь Средней Азией они не ограничились, и в ходе постепенного проникновения на юг практически достигли долины Инда. А вот это в свете среднеазиатской гидрографии уже может свидетельствовать о каком-то новом постосевом ответе или другом варианте волжского ответа в их среде, отличном от той разновидности федоровского волжского ответа с опорой на ответвление волжского пути с Каспия в локальную воднотранспортную систему Амударья-Арал-Сырдарья, который привел этих восточных иранцев в Среднюю Азию, где новый постосевой ответ (или новый вариант прежнего волжского) и был сформирован, возможно, на основе полученного здесь восточными иранцами от местного земледельческого населения знания озерно-речной системы всего Среднего Востока. Однако ни в коей мере не исключено и даже более чем вероятно, что этот постосевой ответ, как модификацию волжского ответа, все-таки сформировали сами среднеазиатские земледельцы в XV-XIV вв. до н.э. после начала их тесных контактов с федоровскими восточными иранцами, которые быстро перенимали от них эту новую вариацию волжского постосевого ответа. Возможен еще один вариант – миграция так далеко на юг аж до Индии была предусмотрена и сформирована еще на Алтае, но в этот вариант, честно говоря, как-то слабо верится – слишком уж дальновидный несознаваемый план для целого спектра федоровских волжских ответов.

Так что, в проникновении восточных иранцев аж до Инда мы, скорее всего, видим ответ оседлого земледельческого населения юга Средней Азии на постосевую инхронику, сформированный в XV-XIV вв. до н.э. после первых контактов южных среднеазиатов с пришлыми восточными иранцами, вначале принесшими им постосевую инхронику с волжским ответом, а затем обратным дрейфом перенимавшими среднеазиатскую модификацию этого ответа от земледельцев. Поэтому эту разновидность волжского постосевого ответа с полным правом можно поименовать среднеазиатским вариантом волжского постосевого ответа или короче среднеазиатским постосевым ответом, оставив наименование “волжский ответ” или “месопотамский волжский ответ” за, так сказать, классическим волжским ответом, который опирался на связь Каспия и Индии через Месопотамию и Персидский залив. Самых же восточных иранцев, принявших и взявших новый постосевой ответ на вооружение далее называть среднеазиатскими восточными иранцами или коротко – среднеазиатскими иранцами, в отличие от северных степных восточных иранцев, которые реализовывали классический (т.е. месопотамский) вариант волжского ответа с ответвлением его маршрута в локальную воднотранспортную систему Амударья-Арал-Сырдарья.

Все эти инхронические расхождения с северными восточными иранцами неизбежно должны были отразиться на этнокультурном уровне. Выйдя на границы Индостана, среднеазиатские иранцы сохранили при этом непрерывность и целостность своего особого и отдельного среднеазиатского восточно-иранского этнокультурного массива от южной Средней Азии и Восточного Ирана до этих самых индостанских границ, который уже заметно отличался от прочих степных этнокультурных ареалов – в принципе таких же восточных иранцев по языку, а долгое время и по многим элементам культуры вплоть до предскифского времени на границе II и I тыс. до н.э., которые однако реализовывали совсем другой волжский ответ: в среднеазиатских степях – месопотамский с его ответвлением в систему Амударья-Арал-Сырдарья, а где-то в более северных степях вне этой системы – на “классический” вариант месопотамского волжского ответа. Так в степях Центральной Евразии начал формироваться этнокультурный массив так называемых северных иранцев... Таким образом, северные иранцы по сути опирались на совсем другой – месопотамский – волжский постосево́й ответ, а не на среднеазиатский волжский постосево́й ответ, как среднеазиатские восточные иранцы. И все эти волжские ответы, и месопотамский и среднеазиатский, вместе с самой постосево́й инхроникой посредством дрейфа были переданы в ~1300 г. до н.э. ригведийским индоариям...

Тем не менее в саму Индию, восточные иранцы так и не проникли. Спрашивается, почему? Все очень просто – оказавшись в достаточной близости от долины Инда, они уже решили свою первоочередную постосево́ую задачу, т.е. сухопутными миграционными маршрутами, создававшими сплошной этнокультурный массив восточных иранцев от юга Средней Азии до Пакистана, подсоединились к будущей воднотранспортной трассе Инд-Ганг, и тем самым напрямую “врубились” в основную магистраль Европа-Индия-Китай грядущей постосево́й воднотранспортной системы на ее самом важном участке в Индии. Вот почему территории за Индом их мало интересовали – пока что не интересовали, во времена инвазии на юг, но не факт, что не заинтересовали бы в более поздние времена...

Со временем среднеазиатские восточные иранцы стали отличаться от северных степных иранцев еще и *осевым* ответом, поскольку возникший в евразийских степях в XII-XI вв. до н.э., гораздо позже начала постосево́ых миграций в ~1500 г. до н.э., кочевой осевой ответ не был актуальным для восточных иранцев, задолго до этого ушедших на юг, поскольку находясь в южной земледельческой Средней Азии, они *уже* располагались на главной магистрали ВШП, причем на одном из важнейших его участков, который связывал Центральную Азию с Передней Азией. Таким образом, им уже не требовалось достижение какой-то более удобной геоинхронической позиции (посредством набегов, походов, завоеваний...) за пределами своего обитания, а лишь ее укрепление.

Более того, проникавшие с XII в. до н.э. все более и более многочисленные группы степных кочевников, носителей развивающегося кочевого осевого ответа, со временем почти наверняка начали бы провоцировать отторжение со стороны среднеазиатских иранцев, нараставшее по мере развития и утверждения кочевого ответа в северных степях, которое со временем вылилось в новый осевой ответ среднеазиатских иранцев – то самое удержание и укрепление своего выигрышного геоинхронического положения на скрещивании всех мыслимых и немыслимых осевых и постосево́ых маршрутов (об этом в следующем этюде) на контролируемых ими территориях. При этом среднеазиатские иранцы вполне могли заимствовать у северных коче-

вых иранцев некоторые культурные элементы их кочевого осевого ответа без какого-либо принятия самого кочевого ответа, например: элементы вооружения, всаднической конной выучки, тактики ведения конного боя, чтобы успешнее противостоять этим же степным кочевникам.

И этот их обновленный осевой ответ, столь же неизбежно подхватило бы и поддержало бы коррекцией своего осевого ответа (будущая торговля по ВШП) и оседлое земледельческое население Средней Азии, также вряд ли довольное периодическими вторжениями новых агрессивных кочевников с севера. Именно с этого момента где-то в XII-XI вв. до н.э. и начинается культурное сближение местного земледельческого населения с теми племенами восточных иранцев, которые, пребывая под действием перенятого от него среднеазиатского постосевого ответа, уже давно (задолго до XII в. до н.э.) осели на землях Средней Азии, Восточного Ирана, Афганистана и Пакистана, короче говоря, с теми, кого мы выше назвали среднеазиатскими иранцами.

Осуществив свой постосевой маневр по подсоединению к будущей мировой воднотранспортной сети еще и в Индии (а не только оставаясь в рамках лишь волжско-месопотамского ответвления к локальной среднеазиатской воднотранспортной системе Амударья-Арал-Сырдарья), среднеазиатские иранцы совершили еще одно важнейшее дело, именно, при помощи сухопутной трассы: Бактрия близ верхней Амударьи (Балх) – Гандхара на верхнем Инде (Пешавар), связали главную магистраль осевого ВШП с главной постосевой воднотранспортной магистралью из Европы в Китай, чем еще и поспособствовали эффективному наискорейшему подключению всей Индии к ожидаемому в сравнительно недалеком будущем ВШП (см. Рис. 5.8).



Рис. 5.8

Главные торговые трассы среднеазиатского участка Великого Шелкового пути

(Фрагмент карты взят с титульного листа М. Amster (ed.) "FROM SILK TO OIL: Cross-Cultural Connections Along The Silk Roads", China Institute in America, 2005)

В то же время этой же сухопутной перемычкой среднеазиатские иранцы соединяли две локальные воднотранспортные системы: среднеазиатскую Амударья-Арал-Сырдарья, которая по Амударье выходила к Каспийскому морю, и индийскую Инд-Ганг, которая по обоим этим рекам была связана с Индийским океаном. Таким образом, среднеазиатские иранцы обозначили еще один мировой глобальный воднотранспортный маршрут Европа-Индия-Китай в дополнение к трем уже имеющимся (месопотамскому

волжскому и двум средиземноморским): Балтика – Волга – Каспий – Амударья – *Бактрия* – *Гандхара* – Инд – Ганг – Индийский и Тихий океаны – Янцзы – Хуанхэ, с довольно существенной сухопутной перемычкой по предгорьям Гиндукуша на участке Бактрия-Гандхара, недостатки которой, впрочем, частично компенсировались более коротким путем из Европы в Индию. Вот этот в большей своей части воднотранспортный путь и стоял за среднеазиатским постосевым ответом земледельцев Средней Азии и перенявших его среднеазиатских иранцев, который привел последних с берегов Амударьи к берегам Инда. Кроме того, сухопутный участок Бактрия-Гандхара можно довольно сильно минимизировать, если правильно с судоходной точки зрения учесть афганскую предгорную гидрографию между Амударьей и Индом, но о ней, как и обещали, уже в следующем этюде...

И еще. Осев в Средней Азии на главной магистрали ВШП среднеазиатские иранцы, можно сказать, автоматически выходили на будущую постосевую воднотранспортную магистраль Европа-Индия-Китай еще в одной точке – в районе сухопутной перемычки Каспий-Месопотамия волжского воднотранспортного пути, который как раз здесь пересекали трассы ВШП, ведущие из Северного Ирана в Месопотамию (так называемый Великий Хорасанский путь, кратко ВХП, часть будущего ВШП). Таким образом, в распоряжении среднеазиатских иранцев к ~1300 г. до н.э., в отличие от всех других иранских (и неиранских) племен, оказалось целых три выхода на будущую мировую постосевую воднотранспортную сеть: на Каспии по локальной воднотранспортной системе Амударья-Арал-Сырдарья, в самой Индии по сухопутной перемычке Бактрия-Гандхара (или иначе Амударья-Инд) и на закаспийском участке волжского пути, пересекающем будущие трассы ВШП по ВХП. Не многовато ли будет для степных кочевников?

Остается только посмотреть, как основная концепция учения их пророка Заратустры (последовательный тотальный дуализм) и какие обстоятельства его легендарной биографии соотносятся со всеми этими запутанными свершениями и целями, намеренными и ненамеренными деяниями, мотивами, устремлениями среднеазиатских иранцев. Но не здесь и не сейчас, а тоже в следующем этюде – Восток ведь и впрямь дело тонкое... и отдельное.

ЧЕТВЕРТЫЙ ЭТЮД: «Пророки и империи: по эту сторону добра и зла»

Начнем с биографии Заратустры: когда жил, где родился, где проповедовал, что проповедовал. Ни по одному из этих вопросов в научной среде до сих пор так и не сложилось единого мнения, а насчет того, что именно он *проповедовал*, так этот вопрос даже не поднимается – разбираются лишь чисто внешние текстовые нюансы того, что он *говорил* в своих проповедях.

Относительно времени жизни Заратустры на настоящий момент существует две основные версии: традиционная в VIII/VII-VI вв. до н.э.^[1], и завоевывшая все больше сторонников по мере накопления археологических и других данных – если суммарно, то конец II тыс. до н.э. - начало I тыс. до н.э.^[2] Свой взгляд на проблему Е. Е. Кузьмина обосновывает тем, что увязывает время деятельности Заратустры с концом “эпохи варварской оккупации” (ЭВО), когда в южных земледельческих областях Средней Азии и Восточного Ирана начались процессы перехода пришлых с севера степных восточно-иранских кочевников к оседлости и синтез степной и земледельческой культур. А это уже граница между двумя периодами – Яз I и Яз II – по современным радиоуглеродным датам ~1000 г. до н.э., т.е. попадает в интервал второй популярной гипотезы времени жизни Заратустры 1000±200 гг. до н.э. Начало же периода Яз I приходится на ~1500 г. до н.э.^[3]

Предположение о синтезе степной и земледельческих культур в это время в Средней Азии и Восточного Ирана основывается на том археологическом факте, что в периоде Яз I здесь господствовала степная грубая лепная керамика, а в периоде Яз II уже лидирует керамика изготовленная на гончарном круге, свойственная местному земледельческому населению^[4]. Переход между Яз I и Яз II где-то происходил постепенно и плавно, а где-то – резким скачком. Все это интерпретируется, как освоение степняками местных керамических и иных традиций и технологий. С другой стороны, поскольку вплоть до ахеменидских времен никаких других нашествий здесь не наблюдается, а в ахеменидском периоде письменные источники фиксируют в Средней Азии и Восточном Иране восточно-иранское население, то можно предположить, что местное земледельческое население в это же время периода Яз IIА перенимает восточно-иранский язык от степняков.

Все верно, но с одной существенной поправкой: процессы смены керамических технологий, с одной стороны, и перехода на чужой язык, с другой, скорее всего, будут отличаться динамикой своего протекания. Мало того, кажется более вероятным сценарий, когда переход земледельцев на восточно-иранский язык происходит еще до перехода степняков на местные керамические технологии, т.е. степняки начинают перенимать местные тех-

[1] И. М. Дьяконов “История Мидии от древнейших времен до конца IV века до н.э.” М., Л.: Издательство АН СССР, 1956, стр. 382-403; М. А. Дандамаев, В. Г. Луконин “Культура и экономика древнего Ирана”, М.: Издательство «Наука», 1980, стр. 305-331; G. Gnoli “The Seleucid Era and the Date of Zoroaster” in A. Panaino, A. Piras (eds.) “Proceedings of the 5th Conference of the Societas Iranologica Europaea, held in Ravenna, 6–11 October 2003”, vol. I, Milano, 2006, pp. 101–114;

[2] Е. Е. Кузьмина “Арии – путь на юг”, М.: Летний сад, 2008, стр. 330-331. Здесь же приведен достаточно представительный спектр мнений по данному вопросу; М. Бойс “Зороастрийцы: Верования и обычаи”, 4-е изд., испр. и доп., СПб.: Азбука-классика, Петербургское Востоковедение, 2003, стр. 18.

[3] Л. М. Сверчков, Н. Бороффка “Период Яз-II: этапы и хронология”, Вестник археологии, антропологии и этнографии, № 1 (32), 2016, стр. 5–18, на стр. 5-6.

[4] В. М. Массон “Древнеземледельческая культура Маргианы”, Материалы и исследования по археологии СССР, № 73, М., Л.: Издательство АН СССР, 1959, стр. 39.

нологии, только после того как земледельцы в достаточно массовом порядке перенимали язык пришлых степняков, и те получили возможность столь же массово, свободно и действенно общаться с местным населением, а затем даже переходят к их более оседлому образу жизни и хозяйствованию.

Таким образом, синтез степной и земледельческой культур в области языка (и не только – еще и легенд, мифов, песен, плясок и прочих культурных элементов, особенно религиозно-идеологических, т.е. мировоззренческих) должен был происходить несколько раньше начавшегося в ~1000 г. до н.э. перехода от археологического комплекса Яз I к комплексу Яз II. Соответственно, исходя из вышеприведенных рассуждений, и время жизни Заратустры должно как-то соотноситься с этим периодом формирования культурно-языкового единства этносов юга Средней Азии и Восточного Ирана – думается, ближе к его окончанию, а еще вероятнее, после его завершения, чтобы Заратустра, восточный иранец по происхождению и языку^[5], мог свободно общаться не только со скотоводческими народными массами, но и с местными земледельцами, и те его понимали. Причем понимали не просто слова, но и сложные смыслы за ними стоящие, хотя бы в Бактрии, где пророк проповедовал, после того как потерпел неудачу среди восточно-иранских кочевников более северных областей, откуда он сам, возможно, происходил. В итоге, отталкиваясь от даты начала перехода от Яз I к Яз II в ~1000 г. до н.э., имеем первую половину X в. до н.э. как наиболее вероятное время проповеди Заратустры в Бактрии.

В предыдущем этюде мы уже говорили о той феноменальной роли, которую мог сыграть кочевой ответ северного степного населения в деле ответной консолидации обществ южной Средней Азии и Восточного Ирана. Степной кочевой осевой ответ возник, формировался и развивался в XII-XI вв. до н.э., следовательно, и ответная коррекция земледельцами юга Средней Азии и Восточного Ирана своего осевого ответа в плане освоения языка уже союзных им по осевым реакциям средназиатских иранцев, и реализация данной коррекции, должны были происходить в те же самые времена в XII-XI вв. до н.э.

Вот почему Е. Е. Кузьминой следовало бы причинно связывать деятельность Заратустры не с концом “эпохи варварской оккупации” и технологическим синтезом степной и земледельческой культур в процессе “седентеризации” пришлых восточно-иранских племен, а скорее, с процессом развития и экспансии кочевого ответа северных степняков, который протекал несколько раньше и “седентеризации”, и синтеза, и всего прочего, являясь истинной причинной как технологической интеграции (переход Яз I к Яз II) и полного этнокультурного слияния обоих этносов (пришлых степняков и местных земледельцев) в сообществах юга Средней Азии и Восточного Ирана, так и миссионерской активности Заратустры именно в это время, происходившей вскоре после культурно-языковой интеграции земледельцев юга Средней Азии и Восточного Ирана с проживающими рядом с ними восточно-иранскими скотоводами.

Ведь и сама Е. Е. Кузьмина весьма красочно описывает общество пастухов-скотоводов, на деле придерживающихся принципа, что всем и вся должна править сила – в каком-то смысле нравственный императив первых кочевников:

^[5] Строго говоря, Заратустра проповедовал на авестийском (зэндском) или центрально-иранском языке, который отличался как от восточно-иранских диалектов, так и от западно-иранских. Восточно-иранскими языками авестийский был вытеснен только в самом конце I тыс. до н.э. (см. Л. М. Сверчков, Н. Бороффа “Период Яз-II...”, стр. 13).

“Своеобразную позицию в споре [о материальной культуре обществ Авесты – А.З.] занял В.И. Абаев (1956: 23). Он считал, что Заратуштра начал свою проповедь среди пастушеских скифских (сакских) племен, призывая их к оседлости и мирной жизни, но не получив у них поддержки, обратился к бактрийскому царю Виштаспе, который по его мнению, жил в эпоху Ахеменидов.

В.И. Абаев обратил внимание на то, что общество Гат отражает быт пастухов, ведущих подвижный образ жизни, постоянно воюющих, захватывающих скот, который является главным богатством. Он призвал пастухов переходить к оседлой жизни и занятию земледелием.

Каким известным сегодня археологическим реалиям отвечает общество, описанное в Гатах?

Проповедь пророка направлена к скотоводам, живущим грабежом: душа коровы вызывает о защите от угона (Ясна XXIX).

Пророк призывает отказаться от набегов, перестать разорять мирные селения и перейти к оседлой жизни и хлебопашеству, соблюдая мирные договоры.

Когда мог быть актуален этот призыв?^[6]

И что это, как не реализация кочевого осевого ответа скотоводами, в котором все усилия, в том числе культурные, такие как, например, формируемая в евразийских степях знаменитая скифская триада (специфическое вооружение, верховое конской снаряжение и так называемый “звериный стиль” в прикладном искусстве), были направлены на максимальное увеличение силы и мощи, как личной, так и всего сообщества, и их безоговорочное самозабвенное воспевание?

Отвечаю на последний вопрос Е. Е. Кузьминой: данный призыв становился все более и более актуальным с зарождения в евразийских степях и долгого формирования среди восточно-иранских степняков кочевого осевого ответа в XII-XI вв. до н.э., против распространения которого и проповедовал Заратуштра, скорее всего, сразу после окончания данного периода, т.е. в первой половине X в. до н.э., когда кочевой ответ степняков распространился по степи, в то время как среди скотоводов и земледельцев южных земель уже прочно утвердился общий для всех них восточно-иранский язык, и начались процессы плотной хозяйственной интеграции, а возможно, и социально-политической консолидации по регионам.

Для вящей наглядности приведу еще и текст той Ясны из Гат Авесты, на которую ссылается Е. Е. Кузьмина (Ясна XXIX):

“1. Молит вас Душа Быка:

«Кто создал меня и для чего?

Айшма злой гнетёт меня,

угоняют воры и грабители,

Кроме вас – защиты нет,

селянин пусть пестует меня!»”

2. И спросил Творец быка

Арту: «Кто же защитит быка?

Дай хозяина ему,

скотовода с добрым пастбищем,

Мужем осчастливь таким,

чтоб злодейства Айшмы отвратил!»

3. Отвечала Арта: «Нет

господина, чтоб пасти быка.

Я не знаю никого,

кто б за ним ходил как следует.

^[6] Е. Е. Кузьмина “Арии – путь на...”, стр. 331-332.

Нет достойного нигде,
чтобы люди шли на зов его».

4. Мазда знает обо всём:
о свершившихся намереньях
Равно – дэвов и людей,
о делах, что лишь задуманы,
Проницателен лишь он,—
пусть Ахуры воля сбудется!

5. Простирая руки ввысь,
о Ахура, умоляю я –
И коровы стельной дух –
Мазду просим о двойком мы:
«Чистый скот чтоб не погиб,
скотовод – чтоб Друджу не служил».

6. Мазда так сказал тогда,
он, Ахура, что мудрее всех:
«На земле и в небесах
мужа нет, кто Арте по душе.
Но ведь скот Я сотворил
ради человека, пастуха,

7. Я, Ахура, Арты друг,
также Слово – Мантру сотворил,
Чтобы скот тучнел и корм
приумножился. А Мантру ту,
Воху-Мана, лишь в уста
истинного друга стад вложи!

8. На земле есть лишь один,
кто Мои заветы свято чтит;
Заратуштра, –
верен Мазде, как и Арте он,
Он всегда прославит нас,
если Словом одарю его».

9. Вскрикнула Душа Быка:
«Разве слабосильный нужен мне
Человек, чьё слово – пыль:
Всемогущего желаю я!
Пусть грядёт он наконец
и десницей скот оборонит!»

10. О Ахура, дай скоту
силу Арты и величие,
И пусть Воху-Мана даст
дар покоя и веселия,
Разве я не ведаю,
что лишь Мазда превосходит всех.

11. Если сила Арты мне
передастся Воху-Маною,
Если вдохновит меня
Мазда сам реченьем магии,
То, Ахура, снизойдут
к нам щедроты, вас достойные!»^[7]

^[7] И. В. Рак (ред.) «Авеста в русских переводах (1861—1996)», СПб.: Журнал «Нева», РХГИ, 1997, стр. 128-130 (Перевод И. С. Брагинского).

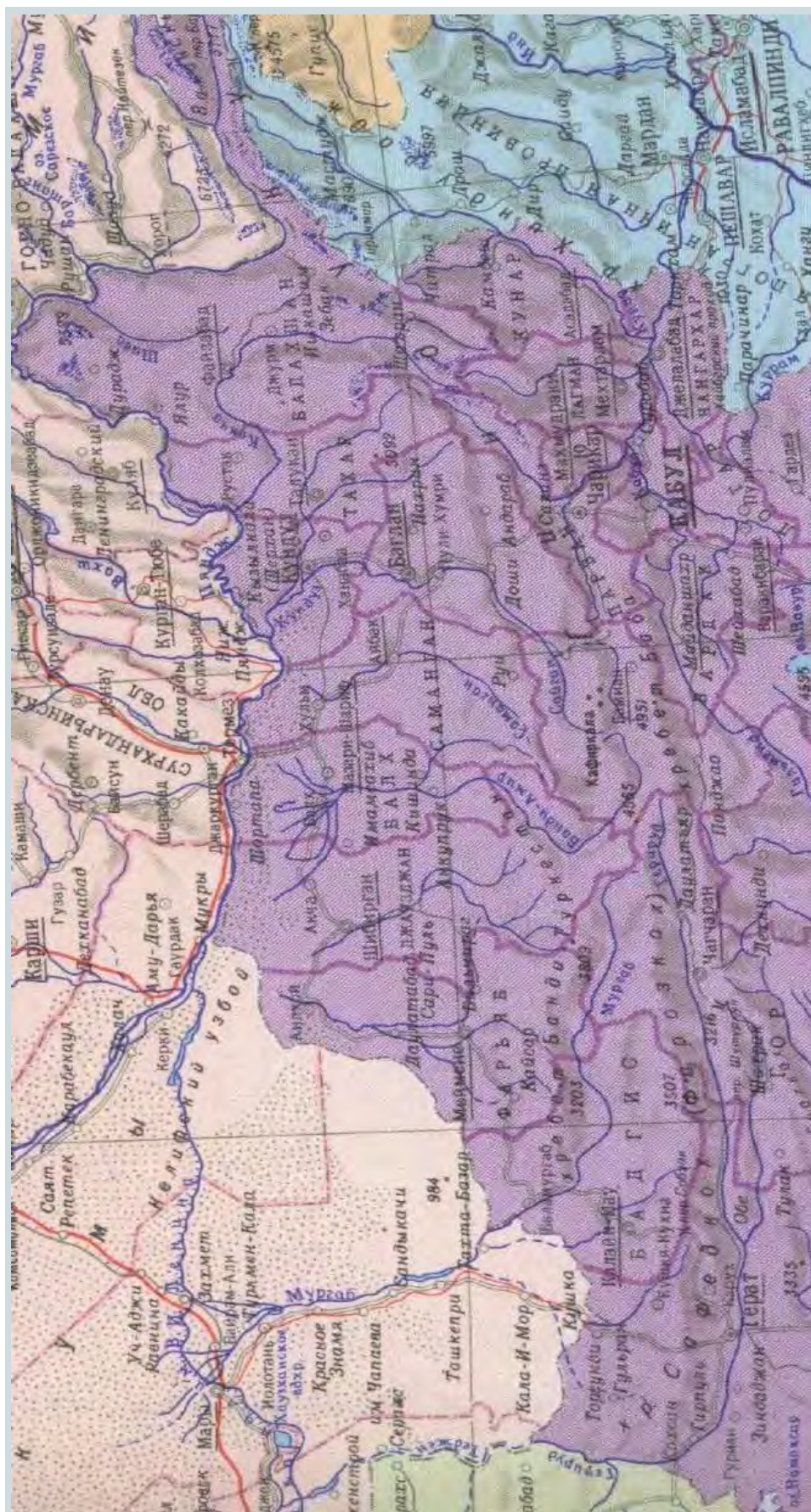


Рис. 5.9

Карта Северного Афганистана и сопредельных территорий

(Фрагмент карты взят из "Атлас мира", М.: Комитет геодезии и картографии СССР, 1991, стр. 127, второй лист карты "ИРАН, АФГАНИСТАН, ПАКИСТАН")

Исходя из одних лишь инхронических соображений, рискну предположить, что пророк вначале проповедовал среди кочевых восточных иранцев Согдианы (саков или каких-то других племен, трудно сказать), расположенной в среднеазиатском междуречье, в самом сердце воднотранспортной системы Амударья-Арал-Сырдарья, где Заратустра не только мог, но даже и *должен* был начать свою религиозную реформу прежде всего. И откуда он, не найдя понимания среди своих соплеменников и соседних кочевых племен Согдианы, которая на юге граничила с землями бактрийских земледельцев, мог попасть в Бактрию самым прямым и естественным образом. К тому же Бактрия занимала особое место в среднеазиатском постосево-вом ответе как ключевая стратегически важная географическую позицию в деле реализации сухопутной связи бассейна Амударьи с бассейном Инда.

Справедливости ради отметим, что не менее важное значение имели и территории Хорезма в южном Приаралье, контролирующие одно из русел Амударьи, которое вело к Каспию, и территории уже упомянутой Согдианы в среднеазиатском междуречье. Тем не менее положение Бактрии в Средней Азии и в самом деле было выдающимся, что, судя по археологическому материалу в VIII/VII вв. до н.э. (начало периода Яз ПБ^[8]) вылилось в возникновение так называемой Великой Бактрии^[9] – царства, куда со временем вошли все вышеперечисленные земли и многие другие, например, в Маргиане и в Дрангиане (Сеистан)^[10].

И все же важность Бактрии для среднеазиатского постосевого ответа не ограничивалась одной лишь возможностью более легкой реализации сухопутной связи Амударья-Инд. Похоже, что еще более важным было положение Бактрии в свете гидрографии всего среднеазиатско-восточноиранского региона. Дело в том, что вблизи южной Бактрии, в горах юго-западных отрогов Гиндукуша западнее Кабула, расположена одна небольшая, но очень интересная горная область – хребет Баба, который является так называемым гидрографическим узлом, откуда истекают сразу несколько главных рек среднеазиатско-восточноиранского региона: Кабул, правый самый крупный притока Инда; в непосредственной близости от него находится истоки реки Гильменд, веду-

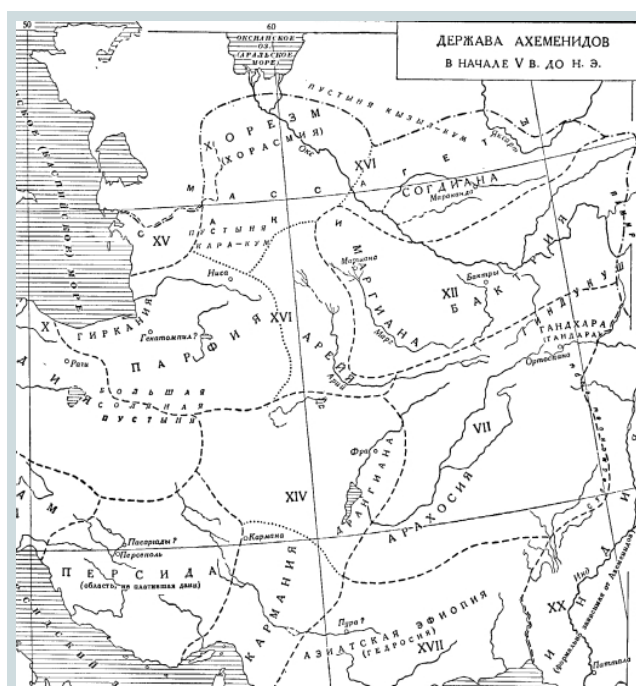


Рис. 5.10
Исторические области среднеазиатско-восточноиранского региона

(Фрагмент карты взят из С. Л. Утченко (ред.) "Всемирная история в десяти томах", Том II, М.: Государственное издательство политической литературы, 1956, карта на стр. 28-29)

[8] Л. М. Сверчков, Н. Бороффка "Период Яз-П...", стр. 10.

[9] Е. Е. Кузьмина "Арии – путь на...", стр. 328, 332-333, 342-343; И. М. Дьяконов "Восточный Иран до Кира (К возможности новых постановок вопроса)" в Б. Г. Гафуров (ред.) "История иранского государства и культуры", М.: Наука, 1971, стр. 122-154, на стр. 134-135.

[10] Л. М. Сверчков, Н. Бороффка "Период Яз-П...", стр. 10, 13.

щей в Дрангиану; в западной части хребта, где с северных склонов хребта стекает Тенджен-Герируд, в достаточной близости от истоков Гильменда и Кабула расположены истоки этой реки, ведущей в Арейю – область между Парфией и Маргианой; еще северо-западнее, довольно близко к истоку Герируда, лежит начало маргианской реки Мургаб; и, наконец, с северных же склонов хребта Баба стекает левый приток Амударьи Кундуз^[11], в верхнем течении известный еще и как Сайган.

С названиями и расположением исторических областей можно познакомиться на Рис. 5.10, а гидрография речных русел подробно показана на Рис. 5.9. Кроме того, на физической карте Рис. 5.11, не отягощенной лишней картографической информацией, которая зачастую затеняет суть явлений, водораздельный гидрографический узел хребта Баба просматривается куда лучше, чем на Рис. 5.9.

И, как видно по картам Рис. 5.10 и Рис. 5.11, из всех указанных выше культурно-исторических областей ближе всех к гидрографическому узлу хребта Баба расположена как раз-таки Южная Бактрия. Таким образом, получается, что историческая область Бактрия отличается не только лучшими возможностями для установления сухопутных связей между локальной среднеазиатской воднотранспортной системой Амударья-Арал-Сырдарья с воднотранспортной системой Инд-Ганг, но и большей привязанностью ко всей речной гидрографии среднеазиатско-восточноиранского региона в целом. Да и сама сухопутная перемычка Балх-Пешавар как участок ВШП в своей середине очень странным и то же время весьма естественным образом проходит от г. Бамиан близ истока Кундуза, притока Амударьи, к району рядом с г. Кабул в верховьях реки Кабул, притока Инда (см. карту на Рис. 5.8. в предыдущем этюде)... Интересный факт.

В связи с чем возникает не менее интересная мысль – а что если и Великая Бактрия (при всем при том не будем забывать, что Великая Бактрия – это всего лишь гипотеза в археологической науке, имеющая как своих сторонников, так и противников), и даже сам среднеазиатский воднотранспортный маршрут Волга-Каспий-Амударья-*Балх-Пешавар*-Инд (тоже гипотетический, где курсивом отмечен сухопутный участок) в виде одного из вариантов волжского постосевого ответа возникли как следствие существования гидрографического узла на хребте Баба? И тогда становится понятным, что при формировании среднеазиатского постосевого ответа земледельцами юга Средней Азии (скорее всего, в той же Южной Бактрии), учитывались не только возможности построения соответствующего воднотранспортного маршрута, но и сопутствующий ему полный охват воднотранспортной сетью, кроме территорий Средней Азии и вдоль маршрута, еще и всего Вос-



Рис. 5.11

Водораздельный гидрографический узел хребта Баба

(Фрагмент карты взят из "Атлас мира", М.: Комитет геодезии и картографии СССР, 1991, стр. 18, первый лист физической карты "СОЮЗ СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК". На этот фрагмент белым цветом добавлена надпись "хр. Баба")

[11] "Атлас мира", М.: ПКО «Картография», Издательство Оникс, 2010, стр. 123, второй лист карты "ИРАН, АФГАНИСТАН, ПАКИСТАН".

точного Ирана в целом за счет рек, стекающих с хребта Баба, и ряда коротких сухопутных перемычек между их судоходными участками. А сам воднотранспортный маршрут, соединяющий Амударью с Индо-Гангской сетью, при столь широком гидрографическом подходе проходил бы уже не по достаточно крупной сухопутной перемычке Балх-Пешавар, а по притоку Амударьи Кундузу и притоку Инда Кабулу, чьи судоходные части соединялись бы сравнительно более короткой сухопутной перемычкой.

Вернемся к иранскому пророку. Мы вроде бы уже близки к пониманию, против чего мог проповедовать Заратустра в те времена. Если учесть призывы к отказу от кочевой жизни, грабежей, угонов скота, олицетворяемых злым богом Ангро Майнью, и переходу к оседлой жизни и земледелию, то чисто внешне кажется, что против кочевого осевого ответа. Но против ли него одного? А не была ли подобная антикочевая направленность всего лишь тактическим ответным ходом на злобу (не смог удержаться от каламбура...) дня, как говорится? И что же тогда он проповедовал, за что ратовал на самом деле, что стояло и понималось на интуитивном уровне и им и всеми его слушателями, как Благой Дух Ахура Мазда? Оседлость – оседлый способ ведения хозяйства? Скотоводческого, земледельческого – не суть... Да, конечно, к этому он призывал кочевников, но вряд ли оппозиция кочевничество-оседлость сама по себе могла породить столь последовательный, столь тотальный, я даже сказал бы, столь непримиримо яркий дуализм учения, когда нет и не может быть никаких оттенков, нюансов, никаких иных цветов – только белый и только черный и их противостояние и противоборство без какого-либо компромисса между ними.

Зороастризм – это, вне всякого сомнения, постосевое явление, как и манихейство, христианство, буддизм (и Хинаяна, и Махаяна), ислам... Иначе он просто не дотянул бы не то что до дней нынешних (в Индии), но даже до окончания постосевой инхрозоны в сер. XVII века, а уж тем более до ее удлиненного окончательного завершения в новых формах в сер. XX века (всего этого мы еще коснемся в следующих этюдах). И где же здесь кочевой осевой ответ, сошедший на нет вместе с завершением осевой инхрозоны, оставив после себя лишь кочевое хозяйство у степных народов? Правда, после окончательного завершения осевой инхрозоны в начале III в. н.э. и сам зороастризм, сбросив приставшие к нему в предыдущую эпоху эллинистические формы, тоже словно застыл в своем развитии в иранском государстве Сасанидов, но тем не менее у образа Ахуры Мазды в зороастрийском его исполнении следует искать именно постосевые корни. Если говорить совсем кратко, то зороастризм соотносится с мировыми религиями, зародившимися в Передней Азии в первом тысячелетии нашей эры, а именно – с христианством и исламом, много чего перенявшими от зороастризма, – примерно так, как буддизм Хинаяны соотносится с буддизмом Махаяны. Разве что Махаяна, непосредственно происходя от Хинаяны, по терминологии и некоторым общим концептам более близка последней, чем, например, христианство – зороастризму...

А выбор постосевых корней зороастрийской религии не так уж и велик – на эту роль может претендовать лишь новый глобальный маршрут будущей постосевой воднотранспортной сети как вариант волжского пути, который отличался от “классического” месопотамского варианта только тем, что вел от Волги и Каспия через среднеазиатскую воднотранспортную систему Амударья-Арал-Сырдарья к индийской воднотранспортной системе Инд-Ганг и далее по морям и океанам до Китая. Маршрут, который впервые проявил себя среднеазиатским постосевым ответом земледельческого насе-

ления юга Средней Азии, перенятым проживающими рядом с ними восточно-иранскими скотоводами, и который так и остался не реализованным, похоже, ввиду большей эффективности конкурирующих с ним других водно-транспортных постосевых маршрутов из-за слишком трудоемкого прокладывания частично воднотранспортного маршрута среднеазиатского ответа по предгорьям Гиндукуша, а, может, и совсем просто – из-за исчезновения водной связи Амударьи с Каспийским морем в будущем или даже всего лишь из-за вековой неустойчивости данной связи, слишком чувствительной к колебаниям климата.

И чем же кочевой осевой ответ степняков так сильно помешал среднеазиатскому постосевому ответу? Почему на западе кочевые осевые ответы киммерийцев и скифов ни в коей мере не входили в фатальное противоречие с их восточно-средиземноморским и волжским постосевыми ответами и даже, наоборот, всячески способствовали скорейшему развитию этих ответов, а в Средней Азии кочевой ответ степных восточных иранцев почему-то становится чем-то вроде камня преткновения для среднеазиатского постосевого ответа местных земледельцев и примкнувших к ним восточно-иранских скотоводов?

Главное различие этих двух случаев состоит в том, что когда киммерийцы и скифы вторгались в Переднюю Азию, то в плане постосевой инхроники они реализовывали такие же ответы, какие бытовали здесь у местного населения: восточно-средиземноморский у киммерийцев и месопотамский волжский у скифов. Поэтому при любых военных и/или политических их действиях данным постосевым ответам, как правило, особого ущерба не наносилось. Кстати, даже Великий шелковый путь (ВШП), который и в Передней Азии был одним из ресурсов этих постосевых ответов тоже не очень-то страдал от вторжений кочевников, поскольку те совершали на юг не столько эпизодические грабительские набеги, разоряющие населенные пункты вдоль будущих трасс ВШП, сколько масштабные завоевательные походы, обычно завершавшиеся переселением части степных кочевников в Переднюю Азию, а впоследствии и их смешиванием с местным населением на базе общего постосевого ответа. Тем более что, Черное море и Кавказский хребет все же затрудняли достаточно быстрые передвижения между северной степью и Передней Азией, которые требовались для краткосрочных лихих набегов, в отличие от Средней Азии, где в результате действия двух этих вышеуказанных факторов (отсутствие общего постосевого ответа у кочевников и у местного населения и серьезного разделяющего ландшафта между степью и южными подгорными земледельческими районами, разве что местами эту роль исполняли пустыни) дела обстояли много сложнее.

Постосевой ответ среднеазиатских земледельцев базировался на глобальном варианте волжского ответа с воднотранспортным (большей частью) маршрутом Балтика-Волга-Каспий-Амударья-Кабул-Инд-Ганг-Тихий океан-Янцзы (и Хуанхэ на севере), который ранее мы называли среднеазиатским волжским ответом. В то время как постосевой ответ восточно-иранского населения степей Средней Азии формировался вокруг локальной среднеазиатской воднотранспортной системы Амударья-Арал-Сырдарья, имеющую водную связь с месопотамским волжским воднотранспортным маршрутом через Каспий, и не имеющей какого-либо выхода в индийскую воднотранспортную систему Инд-Ганг и далее в Китай. Как видим, постосевая реакция среднеазиатских степняков представляла собой всего лишь разновидность месопотамского волжского постосевого ответа с тупиковым ответвлением его воднотранспортного маршрута в Среднюю Азию.

Таким образом, среднеазиатская воднотранспортная система Амударья-Арал-Сырдарья попадает в зону пересечения двух волжских постосевых маршрутов: месопотамского и среднеазиатского. А это уже дает основание подозревать наличие конкурентной борьбы вышеуказанных вариантов волжского ответа среди населения, проживающего близ данной водной системы, т.е. среди степного населения севера Средней Азии. Подобная ситуация с пересечением месопотамского и среднеазиатского постосевых ответов на территории воднотранспортной системы Амударья-Арал-Сырдарья могла сложиться еще в эпоху расселения федоровских андроновских племен по территориям Средней Азии – и степной и земледельческой – и более южных земель вплоть до бассейна Инда. Часть бывших федоровцев, пребывая под действием постосевой инхроники и выработанного ими еще в верхнем Прииртышье “классического”, т.е. месопотамского, волжского постосевого ответа, с ~1500 г. до н.э. (начало “эпохи варварской оккупации”, т.е. культуры Яз I) появляются в среднеазиатском регионе и вырабатывают здесь, на новом месте своего обитания, новую же разновидность месопотамского волжского постосевого ответа, а именно – с тупиковым ответвлением в локальную среднеазиатскую водную систему Амударья-Арал-Сырдарья. На южной оконечности этой системы они в скором времени входят в достаточно плотный контакт с проживающим еще южнее земледельческим населением, результатом которого стал дрейф постосевой инхроники от северных степных федоровцев к южным земледельцам, которые в свою очередь сформировали собственный ответ на постосевую инхронику, выше названный нами среднеазиатским постосевым ответом, обратным дрейфом быстро перешедший к прилежающему с севера восточно-иранскому степному скотоводческому федоровскому населению. Суть этого ответа заключалась в построении будущей воднотранспортной (большей частью водной, но отчасти и сухопутной) связи между водной системой Амударья-Арал-Сырдарья и Индо-Гангской водной системой. Последний момент подразумевал продолжение миграций федоровцев-андроновцев еще дальше на юг аж до Инда, что поддерживало дрейф постосевой инхроники и среднеазиатского ответа на нее в прежнем направлении, т.е. с севера на юг. Именно так в ~1300 г. до н.э. постосевая инхроника вместе со среднеазиатским ответом и с подавленными им модификациями (“аральско-тупиковой” и “классической”) месопотамского волжского ответа попадают к ригведийским индоариям Северо-Западной Индии.

Однако складывающаяся ситуация этим не исчерпывается. Мы увидели, как постосевая инхроника с ответами на нее быстро разносятся мигрирующими бывшими федоровскими андроновскими племенами по южной Средней Азии, Восточному Ирану, афганским и пакистанским территориям. Кроме того, среднеазиатский постосевой ответ в это же время в принципе мог бы медленно дрейфовать и на север – в степные регионы. И тут уместно задаться вопросом: а почему южные среднеазиатские земледельцы не приняли месопотамский волжский постосевой ответ с *тупиковым* ответвлением в водную систему Амударья-Арал-Сырдарья, а, наоборот, подавили и оттеснили его, сформировав свой собственный среднеазиатский постосевой ответ? Вот именно, что тупиковый... Дело в том, что водная система Амударья-Арал-Сырдарья подходила к земледельческим регионам подгорной южной Средней Азии лишь своим самым южным краем, т.е. как раз тем самым воднотранспортным тупиком, а это в свою очередь мало способствовало подключению указанных регионов к будущей мировой глобальной воднотранспортной сети по месопотамскому волжскому маршруту через Каспий –

ввиду ожидаемых незначительных масштабов будущих грузоперевозок по тупиковой ветке этого воднотранспортного маршрута.

В то время как медленный дрейф среднеазиатского ответа земледельцев по торговым и другим социальным контактам на север, в степь, был ограничен все теми же постоянными непрекращающимися миграциями бывшего федоровского степного населения с севера на юг. Грубо говоря, по мере того как граничащие с южной земледельческой зоной степное федоровское население получало среднеазиатский ответ посредством обратного дрейфа от земледельцев, степняки почти сразу мигрировали на юг, пытаясь занять более удобные или просто более близкие к Инду территории, что препятствовало дрейфу среднеазиатского ответа дальше на север. После этого оставленные степные территории, граничившие с земледельческими регионами, вновь осваивались степняками, и процесс повторялся. На самом деле, все это, конечно же, происходило не столь дискретно (приведенная выше дискретная модель использована только для большей наглядности), и даже совсем не дискретно, а сугубо непрерывно, как работающий насос, который непрерывно высасывал все более или менее чувствительное к среднеазиатскому ответу степное население водной системы Амударья-Арал-Сырдарья с севера на юг, из северных степей в южные ведущие к Инду регионы, населенные оседлым земледельческими и скотоводческими племенами.

И все это работало до тех пор пока в северных степях не остались только совершенно слабые инхроники среднеазиатского ответа, которые в то же время были сильными или, как минимум, средними инхроники “тупикового” месопотамского волжского ответа. Другими словами, тех, кого подключение к будущей глобальной воднотранспортной сети посредством полноводной судоходной основной части водной системы Амударья-Арал-Сырдарья не просто устраивало, а устраивало целиком и полностью. Естественно, такое степное население северной и средней части водной системы Амударья-Арал-Сырдарья никакой нужды не испытывало в среднеазиатский постосево́м ответе, полностью удовлетворенное одним лишь подключением к будущей глобальной воднотранспортной сети через главную трассу месопотамского волжского ответа.

Кочевой же аридно-осевой ответ (как реакция степного населения на растущую аридизацию климата к концу аридной инхрозоны в ~1000 г. до н.э. с одной стороны, а с другой, на установление торговой оси ВШП в конце удлиненной *осевой* инхрозоны, т.е. в удлиненном осевом будущем близ границы эр: до нашей эры и нашей эры) с XII-XI в. до н.э. только усугубил это сложившееся еще в постфедоровские времена на Среднем Востоке положение: на севере – степи с аральским “тупиком” месопотамского волжского постосево́го ответа у кочующих скотоводов, на юге – среднеазиатский постосево́й ответ оседлого населения. Усугубил тем, что кочевой образ жизни, а значит и сам кочевой ответ, никоим образом не мог быть распространен за пределы степного ландшафта, лишь резче подчеркивая и без того уже имеющееся постосево́е разделение севера и юга.

Вот так в иранской легендарной традиции со временем зародились сказания об извечном противостоянии Ирана и Турана^[12]... Разумеется, учение пророка Заратустры тоже в стороне не осталось и внесло свою весьма и весьма немалую лепту в сей возникший естественным образом постосево́й дуализм.

^[12] Е.Е. Кузьмина “В стране Кавата и Афрасиаба”, М.: Издательство «Наука», 1977.

И вновь Заратустра. Как мы видели выше, первое время он, скорее всего, проповедовал в Согдиане, соседствующей с Бактрией с севера, призывая здешних кочевников перейти от кочевого хозяйствования к оседлому и принять среднеазиатский постосево́й ответ. В силу объективных климатических причин принять эти призывы степняки ну никак не могли. Мало того, что принять, даже понять не могли – им была непонятна та настойчивость, с которой Заратустра призывал их отказаться от кочевого осевого ответа. А суть в том, что для аральской модификации месопотамского волжского постосевого ответа кочевой осевой ответ был чуть ли не главным ресурсом, позволяющим реализовывать данный постосево́й ответ в аридных степных условиях. Именно по этой причине Заратустра и напирал так на кочевой ответ, лежащий на поверхности в сфере быта и хозяйствования, а не на сам аральско-месопотамский волжский постосево́й ответ, скрытый в глубинах архетипического подсознания.

Если согласиться, что за мифической фигурой Ахуры Мазды на данном этапе развития маздеистской идеологии Заратустра своими реформами и впрямь поставил среднеазиатский постосево́й ответ, то само собой напрашивается аналогичное решение и для Ангро Майнью – за ним должен был скрываться месопотамский волжский постосево́й ответ, воднотранспортный маршрут которого был связан с водной системой Амударья-Арал-Сырдарья, которая в свою очередь граничила с южными территориями среднеазиатский постосево́й ответа, – дабы привести в соответствие зороастрийский дуализм с естественным инхроническим дуализмом сложившимся на Среднем Востоке в начале постосево́й инхрозоны.

И этой семантической корреляцией между инхроническими и идеологическими процессами в принципе можно объяснить то упорство, с которым Заратустра в своей проповеди противопоставлял фигуры Ангро Майнью и Ахуры Мазды, и его настойчивые призывы к безоглядной и столь же упорной реализации среднеазиатского постосево́го ответ одним лишь разворачиванием и развитием оседлого образа жизни, т.е. повседневным трудом оседлого скотовода, земледельца, ремесленника... Однако способно ли такое совпадение объяснить само появление столь последовательной дуалистической идеологии? Особенно если учесть глобальный, можно сказать, ограниченно планетарный характер зороастризма, в последующие времена оказавшего немалое влияние на другие религии и учения в довольно отдаленных от Средней Азии регионах... Поэтому, наверное, не стоит вот так прямо и непосредственно отождествлять Ангро Майнью не то что с кочевым ответом, но даже с аральско-месопотамским волжским ответом, а Премудрого Ахуру с воднотранспортным визави данного постосево́го ответа – со среднеазиатским постосево́вым ответом. Уж очень все это похоже на то, что здесь мы с большой долей вероятности имеем дело с каким-то более серьезным противостоянием, чем обычное противоборство двух ответов за охват населения, с более важными и опасными угрозами для иранцев, столь же глобальными и экзистенциальными, как и сам зороастризм. И что же это за такие важные и опасные угрозы? Ответу на этот вопрос как раз и посвящен настоящий этюд.

В итоге, как говорилось, пророк перебрался в Бактрию, поскольку здесь восточно-иранские скотоводы располагали намного большими возможностями к неприятию кочевого образа жизни и переходу к оседлому скотоводству, а по мере дальнейшего пребывания здесь становились еще более чувствительными к среднеазиатскому постосево́му ответу. И в первой половине X в. до н.э. уже начали активно осваивать бактрийские и иные

территории своими поселениями и крепостями – период Яз ПА так называемых ранних кави, местных правителей^[13]. С начала периода Яз ПА и ранних кави, собственно, и начинается среднеазиатско-восточноиранская цивилизация...

Таким образом, принявший Заратустру бактрийский кави Виштаспа принадлежал именно к ранним кави, а не к поздним, как считают авторы работ, приведенных в предыдущей ссылке. Такое расхождение во мнениях порождено в первую очередь определением времени жизни Заратустры – традиционного (VII-VI вв. до н.э.) у них, и первая половина X в. до н.э. в настоящей работе. Все аргументы в пользу последней датировки проведены выше, поэтому не будем повторяться.

Малоубедительно, мягко говоря, выглядят также еще два утверждения: что область ранних кави располагалась в Дрангиане (Сеистан), и что эта область уже представляла собой державу, т.е. единое царство, которое распалось при переходе к периоду поздних кави в VIII/VII вв. до н.э. (начало периода Яз ПБ) на “множество мелких царств”^[14]. В подавляющем большинстве случаев политогенеза обширного региона, когда в нем возникает новая цивилизация (в нашем случае данный момент очень важен), первые государственные образования выступают в качестве городов-государств или, как принято говорить, номов, которые со временем могут объединяться в большие единые государства-державы, а могут и не объединиться. Но никак не наоборот – от крупной державы к мелким царствам-княжествам. Такое случается на значительно более поздних этапах развития государственности, когда держава вступает в полосу упадка и распада, что в некоторых случаях зачастую завершается ее полным исчезновением. Поэтому, если мы практически не располагаем сколь-либо надежными данными о возникновении цивилизации и государственности в некоем регионе, то, по-моему, не стоит и огород городить и отходить от общепринятых схем политогенеза, надежно зафиксированных в другое время в других регионах. Иначе говоря, первые в Средней Азии государственные образования ранних кави (княжества-вожества?), скорее всего, являлись чем-то вроде протономов, которые в период поздних кави могли сложиться в полноценные номы (города-государства), а затем, причем очень быстро, и в обширную единую державу-царство, что, учитывая распространенную ныне гипотезу о Великом Бактрийском царстве, выглядит более чем вероятным.

Что касается Дрангианы как места возникновения протогосударственных образований ранних кави и всей среднеазиатско-восточноиранской цивилизации... А собственно говоря, зачем? Только потому что Дрангиана не вошла в один из списков стран, приведенный в Шахнаме^[15]? Что тут скажешь – логика более чем странная: “взгляд из Дрангианы”...

^[13] Л. М. Сверчков, Н. Бороффка “Период Яз-П...”, стр. 13; И. В. Пьянков “Древнейшие государственные образования Средней Азии (Опыт исторической реконструкции)” в И. В. Пьянков “Средняя Азия и Евразийская степь в древности”, СПб.: Петербургское лингвистическое общество, 2013, стр. 315-330 (впервые опубликовано в “Древнейшие цивилизации Евразии. История и культура”, М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2001, стр. 334-348).

^[14] И. В. Пьянков “Древнейшие государственные образования...”, стр. 316, см. также и Л. М. Сверчков, Н. Бороффка “Период Яз-П...”, стр. 13.

^[15] “...перечень владений кави Усана (Кей-Кавуса), сохранившийся в «Шахнаме» и, по-видимому, очень древний по происхождению: «Мерв дальний и Балх, Нишапур и Герат – повсюду Кавуса дружины стоят» (И. В. Пьянков “Древнейшие государственные образования...”, стр. 316. Здесь приводятся более поздние названия городов).

Да, конечно же, не исключено и даже, может быть, весьма вероятно, что какая-то крайне немногочисленная дрангианская группа восточно-иранских скотоводов, особо чувствительных к постосевым раскладам (допустим, из-за того что проживали близ озера Хамун, куда с хребта Баба впадает река Гильменд) в районе 1000 г. до н.э., когда по всей южной Средней Азии и Восточному Ирану начались процессы культурно-технологической консолидации местных скотоводческих и земледельческих сообществ, со временем вылившейся в их полную этнокультурную и социально-политическую интеграцию, мигрировала в Бактрию, имевшую гораздо большие воднотранспортные и торговые (по ВШП) перспективы, где некоторые (или большинство – ведь их и без того было не так уж и много) участники этой дрангианской группы (может быть, даже принадлежащие племени, члены которого сами себя называли *кави*) как самые сильные инхроники вместе со своей дружиной, набранной в основном среди местных бактрийских восточно-иранских скотоводов, встали во главе каждый своего нового только-только формирующегося (все больше по территориально-ландшафтному принципу) локального сообщества, на основе которых постепенно стали возникать протогосударственные образования – протономы.

Но не более того! Отсутствие Дрангианы в списке стран авестийских ариев из Шахнаме говорит только о том очевидном, я даже сказал бы, тавтологическом факте, что на каком-то этапе развития бактрийского общества и его соседей в том списке Дрангианы не было. Да и не должно быть – во времена ранних *кави* и протономов вряд ли происходили какие-то завоевания, захваты новых земель (скорее всего, ранние *кави* воевали лишь с вторгавшимися в их земли кочевниками и между собой), а только постепенное самопроизвольное распространение социально-политического института ранних *кави* из Бактрии на запад, вдоль будущей главной магистрали ВШП (т.е. по территориям, которые прежде всего нуждались в организованной военной защите от набегов северных кочевников), но никак не на север (в Согдиану и Хорезм) и не на юго-запад (в Дрангиану). Завоевания начались несколько позже – с VIII в. до н.э., в период поздних *кави* (Яз IIБ) и формирования из номов Великого Бактрийского царства, когда в него вошли и Дрангиана, и Согдиана, а несколько позже и Хорезм.

В самой Авесте также имеются свои списки арийских стран – в одном из них нет ни Бактрии, ни Дрангианы, а в другой входит и та и другая^[16]. По поводу второго списка сам же И. М. Дьяконов недвусмысленно выразил свое отношение: “Практически для историка список Видевдата важен только самим своим существованием, а каких-либо специальных выводов из него сделать пока нельзя”^[17]. Целиком и полностью согласен с его оценкой – я бы распространил ее и на первый список, правда, с одной оговоркой: с точки зрения нашей культурно-инхронической интерпретации и гидрографической ситуации в регионе на роль горы Хары более всего может претендовать хребет Баба (см. Рис. 5.11).

Так что бактрийский *кави* Виштаспа из числа ранних *кави*, принявший к себе Заратуштру с его неординарным учением, был не царем, правителем Бактрии, а всего лишь полувождем-полукнязем одного из многочисленных бактрийских сообществ, которое обосновалось в некоем природном ландшафте (возможно, в том, где позже возникнет поселение, а затем и город Балх – будущая столица Бактрийского царства в эпоху поздних *кави*), в социально политическом плане представлявшим собой то ли уже ном, то ли

^[16] И. М. Дьяконов “Восточный Иран до Кира...”, стр. 136-137.

^[17] Там же, ком. 60 на стр. 152.

еще протоном – сказать что-либо более определенное не представляется возможным.

Зороастризм постепенно распространился далеко за пределы данного региона – вначале в Западном Иране, а в ахеменидское время и во многих регионах Передней Азии. Не говоря уж о его возможном последующем распространении по следам маздеизма далеко на восток почти до границ Китая^[18]... Разумеется, зороастризм варьировался, иногда существенно, в зависимости от конкретных культурно-исторических, инхронических и природно-климатических условий, в которых он оказывался. На западе Ирана и в Передней Азии это в основном непростое взаимодействие с периодически вторгавшимся из северных степей кочевыми киммерийско-скифскими ордами, которые порою разворачивали ход исторического процесса в прямо противоположную сторону. Причем разное по содержанию и интенсивности взаимодействие в разных регионах Западного Ирана, Месопотамии и Малой Азии, периодически и местами выливавшееся в союзнические отношения с кочевниками, но чаще в военное противодействие им, как в Средней Азии и Восточном Иране. Столь разное отношение к кочевникам на западе и на востоке, скорее всего, определялось чисто ландшафтными природными причинами, а именно – естественным барьером между степным Севером и оседлым Югом в виде двух морей (Черным и Каспийским) с труднопроходимым Кавказским хребтом между ними на западе, чего не было на востоке.

В результате у мидийских магов сложился некий свой вариант зороастризма, в то время как ахеменидские цари явно придерживались какой-то другой его разновидности, более близкой природному маздеизму персидского народа^[19]. Тем не менее, похоже, что общее дуалистическое ядро вкупе со свободой выбора человека между добром и злом в той или иной мере сохранялись во всех модификациях зороастризма.

К тому же зороастризм варьировался не только в пространстве, но и во времени, что само по себе вполне закономерно, если рассматривать только медленную эволюционную составляющую его развития, которая осуществлялась в Ахеменидской империи. В то же время имеются и другие – скачкообразные неэволюционные – примеры: скажем, когда произошел переход от вариантов ахеменидского зороастризма к эллинизированному зороастризму в эллинистических государствах Ближнего и Среднего Востока, появившихся вследствие походов Александра Македонского на восток, а затем и в сменившей их Парфянской державе; еще более яркий пример, когда сразу после окончательного выхода из осевой инхрозоны в 220-ых гг. н.э. Парфянское царство пало и ее место в Иране заняло государство персидской династии Сасанидов, и зороастрийская религия словно застыла в централизованном чрезмерно кодифицированном зороастризме Сасанидов – зороастризм приобретает более законченные совершенные с точки зрения организации церкви, ритуала, догматики и теологии формы^[20], многие из которых остаются актуальными практически до наших дней.

Признаком остановки развития зороастризма после выхода из осевой инхрозоны является также и углубление сасанидских жрецов в изучение научных знаний и прочих продуктов познавательной деятельности своих соседей:

^[18] Б. И. Кузнецов “Древний Иран и Тибет (История религии бон)”, СПб.: Издательство «Евразия», 1998.

^[19] М. А. Дандамаев, В. Г. Луконин “Культура и экономика древнего...”, стр. 305-331

^[20] М. Бойс “Зороастрийцы: Верования...”, стр. 153-210.

“Динкард отмечает огромный интерес царя к делам знания и веры, соединенный с приверженностью к религии «почитания Мазды». Соответствующий пассаж гласит: «Царь царей, Шапур, сын Ардашира, собрал затем те писания, не относящиеся к вере, которые были распространены в Индии, Византийской империи и в других странах и которые касались медицины, астрономии, движения, времени, пространства, субстанции, акциденции, становления, исчезновения, изменения качества, логики и прочих ремесел и умений. Все это он сличил с Авестой и повелел, чтобы со всех тех писаний, в которых нет порока, сняли копию для хранения в царской сокровищнице»... ...Пехлевийские компиляции и арабо-персидские сочинения свидетельствуют, что чужеземные учения действительно проникали в религиозные предания, так что древнее учение о семи творениях, например, иногда контаминировалось с теорией Эмпедокла о четырех элементах (земля, воздух, огонь и вода), а гиппократовские и индийские доктрины ассоциировались с традиционной иранской медициной. Подобные заимствования связаны с книгами, и зороастрийские жрецы все более и более привыкали к тому, чтобы объединять письменность с религиозной и научной деятельностью, а не считать ее пригодной лишь для практических целей, для которых она использовалась писцами на протяжении столетий”^[21]

Мало того, в сасанидское время наблюдается даже некоторый откат от последовательного безапелляционного дуализма, свойственного раннему среднеазиатскому зороастризму. Имеется в виду вероятный зурванизм Сасанидских царей (не исключено, что перенятый ими от последних Ахеменидов) и, похоже, части или даже всего жречества. Зурванизм – это разновидность зороастризма, в которой Ахура Мазда и Ангро Майнью объявляются братьями, сыновьями бога вечного времени и судьбы Зурвана^[22]. А это – уже первый шаг к их сближению... Некоторые исследователи даже считают, что именно зурванизм в значительной мере ослабил зороастризм в его дальнейших столкновениях с христианством и исламом^[23]. И тем не менее с некоторыми мыслями об успешном противостоянии зороастризма (не исключено, что совместно с зурванизмом) распространению христианства в Иране можно познакомиться в шестом этюде.

Если все-таки принять за дату жизни и деятельности Заратустры первую половину X в. до н.э., как это предложено выше, а тем более XII-IX вв. до н.э., как предлагают многие другие датировки, отличающиеся от традиционной (VIII/VII-VI вв. до н.э.), – да пусть даже и традиционная! – то зороастризм оказывается самой первой неязыческой религией, еще и в том смысле, что своим прозелитизмом практически мало чем отличался от более поздних главных мировых религий: христианства, буддизма Махаяны и ислама, несколько уступая им лишь в эмоциональной прозрачности, близости народным массам и в многообразии различных направлений, движений, школ, ветвей...

В этом своем качестве, учитывая еще и хронологический приоритет, зороастризм просто не мог не оказать сильнейшего культурного влияния на окружающие религии и культуры, особенно когда в середине VI в. до н.э. возникла персидская империя царей из династии Ахеменидов, на пике своего могущества раскинувшаяся от Фракии в Европе до Северо-Западной Индии и от Средней Азии до Египта, в которой зороастризм стал официальной религией Ахеменидских царей, которые при всем при том целенаправленно проводили политику религиозной и вообще культурной терпимости, ни в коей мере не препятствуя отправлению самых разных культов на территории своей огромной державы.

^[21] Там же, стр. 165-166.

^[22] Там же, стр. 107-110, 164-165, 175-180.

^[23] Там же, стр. 109-110.

Такое сочетание прозелитического зороастризма с принципиальной терпимостью персидских властей, создавало самые благоприятные условия не только для прямого распространения зороастризма в державе Ахеменидов, но еще больше для неявного проникновения его экзистенциальных корней в соседние культуры, поначалу вызывая лишь скрытые метаморфозы в них, которые в середине VI вв. до н.э. обернулись синхронным культурным взрывом (иначе не скажешь) не только в некоторых регионах самой Ахеменидской империи, но и в ряде соседствующих с ней стран, а в некоторых случаях так и в довольно отдаленных странах (Китай).

В сер. XX в. немецкий философ Карл Ясперс для объяснения данного культурного синхронизма выдвинул концепцию так называемого “осевого времени”^[24], суть которой заключалась в следующем:

“Эту ось мировой истории следует отнести, по-видимому, ко времени около 500 лет до н. э., к тому духовному процессу, который шел между 800 и 200 гг. до н. э.

...

В это время происходит много необычайного. В Китае жили тогда Конфуций и Лао-цзы, возникли все направления китайской философии, мыслили Мо-цзы, Чжуан-цзы, Ле-цзы и бесчисленное множество других. В Индии возникли Упанишады, жил Будда; в философии – в Индии, как и в Китае, – были рассмотрены все возможности философского постижения действительности, вплоть до скептицизма, до материализма, софистики и нигилизма; в Иране Заратустра учил о мире, где идет борьба добра со злом; в Палестине выступали пророки – Илия, Исая, Иеремия и Второисайя; в Греции – это время Гомера, философов Парменида, Гераклита, Платона, трагиков, Фукидида и Архимеда. Все то, что связано с этими именами, возникло почти одновременно в течение немногих столетий в Китае, Индии и на Западе независимо друг от друга.

Новое, возникшее в эту эпоху в трех упомянутых культурах, сводится к тому, что человек осознает бытие в целом, самого себя и свои границы. Перед ним открывается ужас мира и собственная беспомощность. Стоя над пропастью, он ставит радикальные вопросы, требует освобождения и спасения. Осознавая свои границы, он ставит перед собой высшие цели, познает абсолютность в глубинах самосознания и в ясности трансцендентного мира.

Все это происходило посредством рефлексии. Сознание осознавало сознание, мышление делало своим объектом мышление. Началась духовная борьба, в ходе которой каждый пытался убедить другого, сообщая ему свои идеи, обоснования, свой опыт. Испытывались самые противоречивые возможности. Дискуссии, образование различных партий, расщепление духовной сферы, которая и в противоречивости своих частей сохраняла их взаимообусловленность, — все это породило беспокойство и движение, граничащее с духовным хаосом.

В эту эпоху были разработаны основные категории, которыми мы мыслим по сей день, заложены основы мировых религий, и сегодня определяющих жизнь людей. Во всех направлениях совершался переход к универсальности”^[25]

В концепции К. Ясперса, изложенной выше, наблюдается один любопытный момент – включив в феномен осевого времени Иран с дуалистической идеологией Заратустры, далее он почему-то в основном рассматривает только три культурных региона: Индию, Китай и Запад, в который, надо полагать, включены и греко-римский регион, и Ближний Восток, и Иран со Средней Азией. Не совсем понятно, почему он не отделяет европейскую греко-римскую цивилизацию от самой древней переднеазиатской цивилизации, но очевидно, что Ясперс не выделяет и среднеазиатско-иранскую цивилизацию в самостоятельное цивилизационное образование, вероятно, счи-

^[24] К. Ясперс “Смысл и назначение истории”, М.: Политиздат, 1991, стр. 28-286 (его книга “Истоки истории и ее цель”, пер. с немецкого, сделанный М. И. Левиной в 1978 г. по изданию К. Jaspers “Vom Ursprung und Ziel der Geschichte”, Zurich, 1949).

^[25] Там же, стр. 32-33.

тая ее лишь отдельным культурным ответвлением переднеазиатской цивилизации. Скорее всего, это связано с тем, что феномен зороастризма рассматривается им только в хронологических рамках, максимально близких времени существования Ахеменидской державы.

И тогда, похоже, что такое цивилизационное членение вызвано неоднозначностью самой хронологической позиции времени жизни Заратустры, за которую, судя по всему, Ясперс принимает традиционную датировку, попадающей по совокупности ее “вычислительных” версий в интервал 630-541 гг. до н.э.^[26], т.е. почти в самую середину осевого времени. Если же рассматривать нетрадиционные датировки времени жизни Заратустры в периоде XII-IX вв. до н.э., который включает и наш вариант в первой половине X вв. до н.э., то время жизни и проповеди Заратустры даже не пересекается с “осевым” интервалом, предложенным Ясперсом – 800-200 гг. до н.э.

Немного отвлечемся. Когда я называл осевую инхронику осевой, я уже знал, что ее инхрозона завершается появлением и становлением ВШП, и, следовательно, она включает в себя “осевое время” Ясперса – отчего и было использовано такое несколько странное название. Однако тогда я мало что знал о постосевой инхронике – одни лишь смутные очертания, мысли и предварительные варианты, от многих из которых с развитием более детальных представлений об осевых и постосевых процессах, явлениях и событиях пришлось отказаться. Поэтому появившиеся в конце II - начале I тыс. до н.э. новые цивилизации или фазы уже существующих цивилизаций, такие как европейская греко-римская, индийская индуистская и среднеазиатско-иранская, относить к осевыми цивилизациями не совсем корректно. Правильнее было бы – осевые-постосевые цивилизации, поскольку все они зародились в периоде пересечения осевой и постосевой инхрозон (кстати, различном в разных обществах, в зависимости от темпов распространения постосевой инхроники по планете), а значит, были продуктом воздействия на общества сразу двух этих инхроник. Плюс аридная инхроника, конечно же, до ~1000 г. до н.э. завершения ее инхрозоны, однако цивилизирующее воздействие аридной инхроники в этом периоде было уже не настолько сильным для того, чтобы планомерно учитывать его вклад в развитие культур и цивилизаций на данном отрезке времени начала постосевого периода – разве что в крайне редких случаях, непосредственно связанных с завершением аридной инхрозоны.

Но это так – к слову. Пока что к слову...

Вторым китом, на которых покоилась концепция Ясперса, было утверждение о появлении в осевое время (в понимании Ясперса – в 800-200 гг. до н.э.) так называемого рефлексующего сознания, когда “мышление делало своим объектом мышление”. Таким образом, по Ясперсу в этом периоде появляются зачатки философского мышления, с помощью которого постигаются уже не только причинно-следственные связи объектов внешнего мира, но и процессы и закономерности самого этого постижения. При этом рефлексующему сознанию противопоставляется мифологическое сознание предшествующих нерелекссионных эпох, в русле которого, надо полагать, даже в осевое время продолжала оставаться существенная часть человечества.

Хотя, наверное, правильнее было бы говорить: мифологическая психика и рефлексующая психика, поскольку в процессе отражения внешнего мира и осмысления внутреннего активно принимали участие обе сферы

^[26] М. А. Дандамаев, В. Г. Луконин “Культура и экономика древнего...”, стр. 307.

психики – как сознание, так и подсознание. К тому же роль подсознания в данном случае была намного более важной и значимой, чем сознания, я даже сказал бы, определяющей и решающей, даже в рефлексирующей психике.

Здесь, наверное, следует дать кое-какие разъяснения насчет того, как рефлексирующее и мифологическое сознания по Ясперсу (в нашем понимании – психики в целом) соотносятся с концепцией первобытной символической психики, теме которой мы коснулись в третьем этюде Хронографии №1.

Как помним, символическая психика, отличная от прежней гоминидной психики гейдельбергского человека и неандертальцев, зародилась вместе с Разумом человека (собственно говоря, разум – это, скорее всего, и есть символическая психика, во всяком случае, в большей своей части сводится к ней) спустя какое-то весьма немалое время после появления примерно 200 тыс. лет назад анатомически современных людей и прошла достаточно длинный путь становления и развития в течение десятков тысяч лет, чтобы окончательно сформироваться и начать явно проявляться в некоторых археологических артефактах в периоде 130/120 – 100 тыс. лет назад.

На страницах данного исследования предполагается, что символическая психика отражает внешний объективный мир тем, что реалии внешнего мира представлены в психике некими внутрипсихическими объектами, часть которых выполняет функцию символов, другие – знаков. Если в общем смысле “соединение конкретного предмета со смыслом совсем другого предмета, вещи и являет собой символ или знак”^[27], то в настоящем этюде случаи, когда в качестве обозначающей части знака или символа выступает “предмет или вещь” или вообще некая реальность внешнего мира, чему в основном и посвящена наука семиотика, нас вообще занимать не будут, поскольку они скорее относятся к символическому поведению, которое есть лишь проявленная вовне функция символической психики. Тем не менее от наработок, наблюдений и обобщений, во множестве сделанных семиотиками и философами для внешних обозначателей, оттолкнувшись мы попробуем, но только перенося эти наработки на уровень отражающих внешние реалии в психике внутренних психических объектов, также понимаемых как обозначающее символов и знаков. Теме же собственно символического поведения (погребения, бусы и другие личные украшения, раскраска тела...) на самых ранних этапах зарождения первобытной символической психики как раз и была посвящена значительная часть третьего этюда Хронографии №1.

Не исключено, что знаковая часть психики досталась нам в наследство еще от прежней гоминидной психики, которая, по всей видимости, не делилась на сознание и подсознание, и в ней знаковый *внутренний психический* объект (обозначающее) одним своим существованием просто прямо и непосредственно указывал на некую реальность внешнего мира (или на другой внутренний психический объект) – был связан с ней, представлял ее в психике и тем самым как бы обозначал ее в психике.

С символами же все обстоит многократно сложнее...

Поэтому пройдемся длинной чередой недлинных цитат по той же философско-семиотической работе, на которую сослались чуть выше, и в которой кратко, сжато и достаточно емко, без неумеренного применения специфической семиотической терминологии, по сути излагается сущностное ядро символической психики (в том числе и в плане различия и сходства

^[27] Н. В. Кулагина “Символ и символическое сознание”, Культурно-историческая психология, № 1, 2006, стр. 3–10, на стр. 4.

знака и символа), правда, продолжая и здесь называть психику сознанием, и делая упор на исключительно предметно-вещном характере обозначающего:

“Знак, обозначая что-то, указывает на определенные стороны вещи, извлекая их из всего целого смыслов или значений. Символ же втягивает в себя все мыслимые множества смыслов вещи. Он оказывается как бы центром всех смыслов, откуда может происходить их постепенное разворачивание...”

...По мысли А.Ф. Лосева, символ есть та обобщенная смысловая мощь предмета, которая, разлагаясь в бесконечный ряд, придает смысл и всей бесконечности частных предметов, смыслом которых она является, «но символ не просто обозначает бесконечное количество индивидуальностей, но он также есть и закон их возникновения» [Лосев А.Ф. Проблема символа и реалистическое искусство. М., 1976, с. 134].

Для знака полисемия есть скорее бессодержательная помеха, вредящая его рациональному функционированию в однозначном контексте. Символ же тем содержательнее, чем он более неоднозначен. Многозначность символа является одновременно его многоплановостью. Символ способен функционировать не на одном, а на всех уровнях реальности [в том числе и психической – А.З.]. При этом основной смысл приобретают различные частные аспекты значений...

...Парадигма многоуровневости, или полионтичности, бытия принимает актуальное современное звучание, трансформируясь в идею виртуальных реальностей.

Когда мы говорим о символе, то мы допускаем его проникновение на все уровни реальности. Он может относиться к «космическому процессу, к социальной или религиозной деятельности, к драме сознания, к личному кризису или к органической функции человеческого тела» [*и инхроническое будущее как нельзя лучше вписывается в данный ряд – А.З.*] [Бескова И.А. Проблема соотношения ментальности и культуры // Когнитивная эволюция творчества. М., 1995. с. 216]. В разных сферах один и тот же символ приобретает разное значение...

...Символ же в одной и той же фигуре может быть и скрытым, и явным. Его понимание зависит от усилий сознания (работающего с символом), позволяющих субъекту этого сознания проникнуть в те сферы бытия, которые данным символом обозначаются. И так как *полное понимание символа нашим сознанием невозможно [курсив мой – А.З.]*, то некоторая доля непрозрачности для осознания символов является условием актуального духовно-практического освоения действительности, связанного с работой с символом...

...Одной из важнейших отличительных особенностей символа является то, что содержанием, смыслом символа в конечном итоге всегда выступают сущности более высокого порядка, чем содержание знака. Абстрактные идеи и понятия, универсальные принципы и закономерности, ценности и смыслы – те невидимые духовные реалии, все то, что не поддается нашему воображению, является неуловимым, невыразимым для нас само по себе, – сознательно символизируются. Символ – средство сделать какие-то незнанные вещи приемлемыми для нашего сознания. Новое, неизвестное постигается через известное (так происходит в архаическом символизме); невидимое постигается через видимое (так происходит в средневековом и любом религиозном символизме). Единственным способом «схватить», уловить, т. е. осознать это незнание, оказывается его закрепление в виде вещного субстрата – символа [*а разве музыка, например, гимн государства, один из его основных символов – это тоже вещь? – А.З.*]...

...Еще одно различие между знаком и символом сопряжено с экзистенциально-ценностной сущностью символа. Знаки могут быть познаны чисто объективным образом, рационально, в порядке знания [*т.е. на уровне, доставшимся нам в наследство от гоминидной психики – А.З.*], а символы не представляют собой элементов рационального мышления, поскольку выходят за пределы этого мышления и могут быть только поняты, т. е. включены в целостность индивидуального или коллективного опыта. Символы – это определенные способы осознания, закрепления и трансляции экзистенциальных фактов и ситуаций, имеющих характер духовно-практического освоения и являющихся существенными компонентами эмоционально окрашенного коллективного или личного опыта...

...Символы всегда глубоко эмоциональны, способны возбудить определенное психологическое состояние, с которым и должны быть отождествлены. Эмоциональная насыщенность символа является его особенностью, поскольку он детище не «голового инстинкта и не сухого разума, но могучего духовно-психологического переживания, переживания обязательно коллективного... Сотни тысяч лет люди не сочиняли, а проживали символику, вживаясь в нее сообща, всем родом, племенем, народом. Оттого символика не нуждается в том, чтобы ее санкционировало индивидуальное сознание: она сама захватывает его империативно, ибо надындивидуальна» [Новикова М. Символы // Новый мир. 1995. №2, с. 203].

...Символ и знак, как два важнейших способа репрезентации смысла, определяют два типа функционирования сознания, работы с сознанием, а значит, и два типа регулирующей роли сознания в поведении и деятельности людей. Каждый из этих типов сознания составляет последовательно две фазы процесса становления личности в культуре – начальную, восходящую к архаическим слоям культуры, связанным с символом как средством смыслоориентации человека в мире, и более позднюю – знаково опосредованную, связанную с освоением научного знания и формированием научной картины мира [*что в принципе гораздо ближе к гоминидной психике, чем к символической человеческой – налицо некоторая вполне определенная деградация в познавательной деятельности человека – А.3.*].

...Символическое сознание – наиболее ранняя и исторически, и онтогенетически форма сознания, связанная с еще не обособившимся от реальности сопричастными ей действиями и переживаниями человека. В настоящее время значимость символа в ранних формах человеческой культуры достаточно убедительно раскрыта в ряде философских и историко-культурных исследований...

...Символы представляют собой итог «определенного способа осознания родом человеческим деятельностей и событий, которые входят в его опыт в течение эпох» [Радьяр Д. Планетаризация сознания. М., 1995, с. 216]. Поэтому символы сохраняются во все времена, у всех народов, являя собой структуры человеческого символического сознания, вошедшие в коренные, глобальные элементы общечеловеческого опыта. По мысли И.А. Бесковой, «несмотря на то что эти мыслительные структуры возникают на ранних этапах эволюции ментальности, они не только не исчезают и не замещаются современными средствами восприятия и переработки информации, но и по сей день представляют собой важнейшую составную часть психики человека» [Бескова И.А. Проблема соотношения ментальности и культуры // Когнитивная эволюция творчества. М., 1995, с. 98].

На протяжении веков в сознании человека символические структуры являются активными. Символическое сознание размывает границу между архаическим и современным сознанием [*скорее уж, между гоминидной (она же рефлексивная научная) и человеческой (она же мифологическая символическая) психиками, но см. ниже – А.3.*], устанавливая тем самым некую связь времен в истории культуры. Длительность символической эпохи мировосприятия определила то, что «она вошла не просто в менталитет – в подсознание человека, в его генофонд, и таким образом, по сути, она и не кончалась – она продолжается и поныне и будет жить, пока жив человек» [Новикова М. Символы // Новый мир. 1995. №2., с. 203]...»^[28]

Такое символическое “сознание” в его архаических формах Ясперс, по всей видимости, и поименовал мифологическим сознанием, когда... нет, не сознание, а психика в целом, оперирует не только конкретным обозначаемыми символами, но и всей туманной многоплановой и многозначной чрезвычайно важной для деятельности как людей, так и общества, информацией (обозначаемым) скрытой в глубинах подсознания, как айсберг, у которого на поверхности воды торчит лишь его верхушка, и единственное, что понимается сознанием, зачастую только на эмоциональном уровне, – это чрезвычайная важность данной скрытой в подсознании информации, что и придает обозначаемому символам способность с чрезвычайной – нуминозной – силой воздействовать на сознание, при том что о самой скрытой информации сознанию почти ничего не известно. И в этом нет ничего удивительного – люди всегда, с момента зарождения разума, более всего боялись неизвестного и непонятного...

В результате такого символического устройства психики, в неустанных попытках хоть как-то, пусть на уровне одних лишь эмоций, понять непостижимое, объявить неизвестное уже известным, в культурах раз за разом появлялись разнообразные символические синтезы животных и людей, порожденные неумеренным воображением в страхе перед неизвестностью, стоящей за обозначаемыми символами, которые генерировались и, соответственно, воспринимались сознанием: кентавры и минотавры, сфинксы и мантикопы, русалки, наги, грифоны, различные драконы, крылатые быки и прочая

^[28] Там же, стр. 4-7.

“нечисть”, правда, не всегда с отрицательной коннотацией – например, пегас, – но часто. А вместе с ними или еще до них или вообще без них появлялись и первые представления о духах, демонах и богах, и следом – развитые мифологии и религиозные системы со сложной обрядностью и ритуалами цивилизованных и не очень народов... Кое-что из перечисленного наблюдается уже в архитектурных решениях и барельефах храмового комплекса Гёбекли Тепе в Восточной Анатолии, возведенного одиннадцать с половиной тысяч лет назад (см. шестой этюд Хронографии №2).

Но вот в начале осевого времени по Ясперсу что-то происходит, и сознание (действительно, сознание – со всех точек зрения, как особая более рациональная, более знаковая часть психики) получает возможность доступа не только к обозначающему, как это было в мифологической психике, но и к обозначаемой информации сложных составных символов подсознания или, иначе говоря, символьных комплексов (наверное и все-таки, некоторых из них, и уж точно не ко всей обозначаемой информации этих некоторых). Подобное устройство психики Ясперс назвал рефлексирующим сознанием в своем понимании: “Сознание осознавало сознание, мышление делало своим объектом мышление”.

И, наконец, еще одним китом осевой концепции Ясперса была глобальность наблюдавшегося в осевое время около середины I тыс. до н.э. (правда, с довольно-таки большим разбросом вокруг этой середины) культурного синхронизма в самых разных уголках Евразии. Для инхронического подхода это само собой разумеющееся положение, поэтому обсуждать его здесь не имеет смысла – все необходимые глобальные смыслы будут выявляться по мере построения нашей всемирно-инхронической модели данного культурного феномена.

А вот относительно хронологии осевого времени Ясперса следует сразу сделать пару замечаний. Но и здесь прежде отметим период пересечения постосевой инхрозоны с последней частью осевой инхрозоны, которая и сама-то появилась в результате прохождения постосевого инхроимпульса, отодвинувшего конец осевой инхрозоны на тысячелетие или около того – с ~1000 г. до н.э. на ~220 г. н.э. В принципе этот интервал (~1000 г. до н.э. – ~220 г. н.э.) можно разделить на два разных периода: 1) ~1000 г. до н.э. – ~120 г. до н.э. – удлинение осевой инхрозоны в результате прохождения постосевого инхроимпульса в ~1600 г. до н.э., который так и назовем удлинением осевой инхрозоны или кратко УОИ; и 2) завершение осевой инхрозоны с ~120 г. до н.э. по ~220 г. н.э., который, соответственно, будет называться завершением осевой инхрозоны, сокращенно – ЗОИ.

И только теперь, после введения необходимой осевой хронологической терминологии, можно, наконец, приступить и к самим замечаниям по хронологии осевого времени по Ясперсу.

Во-первых, нижнюю дату начало осевого времени, наверное, все-таки следует отодвинуть с 800 г. до н.э. до наиболее вероятного времени деятельности Заратустры в первой половине X в. до н.э., а если в годах, то до ~1000 г. до н.э. начала УОИ.

Во-вторых, верхняя дата Ясперса 200 г. до н.э. самым удивительным образом близка главному событию-источнику осевой инхрозоны после ее удлинения в связи с прохождением постосевого инхроимпульса в ~1600 г. до н.э., а именно – возникновению ВШП в ~120 г. до н.э.^[29] В принципе осе-

^[29] Когда с возвращением в 126-125 гг. до н.э. китайского посла Чжан Цяня из Средней Азии в Ханьскую империю там впервые узнали о среднеазиатских странах и народах, и в 115-114 гг. до н.э. были завязаны непосредственные торговые отношения с Бактрией, а по-

вое событие-источник было протяженным во времени в интервале ЗОИ событием, в течение которого шло становление главных и зарождение второстепенных торговых путей ВШП, а также самые разные их скрещения, переплетения, колебания товарооборотов и т.д. и т.п. Конечно, и позже некоторые из этих путей все еще продолжали изменяться, и даже возникали новые, а часть прежних исчезала, но львиная доля торговых путей окончательно установилась в период ЗОИ^[30]. Поэтому кажется приемлемым и более осмысленным за дату окончания осевого времени Ясперса принять дату конца УОИ и начала ЗОИ ~120 г. до н.э., достаточно близкую его дате 200 г. до н.э.

Таким образом, хронологические рамки осевого времени в понимании Ясперса с инхронических позиций могут быть очерчены интервалом ~1000 – ~120 г. до н.э., а далее до ~220 г. н.э. шло медленное затухание рефлексующей психики в такт со стабилизацией торговых путей ВШП и постепенным спадом осевой инхроэнергетики вплоть до нуля.

И что же такое могло произойти в осевое время Ясперса, что при каких-то условиях позволило сознанию несколько прояснить внутреннее содержание (смысл, обозначаемое) некоторых символьных комплексов подсознания? Ведь именно так в символьной терминологии следует понимать рефлексующее сознание (психику) по Ясперсу и его сентенцию “мышление делало своим объектом мышление”. Будем разбираться, и начнем с совсем другого конца...

Заметим сразу, что рефлексующая психика не могла быть функцией одной лишь постосевой инхроники, поскольку их хронологические рамки не совпадают.

Зато самым удивительным образом эти рамки совпадают с периодом УОИ – той последней части осевой инхрозоны, пересекающейся с постосевой инхрозоной, которая возникла исключительно благодаря прохождению постосевого инхроимпульса. То есть рефлексующая психика существовала только во времена, когда многие социумы Старого Света развивались под действием двух близкородственных инхроник: осевой и постосевой. Более того, в это время постосевые ответы широко использовали осевые ответы, как некий ресурс, для своего утверждения и первичного становления, когда отрезки переплетения воднотранспортных путей далекого постосевого будущего с трассами ВШП гораздо более близкого будущего становились центрами ускоренного цивилизационного развития человечества. В результате близость и различия осевой и постосевой инхроник, гармония их сочетания в период УОИ, делало инхроническую составляющую общества более разносторонней, многоликой, сохраняя при этом единство и цельность совокупного многогранного инхронического будущего – и дальнего, и близкого. Что в свою очередь выливалось в рост культурного и цивилизационного разнообразия планеты. Суммируя все это и еще кое-какие другие наши положения можно прийти к выводу, что всплеску рефлексующей психики в I тыс. до н.э. способствовало три фактора:

том и с другими среднеазиатскими государствами (С. Л. Утченко (ред.) “Всемирная история”, Том II, М.: Государственное издательство политической литературы, 1956, стр. 505-507. См. еще и в И. П. Магидович, В. И. Магидович “Очерки истории географических открытий”, Т. 1, М.: Просвещение, 1982, стр. 138-140 и в Е. С. Докашева “Великий шелковый путь. Полная история“, «Издательство АСТ», 2020, стр. 36-38).

^[30] Это всего лишь конструктивная гипотеза – должен признаться, что данный вывод базируется не на основе самого изменения маршрутов торговых путей и их товарооборотов, а на культурно-исторических реакциях социумов вдоль ВШП в периоде ЗОИ, которые будут описаны далее в настоящем и следующем этюдах.

Первый фактор, заключается в том, что по мере приближения к концу осевой инхрозоны спадала и осевая инхроэнергетика и, соответственно, связанная с ней сила воздействия подсознательных осевых символов на сознание, особенно в тех социумах, которые достаточно успешно реализовывали свои осевые ответы, что наглядно отобразилось в избирательной географии проявлений рефлексирующей психики. Если более развернуто, то при приближении к окончанию осевой инхрозоны что-то из того осевого инхронического, что было скрыто от сознания в подсознании, становилось более или менее понятным сознанию, по той простой причине, что успешно реализуемые осевые ответы выводили на поверхность и делали зримыми и явными во внешнем объективном мире до того скрытые в подсознании намерения и планы по реализации этих ответов. Простой пример: возникновение в сер. I тыс. до н.э., точнее, в хронологическом медианном интервале синхронных проявлений рефлексирующей психики в 600-400 гг. до н.э., огромной империи персидских Ахеменидов, расширившейся во второй половине VI в. до н.э. вдоль всей срединной части будущего ВШП, тем самым частично уже становящегося настоящим, зримо во внешнем мире показывало населению не только срединной ближневосточно-ирано-среднеазиатской его части, но и западно-средиземноморской (здесь, правда, не столь ощутимо, и на то были свои причины – об этом ниже), и центрально-азиатской и восточно-азиатской частям ВШП, вполне воспринимаемую и достаточно понимаемую сознанием картину их ближайшего *осевого* будущего как частей единого глобального планетарного торгового пути.

По аналогии можно было бы ожидать, что такая же инхropsychическая механика должна была бы запускаться каждый раз на любом стыке двух инхрозон при приближении к концу той из них, которая предшествовала своей напарнице. И тогда, должны были бы наблюдаться хоть какие-то следы рефлексирующей психики еще в тех давних временах. Возможно, мы их и видим в столь масштабных инновационных явлениях, как мадленское палеолитическое искусство и зарождение производящего хозяйства (земледелие и животноводство с скотоводством) на стыке палеолитической и неолитической инхрозон, появление медно-бронзовой металлургии и ирригации на стыке неолитической и аридной инхрозон, рождение цивилизации и государственности на стыке аридной и осевой инхрозон...

В любом случае, похоже на то, что одного лишь проникновения сознания к означаемым символов ближайшего инхронического будущего (в осевое будущее в пределах стыка осевой и постосевой инхрозон) недостаточно для возникновения рефлексирующей психики, т.е. того, что обнаружилось себя в I тыс. до н.э., – требуется еще что-то. И вот именно это “что-то” как раз и является вторым причинным фактором зарождения психической рефлексии, к которому мы незамедлительно переходим.

Вторым фактором выступала та самая близость и согласованность гармоничного взаимодействия осевой и постосевой инхроник, о которой говорилось выше. Результатом же столь тесного комплементарного взаимодействия двух инхроник стал эффект “сопряженной прозрачности” (ежели можно так выразиться) для постосевой инхронической информации в психике, когда, по мере падения осевой инхроэнергетики в конце осевой инхрозоны в связи с успешной реализацией осевых ответов, сознание получало частичный доступ к *осевому* означаемому и одновременно, пусть и в гораздо меньшей степени, но проясняя еще и некоторые частные моменты означае-

мых *постосевых* символов, благодаря схожести осевой и постосевой инхроник и существованию у них некоторых общих или просто схожих символических комплексов в подсознании, позволяющих нам называть такие инхроники и их инхрозоны родственными друг другу.

К слову сказать, в любых двух инхрознах, тем более следующих друг за другом, всегда можно отыскать более или менее близкородственные моменты между обеими инхрониками – дело лишь в их количестве и уровне близости... И при большом количестве подобных близких символических комплексов и/или очень большой схожести этой пусть и невеликой по объему архетипики разных инхроник как раз и наблюдается эффект “сопряженной прозрачности”, который ввне выглядит, как нарастание масштабных рефлексивных явлений в культуре социума.

Это как при расшифровке древней билингвы – одного и того же текста на двух разных языках, один из которых известен исследователю, – когда на основе слов известного языка восстанавливается значение слов неизвестного, в результате чего историки получают возможность переводить и другие тексты с этого неизвестного до того языка. Весь постосевой подсознательный “текст”, разумеется, не “расшифровывался” – данный пример всего лишь далекая аналогия тому, что происходило в символической психике периода УОИ, к тому же происходило самопроизвольно, само собой, как природный процесс – никакой целенаправленности или целеполагания. И тем не менее кое-какие крайне малочисленные фрагменты очень дальнего постосевого инхронического будущего становились чуть более понятными знаковому сознанию. И этого “чуть”, но применимого к событиям или идеям столь дальнего двух-трех тысячелетнего будущего, с лихвой хватало для зарождения рефлексивного мышления по Ясперсу – интенсивно рефлексивной психики, – поскольку постосевая подсознательная информация, до того совершенно неизвестная сознанию, по мере приближения к концу осевой инхрозоны, можно сказать, прямо на глазах вдруг приобретала несколько более осознанный знаковый смысл.

Масштабность появляющихся рефлексивных явлений дает нам право предположить, что процессы рефлексии в одном и том же обществе охватывали психики почти всех его членов. Однако... Как такое могло случиться? Что и известного своей ученостью ума и целиком и полностью поглощенного нелегким физическим трудом земледельца? А кто сказал, что и ученый ум и крестьянин будут рефлексировать по поводу одних и тех же событий, фактов, открытий и прочих коллизий далекого будущего? Что, скажем, математик и плотник откликаются на одно и то же, причем всегда? Все зависит от востребованности данной конкретной будущей информации психикой данного конкретного члена общества в данный момент времени. Да, весь объем рефлексивной информации в итоге все-таки проходит к населению, но в виде знаковых представлений *разных* подсознательных символов в каждом его сообществе, а порой разных даже у отдельных членов одного и того же сообщества, или даже безотносительно к принадлежности какому-либо сообществу. То есть на практике эти вдруг проникшие в сознание знания понимаются и далее осваиваются очень избирательно – тут в дело уже вступают такие характеристики, как круг интересов и багаж уже имеющихся, а главное, применяемых на практике, знаний, т.е. то, что принято называть опытом. И математиком осваиваются одни сложные постосевые символы, а плотником или крестьянином – свои совершенно другие. И не факт, далеко не факт, что символы, поникшие к математике, будут сложнее крестьянских или плотничьих символов – это только в знаковом пред-

ставлении сознания они так могут выглядеть, что в свою очередь, скорее, свидетельствует о большей неточности (в результате большего упрощения, огрубления, редукции...) в преобразовании (“расшифровке”) подсознательных символов в знаковую форму сознания в психике математика, и не более того.

Кроме всего прочего, процесс рефлексивной “расшифровки” непременно должен был сопровождаться еще и связанным именно с ним падением постосевой инхроэнергетики, так как архетипическая подсознательная постосевая информация по мере ее осознания (т.е. попадания в сознание) в значительной степени утрачивает силу своего нуминозного воздействия на сознание. Причем совсем необязательно, чтобы процесс осознания постосевой символической информации подсознания и потеря нуминозной силы воздействия этих символов на сознание происходили полностью параллельно, синхронно и одновременно, поскольку процессы обработки информации в сфере сознания и подсознания, особенно, глубинного архетипического подсознания, могут (или даже должны) весьма существенно отличаться по скорости, причем подсознательные процессы в большинстве своем медленнее сознательных, за исключением разве что инстинктивных машинальных реакций (рефлексов), которые нас здесь никоим образом не должны интересовать. А следовательно необязательным является и эффект, когда частичное осознание некоторых постосевых символов ведет к *немедленному* падению постосевой инхроэнергетики в обществе. Но в общем и целом, в самом общем случае – да, рано или поздно после осознания, пусть даже частичного, членами общества некоторых постосевых содержимых подсознания уровень постосевой инхроэнергетики данного социума будет падать, иногда довольно серьезно, и в конце концов, а в случае интенсивной рефлексии задолго до выхода из постосевой инхрозоны, будет падать и темп реализации постосевых ответов социума.

И третий фактор. Почему во всех перечисленных Ясперсом регионах появления рефлексивной психики переход от мифологической психики происходил именно в сторону большей философичности мышления, т.е. почему мышление становилось более логичным и последовательным, более развернутым? Да, в сознание начали проникать до того неосознанные постосевые символы, но кто сказал, что во всех подобных случаях они обязаны были принимать столь явные дискурсивно-логические, во многих случаях чуть ли не наукообразные формы?

На этот вопрос ни Ясперс, ни его предшественники и последователи в экзистенциализме так и не нашел внятного вразумительного ответа. Мы же попробуем... – инхронический подход как бы подразумевает наглость подобного рода, разумеется, в хорошем смысле этого слова сродни куражу.

Но, как ни странно, ни натиска, ни штурма какого-то особого не понадобилось – ответ лежит на поверхности. Ведь только в постосевой инхрозоне процесс научно-технического развития (научно-технический прогресс – НТП) впервые стал ведущим потоком. Нет, конечно же, НТП и ранее имел место (от земледелия и скотоводства до ирригации и металлургии бронзы с множеством других менее масштабных изобретений и новаций), но всегда как часть какого-нибудь ответа на соответствующую эпохальную инхронику. И только в постосевой инхрозоне НТП сам становится наиболее глубинным определяющим все и вся ведущим потоком, а поверхностные ведущие потоки, от событий-источников которых, как правило, и приходят инхроимпульсы, такие как металлургия железа, судостроение и судовождение, были

всего лишь одними из многочисленных составляющих более общего НТП. И сей момент просто не мог не вызвать сдвиг психики в направлении, более всего соответствующему этому сложному все ускоряющемуся и усложняющемуся спонтанному процессу познания мира и его переустройства.

Хотя с переустройством мы слегка поторопились и преувеличили – ведь чуть выше было сказано, что по мере интенсификации рефлексирующего познания мира в постосевых обществах в общем и целом спадала постосевая инхроэнергетика, потребная для реализации постосевых же ответов, которые в ту эпоху в основном и были ответственны за перестройку мира. И далее мы еще увидим, что данный принципиальный конфликт между гносеологическим и онтологическим аспектами мира, между его познанием и его экзистенцией, рано или поздно заводит развитие любого общества вместе с большинством его членов в глубочайший тупик, причем как в плане познания мира, так и его творения. В тупик псевдонаучной схоластики и полнейшей бездуховности, из которого существовал лишь один, но неизбежный спасительный выход – неотвратимое завершение осевой инхрозоны (или ее хронологического временного аналога в другие эпохи), а вместе с ним, исчезновение рефлексирующего мышления и возврат к мифологическому устройству психики с его много большей опорой на размытые и в то же время сложные всеохватывающие смыслы подсознательных символов (даже если они уже весьма серьезно погашены рефлексией), чем на точных, но существенно ограниченных этой же точностью, редуцированных смыслах знакового сознания.

И еще немного о географии и хронологии проявлений рефлексии и о некоторых других сопутствующих ей явлений.

Большая часть приведенных Ясперсом культурных синхронизмов наиболее ярких проявлений рефлексирующей психики (см. начало цитаты, помеченной ком. [25]) и многие другие, также иллюстрирующие синхронистический осевой феномен, правда, все в тех же регионах, по датам сосредоточены в узкой полосе вблизи середины I тыс. до н.э., примерно в интервале 600-400 гг. до н.э., может, чуть шире. Как видим, приведенное нами время жизни Заратустры выходит далеко за пределы данного медианного синхронистического интервала осевого времени. Может, мы и впрямь ошиблись с датировкой, и следует принять традиционные дату его жизни в VII-VI вв. до н.э., как раз попадающую в данный интервал?

Однако, если рассмотреть осевой медианный синхронистический интервал и около полутысячи лет после него в контексте более широкого хронологического конструкта, включающего не только культурные проявления рефлексирующей психики, но и некоторые важнейшие, даже жизненно важные для указанных регионов исторические события, то складывается несколько иная картина, которую мы сейчас и обрисуем в ряде связанных меж собой положений.

Прежде всего, иранское население отнюдь не проигнорировало указанный интервал 600-400 гг. до н.э. Правда, прореагировали иранцы не культурным синхронизмом как другие регионы, а весьма своеобразно. Оно и понятно – в синхронистическое осевое время иранцы включились еще своей самой ранней культурной реакцией, т.е. появлением зороастризма в ~1000 г. до н.э. После того как в конце VII в. до н.э. мидийцы, веками боровшиеся с Ассирией, наконец, одержали победу над этой мощной переднеазиатской державой, возникло Мидийское государство, простиравшееся от Каппадокии в Малой Азии до Парфии на юго-западе Средней Азии, которое, тем не

менее, вскоре в сер. VI в. до н.э. сменила персидская по происхождению и династии еще более крупная империя Ахеменидов, к концу VI в. до н.э. достигшая своих максимальных размеров. Как видим, после проповеди Заратустры в ~1000 г. до н.э. усилиями иранских народов в ~550 г. до н.э., почти посередине осевого времени по Ясперсу, возникает огромная иранская по происхождению империя, каких ранее не знала история, – все предыдущие империи: Хеттская, Ассирийская и др., выглядят карликовыми региональными державами по сравнению с ней.

Уже интересно... – ведь выше говорилось, что рефлексующая психика в процессе своего функционирования препятствовала выполнению постосевых ответов снижением инхроэнергетики символов постосевого подсознания. А тут – огромная империя. Но в таком случае возникает закономерный вопрос: а постосевая ли она была по своему инхроническому происхождению, или все-таки осевая? С другой стороны, вполне очевидна постосевая направленность зороастризма (впрочем, как и всех остальных культурных проявлений рефлексующей психики), поскольку одним из внешних проявлений среднеазиатского постосевого ответа была как раз-таки Великая Бактрия, где зороастризм креп и пестовался до его проникновения к западным иранцам, которые примерно в это же время вступили в длительное смертельное противоборство с развитыми переднеазиатскими государствами, прежде всего, с Ассирией, за обладание месопотамской “перемычкой” Каспий-Персидский залив на этой трассе постосевого волжского ответа и одержали победу, что и стало первым шагом к Ахеменидской империи...

По всей видимости, следует принципиально, на инхроническом уровне, различать постосевое развитие Западного Ирана от постосевого развития Восточного Ирана вкупе со Средней Азией. В Западном Иране социумы до медианного интервала проявлений рефлексии в 600-400 гг. до н.э., то есть, грубо говоря, в первой половине I тыс. до н.э., никаких проявлений рефлексующей психики вообще не показывают, зато демонстрируют успешнейшую реализацию месопотамского варианта волжского постосевого ответа вплоть до возникновения Ахеменидской империи. В то время как в Восточном Иране и в Средней Азии, напротив, психическая рефлексия проявила себя очень рано, в начале I тыс. до н.э., и самым что ни на есть оригинальнейшим образом – в лице зороастризма с его принципиальным дуализмом в противопоставлении сил Добра силам Зла. Однако здешнее постосевое социально-политическое развитие, связанное с реализацией среднеазиатского волжского постосевого ответа, далее Великой Бактрии не продвинулось. Причем последняя в конце концов также была включена в Ахеменидскую империю персов и мидийцев, а зороастризм или некоторые его принципиальные элементы в свою очередь распространился из Восточного Ирана в Западный и далее на запад к некоторым сообществам Малой Азии и Ближнего Востока.

Так что с тем, почему реализация постосевого ответа тормозилась в Восточном Иране и Средней Азией, мы в принципе уже разобрались – тому виной спонтанный процесс рефлексии, существенно снижавший инхроэнергетику подсознательных постосевых символов, что в итоге вылилось в зарождение и становление рефлексивного по своему происхождению раннего зороастризма. А вот почему рефлексия в течение большей части первой половины I тыс. до н.э. никак и ничем не проявляла себя в Западном Иране – это и в самом деле загадка. Хотя имеется одно объяснение...

Как помним, во втором этюде настоящей хронографии говорилось о том, что нашествие “народов моря” в XIII-XII вв. до н.э. вызвало массу нега-

тивных, чуть ли не катастрофических, явлений в Восточном Средиземноморье – практически коллапс многих здешних обществ. В то время как соседней Ассирии, также подвергнувшейся нашествию, удалось сравнительно безболезненно отбиться и выстоять, и это при том что на Ассирию с юга из Сирийской пустыни со всей мощью наседали еще и агрессивные арамейские племена. Помнится, говорилось также и о том, что причиной тотального разнопланового коллапса в Восточном Средиземноморье, скорее всего, были не сами “народы моря”, а несомая ими странам и народам этого региона и сопредельным с ним другим обществам постосевого инхроника. В итоге тогда мы пришли к выводу, что столь значительная разница в картине протекания культурно-исторических событий в Ассирии и Восточном Средиземноморье была вызвана слишком интенсивным взаимодействием осевых и постосевых ответов в последнем, что порой приводило к существенным конфликтам между ними. В то время как в Ассирии, где также присутствовало взаимодействие здешнего постосевого ответа с ответом осевым ВШП, данное взаимодействие носило более умеренный *гармоничный* характер, когда осевые ответы выступали в качестве этакого дополнительного ресурса в деле реализации постосевых ответов, и не более того – никакой явно выраженной рефлексии. А сама разница в уровне взаимодействия ответов на эти две инхроники определялась разными геополитическими конфигурациями будущих осевых торговых путей и постосевых воднотранспортных маршрутов самого разного назначения – если в Верхней Месопотамии, где расположены исконно ассирийские земли, эти трассы всего лишь скрещивались, пересекая друг друга в некоторых избранных локальных местах, то в Восточном Средиземноморье они на многих своих достаточно протяженных участках просто-напросто совпадали друг с другом, особенно на морских средиземноморских трассах. Подобная геополитическая ситуация начала складываться еще во второй половине II тыс. до н.э. во времена развития микено-европейской торговли балтийским янтарем (см. карту на Рис. 5.3).

Сейчас мы уже можем уточнить казуальную базу подобных культурно-инхронических явлений и их происхождение: повышенное взаимодействие между процессами двух родственных инхроник – осевой и постосевой – неизбежно вело к становлению и укреплению рефлексирующего устройства психики у населения региона с ее осевой “расшифровкой” подсознательных постосевых символов, которая как раз снижением постосевой инхроэнергетики и препятствовала реализации постосевых ответов, что в свою очередь вело к ослаблению, а в пределе к упадку и распаду, восточно-средиземноморских обществ. Таким образом, разница в уровне рефлексии Ассирии и Восточного Средиземноморья в конце II тыс. до н.э. как результат имевшихся там разных геоинхронических ситуаций, несмотря на все схоже внешнеполитическое положение (нашествие “народов моря” с севера и арамейцев с юга), имела своим следствием возникновение двух полярных процессов: бурное развитие Новоассирийской империи и тотальный коллапс социумов в Восточном Средиземноморье.

Возможно, нечто похожее мы видим и в отличии хода исторического развития в Западном и Восточном Иране, когда на западе иранцы, как говорится, во весь рост и в полную силу занимались реализацией месопотамского волжского постосевого ответа тем, что медленно, но верно, на базе этого ответа шли к созданию своего мощного государства между Каспием и Персидским заливом, а на востоке такое же на вид движение к государству на ирано-среднеазиатских территориях среднеазиатского волжского постосевого ответа было несколько отягощено или даже тормозилось какими-то

скрытыми процессами, которые не позволяли ему выйти за очерченные государством Великой Бактрии пределы Восточного Ирана и Средней Азии. Зато на этих же ирано-среднеазиатских территориях наблюдается первоначальное распространение рефлексивного по своей природе зроастризма. И тогда уже можно говорить о разнице в уровнях рефлексии на западе и востоке Ирана, а следовательно, и о разных геоинхронических ситуациях в этих двух регионах.

Если сравнить карты на Рис. 5.3 во втором этюде и на Рис. 5.8 в третьем этюде, то видим их некую топологическую схожесть, которая выражается в растягивании осевых трасс ВШП в меридиональном направлении маршрутов постосевых ответов – восточно-средиземноморского в Восточном Средиземноморье и среднеазиатского в Восточном Иране и Средней Азии. То есть и в восточно-среднеазиатском регионе будущие постосевые и в какой-то мере уже настоящие осевые трассы не просто скрещивались-пересекались друг с другом, как в Западном Иране и в Месопотамии, но и в значительной степени совпадали меж собой, из-за чего осевые и постосевые процессы взаимодействовали много сильнее оптимального уровня, что в результате и приводило к более высокому уровню рефлексии на востоке Ирана, чем на западе.

Такое различие в конфигурации ожидаемых в будущем осевых-постосевых маршрутов и их отрывочных проявлений в настоящем между, с одной стороны, Восточным Средиземноморьем и Восточным Ираном со Средней Азией, а с другой – Западным Ираном и Месопотамией, возникала из-за того что в восточно-иранском среднеазиатском регионе, как и в Восточном Средиземноморье, будущий осевой ВШП еще в пределах осевой инхрозоны имел развитую меридиональную торговую структуру, которая в этом регионе вела из Индии в Хорезм и обратно, а в Восточном Средиземноморье ей соответствовала трасса Египет-Греция с продолжением к Северным Балканам (Македония, Эпир, и даже Фракия), которые во второй половине I тыс. до н.э., ближе к завершению осевой инхрозоны, уже были в значительной степени цивилизованны. В то время как в западноиранско-месопотамском регионе такого ответвления ВШП на север от ассирийско-мидийских территорий, лежащих в центре сплетения клубка различных трасс, осевых и постосевых, будущих и настоящих, в пределах осевой инхрозоны просто не существовало из-за отсутствия на этом севере мощного цивилизационного центра, сравнимого с Грецией и ее периферией или с Хорезмом. Другими словами, в восточно-иранском среднеазиатском и восточно-средиземноморском регионах пространственная структура осевых и постосевых маршрутов, вдоль которых как раз и взаимодействовали меж собой соответствующие осевые и постосевые ответные процессы, имела ярко выраженную крестообразную форму, а в западноиранско-месопотамском регионе она же имела Т-образную форму. То есть здесь у данной пространственной структуры отсутствовала верхний (северный меридиональный) “брус”, что и приводило к уменьшению, местами весьма существенному, суммарного взаимодействия осевых и постосевых ответных процессов в местных обществах и, соответственно, осевых и постосевых символов в психике членов данных обществ (в данном случае, западно-иранских и месопотамских), а это в свою очередь способствовало более медленному росту здесь рефлексии в периоде пересечения осевой и постосевой инхрон и, как следствие, более эффективной реализации здешних постосевых ответов.

Аналогичная ситуация складывалась и в Западном Средиземноморье, только здесь в пространственной структуре взаимодействия осевых и постосевых

севых процессов отсутствовал нижний (южный меридиональный) “брус”, (т.е. осево-постосевая пространственная структура также имела ярко выраженную Т-образную форму, только в форме перевернутого “Т”), поскольку южнее Западного Средиземноморья располагалась Сахара с ее полным отсутствием, с одной стороны, воднотранспортных маршрутов, а с другой – оживленных торговых путей, выходящих к морскому продолжению ВШП в этом регионе. Таким образом, здесь отсутствовала и постосевая воднотранспортная, и осевая торгово-путевая составляющая указанной выше пространственной структуры, и ни о каком взаимодействии осевых и постосевых процессов южнее африканского побережья Западного Средиземноморья даже говорить не приходится.

Правда, немногим лучше обстояли дела и севернее европейского побережья Западного Средиземноморья, причем как и с постосевой, так и с осевой точки зрения. Нет, конечно же, Рона со своим притоком Соной все так же вели на север к предальпийской зоне сближения истоков Рейна с Дунаем, но в том то и дело, что наличие в этой комбинации еще и Дуная на данном временном отрезке первой половины I тыс. до н.э. способствовало медленному, но неуклонному, проникновению в предальпийскую зону восточно-средиземноморского постосевого ответа, поскольку севернее Дуная, в Германии и Польше, располагался ряд балтийских рек, и здешние народы напрямую и весьма ощутимо тяготели к данному постосевому ответу (кстати, как было сказано в одном из предыдущих этюдах, благодаря именно этому обстоятельству Риму так и не удалось покорить германские племена), что, разумеется, подавляло западно-средиземноморский ответ среди местного населения и отсекало этот ответ от части Северной Европы, особенно Северо-Восточную Европу. Мало того, такая воднотранспортная конфигурация вела также и к возникновению многочисленных речных ответвлений трасс ВШП в Северную Европу, оттягивающих тем самым на себя часть направляемых в Европу товарных потоков ВШП от Западного и Центрального Средиземноморья.

И хотя данная ситуация стала преодолеваться в III-II вв. до н.э. с зарождением и становлением имперского по сути Римского государства, но даже во II в. уже н.э. на пике мощи Римской империи галльской торговле удалось оттеснить торговлю итальянских купцов, которых в то же время с востока выдавливала восточно-средиземноморская торговля. А на острие галльской торговли находились Лион, расположенный близ слияния Санны и Роны, Трир на Мозеле, притоке Рейна, и отчасти города по нижнему течению Рейна. И еще одно обстоятельство:

“...благодаря Боденскому озеру (Brigantinus) и тесной связи между Швейцарией и придунайскими землями, а также благодаря преимущественно кельтскому составу населения Норика галльским купцам нетрудно было устанавливать связи с придунайскими землями, и это позволяло им в тех случаях, когда речь шла о товарах, перевозка которых не представляла особенных затруднений, легко конкурировать с итальянскими купцами, с аквилейским портом и городами Далмации”^[31].

И не только Норик – кельтские племена и народы в те времена почти сплошным этническим массивом тянулись от Британии на северо-западе до галатского анклава в Малой Азии на юго-востоке... Да, разумеется, вся

^[31] М. Ростовцев “Общество и хозяйство в Римской империи”, Том 1, СПб.: “Наука”, 2000, стр. 157-161. Впервые опубликовано в 1925 г. на английском языке, данный перевод на русский язык сделан с немецкого издания 1928 г.

галльская торговля вращалась вокруг снабжения рейнской армии, точно так же как Аквилея в Северной Италии была торговым опорным пунктом для дунайских легионов, и тем не менее во всех этих торговых противостояниях достаточно явственно просматривается немалая роль дунайской водно-транспортной артерии, исподволь довлеющей над средиземноморскими осевыми торговыми и постосевыми воднотранспортными связями, что позволяло оттесненному на вторые роли восточно-средиземноморскому постосевому ответу постепенно возвращать свои позиции даже в вотчине западно-средиземноморского ответа, т.е. на его родине в предальпийской области, не говоря уж о более северных и восточных областях. И данный момент вкупе с другими не менее важными обстоятельствами со временем поспособствует “вылупившейся” из Римской империи “восточно-средиземноморской” Византии на долгие времена стать центром христианского европейского мира... Таким образом, рейнский и дунайский лимесы в римское время были естественным рубежом на севере Европы, отделяющим восточно-средиземноморский и западно-средиземноморский ответы друг от друга. Точно так же как восточная граница по Евфрату разделяла средиземноморские и волжский месопотамский ответы.

Как видим, Западно-Центральное Средиземноморье также не имело подходящих маршрутных условий для интенсивного развития рефлексии. Именно это позволило Риму во второй половине I тыс. до н.э. вплоть до I в. до н.э. беспрепятственно развивать свой западно-средиземноморский постосевой ответ и в итоге разбить всех своих конкурентов в этом регионе: этрусков, греков, карфагенян, так как все эти народы имели более или менее развитые связи с уже давно и сильно рефлексировавшим Восточным Средиземноморьем. И у Рима точно так же по мере проникновения римлян в Восточное Средиземноморье, стали возникать препятствия и помехи их западно-средиземноморскому ответу со стороны рефлексивных социопсихических процессов, ведущих к спаду первоначально очень высокому уровню инхроэнергетики этого ответа (вспомним “народы моря”...). Однако, как увидим далее, здесь же, на востоке, пребывало и спасение от неумеренной рефлексии и всего связанного с ней негатива, вот только спасение это еще предстояло найти...

За бортом нашего текущего рассмотрения остался сам столп рефлексировавшего мышления в восточноиранско-среднеазиатском регионе, а именно – зороастризм. В связи с чем напомним еще раз: рефлексировавшая психика, существенно снижая инхроэнергетику символов постосевого подсознания, тем самым столь же серьезно препятствует реализации постосевых ответов. Таким образом, в зоне рефлексии на стыке двух родственных инхроник самопроизвольно возникает конфликт между двумя социопсихическими действиями: 1) ответом на более позднюю (в данном случае – постосевую) инхронику; и 2) почти автоматической, во всяком случае, спонтанной самопроизвольной “расшифровкой” коллективных подсознательных символов и смыслов более поздней инхроники (постосевой) на основе их аналогов в прежней уже завершающейся инхроне более ранней (осевой) инхроники.

Второй конфликтующий процесс с полным правом можно рассматривать, как природный процесс, который не зависит ни от людских устремлений, ни от их желаний, ни от их воли – вообще не зависит от человека. Не зависит даже от процессов достижения всем сообществом своих целей, в качестве которых выступает преодоление обществом стоящих перед ним будущих вызовов последовательным решением возникающих на этом пути проблем, т.е. не зависит даже от ответов на инхроники – первого конфлик-

тующего социопсихического процесса. Единственное требование предъявляется к самим инхроникам: они должны быть в большей или меньшей мере родственны друг другу.

В то же время данный процесс несомненно принадлежит сфере познания мира и общества, даже если он и является весьма специфическим процессом познания – спонтанным природным никак не зависящим от человека, причем в его *самых неестественно интенсивных формах*, когда подсознательные знания сами собой без каких бы то ни было усилий со стороны человека проникают в сознание этого самого человека. При этом данные подсознательные глубинные знания, вдруг частично осознанные, лишаются всей своей нуминозной силы воздействия на всю психику в целом. Конечно, требуется еще и немало усилий для их надлежащего адекватного понимания и осмысления, а уровень усилий в значительной мере завит от потребностей данного конкретного человека в данном конкретном знании, а потребности эти чаще всего определяются предыдущим жизненным опытом человека (см. выше),

Тогда как естественные формы познания протекают без какой-либо рефлексии в ходе выполнения ответов на инхронику в свойственном каждому ответу (т.е. в естественном для него) своем темпе – просто по мере преодоления ответами каких-то барьеров, преград, помех и т.п., т.е. по мере их успешной реализации, а также при смене фаз и состояний выполнения ответов. При этом сложные символы подсознания, *постепенно* преобразуясь в знаковую сферу сознания в ходе выполнения ответов на инхронику, ведут к окончательному спаду инхроэнергетики только в самом конце инхрозоны, если, конечно, не возникнут какие-то неожиданные катастрофические помехи со стороны, вызывающие немедленное падение уровня инхроэнергетики – просто в результате исчезновения этих сложных архетипических символов из подсознания.

Выше мы пришли к выводу, что одной лишь конкуренции среднеазиатского и месопотамского волжских постосевых ответов за охват ими населения явно недостаточно для объяснения зарождения зороастризма – это всего лишь поверхностное выявление действующих в те времена агентов и факторов, – что требуются куда более веские экзистенциальные основания, более фундаментальные и устойчивые к смене эпох, обстоятельств, условий и т.п., по глубине и новизне своей сравнимые с самой дуалистической зороастрийской идеологией. И, похоже, что именно глубинный внутренний конфликт между ответами на инхронику и рефлексией как раз и являлся тем самым истинным источником дуализма в зороастризме – самом раннем проявлении рефлексии на стыке осевой и постосевой инхрозон. Исток, который стоял за гораздо более внешними, более доступными инхроническому пониманию широких народных масс угрозами среднеазиатскому постосевому ответу со стороны месопотамского постосевого ответа.

Но в таком случае сам собой возникает вопрос: при чем здесь месопотамский постосевой ответ? – где рефлексия, а где месопотамский ответ? Ведь, как было показано выше, уровень рефлексии в этой самой Месопотамии и в Западном Иране был гораздо ниже, чем в Иране Восточном и Средней Азии – ввиду топологической структуры постосевых воднотранспортных маршрутов и осевых торговых путей. В Месопотамии – да, рефлексия была не столь высока, хотя и здесь наблюдались кое-какие рефлексивные всплески, например непомерный рывок в развитии астрологии (а значит, и астрономии, у вавилонских халдеев). А западнее нее? Не будем забывать, что население Месопотамии принадлежало переднеазиатской цивилизации,

являясь ее одним из главных родоначальников, в которую входило и большинство азиатского населения Восточного Средиземноморья, где как раз и располагался пик уровня рефлексии в Западной Евразии. И существовала реальная опасность *быстрого* распространения рефлексии отсюда до водно-сухопутной трассы Персидский залив, Евфрат, Мидия, Каспий, Амударья и далее от нее по всем среднеазиатским территориям и Восточному Ирану с Афганистаном. Как это, например, случилось при распространении рефлексиионного мышления из Восточного Средиземноморья в Центральное-Западное, после завоевания первого Римом в конце I тыс. до н.э. И эта была не пустая угроза – в инхронических связках вообще не бывает пустых мест, а, как правило, на некоторое время возникают лишь отведенные благодаря вовремя реализованным ответам угрозы. Однако и эти случаи не относятся к тем, которые мы сейчас рассматриваем, поскольку данная угроза и в самом деле переросла в осуществившейся в реальности свою несколько иную ипостась, когда греко-македонское войско Александра Македонского, разгромив персидскую армию Ахеменидов, дошло аж до Бактрии. Правда, дошла не по указанной выше водно-сухопутной трассе, а напрямую по суше, но это уже детали... – в принципе могла бы и по трассе, если бы Александр удовлетворился одним лишь Ближним Востоком. При этом Александр и его воины с невиданным ожесточением всюду громили и разрушали зороастрийские храмы и сжигали зороастрийские религиозные свитки, какие только попадали им в руки. И это само по себе не совсем понятное ожесточение лучше всего демонстрирует, что греко-македонцы отлично понимали с какой опасной крайне враждебной им идеологией они имеют дело. Так рефлексия с присущим ей мышлением и психикой, военной силой все-таки одолев зороастризм, и на время подавив его антирефлексиионные концепты, обосновалась почти на всем Ближнем и Среднем Востоке – только среднеазиатские степные кочевники смогли отбиться... После же Македонского возник целый ряд смешанных греко-персидских эллинистических царств от Бактрии до Греко-Македонии (подробнее обо всем этом – чуть ниже) с греко-македонцами во главе, а с началом упадка одного из них – державы Селевкидов – здесь в Бактрии (и Согдиане), на родине зороастризма, возникло еще одно из них – новое независимое Греко-Бактрийское царство.

Тогда, спрашивается, где же тут Ахура Мазда, а в чем заключен гений зла Ангро Манью? Ответ, по-моему, очевиден: Ахура – это среднеазиатский ответ, и все другие ответы в общем и целом как инхроническое явление, а рефлексия вместе со всеми ее спонтанными социопсихическими процессами – это антигуманистическое визави Премудрого Ахуры. Вместе с тем становится понятной и антирефлексиионная суть зороастризма, сугубо и особенно заостренного против рефлексии и всех происходящих от нее “выгод”, при всем при том рефлексиионного по своему инхроническому происхождению.

Здесь хотелось бы остановиться и отступить немного в сторону привлечением ряд цитат из “Дао-дэ цзин”, одного из главных трактатов так называемого философского даосизма – другого учения, распространившегося в Китае с IV в. до н.э., т.е. сразу после медианного периода проявлений рефлексии 600-400 гг. до н.э., что также говорит о рефлексиионном его происхождении. И цитаты эти указывают, что даосизм, как и зороастризм, несмотря на весь свой рефлексиионный генезис, тоже был направлен против рефлексии:

“Когда великий Путь в упадке, являются «человечность» и «долг». Когда возникают суемудрие и многознайство [*курсив мой - А.З.*], является великая ложь. Когда среди ро-

дичей нет согласия, являются почтительность и любовь. Когда государство во мраке и в смуте, являются «преданные подданные»”

...

“Премудрый человек желает нежелания и не ценит редкие товары. Он учится не быть *ученым* [курсив мой - А.З.] и уводит всех от заблуждений. Посему он в вещах поддерживает то, что *таково само по себе* [иначе говоря: то, что естественно; курсив мой - А.З.] (цзыжань) – и ничего не делает (увэй)”^[32]

И еще несколько цитат из той же работы, откуда взяты цитаты из “Дао-дэ цзин”:

“Как уже говорилось, идея недеяния (увэй) играет важную роль в мировоззрении автора «Дао-дэ цзин» [Лао-цзы - А.З.]: любая деятельность рассматривается им как нарушение *естественного* [курсив мой - А.З.] порядка вещей, что и вызывает дальнейшие неурядицы, смуту и бедствия”^[33]

...

“...даже Дао, начало начал, ориентируется на естественность, поэтому между недеянием (увэй) и естественностью (цзыжань) в общем можно поставить знак равенства”

...

“Таким образом, четко вырисовывается путь совершенного человека по Лао-цзы: это не бездельник, но тот, кто осуществляет не-деяние, т.е. естественное, следующее природе, а в конечном итоге – самому Дао. Это высшая форма мистического пути...”^[34]

Как видим, главный концепт даосизма “Дао” практически целиком и полностью соответствует тому, что в инхроническом подходе называется “ответом на инхронику”, и тогда “недеяние” – это отнюдь не отсутствие действий и деятельности вообще, а всего лишь их безоговорочная направленность на реализацию и конечное выполнение ответов на инхронику, и только их – тем или иным способом. Другими словами, “недеяние” – это избегание действий и деятельности, которые не требуются для реализации ответов, а уж тем более которые как-то вредят их успешному своевременному выполнению.

Да, хотя процесс “расшифровки” подсознательных символов постосевой инхроники на основе их осевых аналогов и впрямь никак не зависит от людской воли, тем не менее на процесс снижения уровня инхроэнергетики постосевых подсознательных символов в результате подобной “расшифровки” человек все же повлиять может – привнесением в них дополнительных смыслов, не имеющих аналогов среди осевого подсознания, или же генерацией совершенно новых символов. Именно такую функцию повышения инхроэнергетики постосевого подсознания и призваны были выполнять в эпоху подъема рефлексии такие идеологические системы, как зороастризм в сфере этики и даосизм в сфере образной (иначе говоря, метафорической) философии. А новые смыслы привносятся: в зороастризм почитанием давно известного справедливого и доброго Бога Ахура Мазды в сочетании с отвержением его противника нового Бога Зла Ангро Манью – ничего подобного в прежнем маздеизме и близко не было; в даосизм же следованием есте-

^[32] Цитаты приведены по А. Г. Алексанян “Даосизм” в С. Л. Тихвинский (ред.) “История Китая с древнейших времен до начала XXI века в десяти томах”, Т. II, Л. С. Переломов (ред.) “Эпоха Чжаньго, Цинь и Хань (V в. до н.э. – III в. н.э.)”, М.: Наука – Восточная литература, 2016, стр. 116–137, на стр. 120. Цитаты из “Дао-дэ цзин” в переводе В. В. Малявина.

^[33] Там же.

^[34] Там же, стр. 124.

ственным (цзыжань) принципам Дао, которые заключены в выполнении исключительно только недеяния (увэй), т.е. в совершении лишь действий, которые поддерживают хотя бы один из ответов общества на инхронику и не противоречат остальным его ответам. А поскольку в зороастризме подобная компенсирующая спад инхроники идеология была запущена значительно раньше, чем в даосизме, то, скорее всего, данный подход был в свое время заимствован китайцами из зороастрийских концепций.

Выше мы пришли к выводу, что в роли Ахура Мазда зороастризма выступает сам среднеазиатский ответ на постосевую инхронику, а в дальнейшем обобщающем пределе – ответ на любую более позднюю инхронику на рефлексивном участке двух смежных стыкующихся внахлест родственных инхронзон. Или это все-таки тот участок будущей единой мировой воднотранспортной сети, построением которого в Средней Азии и Восточном Иране был призван заниматься среднеазиатский постосевый ответ в процессе его реализации? И хотя последний вариант, возможно, ближе к истине, мы тем не менее, для краткости и большей выразительности, возьмем на вооружение первый тезис об исключительно постосевом ответном облике Ахуры Мазды, в своей региональной среднеазиатской конкретике более наглядном, понятном и близком населению региона, чем единая мировая воднотранспортная сеть.

В любом случае Ахура Мазда зороастризма в некотором смысле олицетворял еще и творческое начало в человеке – подсознательное коллективное творчество, создающее... нет, лучше и точнее будет сказать: созидющее новую цивилизацию, новый мир, в котором скотовод, как и раньше, просто пас свои стада и отары, земледelec так же просто вспахивал ниву, а если надо было, то и многокилометровые подземные каналы каризной ирригационной системы вдруг прокладывал и т.д. и т.п. Коротко говоря, каждый на своем месте выполнял свою задачу, справлялся со своими личными жизненными делами и дрязгами, однако все это уже освещалось каким-то неведомым человеку смыслом – то самое “недеяние” даосов. И, казалось бы, на первый взгляд ничего такого уж особенного здесь нет и быть не может, тем не менее, занимаясь своими прежними будничными делами, люди, сами того не понимая и не осознавая, тем самым уже начинают одновременно шаг за шагом, каждым изготовленным горшком, каждым выращенном в поле колоском продвигаться по пути Ахура Мазды, по пути разрешения вполне конкретных, сложных и тяжелых, общественных проблем, как настоящих, так и будущих. И только в последних, т.е. в подспудном порою мучительном, но всегда неосознанном (или не до конца осознанном), устранении проблем далекого-предалекого будущего, эти будничные заботы, работы и хлопоты самым чудесным образом превращаются в яркую насыщенную внутреннюю духовную жизнь – люди, простые земледельцы, ремесленники, пастухи и прочий трудовой люд, наконец, вновь обретают внутри себя огромный невыразимо прекрасный и сложный, и в то же время так просто и понятно *всем* устроенный, духовный мир.

И еще. Во второй цитате комментария 31 упомянут термин “нежелание”, а это уже прямой отсыл к буддизму, в котором “нежелание” является главным концептом, при том что буддизм проникает в Китай много позже появления там философского даосизма. Отсюда два вывода: принцип “нежелания” в буддизме – это аналог антирефлексивной компенсации падения инхроэнергетики под действием рефлексии, такой же как и противостояние Ахура Мазды злу, насилию и лжи Ангро Манью в зороастрийском этическом дуализме и принцип “недеяния” в даосизме; и что данный прин-

цип, скорее всего, также появляется в индийском буддизме под влиянием зороастризма.

Греки же, а позже и все эллинистическое Восточное Средиземноморье, и римляне, когда те пришли на Восток, целиком и полностью отделились рефлексии и долгое время даже не пытались противостоять ее негативным последствиям, во всяком случае, в ощутимых массовых масштабах. Почему они пошли на такой шаг, в отличие от сообществ Среднего и Дальнего Востока, Индии, где, как мы видели, в осевое время по Ясперсу возникли инструменты антирефлексивной компенсации (зороастризм, даосизм, буддизм)? Тем более что по одной из главных зороастрийских идеологием, человек сам решает на чью сторону ему стать – Ахура Мазды или Ангро Манью... Ответ на этот вопрос, по-видимому, следует поискать где-то на предыдущих этапах культурно-инхронического развития греческих племен или населения Восточного Средиземноморья. В результате – всплеск античной философии, науки, искусств и литературы, за которым неминуемо последовал резкий спад инхроэнергетики, практическое прекращение реализации постосевых ответов, а затем вместе со спадом инхроэнергетики, – полное отсутствие каких-либо смыслов жизни, бездуховность, оголтелый рационализм и мелкая будничная прагматика – какая уж там философия с литературой, лишь немощные подражания былым взлетам, и сплошная схоластика с софистикой, и бездари, мнящие себя творцами, а внутри пустота и безысходность... Какое там коллективное или даже индивидуальное творчество – выгода, причем текущая и самая что ни на есть настоящая и звонкая, чистоган, одним словом, решает все и вся. И вот это в такие вот беспроблемные времена обычно именуют “жизнью”, но разве это жизнь? Это лишь ее какое-то жалкое подобие, которое и существованием-то не назовешь – так, прозябание на краю прекрасной Вселенной, а по сути расплата за умеренную крайне интенсивную рефлексивность предыдущих веков, выраженная в отсутствии адекватных ответов на инхронику или в их недостаточной интенсивности при низком уровне инхроэнергетики, когда над миром, над обществом, над Человеком неотвратимым дамокловым мечом начинает нависать мрачная фигура Бога Зла, в зороастрийском понимании – Ангро Манью, в виде острейшего ощущения бессмысленности существования как самой личности, так и общества, в котором она, эта личность, пытается реализовывать себя...

Поэтому есть “просто жить” – это у животных, которым доступен лишь один биологический смысл и цель: инстинктом размножения обеспечивать сохранность вида в будущем. Но есть еще и “жить просто” – это уже только у людей, которые посредством гораздо более сложных психосоциальных механизмов способны создавать лучшие конкурентные условия для биосоциальной системы (роду, племени, государству...), которой они принадлежат, а точнее, своим самым-самым отдаленным потомкам, тем, что своей “простой жизнью” участвуя в коллективном творчестве всего сообщества в целом, реализуют ответы на инхронику, и тем самым и только этим способствуют сохранению сообщества в будущем, его укреплению и росту, удерживая его членов от деградации и растворения в более энергичных по инхронике других сообществах – главный и единственный смысл существования человеческих сообществ, а также человека, лежащий в основе его внутренней одухотворенности. Так что с инхронической точки зрения “простые варвары” германцы Западной Римской империи и самоотверженно наивные “простаки” христиане Восточной Римской империи были несравнен-

но высокодуховнее рафинированных римлян загнивающего общества поздней империи.

Тем не менее, как бы интересны ни были подобные сравнения живого и социального, нам все же придется вернуться к канве исторических событий. Дальнейшее до того непрерывное этнокультурное и политическое развитие Ахеменидской империи было прервано самым что ни на есть грубым образом – завоеванием всей ее территории фалангами Александра Македонского в 334-325 гг. до н.э. Если бы Александр скоростижно не скончался в 323 г. до н.э., мы, скорее всего, увидели бы нечто очень близкое прежней Ахеменидской державе, только в ее новом – эллинистическом – облики под управлением эллинистического царя-императора. Еще бы и Юго-Восточной Европой приросла... Однако что было, то и есть, – после смерти Александра Македонского империя распалась на группы сатрапий, управляемые наследниками Александра – приближенными его соратниками, которых историки много позже назовут диадохами (преемниками). И диадохи тотчас вступили в ожесточенную войну друг с другом за власть над землями несостоявшейся империи... В итоге территориально самый большой кусок, простиравшийся от Малой Азии и Сирии до Бактрии и Согдианы, достался ближайшему сподвижнику Александра Македонского Селевку, основавшему так называемую эллинистическую Селевкидскую державу, которая просуществовала до конца II в. до н.э., можно сказать, до появления глобального ВШП, когда была разгромлена Парфией, и практически сошла с исторической сцены.

Селевкидская государство уступало в размерах Ахеменидской империи – с самого начала в нее не входили: европейские владения Ахеменидов и север Малой Азии, ряд армянских территорий, Египет, Хорезм, некоторые сатрапии Восточного Ирана и ранее зависимая от Ахеменидов Северо-Западная Индия. Причем границы эти непрерывно менялись на протяжении всей селевкидской истории... И тем не менее даже территориально несколько меньшую и культурно отличающуюся Селевкидскую державу можно в каком-то смысле рассматривать, как наследницу Ахеменидской империи, поскольку в нее входили все “ядерные” территории Ахеменидов, за исключением разве что Египта^[35].

^[35] По общераспространенной до недавнего времени версии эллинистические государства диадохов и их наследников эпигонов после смерти Александра Македонского отказались от проводимой им “восточной политики”, заключающейся в идее создания эллинско-восточной империи с уравниванием в правах завоеванного местного восточного населения и завоевателей греков и македонцев и даже с их смешиванием в браках. То есть предполагается, что господствующий класс в эллинистических государствах состоял исключительно из греко-македонцев, проживающих в военных колониях и городах-полисах, местное же туземное население проживало в сельской местности, эксплуатировалось как илоты и никакого участия в управлении государством не принимало. Однако в последнее время стали появляться статьи и книги, весьма аргументировано критикующие эту устоявшуюся, но не очень-то подтверждаемую фактами, гипотезу, на основе многочисленных источников противопоставляя ей данные в основном как раз-таки на селевкидских примерах, из которых следует, что аристократы местного восточного происхождения на равных правах с греко-македонцами занимали высшие государственные посты, да и среди широких народных масс тоже не было никакой сегрегации, и представители восточных народов, прежде всего иранцы, так же и на тех же правах, что и греки с македонцами, проживали в колониях и полисах, а тем более служили в армии. Что касается илотов, то “Тезис о поголовном превращении местного населения в массу бесправных илотов, вынужденных работать в хозяйствах завоевателей, грубо искажает значительно более сложную картину социальных отношений в державе Селевкидов” (подробнее см. в А. С. Балахванцев “Политическая история ранней Парфии”, М.: Институт востоковедения РАН, 2017, стр. 42-54, последняя цитата – со стр. 54).

Таким образом, Ахеменидская империя в широком смысле – вместе со своим культурно-инхроническим селевкидским наследием, т.е. как Ахеменидо-Селевкидская империя, – просуществовала от середины VI в. до н.э. первых завоеваний персидского царя Кира до времен, когда Селевкидская держава под ударами парфян, начавших громить Селевкидов еще с середины II в. до н.э., вначале сократилась до размеров Сиро-Финикии и тогда же кончилась как империя (в постосевом смысле – об этом см. ниже), а позже была полностью уничтожена армянским царем Тиграном Великим в начале I в. до н.э.

А в последние века I тыс. до н.э. на обеих оконечностях ВШП синхронно возникают два крупных имперских образования: на западе в Европе – Римская республика, а в Восточной Азии – Ханьская империя, каждая из которых своими максимальными размерами, по крайней мере, не уступала размерам Ахеменидской империи. Мало того, на границе эр, каждое из этих политических образований испытывает некий перелом: в Риме республиканский строй сменяется имперским, а в Китае после подавления массовых крестьянских восстаний вместо прежней династии Старшая (или Ранняя) Хань к власти приходит династия Младшая (или Поздняя) Хань.

В Индии же ничего такого сугубо имперского вроде бы не наблюдается. Все здешние крупные державы во второй половине I тыс. до н.э. – первой половине I тыс. н.э. (державы Маурьев и Гупт) носили чисто местный субконтинентальный характер и хронологически ни с какими культурными всплесками не коррелировали. Правда, не исключено, что Ашока, один из правителей Маурьев, который где-то около середины III в. до н.э. принял буддизм и всячески способствовал его распространению в своем государстве, неким образом все-таки можно сопрячь с обсуждаемой сейчас темой – с рассматриваемой здесь хронологической структурой последовательных осевых-постосевых синхронизмов^[36]. Плюс некоторая чисто внешняя схожесть ситуации Ашоки и буддизма с гораздо более ранней связкой бактрийского Виштаспы и зороастризма...

Вместе с тем, мы помним, что и здесь, в Индии, на медианном отрезке времени по Ясперсу также произошло некое важное в масштабах субконтинента событие – с ~600 г. до н.э. керамика BRW/BSW в долине Восточного Ганга сменяется новым стилем NBPW, а керамика PGW на западе начинает постепенно угасать и к ~300 г. до н.э. здесь также заменяется стилем NBPW. Что интерпретировалось нами, как реализация объединения двух постосевых ответов, начавшееся в ~600 г. до н.э. и завершившееся в ~300 г. до н.э. (очень близко ко времени основания государства Маурьев в Индии в 324 г. до н.э.), – гангского постосевого ответа гангских индоариев с индским (точнее, индо-гангским) ответом “ригведийских” индоариев бассейна Инда в новый единый постосевой ответ, на скорую руку названный нами ганго-камбейским постосевым ответом. А это в каком-то смысле уже похоже на

^[36] С приведенными выше фактами, событиями, датами, историческими коллизиями, а местами и аллюзиями, начиная с того, что страниц на десять выше было названо нами “...еще немного о географии и хронологии проявлений рефлексии и о некоторых других сопутствующих ей явлений”, гораздо детальнее можно познакомиться в любом учебнике истории по заданной теме или же в многочисленных да многотомных изданиях по мировой истории, обычно называемых “Всемирная история”, за которым следует непереносное “в стольких-то томах”. Здесь, к примеру, в качестве источника я в основном использовал все тот же второй том “Всемирной истории” 1956 года издания. Поэтому и далее, когда будем отталкиваться от общеизвестного исторического материала, никакие ссылки на литературу попросту приводиться не будут – по comments.

шаг к постосевой субконтинентальной империи (об этом еще раз – чуть ниже).

Заметим еще, что ничего рефлексивного не обнаружено не только в узком поясе цивилизаций от Средиземноморья до Тихоокеанского побережья, но и по временной шкале – вне УОИ+ЗОИ (период удлинения осевой инхрозоны плюс период завершения осевой инхрозоны), т.е. за пределами интервала ~1000 г. до н.э. – ~220 г. н.э., нет никаких признаков значимых проявлений интенсивной рефлексии. Что в принципе не удивительно, поскольку, как уже было сказано, главным фактором, порождающим рефлексивную психику, было воздействие на социумы сразу двух гармонично взаимодействующих инхроник – в нашем случае осевой и постосевой – в последних частях осевой инхрозоны, а осевая инхрозна полностью завершается в ~220 г. н.э. При этом динамика была такова, что после периода УОИ, которым мы очертили осевое время Ясперса, и начала ЗОИ, т.е. после ~120 г. до н.э., осевая инхроэнергетика начинает медленно падать, тем быстрее, чем ближе к окончательному завершению осевой инхрозоны, и в ~220 г. н.э. падает до нуля. А вместе с осевой инхроэнергетикой падает и частота проявлений рефлексивной психики... Далее, до прохождения инхроимпульса следующей после постосевой инхроники (об этом в следующей хронографии), все социумы развивались под действием одной лишь постосевой инхроники в рамках нарастающей, т.е. возвращающейся к главенству, мифологической психики.

Итак, и подытожим, и продолжим. В начале осевого времени по Ясперсу (только с нашей небольшой хронологической коррекцией) на востоке иранского ареала появляется зороастрийский дуализм – первое мировоззрение в ряду последовавших позже в других регионах рефлексивных идеологий, – а спустя полтысячи лет, в самой середине Ясперсова осевого времени, на западе того же ареала возникает невиданная до тех пор огромная империя, которая переняла с востока Ирана эту странную религиозную по форме и философскую по духу и внутреннему содержанию идеологию. В то же самое время (600-400 гг. до н.э. с своей медианой в ~500 г. до н.э.) синхронно с образованием Ахеменидской империи в самых разных регионах обозначает себя ряд культурных синхронизмов, которые Ясперс характеризует, как проявления рефлексивной психики. Затем с III-II вв. до н.э. в двух из этих регионов – самом западном и самом восточном – синхронно начинают зарождаться две империи (Римская и Ханьская), в I в. до н.э. - нач. II вв. н.э. также синхронно достигающие размеров, по территории не уступающим возникшей на несколько веков раньше преднеазиатско-среднеазиатской империи Ахеменидов, географически расположенной в самом центре ряда регионов синхронного проявления рефлексивной психики.

Немного странная и не совсем понятная картина, в которой проявления рефлексивной психики самым причудливым образом переплетаются с появлением чрезвычайно крупных имперских образований вдоль основной магистрали ВШП восток-запад в периоде, названном Ясперсом “осевым временем” (800-200 гг. до н.э. по Ясперсу и ~1000 - ~120 гг. до н.э. с нашим уточнением). Причем проявления рефлексивной психики хронологически предшествуют появлению крупных империй.

Что касается синхронного появления империй на обоих концах ВШП – на Дальнем Востоке (Циньско-Ханьская) и на Крайнем Западе (Римская), – то здесь все более или менее понятно – обе хронологически были привязаны к окончанию осевой инхрозоны с ~120 г. до н.э. по ~220 г. н.э..

При том что они были вызваны к жизни постосевыми явлениями, о чем свидетельствует синхронность их возникновения к целому пулу культурных проявлений рефлексирующей психики в середине I тыс. до н.э., среди которых инициированы были и процессы, ведущие к возникновению Ханьской и Римской империй.

А вот с Ахеменидской державой дела обстоят несколько сложнее, и чтобы с ними разобраться нам следует чётче представить себе, чем же в действительности являлись чрезвычайно крупные империи времен пересечения осевой и постосевой инхрозон, и что, какие именно культурно-инхронические процессы, лежали в основе их зарождения.

Если присмотреться, к территориям, охватываемым первой из них Ахеменидской империи с точки зрения воднотранспортных постосевых ответов, то видно, что по ахеменидским владениям проходили маршруты трех постосевых ответов. Это восточно-средиземноморский ответ по малоазийским, левантийским и египетским территориям; месопотамский вариант волжского ответа по территориям между Каспием и Персидским заливом, т.е. по собственно самой месопотамской водно-сухопутной перемычке, являвшейся западно-иранским постосевым ядром империи; и, наконец, среднеазиатский ответ, тоже вариант более обширного волжского ответа по прилегающим к Амударье среднеазиатским территориям и по землям Восточного Ирана, включая туда афганские и пакистанские территории вплоть до Северо-Западной Индии (см. Рис. 5.10).

И тогда становится понятным, что так называемые крупные империи осевого-постосевого периода, как правило, много большие, чем все предыдущие государства, – это державы, пытающиеся осуществить несколько разных воднотранспортных ответов с разными маршрутами, которые все целиком или какая-то их особо важная часть (последнее встречается гораздо чаще) пролегали по территории данной державы. До прохождения постосевого импульса, т.е. до вхождения в постосевую инхрозону, все предыдущие осевые государства реализовывали только один осевой ответ данного типа. Как мы видели в этюдах предыдущей хронографии, чаще всего это был один торгово-металлургический ответ, опиравшийся на ожидаемый в осевом будущем какой-то один конкретный глобальный торговый путь, по которому в основном циркулировали металлургическое сырье и/или изделия из металла: ВОП'ы (Великие Оловянные пути) от первого до третьего, а в конце осевой инхрозоны – вообще ВШП с его универсальной торговлей. В аридной инхрозоне – то же самое, одно государство реализовывало один аридный ответ данного типа: один ирригационный ответ, один торгово-металлургический и т.п. В более ранних инхрозолах дела обстояли схожим образом, только ответы осуществляли не государства, а социальные структурные объекты родоплеменного происхождения, ныне выявляемые археологами как археологические культуры, т.е. племя или группы племен схожего культурного типа.

С вхождением же в постосевую инхрозону, с середины I тыс. до н.э., т.е. спустя около тысячи лет после ее начала и около 500 лет после появления первых проявлений рефлексирующей психики, начинают появляться крупные державы, которые реализовывали сразу несколько постосевых воднотранспортных ответов. Причем некоторые из этих ответов данной державы могли усиленно бороться друг с другом за статус главного в постосевом будущем. Как, например, группа средиземноморских ответов в целом противопоставлялась группе волжских ответов, и в то же время внутри волжского ответа месопотамский его вариант противостоял среднеазиатскому, а

внутри средиземноморской группы восточно-средиземноморский и западно-средиземноморский ответы точно так же конкурировали друг друга за лучшее положение в конечной реализации, возможны были даже исходы, в которых один из них становился всего лишь ответвлением другого, правда, чаще лишь на время.

Такие державы, реализующие сразу несколько воднотранспортных постосевых ответов, определяются нами, как империи. Собственно, историки их так и называют, не очень-то вдаваясь в детали социально-экономической и культурно-исторической причинной механики, вызвавшей к жизни эти империи. Вот первой из них как раз и была Ахеменидская империя, созданная иранскими народами в середине I тыс. до н.э.. Далее, ближе к концу осевой инхрохоны в конце III в. до н.э. - II в. до н.э., синхронно возникают Римская империя (еще при республиканском ее устройстве), в итоге объединившая западно-средиземноморский ответ с южными участками восточно-средиземноморского ответа, и Ханьская империя вместе с до того чуть раньше на короткое время появившейся Циньской империей, однако Цинь и Хань – это всего лишь династии, не менявшие имперской сути единого китайского государства, которое далее будем называть по более длинной династии Ханьской империей. Так вот, Ханьская империя объединяла местные сугубо китайские воднотранспортные постосевые ответы: скорее всего, это был ответ, связанный с бассейном Хуанхэ, назовем его северо-китайским, и южно-китайский ответ в бассейне Янцзы. Как обычно, в Китае разъединялись и объединялись Север и Юг...

А ведь была еще и зародившееся в начале I в. н.э. (около 20 г. н.э.) в Средней Азии Кушанская империя^[37], возникшая чуть позже Римской и Ханьской империй, которая вскоре объединила два воднотранспортных постосевых ответа: среднеазиатский в Средней Азии и ганго-камбейский в Индии. Парфянская же держава, также расположенная на бывших ахеменидских землях, до империи так и не доросла, стабильно реализуя лишь один месопатамский вариант волжского ответа на территориях от Каспия до Персидского залива, поскольку была в буквальном смысле зажата между двумя другими империями – Римской и Кушанской, – постоянно воевала с ними, пытаясь взять под контроль хотя бы часть маршрута восточно-средиземноморского постосевого ответа на западной своей границе и маршрут среднеазиатского постосевого ответа на восточной, но без какого-либо ощутимых долгосрочных успехов. Хотя случалось, что и в Сирию вторгалась, а на востоке даже до Бактрии доходила...

Итак, в середине I тыс. до н.э. возникает первая в ряду последующих крупных постосевых держав, т.е. империй, Ахеменидская империя. И ровно в это же время (600-400 гг. до н.э.) во всем цивилизованном к тому времени мире наблюдается целый пояс наиярчайших проявлений рефлексирующей психики от Европы на западе до Китая и Индии на востоке и юге Евразии, соответственно. Трудно представить, что сами по себе синхронные культурные проявления рефлексирующей психики могли стать причиной возникновения столь мощного политического образования как Ахеменидская империя. Скорее уж, наоборот, возникновение империи Ахеменидов в середине I тыс. до н.э. могло вызвать этот синхронный мощный взрыв первых (после зороастризма, разумеется) проявлений рефлексирующей психики из-за ее огромной территории, вытянувшейся вдоль Великого шелкового пути, в результате чего значительная часть ВШП оказалась уже реализована внутрен-

^[37] Л. А. Боровкова "Кушанское царство (по древним китайским источникам)", М.: Институт востоковедения РАН, 2005, стр. 202-203.

ними имперскими торговыми путями со всей их местами уже давно налаженной инфраструктурой, экономической и транспортной. Как видим, успешная реализация не только своих осевых ответов неким социумом могла спровоцировать рост рефлексирующей психики в данном социуме посредством запуска механизмов интенсивного взаимодействия (“расшифровки”) символов осевого и постосевого подсознания, но и ответы других обществ, чья осевая ответная деятельность пересекалась с ВШП, а с осевым событием-источником она пересекалась почти всегда. И даже не только само возникновение империи могло таким способом спровоцировать данный мощный всплеск рефлексирующей психики в цивилизованном мире вдоль ВШП, но также и ближайшие по времени процессы и события, всего лишь ведущие к нему, к возникновению империи, главным из которых вне всякого сомнения была победа коалиции Мидия-Вавилония над Ассирией в 612 г. до н.э., приведшая к падению Ниневии с последовавшим в 605 г. до н.э. полным разгромом Ассирии и ее окончательным исчезновением с исторической арены.

Либо же синхронность мирового скачка уровня рефлексии и процессов образования столь обширной империи была вызвана чисто инхроническими причинами, т.е. и тот, и другие были синхронны некому событию в ведущем постосевом потоке. А поскольку число кандидатов на это событие довольно велико из-за слишком уж сложного многоуровневого характера структуры постосевых ведущих потоков – от географических открытий до всего научно-технического прогресса в целом со всеми его составляющими, в том числе и металлургической, – то сосредоточимся лишь на самых броских из них не совсем обычных событиях или даже на одном самом неожиданном событии, возможно, на первый взгляд и не самом важном для всемирно исторического процесса, произошедшего в районе середины I тыс. до н.э. (600-400 гг. до н.э., желательно ближе к началу интервала, поскольку не исключаются также еще и обычные, как правило, более инерционные причинно-следственные связи, накладывающиеся на инхронические), которое с достаточно веским основанием можно отнести к спектру постосевых ведущих потоков или просто и кратко – к постосевому ведущему потоку.

Но прежде переберем кое-какие события, которые так или иначе в принципе могли быть причастны исследуемому синхронизму. И в первую очередь вспомним, о чем уже говорилось выше – об объединении двух постосевых ответов в Индии, начавшееся в ~600 г. до н.э. и завершившееся в ~300 г. до н.э., т.е. в интервале, достаточно близком заданным 600-400 гг. до н.э. Объединялись гангский постосевой ответ гангских индоариев с индским (индо-гангским) ответом “ригведийских” индоариев Северо-Западной Индии в новый единый ганго-камбейский постосевой ответ. Похоже на возникновение империи, как и у Ахеменидов, тем более что в итоге на севере Индии в 324 г. до н.э. и впрямь возникло государство Маурьев, которое по нашей классификации можно будет, – возможно, с некоторой натяжкой ввиду малой масштабности, – также квалифицировать как постосевую империю (только субконтинентальную), как объединяющее два воднотранспортных постосевых ответа. Во всяком случае, как начало имперского процесса, завершившегося или нет – в зависимости от того, как расценивать державу Маурьев.

Таким образом, если счесть, что реализация объединения ответов в 600-300 гг. до н.э., чем-то родственно (или хотя бы ведет к) образованию империи, и учтем распространение буддизма в III до н.э. в империи Маурьев, то не исключено, что империя Маурьев вместе с ведущим к ее образова-

нию объединением постосевых ответов в каком-то смысле хронологически и географически соответствует описанным выше процессам в большой континентальной Евразии, только отраженными в масштабах Индийского субконтинента и с чуть сдвинутыми по времени хронологическими рамками. А так как масштабы этой реакции были много меньшие, чем в случае Ахеменидской империи, то скорее возникновение последней с гораздо большей вероятностью со временем могло спровоцировать образование субконтинентальной империи Маурьев, как и полосу культурных синхронизмов проявлений рефлексии до того, а не наоборот.

Что еще? Изгнание в 509 г. до н.э. царя Тарквиния из Рима и установление Римской республики? Похоже на переход римлян от восточно-средиземноморского ответа частично переднеазиатских по происхождению этрусков к западно-средиземноморскому ответу индоевропейцев италиков. Кстати, переход был совершенно синхронен реформам Клисфена в греческих Афинах в 508 г. до н.э., которые способствовали окончательному установлению там демократии с территориальным делением вместо родоплеменного и упразднением остатков родовых привилегий, что серьезно потеснило родовую аристократию в Аттике. Возможно, синхронность событий в Риме и Греции вызвана какими-то причинными и инхроническими взаимодействиями двух средиземноморских ответов, но... Но все это слишком мелко и слабо касается таких глобальных реакций как далекие от этих регионов проявления рефлексии психики (например, в Китае или в Индии) и образования столь крупных уникальных политических образований, причем совершенно нового типа, как империя Ахеменидов. Пристальное же внимание современных историков к не очень значимым греко-римским событиям вызвано лишь европоцентризмом гораздо более поздних времен, и не более того. Тем не менее не исключено, что данные не очень важные события могли так или иначе касаться некоего, может быть, тоже не слишком значимого события в ведущем постосевом потоке.

Различных событий, процессов и примеров реактивного поведения, крупных и значимых, мелких и мельчайших, в указанном интервале времени 600-400 гг. до н.э. и в самом деле наблюдается великое множество. Однако, имеется одно событие, которое несомненно можно отнести к ведущему постосевому потоку, а еще точнее, к морским географическим открытиям и, наверное, судовождению – то самое одно единственное неожиданное для всех странное событие, сообщению о котором Геродот не поверили даже его современники. Что там современники! Гораздо более поздний ученый мир Европы тоже долго оставался в сомнении относительно правдоподобности данного сообщения, но, кажется, в последние десятилетия все-таки уже склонен принять его как свидетельство и впрямь произошедшего в ~600 г. до н.э. события. Речь идет об экспедиции финикийских моряков якобы посланных египетским фараоном Нехо II обогнуть Африку из Египта по часовой стрелке. Таким образом, путь этой экспедиции, если верить Геродоту, должен был пройти по морскому маршруту: Египет, Красное море, Индийский океан вдоль восточного побережья Африки, Атлантический океан вдоль западного побережья Африки, Геракловы Столбы (Гибралтарский пролив), Средиземное море, Египет^[38]. И это в ~600 г. до н.э.! За более чем

^[38] И. П. Магидович, В. И. Магидович “Очерки по истории географических...”, Том 1, стр. 47-49; Ю. Б. Циркин “От Ханаана до Карфагена”, М.: ООО «Издательство Астрель», ООО «Издательство АСТ», 2001, стр. 259-262; Р. Хенниг “Неведомые земли”, Глава 9 “Плавания финикийцев вокруг Африки по поручению фараона Нехо”, Том. 1, М.: Издательство иностранной литературы, 1961, стр. 86-90.

две тысячи лет до португальской экспедиции Васко да Гамы, в 1497 г. уже *нашей эры*, отправившейся из Лиссабона вокруг Африки (на сей раз против часовой стрелки) в Индию, и тем же маршрутом, только в обратном направлении, в 1499 г. вернувшейся обратно в Лиссабон. Поэтому не мудрено, что многие отказывались верить Геродоту, да и сегодня таких еще хватает... И все же приводимый Геродотом факт, что у моряков этой экспедиции “солнце оказывалось у них на правой стороне”, т.е. на севере (при этом сам Геродот добавляет: “я-то этому не верю”), в конце концов перевесил все возражения, поскольку только в южном полушарии можно наблюдать солнце в северной части небосвода^[39]. А вот были ли моряки экспедиции финикийцами или нет, до сих пор остается под вопросом – есть мнение, что на самом деле это были греки, но здесь “последнее слово еще не сказано”^[40]. Мы же, как и все, продолжим называть их финикийцами. Так что “финикийцы, плывя вдоль африканского побережья в течение трех лет, действительно вернулись в Египет со стороны Средиземного моря”^[41].

В нашем распоряжении уже имеются почти все кусочки мозаики, для того чтобы полностью сложить картину. Почти, потому что, как и прежде, не хватает лишь одного: что же было истинной причиной победы Мидии и Вавилонии над Ассирией в 612 г. до н.э.? Или по иному: что так ослабило Ассирию (или же усилило ее врагов), позволив мидийцам и вавилонянам победить эту сильнейшую переднеазиатскую державу того времени?

Казалось бы, синхронность тотального поражения Ассирии описанному выше событию ведущего потока, т.е. посланной фараоном Нехо II в ~600 г. до н.э.^[42] экспедиции вокруг Африки, могла бы свидетельствовать в пользу инхронической приуроченности победы мидийцев и их союзников вавилонян над Ассирией к этому ведущему постосевому событию – пусть и не очень значительному в середине I тыс. до н.э., но получающему огромное значение для всего мира в постосевом инхроническом будущем середины II тыс. н.э. – вспомним Великие географические открытия европейцев, начавшиеся с плавания Колумба и Васко да Гамы и его ближайших по времени предшественников. Все так, конечно... Но тогда почему данное событие вызвало синхронный ему всплеск инхроэнергетики только у мидийцев с союзниками, а ассирийцы, наоборот, просели? Ведь и те и другие реализовывали один и тот же месопотамский волжский постосевой ответ и боролись меж собой за те же самые территории, соединяющие Каспий с Персидским заливом сухопутно-воднотранспортным мостом данного ответа.

Нет, здесь что-то другое... – явно имелся еще один причинный корешок у всех этих взаимодействий, связок и противостояний. Причем, скорее, имелся у мидийцев и возглавляемых ими других западных иранцев, чем у переднеазиатов вавилонян или ассирийцев, если учесть протекавшее в первой половине I тыс. до н.э. цивилизационное развитие на востоке Ирана и в Средней Азии, где по историческим меркам не так давно образованием Великой Бактрии завершился процесс зарождения и становления новой ирано-среднеазиатской цивилизации с зороастризмом в качестве ее главного культурного стержня. Причем сам зороастризм, являясь порождением рефлексивной психики (возможно, в столь раннее время X в. до н.э. еще смеси рефлексивной и мифологической психики), весьма действенно приглу-

^[39] И. П. Магидович, В. И. Магидович “Очерки по истории географических...”, стр. 47-48.

^[40] Там же, стр. 48-49.

^[41] Ю. Б. Циркин “От Ханаана до...”, 259.

^[42] Точные даты, когда могло состояться такое плавание, рознятся даже в трех приведенных выше работах. Поэтому и далее будем употреблять размытую датировку ~600 г. до н.э.

шал рефлексивные процессы ввиду своей изначальной генеральной направленности против рефлексии и связанных с ней явлений, губительных для коллективного общественного творчества, т.е. для реализации среднеазиатского постосевого ответа, что, собственно, и позволило при наличии довольно благоприятных условий для интенсивного развития рефлексии в данном регионе (множество пересечений и совпадений осевых-постосевых маршрутов) благополучно довести сей ответ до стадии цивилизации и государства Великая Бактрия. Но не более – в условиях куда меньшей рефлексии (а возможно, и при ее полном отсутствии) активное инхроническое и политическое развитие общества в виде реализации месопотамского волжского ответа (то самое коллективное общественное творчество, только на сей раз применительно к месопотамскому ответу) в это время вовсе шло на западе Ирана. И шло оно отнюдь не в Ассирии...

Иное дело – мидийцы, которые, в отличие от ассирийцев, располагали всеми необходимыми возможностями, чтобы прочно опереться на столь мощный культурно-инхронический ресурс, как параллельно развивающаяся на востоке ирано-среднеазиатская цивилизация. Тем более что особая близость мидийского и парфянского языков, относящихся к одной языковой группе (иранской северо-западной^[43], в то время как соседи парфян по Восточному Ирану и Средней Азии были, как правило, восточными иранцами по языку), могла немало поспособствовать установлению самых разных, в том числе культурных и экономических, связей между двумя этими народами. По мнению же большинства современных исследователей, во времена присоединения Парфии к империи Ахеменидов как сатрапии Партава область расселения парфянских племен располагалась как раз близ хорасанской границы Восточного Ирана и Средней Азии – где-то по обеим сторонам хребта Копетдаг или даже севернее его^[44]. В целом о восточной границе Мидийской державы мало что известно, но по самой распространенной версии как среди античных авторов, так и современных исследователей, граница эта после периода мидийской экспансии доходила до Парфии и Гиркании^[45], не исключено, что включала и их, а это само по себе уже знаменательно.

В столь непростой инхронической ситуации взятие мидийцами вместе с союзными вавилонянами Ниневии в 612 г. до н.э. с последующим пол-

^[43] Д. И. Эдельман “Мидийский язык (стр.13)” и Е. К. Молчанова “Парфянский язык” (стр. 13-27) в энциклопедическом издании В. С. Расторгуева (ред.) “Языки мира. Иранские языки. II. Северо-западные иранские языки”, М.: Индрик, 1999.

^[44] А. С. Балахванцев “Политическая история...”, стр. 17.

^[45] И. Н. Медведская “Древний Иран накануне империй (IX—VI вв. до н. э.). История Мидийского царства”, СПб.: Петербургское Востоковедение, 2010, стр. 22, 24, 30, 173. Хотя имеется и другая особая точка зрения, согласно которой Мидийская держава “несомненно” включала в себя и Парфию с Гирканией, а еще: “Арею – вероятно, Согдиану – возможно, хотя вряд ли целиком, Хорасмию [*Хорезм* – А.З.] – едва ли”, плюс “Дрангиана и, вероятно, уже тогда побережье Кермана и острова Персидского залива” (И. М. Дьяконов “История Мидии от древнейших времен до конца IV века до н.э.”, М., Л.: Издательство АН СССР, 1956, стр. 349). С другой стороны, располагай Мидия во времена своей экспансии столь мощным восточным ресурсом, как говорится, “вживую”, а не только как потенциальной возможностью использовать его в будущем, вряд ли солнечное затмение в 585 г. до н.э. смогло бы остановить ее на западном лидийском рубеже, и для исправления этого “перекося” персидская империя Ахеменидов тоже вряд ли понабилась бы... Все указывает на то, что Мидия реализовывала один лишь воднотранспортный месопотамский вариант волжского ответа, а значит империей в постосево-м смысле она никоим образом не являлась и проникать так далеко на восток, как предполагает И. М. Дьяконов, настолько близко к маршруту среднеазиатского постосевого ответа (чуть ли не до Бактрии) тоже вряд ли... не то чтобы могла – не могла, похоже, даже не собиралась.

ным разгромом ассирийской армии в 605 г. до н.э. и в самом деле уже вполне могли быть вызваны последней каплей – синхронной всему этому экспедицией финикийцев, – поскольку удачное плавание вокруг Африки несло с собой возможность реализации нового воднотранспортного постосевого ответа по океанам вокруг Африки, который в отдаленном постосево-инхроническом будущем серьезно (в отличие от среднеазиатского ответа – иранцы всегда смогли бы договориться меж собой, хотя бы на общей культурной почве) угрожал бы как месопотамскому ответу мидийцев, так и среднеазиатскому ответу восточных иранцев, что еще больше сближало восток и запад Ирана. А это в свою очередь породило волну мобилизации северо-западных иранцев с соответствующим всплеском их постосево-инхроэнергетики и падением инхроэнергетики ассирийцев, не располагающими таким мощным долгосрочным ресурсом, как мир ирано-среднеазиатской цивилизации на востоке Ирана, объединившись с которым можно было бы успешно противостоять новому океанскому воднотранспортному постосево-атлантическому с точки зрения обитателей Западного Средиземноморья (о нем уже упоминалось ранее в предыдущих этюдах). Таким образом, иначе и короче говоря, экспедиция финикийцев могла послужить всего лишь катализатором для давно назревавшего последнего победоносного наступления инхронически более мощных и перспективных мидийцев с их потенциальными восточно-иранскими союзниками...

Как мы уже не раз наблюдали, при инхронической причинности синхронная реакция ведомого социума на событие ведущего потока зачастую случается немного раньше ведущего события (может, конечно, и точно совпадать, и даже произойти несколько позже), поэтому нет ничего удивительного в том, что мидийская реакция на африканскую экспедицию финикийцев произошла на десятилетие или около того раньше самой экспедиции. Обычно такое наблюдается в случае неожиданного для инхроники события ведущего потока, а экспедиция финикийцам, скорее всего, как раз и была таким вот неожиданным для постосево-инхроники событием, которое, собственно, и стало-то фатальным в постосево-инхроническом потоке всего лишь *незадолго* до проявления самого события, т.е. до совершения плавания вокруг Африки, в результате совершенно непредусмотренного инхроникой чисто причинного воздействия на ведущий процесс со стороны какого-то другого отличного от него процесса. Для выяснения, что это был за процесс, требуются дополнительные исследования и время, которым я в настоящей работе не располагаю... Вот это “незадолго” мы и наблюдаем в преждевременном всплеске постосево-инхроэнергетики мидийцев и столь же резком ее падении у ассирийцев (см. еще и описание причинно-инхронического эффекта “саечка за испуг” в третьем этюде Хронографии №3 в первой книге настоящего исследования).

Однако была еще одна реакция на плавание финикийских моряков, и тоже чисто причинная, спустя годы, а то и десятилетия после плавания, когда все последствия и угрозы существования воднотранспортного маршрута из Европы вокруг Африки в Индийский океан, а значит и в саму Индию, были досконально прочувствованы людьми и учтены коллективным архетипическим бессознательным социумов, реализующих в Азии различные варианты средиземноморского и волжского ответов, в результате чего стал формироваться первый постосево-инхронический *имперский объединяющий* ответ, пытавшийся соединить несколько постосево-инхронических воднотранспортных ответов и их разновидностей (прежде всего месопотамский и среднеазиатский варианты волжского ответа) в рамках одного государства. Сей творческий прорыв

случился в подвластном Мидии персидском царстве Аншан, и в середине VI в. до н.э. Кир II, царь Анашана из рода Ахеменидов, перейдя к реализации только-только возникшего в недрах персидского общества имперского ответа, поднял восстание против Мидии, которую одолел в течение трех лет. Так зародилась и стала стремительно расширяться империя Ахеменидов – первая в мире постосевая империя.

Таким образом, две попытки западно-иранских народов своими государственными структурами вырваться на азиатские просторы, вызваны были двумя реакциями на одно и то же в общем-то не столь уж и значимое в исторических масштабах событие – на экспедицию финикийских моряков вокруг Африки, состоявшейся в ~600 г. до н.э. Только первая попытка мидийцев, синхронная данному событию, была порождена причинно-инхронической реакцией на него, ставшей таким триггером-катализатором давно идущих в Северо-Западном Иране социально-политических и культурно-инхронических процессов по реализации месопотамского варианта волжского ответа, в то время как вторая чуть более поздняя персидская попытка уже реализовывала совершенно новый воднотранспортный имперский постосевой ответ по объединению локальных вариантов волжского ответа (месопотамского и среднеазиатского), а в пределе, возможно, и восточно-средиземноморского ответа, в рамках одного государства – империи.

Из приведенных выше фактов и рассуждений отчетливо видно, что между рефлексирующей психикой и осевыми-постосевыми империями имеется какая-то связь, причем связь эта явно отрицательная – империи зарождаются в регионах со слабой рефлексией. Что в общем-то вполне понятно, поскольку рефлексивные психические процессы подавляли инхроэнергетику постосевого ответа, в том числе и имперских. Проиллюстрируем данное положение рядом примеров.

Ахеменидская империя, как и ее предшественница Мидийская держава, возникла в слаборефлексирующем Западном Иране, откуда распространилась на рефлексирующие Восточный Иран и Среднюю Азию, возможно, попутно перенимая от восточных иранцев зороастризм, хотя более вероятно, что зороастризм сам распространился на запад еще во времена Мидийской державы, которая на востоке граничила с Восточным Ираном, а на северо-востоке, может быть, даже Средней Азией.

Римская империя еще в своем республиканском политическом облике зародилась в неререфлексирующем Западно-Центральном Средиземноморье, затем раздвинула свои границы до Восточного Средиземноморья, где подпала под воздействие здешних крайне интенсивных рефлексивных процессов.

Кушанская империя получила свое начало в среде неререфлексирующих степных кушанских племен, после того как они из восточных степей под ударами племен хунну (сюнну) перебрались в Среднюю Азию, организовали здесь то ли племенной союз, то ли уже государство, которое спустя еще век-полтора завоевало почти всю Среднюю Азию и сильно рефлексирующую Северо-Западную Индию, а затем раздвинуло свои индийские границы до Камбейского залива (!) на юге и центра Северной Индии на юго-востоке^[46], превратившись таким образом в империю в самом что ни на есть постосевом смысле, поскольку империя объединила среднеазиатский вари-

^[46] См. карту “Индия в I-V вв. н.э.” в В. Д. Неронова (ред.) “История древнего мира”, Книга 3 “Упадок древних обществ”, Издание 3-е исправленное и дополненное, М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1989, стр. 403.

ант волжского постосевого ответа с ганго-камбейским постосевым ответом населения Индии.

Даже так и не сумевшая (или не успевшая) стать империей Парфия активизировалась и пришла в движение только после вторжения в ее пределы совершенно нерефлексирующих степных племен парнов, которых где-то в начале второй половины III в. до н.э. объединил один из племенных вождей Аршак, после чего вторгся в земледельческую Парфию, создав тем самым предпосылки к появлению в будущем независимого от Селевкидской империи Парфянского государства под управлением династии Аршакидов, которое возникло после второго вторжения парнов Аршака в Парфию ближе к концу III в. до н.э.^[47] И если за начало реализации принять бурную деятельность Аршака I, то получается, что где-то около середины III в. до н.э. в этом царстве, по всей видимости, был сформирован свой имперский ответ, отличный от кушанского. А спустя век, примерно с середины II в. до н.э., с началом следующей более активной и явной фазы имперского ответа, парны, но уже вместе с некогда завоеванными парфянами и гирканцами, под водительством своего уже царя Митридата I из династии Аршакидов перешли в наступление на западные иранско-месопотамские и на восточные греко-бактрийские территории^[48], к тому времени уже основательно пропитавшихся рефлексией, распространяя и здесь свой имперский ответ, явно включавший в себя комбинацию месопотамского и среднеазиатского вариантов волжского постосевого ответа, а возможно, еще на этой ранней фазе и восточно-средиземноморский ответ. В итоге же им достался только месопотамский вариант волжского ответа – как было сказано выше, со временем Парфия оказалась зажата между Римом и Кушанией...

Похожая ситуация с имперским постосевым ответом сложилась и в Китае. Здесь, судя по всему, повышенная рефлексия с середины I тыс. до н.э. развивалась в бассейне среднего и нижнего Хуанхэ, т.е. на территориях так называемых “центральных” царств, расположенных в области становления древнейшей государственности Китая: Чжао, Вэй, Хань и Ци. В результате чего империя возникла на северо-западе Китая, откуда расположенное к западу от “центральных” царств царство Цинь из разряда “периферийных” и, надо полагать, менее рефлексирующих царств (к которым относились еще и Чу на юге в бассейне Янцзы и Янь на крайнем северо-востоке, чьи земли доходили до территории современной Кореи) в 244-221 гг. до н.э. завоевало все остальные китайские царства, положив тем самым начало первой китайской постосевой империи^[49].

Правда, с китайским имперским ответом имеется одна странность – дело в том, что “империя Хань и держава Хунну появились в течение одного десятилетия”^[50]. Хань – это следующая после Цинь династия и империя в Китае. Хунну (сюнну) – кочевые племена, обитавшие в степях севернее Китая, в основном как раз близ северной границы царства Цинь. Сама империя

^[47] А. С. Балахванцев “Политическая история...”, стр. 66, 68-70, 81, Рис. 1. Карта. Дахи в V-II вв. до н. э. между стр. 80, 81.

^[48] Там же, стр. 105, 106.

^[49] Т. В. Степугина “Лекция 28. Расцвет рабовладельческого общества в Китае” в И. С. Свеницкая (ред.) “История древнего мира”, Книга 2 “Расцвет древних обществ”, Издание 3-е исправленное и дополненное, М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1989, стр. 491–516, на стр. 492, и карта “Китай в V-III в. до н.э.” на стр. 570; С. Л. Тихвинский (ред.) “История Китая с древнейших времен...”, Т. II, Л. С. Переломов (ред.) “Эпоха Чжаньго, Цинь и Хань...”, стр. 643.

^[50] Н. Н. Крадин “Империя Хунну”, Издание 2-е, переработанное и дополненное, М.: Логос, 2001, стр. 39.

Цинь просуществовала недолго – возникнув в 221 г. до н.э., с 209 г. до н.э., сразу после смерти первого императора Цинь Ши-хуанди в 210 г. до н.э., она начинает разваливаться и вскоре сменяется империей Хань в 206/202 г. до н.э. (разные историки отсчитывают начало Хань от разных событий).

Держава Хунну начинает формироваться после прихода у хуннов к власти шаньюя (правителя – то ли надплеменного вождя, то ли уже почти царя – здесь мнения историков также расходятся, как и в том, была ли хуннская держава союзом кочевых племен, полугосударством, ранним государством или даже кочевой империей, правда, под последней понимается весьма специфическое военно-политическое и социально-экономическое образование) Модэ в 209 г. до н.э. Таким образом, если империю Хань и хуннскую державу разделяет не более “десятилетия”, то же само практически правомерно и для Цинь и Хунну – возникновение империи Цинь в 221 г. до н.э. и начало формирования державы Хунну в 209 г. до н.э. разделяет 12 лет^[51]. Так что можно с полным правом говорить также и о достаточно сильной синхронности возникновения *первой* китайской империи Цинь и началом формирования кочевой “полуимперии” Хунну, а этот факт гораздо весомее, чем синхронность между началами Хань и Хунну, поскольку свидетельствует о том, что имперский постосево́й ответ в этом регионе в принципе мог зародиться как среди совершенно нерефлексирующих хуннов, так в молорефлексирующем царстве Цинь, откуда потом распространился на соседние хуннские или циньские территории. А так как во всех остальных регионах имперский ответ распространялся от менее рефлексирующих сообществ к более рефлексирующим, то хунны имеют некоторое преимущество перед Цинь в качестве претендента на роль источника имперского ответа в восточноазиатском регионе. В любом случае циньско-хуннский синхронизм свидетельствует о том, что восточноазиатский имперский ответ зародился где-то в периоде Чжаньго (“Броющиеся царства”, V-III вв. до н.э.) в ходе длительного интенсивного военного взаимодействия между хуннами и китайским царством Цинь.

Если взглянуть на будущие деяния хуннов, то и здесь отчетливо прослеживается присутствие имперского ответа, только уже не китайского тихоокеанского (Хуанхэ+Янцзы), а более западных, поскольку после поражения, которое сяньбийские племена – очередные гегемоны восточных степей – нанесли хуннам в середине II в. до н.э. часть хуннов мигрировала далеко на запад, на Волгу, где они осели и смешивались с местными угорскими племенами в течение около 200, после чего стали известны европейцам под именем гуннов^[52]. Таким образом, очевидно, что хунны первым шагом своей миграции на запад переходили с тихоокеанского имперского постосево́го ответа на волжский постосево́й ответ, но этим дело не ограничилось.

В семидесятых годах IV века гунны переходят Дон и победой над остготами Северного Причерноморья^[53] берут под свой контроль большую часть степных северных маршрутов восточно-средиземноморского ответа. А это уже внешнее проявление нового имперского ответа хуннов-гуннов, который они, скорее всего, осуществляли еще с момента миграции из восточных степей на Волгу последовательным объединением волжского и восточно-средиземноморского ответов в степной части их воднотранспортных

^[51] Подробнее с китайской и хуннской хронологией можно ознакомиться в Л. Н. Гумилев “История народа хунну”, М.: Астрель, 2010, в синхронистической таблице (XVI век до н.э. – II век н.э.), стр. 276-303, конкретно в нашем случае см. даты на стр. 276.

^[52] Там же, стр. 262-263.

^[53] Там же, стр. 267.

маршрутов, создавая тем самым новую кочевую “полуимперию” – гуннскую. Дальше больше – гунны выходят из своего степного ареала и обрушиваются на Центральную и Западную Европу почти до самых западных окраин последней, обнаруживая, таким образом, свой повышенный интерес не только к западно-средиземноморскому постосевому ответу, но, возможно, и к атлантическому вокруг Африки.

Однако в итоге гунны с множеством своих сателлитов, в том числе и остготами, были остановлены коалицией римлян, вестготов и аланов в кровопролитной битве на Каталаунских полях близ Орлеана “Здесь столкнулись войска едва ли не всей Европы”... После чего последовала полоса поражений гуннов вплоть до смерти их главы Атилы в 453 г. А вскоре после смерти Атилы гуннское имперское образование, просуществовавшее до того около века, “рассыпалась в одночасье”, и гунны большей частью отступили в свои “причерноморские и приазовские степи”, откуда потом перекочевали на Среднюю Волгу^[54]. Еще один несостоявшийся имперский ответ...

Но это дела уже эпохи Великого Переселения народов – одной из тем следующего этюда.

^[54] О. Ивик, В. Ключников “Гунны”, М. : Ломоносовъ, 2015, стр. 198-216.

пятый этюд: «Великий перелом»

В этом этюде мы займемся изучением закономерностей периода завершения осевой инхрозоны (ЗОИ) в ~120 г. до н.э. – ~220 г. н.э. и последовавшего в конце ЗОИ Великого Переселения народов (или же просто Переселения), поскольку одно от другого неотделимо.

Великое Переселение народов в одном из современных исследований определяется как:

“...особый период исторического развития, когда на значительном историческом пространстве (уже не античность, но еще не средневековье), ограниченном конкретными хронологическими рамками (II–VII вв.) и определенной территорией (Европа, Азия, Африка), взаимодействие варварства и цивилизации достигло своей наиболее интенсивной фазы. Результатом этого взаимодействия, как следствия взаимопроникновения и взаимоуничтожения римского и варварского миров, явилось зарождение нового типа цивилизации”^[1]

Вот так, ни много ни мало – “нового типа цивилизации”, но все верно. Мы же со своей стороны всего лишь немного уточним: уничтожение не только римского мира, но и ханьского на противоположной стороне Великого шелкового пути (ВШП), и что эти исчезновения цивилизованных миров вызваны были не только интенсивным взаимодействием с варварским миром, но и другими гораздо более глубинными причинами.

В культурно-хронологическом плане период Переселения в той же работе и на той же странице разделен на три подпериода: “германский” во II–IV вв., “гуннский” в IV–V вв. и “славянский” в VI–VII вв.

И все же начнем мы с уже отчасти знакомого нам периода ЗОИ. В самом конце этого периода практически синхронно исчезают сразу несколько крупных государственных образований: на Дальнем Востоке империя Хань прекращает свое четырехвековое существование вместе с отречением последнего императора династии в 220 г.^[2], империя распадается на три государства и наступает так называемый период Троецарствия; на Среднем Востоке Парфянское царство в 220-ых гг. сменяется персидским государством Сасанидов^[3], а Кушанская держава, зачастую также именуемая империей, где-то, вероятнее всего, в первой половине III в. распадается на более мелкие политические единицы^[4]. Римская империя падет несколько позже в

^[1] В. П. Буданова “Варварский мир эпохи Великого переселения народов”, М.: Наука, 2000, стр. 7.

^[2] В. М. Майоров “Восстание «Желтых повязок» и падение династии Хань” в С. Л. Тихвинский (ред.) “История Китая с древнейших времен до начала XXI века в десяти томах”, Т. II, Л. С. Переломов (ред.) “Эпоха Чжаньго, Цинь и Хань (V в. до н.э. – III в. н.э.)”, стр. 256–257.

^[3] Н. К. Дибвойз “Политическая история Парфии”, СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2008, стр. 226–229 (перевод оригинального издания N. C. Debevoise “A Political history of Parthia”, Chicago: The Oriental Institute of the University of Chicago, 1938); М. Колледж “Парфяне. Последователи пророка Заратустры”, 2004, стр. 171–172 (по оригиналу М. А. R. Colledge “The Parthians”, London: Thames and Hudson, 1967).

^[4] Л. А. Боровкова “Кушанское царство (по древним китайским источникам)”, М.: Институт востоковедения РАН, 2005, стр. 270, 277; Б. Я. Ставиский “Кушанская Бактрия. Проблемы истории и культуры”, М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1977, стр. 130–131; Е. В. Зеймель, Г. Ф. Ильин “Лекция 12. Кушанское царство. Индия в начале I тыс. н.э.” в В. Д. Неронова (ред.) “История древнего мира”, Книга 3 “Упадок древних обществ”, Издание 3-е исправленное и дополненное, М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1989, стр. 220–230, на стр. 223. Кушанская хронология чрезвычайно туманна и запутана, имеется множество хронологических шкал, каждая со

IV-V вв. и по несколько иным причинам, однако и Рим в конце ЗОИ, сразу после выхода из осевой инхрозоны, входит в длительную полосу кризисных явлений, названных историками кризисом III в. до н.э.^[5]

Как было сказано в предыдущем этюде, отталкиваясь именно от этих хронологических данных, и был сделан вывод, что осевая инхрозаона окончательно завершилась в ~220 г. н.э. Однако более детальное рассмотрение ситуации позволяет немного уточнить прежнюю дату – осевая инхрозаона завершается в ~225 г. н.э. Тем не менее продолжим и далее придерживаться даты ~220 г. н.э., поскольку разница с точки зрения синхронности для данной исторической эпохи совершенно ничтожна и ничего не решает.

В итоге все три государства: Хань, Парфия и Кушания, так или иначе в той или иной степени прекращают свое функционирование как одна из главных мировых держав по окончании действия осевой инхроники на их социумы. И это наш главный вывод или постулат, – с какой стороны посмотреть... – касательно периода ЗОИ. Поэтому хотелось бы чуть конкретнее коснуться связей каждого из этих государств с осевой инхроникой.

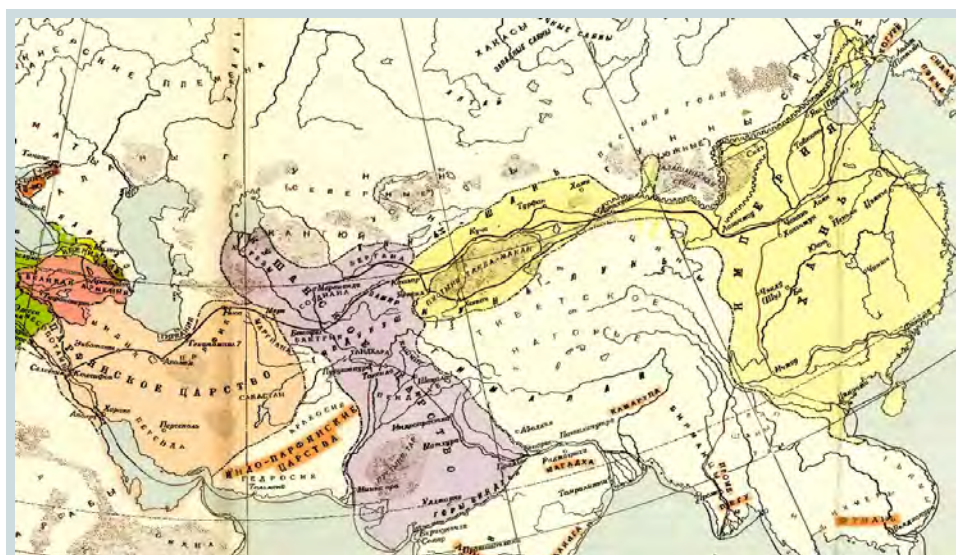


Рис. 5.12

Часть древнего мира в начале II в. н.э.

(Фрагмент карты взят из С. Л. Утченко (ред.) "Всемирная история в десяти томах", Том II, М.: Государственное издательство политической литературы, 1956, карта №33)

Ранее уже было говорилось, что Кушанию зачастую именуют империей, и в этом, как ни странно, есть свое здоровое зерно даже с инхронических позиций. Если взглянуть на занимаемые Кушанским государством земли на пике ее территориального роста (см. карту на Рис. 5.12, на которой Кушанское царство отмечено сиреневым цветом), то видно, что Кушания объединяла два воднотранспортных постосевых ответа: среднеазиатский вариант волжского ответа и ганго-камбейский ответ в Индии. Об этом свидетельствует тот факт, что, на юго-востоке Кушания доходила до прямой (почти прямой), соединяющей Камбейский залив на западном побережье

своими плюсами и минусами, и датировка распада Кушанского царства первой половиной III в. – это всего лишь попытка свести все эти даты в достаточно широком средневзвешенном хронологическом интервале, который в нашей нотации можно представить и как ~225 г., т.е. 225±25 г., с вполне приемлемой для данного периода точностью инхронических синхронизмов.

^[5] И. П. Сергеев "Римская Империя в III веке нашей эры. Проблемы социально-политической истории", Харьков: «Майдан», 1999.

Индии и место слияния Ганга с его притоком Джамной, имеющих важнейшее значение для ганго-камбейского ответа, а на северо-западе включала в себя Бактрию, Согдиану и примыкающий к Аральскому морю Хорезм, которые точно так же играли первостепенную роль в среднеазиатском волжском воднотранспортном ответе.

Кроме того, оживленные торговые связи Кушанской империи с Египтом^[6] по воднотранспортному торговому пути, идущему от Камбейского залива через Аравийское море в Красное море и Египет (путь остался за пределами фрагмента карты Рис. 5.12), а также воднотранспортный каботажный торговый путь вдоль берега от того же Камбейского залива в Персидский залив и далее по Тигру до парфянской столицы Ктесифона (а этот путь как раз-таки приведен на фрагменте карты Рис. 5.12), фактически до ВШП, говорит еще и об интересе Кушанской империи к связям по средиземноморским воднотранспортным трассам и по воднотранспортным маршрутам месопотамского варианта волжского ответа. Так что и впрямь империя, к тому же с весьма широким кругом интересов...

В Кушании с осевой инхроникой более всего был связан среднеазиатский вариант волжского воднотранспортного ответа, поскольку его трассы меридионально пересекали главную магистраль ВШП по Согдиане и Бактрии. В предыдущем этюде много говорилось о гармоничном взаимодействии постосевых ответов с осевыми во временном интервале УОИ+ЗОИ, при котором реализация постосевых ответов во многом опиралась на реализацию осевых ответов. И когда в период ЗОИ осевая инхроэнергетика начала постепенно спадать до нуля в связи с выходом из инхрозоны, это не могло не отразиться и на уровне сопряженной с ней постосевой инхроэнергетике, что, собственно, вместе с падением уровня пососевой инхроэнергетики из-за протекавших ранее интенсивных процессов рефлексивной “расшифровки” постосевых символов подсознания в результате и привело к распаду Кушанской империи в первой половине III в.

Что касается Парфии, то, как видно на той же карте Рис. 5.12, она и с точки зрения инхроники была всего лишь царством, реализующим только месопотамский вариант волжского воднотранспортного ответа, возможные сухопутно-воднотранспортные трассы которого точно так же пересекали ВШП в Месопотамии и Западном Иране. Поэтому серьезное ослабление Парфии по выходе из осевой инхрозоны явно было вызвано теми же причинами, что и распад Кушании, только процессы рефлексивной “расшифровки” протекали здесь не столь интенсивно. А то, что в результате в Иране к власти пришла персидская династия Сасанидов, свидетельствует о том, что распложенная значительно южнее основных иранских земель Персида при своей реализации месопотамского волжского постосевого ответа существенно меньше опиралась на осевые ответы и ВШП. И персы гораздо менее болезненно отреагировали своей постосевой инхроэнергетикой на полный спад осевой инхроэнергетики до нуля, что и позволило им взять власть в Иране в свои руки.

Таким образом, на Среднем Востоке распады и исчезновения до того сильных государств в самом конце осевой инхрозоны или даже немного за ее пределами были вызваны тем обстоятельством, что трассы реализуемых этими государствами воднотранспортных постосевых ответов на многих участках совпадали с трассами ВШП, а это в свою очередь приводило к сильной привязанности процессов реализации данных постосевых ответов и

^[6] Т. А. Шеркова “Египет и Кушанское царство (торговые и культурные контакты)”, М.: «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1991.

их инхроэнергетики к реализации соответствующих осевых ответов, к осевой инхроэнергетике и осевой инхронике в целом. И с прекращением осевых процессов ориентированные на их поддержку мировые государства и империи обрушились разом, практически одновременно, поскольку реализации их воднотранспортных постосевых ответов были слишком уж заточены на *инхроническую* осевую поддержку ВШП – коротко говоря, все манипуляции по реализации постосевых ответов этими политическими образованиями в основном производились регулировкой маршрутов и товарооборотов трасс ВШП в *осевом* будущем, и никак иначе, а в случае отсутствия самого осевого будущего после выхода из осевой инхрозоны... – на нет и суда нет, как говорится.

Распад китайской империи Хань в конце ЗОИ, судя по его синхронности событиям в Кушании и Парфии, также явно произошел по тем же самым причинам и в похожих обстоятельствах, только торгово-путевая и воднотранспортная картина здесь была несколько иной – как бы повернутой на 90 градусов. Осевая магистраль ВШП, подходя с запада к району ханьских столиц – Чанъани (Западная или Ранняя Хань) и Лояну (Восточная или Поздняя Хань), – разделялась на две главные составляющие (см. карту на Рис. 5.12): трассы одной резко уходили на северо-восток аж до Корейского полуострова, а другой – еще резче уходили далеко на юг в Южный Китай. В результате Хуанхэ и Янцзы, главные воднотранспортные артерии Китая, больше в бассейне Хуанхэ, меньше – Янцзы, частично совпадали, а частью, пересекали эти уже полумеридиональные-полуширотные трассы ВШП в широтном направлении, но суть дела от этого не менялась – реализация воднотранспортных постосевых ответов и здесь была сильнейшим образом привязана к осевой инхронике и уровню ее инхроэнергетики. И со спадом последнего до нуля в конце ЗОИ, упал также и уровень постосевой инхроэнергетики, и империя Хань точно таким же образом и в то же самое время исчезает с политической карты мира, как и мировые государства Среднего Востока.

А что же Европа? Что же знаменитый Рим? Здесь в период ЗОИ сложилась несколько более сложная картина. Дело в том, что при всем своем низком уровне рефлексии из-за малого объема переплетения осевых и постосевых трасс (подробнее см. в предыдущем этюде) осевые продолжения торговых путей ВШП в Центральном и Западном Средиземноморье большей частью совпадали с воднотранспортными маршрутами западно-средиземноморского постосевого ответа, которые в то же время при определенных условиях вполне могли превратиться в ответвлениями восточно-средиземноморского ответа на запад. Или же, наоборот, северная часть маршрутов восточно-средиземноморского ответа вплоть до Балтики с полным правом могла выступить в роли ответвления на север главной воднотранспортной магистрали западно-средиземноморского постосевого ответа – в зависимости от того, какой из этих ответов победил бы в их непрекращающейся со времен начала греческой колонизации Западно-Центрального Средиземноморья (VIII в. до н.э.) конкурентной борьбе за талассократию в западной части Средиземного моря, в которой участвовали еще и Карфаген, и Этрурия. Однако еще до начала периода ЗОИ победил Рим и образованная им Римская империя, тогда еще республика по политическому устройству, но уже империя по факту – и по культурно-историческим, и по инхроническим фактам, – смогла объединить в себе оба средиземноморских ответа под эгидой западно-средиземноморского постосевого ответа. Поэтому в период ЗОИ имеет смысл говорить в основном о выросшем из западно-

средиземноморского ответа объединенном средиземноморском – римском – ответе, который на востоке уже включал в себя и воднотранспортные маршруты подавленного, точнее будет – оттесненного, а, скорее, даже просто аффилированного восточно-средиземноморского ответа.

В результате малого объема переплетения осевых и постосевых маршрутов объединенного римского постосевого ответа в западной части Средиземного моря и их много большего переплетения в Восточном Средиземноморье возникла диспропорция в уровнях рефлексии между населением Западного и Восточного Средиземноморья, что неизбежно вело к некоторому дополнительному росту нестабильности объединения этих двух регионов одним римским ответом, уже и без того отягощенным подспудно все еще тлеющим противостоянием его средиземноморских составляющих. В то же время распространение высоко рефлексивной греческой культуры из Восточного Средиземноморья на запад со временем начинает сглаживать разницу в рефлексии регионов Средиземного моря, тем самым несколько снижая градус противостояния обоих средиземноморских ответов. В результате с I в. до н.э. наблюдается расцвет блестящей римской культуры, однако вместе с тем из-за роста рефлексии постепенно снижается инхроэнергетика и эффективность реализации самого римского ответа, чему, как увидим далее, в свою очередь противодействует распространение в римском обществе более антирефлексивных древневосточных и иранских культов, зачастую синкретических, проникших в рефлексивную античную среду еще в эллинистическую эпоху. И Рим входит в колебательный контур распад-консолидации двойственных по своей внутренней сути диктатур. Однако с присоединением Египта и переходом к полуимперскому политическому строю принципата империя по какой-то пока неизвестной нам причине в конце концов стабилизируется на достаточно долгое время, что находит свое внешнее выражение в существенной стабилизации ее внешних границ.

Все это мы обсудим и попытаемся понять, но чуть позже. Сейчас же лишь зафиксируем: казалось бы, с завершением осевой инхрозоны Римская империя должна была точно так же обрушиться в ~220 г. н.э. да еще с более глубокими разрушительными последствиями, чем на Среднем Востоке и в Китае, из-за к тому времени уже достаточно высокой рефлексии римской общества, выросшего на основе из еще более рефлексивной греческой культуры, и изначального инхронического противоборства воднотранспортных постосевых составляющих в самом объединяющем римском имперском ответе. Тем не менее, как ни странно, Римская империя не распалась, не развалилась подобно карточному домику... Но! В 212 г. появляется эдикт Каракаллы о предоставлении римского гражданства всем свободным жителям Римской империи, который можно расценивать как некий признак процессов децентрализации в империи в связи с совокупным спадом осевой и постосевой инхроэнергетики. К тому же Каракалла и его брат Гета, люто ненавидевшие друг друга наследники своего недавно скончавшегося отца императора Септимия Севера, незадолго до данного эдикта вроде бы намеревались разделить империю между собой: Каракалле – Европа, Гете – Азия... [Геродиан, IV.3]^[7].

И самое главное и значительное – с 235 г. убийства императора Александра Севера империя впадает в глубочайший кризис, который продолжался до 284/285 г. начала правления Диоклетиана, более известный ис-

^[7] Геродиан “История императорской власти после Марка в восьми книгах”, Перевод (вместе с шестью своими учениками) и общая редакция А. И. Доватура, СПб.: Издательство «Алетейя», 1995, стр. 169-170.

торикам как кризис III века или период так называемых “солдатских императоров” (т.е. императоров, бывших выходцами из рядового состава простых легионеров), именуемый еще и “военной анархией” и даже началом конца Римской империи^[8]. Да и по хронологическим рамкам кризиса III века и по вызвавшим его причинам, единого мнения так и не сложилось, как и по его типологии – был ли этот кризис политическим, экономическим, социальным, культурным, регионально-провинциальным и т.д. или вообще всеобщим, всеобъемлющим. Ведутся споры также и по значению и месту кризиса в римской истории.

Если же за период протекания кризиса принять наиболее популярную и общепринятую среди историков версию 235-285 гг., то с позиций инхронического подхода многие спорные моменты и токования сразу получают свое однозначное разрешение, так как дата начала кризиса 235 г. оказывается настолько близка дате окончания осевой инхрзоны ~220 г. (а уж тем более уточненной дате ~225 г.), выведенной по культурным реакциям остальных трех мировых держав (Парфия, Кушания, Хань), что позволяет говорить о глобальной синхронности данного момента римской истории аналогичными процессами в этих державах. И тогда неизбежно приходим к выводу что основной причиной кризиса III века в Римской империи, как и других держав, поясом протянувшихся по зоне умеренных широт Северного Полушария от Тихого до Атлантического океана, был спад осевой инхрэнергетики до нуля в связи с окончательным выходом из осевой инхрзоны. А это в свою очередь означает, что кризис был всеобщим, и что он и в самом деле маркирует начало конца Римской империи.

Тем не менее Риму из этого кризиса удастся выйти, империя тотчас не распалась, а реформами Диоклетиана, введшего систему управления домината вместо принципата, еще и усилила концентрацию власти в руках императора, что свидетельствует о каких-то процессах централизации, подспудно протекавших параллельно с распадными процессами выхода из осевой инхрзоны.

Таким образом, с I в. до н.э., т.е. практически с начала периода ЗОИ, в Риме наблюдается сочетание чисто распадных процессов децентрализации, проявленных в эпизодах гражданских войн, с некой всего лишь видимостью централизации, как правило, сводящейся к сосредоточению власти в руках одного человека – диктатора, а на деле – все тот же распад и постепенная ликвидация общеримских республиканских институтов. Хотя, с другой стороны сам республиканский строй – это уже свидетельство низкой инхрэнергетики общества, недостаточной для его полной консолидации и прочной централизации... Что ж, попытаемся разобраться, с чем, с какими причинными и инхроническим эффектами и механизмами мы имеем дело в данном конкретном древнеримском случае.

В самом конце II в. до н.э. так называемая Югуртинская война в Африке выдвинула на политическую арену сразу двух выдающихся римлян – Гая Мария и Луция Корнелия Суллу, из деятельности которых впоследствии, собственно, и выросла римская военная диктатура, и которые в начале войны были соратниками, а затем стали непримиримыми врагами^[9]. Все это,

^[8] И. П. Сергеев “Римская Империя в III веке...”, Глава 3 “Кризис III века и его место в истории Римской империи”, стр. 145-183; Ю. Б. Циркин “«Военная анархия» (из политической истории Рима III в. н.э.)” в сборнике Э. Д. Фролов (ред.) “Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира”, Вып. 9, СПб.: Издательство СПбГУ, 2010, стр. 271–288.

^[9] С. И. Ковалев “История Рима”, Новое издание, исправленное и дополненное под общей редакцией профессора Э. Д. Фролова, СПб.: ООО «Издательство «Полигон», 2002, стр. 428.

сложившись с накаленным все более ожесточенным противостоянием между демократической (популярны) и аристократической (оптиматы) партиями в народном собрании и вне его, в итоге в 88 г. до н.э. впервые поставило римское общество на грань гражданской войны, когда, преданные Сулле римские легионы пошли на свою собственную столицу – Рим был взят, а Марий с частью марианцев бежал из Италии^[10]. И раз за разом то один, то другой лидер на данный момент преобладавшей в противоборстве стороны получал от сената диктаторские полномочия, а в последний раз – у победившего Суллы – вообще бессрочные^[11]. Вот одна из характеристик Суллы, данная ему современным историком, весьма любопытная с точки зрения сочетания объективных процессов централизации-децентрализации общества:

“Деятельность Суллы носила противоречивый характер. Общей тенденцией законодательства была реставрация республики, однако социальная политика диктатора, его произвол и репрессии объективно оказывали разрушительное воздействие на республиканский строй, расчищая дорогу монархии”^[12]

Поэтому неудивительно, что вскоре после смерти Суллы инциденты противоборства вспыхивают все чаще и с еще большей силой: Лепид, Помпей, Цезарь... А с 49 г. до н.э. разгорается длительная гражданская война – Цезарь переходит реку Рубикон, отделявшую Италию от Галлии, наместником которой он был в то время, и овладевает Северной Италией. Помпей и его сторонники сбегают из Рима и собирают свою армию. В следующем году Цезарь наголову разбивает Помпея в битве при Фарсале в Фессалии, а бежавшего Помпея убивают в Египте... В результате после ряда последовавших побед над помпеянами и сыновьями Помпея Цезарь в 45 г. до н.э. становится пожизненным диктатором Рима и республики, но уже в 44 г. до н.э. его убивают в сенате заговорщики, среди которых были как помпеяны, так и некоторые из его сторонников...

После убийства Цезаря гражданская война лишь усиливается – за власть уже бились заговорщики с его сподвижниками. В скором времени в борьбу вступил и внучатый племянник Цезаря 19-летний Октавиан. В результате в 31 г. до н.э. после решающего морского сражения у мыса Акциум победу одерживает Октавиан. Умный и дальновидный (надо полагать) Октавиан не стал повторять ошибок своих предшественников присвоением себе неограниченного диктаторского статуса, а вместо этого последовавшими вскоре реформами в 27-23 гг. до н.э. учреждает полумонархический-полуреспубликанский строй, названный впоследствии принципатом (от слова принцепс, означающего “первый”, и подразумевающего, что император – всего лишь первый среди равных ему сенаторов, выступает первым, а на самом деле – это уже титул почти что правителя-монарха), в котором он попытался свести в компромиссе новую систему территориальной монархии с прежними традициями республики, положив в его основу сосредоточение в своих руках высшей власти в провинциях при достаточно широких властных полномочиях в самом Риме. И что удивительно – данный компромисс продержался около трех веков...

^[10] А. Б. Егоров “Лекция 2. Римская республика с середины II в. до 31 г. до н.э.” в В. Д. Неронова (ред.) “История древнего мира”, Книга 3 “Упадок древних обществ”, Издание 3-е исправленное и дополненное, М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1989, стр. 22–48, на стр. 33.

^[11] Там же, стр. 34.

^[12] Там же, стр. 35.

Если просуммировать все сказанное, то мы видим, как почти весь I в. до н.э. нарастают процессы распада и децентрализации в виде ли доходящего до длительных войн гражданского противостояния, в виде ли концентрации власти в руках одного ничем и никем неограниченного тирана-диктатора, своими действиями только разрушающего устои республики, и не дающего ничего взамен, кроме как произвола и насилия. В итоге данный колебательный распадный процесс к концу I в. до н.э. сходится к установлению на сравнительно долгое время строя полумонархии-полуреспублики под названием принципат. Таким образом, в установлении принципата близ границы эр явно просматривается действие неких пока что не совсем понятных (точнее, и вовсе непонятных) процессов консолидации общества, которые удерживают Римское государство от, казалось бы, неминуемого распада еще на начальных этапах периода ЗОИ, который завершался полным спадом осевой инхроэнергетики и существенным спадом постосевой инхроэнергетики из-за столь же существенно комплементарного взаимодействием постосевых процессов с осевыми.

Итак, с римскими распадными процессами в период ЗОИ вроде бы все понятно – они также порождены выходом из осевой инхροзоны. Так что и все кризисы Римской державы: и кризис I до н.э., и кризис III до н.э., также были вызваны той же самой причиной – выходом из осевой инхροзоны в период ЗОИ (~120 г. до н.э. – ~220 г. н.э.). Понятно также и то, почему в Риме кризисные процессы распада наблюдаются прямо с начала периода ЗОИ, в то время как в других мировых державах они проявляются только в самом конце ЗОИ – ранее уже говорилось о много большей, чем в других мировых державах, зависимости от осевых ответов ВШП постосевых ответов населения Восточного Средиземноморья, как раз в I в. до н.э. присоединенного к Римской империи, чем, собственно, и можно объяснить столь ранний спад постосевой инхроэнергетики римского общества почти в самом начале завершения осевой инхροзоны.

Непонятно одно – что это за таинственные процессы консолидации общества, которые в столь тяжких инхронических условиях раз за разом удерживали Римское государство на краю распада и гибели? Истинные процессы централизации и консолидации, впервые проявившие себя в учреждении системы принципата Октавианом, а не та диктаторская блажь, что на протяжении I в. до н.э. лишь способствовала дальнейшему ослаблению и постепенному разрушению Римского государства (см. цитату ком. 12). Это также и не те процессы, которые способствовали возникновению Римской державы и ее развитию на протяжении всей второй половины I тыс. до н.э. в ходе реализации ею западно-средиземноморского постосевого ответа, с самого начала нацеленного на постепенное объединение его с восточно-средиземноморским ответом под главенством первого, начавшего весьма серьезно инхроэнергетически слабеть в связи с усилением рефлексии еще с II в. до н.э. начала завоеваний Рима в Восточном Средиземноморье (Македония, Эпир и Греция) и с вхождением в период ЗОИ выхода из осевой инхροзоны в конце этого века. Иначе эти изначально цементирующие государство и общество постосевые процессы вступили бы в действие не в конце I в. до н.э. (принципат), а гораздо раньше – как минимум, с 88 г. до н.э., когда конфликт Мария и Суллы перешел в фазу открытого военного противостояния в первой в истории Рима гражданской войне, и Сулла, которого хотели сместить с поста главнокомандующего в войне с Митридатом и назначить Мария, повел свои легионы на Рим, а его легионеры целиком и полностью поддержали своего командира. Чем не привычный сюжет времен кризиса III

в. или даже и того раньше – междоусобицы, воцарившейся после смерти Нерона в 68-69 гг.?

Нет, эта неожиданная, будто свалившаяся с неба, загадочная консолидация римского общества вступила в действие и впервые проявила себя лишь на границе эр, в правление принцепса-императора Октавиана Августа. И очень похоже на то, что в это время был сформирован и начал реализовываться какой-то новый постосевой ответ. И на первый взгляд, казалось бы, уже не воднотранспортный ответ, так как все возможные и при том существенные воднотранспортные перспективы Средиземноморья уже давным-давно были задействованы, оставались лишь совершенно неподконтрольные империи балтийско-речные корни восточно-средиземноморского ответа, но вряд ли эта мелочь смогла бы сцементировать раннюю империю более чем на два века при все нарастающем падении осевой и постосевой инхроэнергетики Рима в последних двух третях периода ЗОИ. В таком случае не исключена и даже более чем вероятна возможность того, что новый постосевой ответ, в отличие от прежних объединяющих ответов, характеризовался, прежде всего, не типом, т.е. не сферой его реализации, а не совсем обычным способом объединения нескольких уже существующих воднотранспортных ответов в один ответ, который коренным образом отличался от уже привычного имперского.

И вот что интересно – в 30 г. до н.э., незадолго до учреждения принципата реформами 20-х гг. до н.э., Октавиан присоединяет к Риму Египет, последнее независимое государство Восточного Средиземноморья, впрочем, рассматривая его не как обычную римскую провинцию, а как свои личные владения^[13].

На этих страницах уже много говорилось о важной роли Египта в деле реализации обоих средиземноморских постосевых ответов. Еще со времен начала Великой греческой колонизации Западного и Центрального Средиземноморья и побережья Черного моря древние греки при реализации ими восточно-средиземноморского ответа, вне всякого сомнения, рассматривали западно-средиземноморский ответ, как ответвление восточно-средиземноморского ответа на запад, и не более того. Но, когда грекам и македонцам после походов Александр Македонского не удалось создать единую империю, включающую в себя и Балканы и Азию вплоть до Средней Азии и Северо-Западной Индии, и часть Африки в лице Египта, римляне быстро приступили к реализации своей модели объединения средиземноморских ответов, в которой уже воднотранспортные трассы восточно-средиземноморского ответа на север в Черное море и дальше рассматривались как ответвления главной магистрали западно-средиземноморского ответа, что и стало инхронической основой будущего превращения Рима в Римскую империю и в территориально-политическом, и в инхроническом смысле. А внешним выражением активизации римской инхронической парадигмы выступило начало продвижения Римской державы за пределы Италии на Балканы и в Восточное Средиземноморье в целом.

И вот, взяв под контроль Египет, отделявший Средиземное море от Индийского океана, римляне вроде бы практически уже полностью добились давней цели, желанной еще со времен переселения “народов моря” на запад, – главенства западно-средиземноморского воднотранспортного постосевого ответа в Средиземном море. Но у восточно-средиземноморского ответа еще оставались свои козыри в рукаве...

^[13] С. И. Ковалев “История...”, стр. 549.

Однако, чтобы досконально разобраться со всем этими вопросами, следует проследить не только инхроническую историю интересующих нас регионов Средиземноморья на протяжении, как минимум, второй половины I тыс. до н.э. и начала I тыс. н.э., но и развитие символической психики и динамику распространения некоторых ее культурных разновидностей в этом периоде.

В предыдущем этюде мы уже поднимали разговор о том, что “расшифровка” некоторых *постосевых* подсознательных символов с опорой на схожие структуры как в *осевом* подсознании, так и на уже “расшифрованном” их представлении в знаковом содержимом сознания, проще говоря, осознание постосевых глубин подсознания с помощью уже осознанных осевых символов, неизбежно рано или поздно ведет к спаду постосевой инхроэнергетики. И, похоже, что именно такой случай мы наблюдаем в неожиданном возвышении Македонии в конце IV в. до н.э., когда маленькая слабо рефлексивная страна на периферии греческого мира легко, можно сказать, походя, смогла захватить всю Грецию. Ту самую Грецию, которая полутора веками ранее выстояла против огромной Ахеменидской империи, одержала ряд побед над ней и изгнала захватчиков с греческих земель. Никто не отрицает полководческий талант Александра Македонского, но решающее слово здесь все-таки сыграла разница в уровнях постосевой инхроэнергетики между македонцами и греками.

Еще раз отметим, что из всех перечисленных Ясперсом регионов, в которых в осевое время проявились самые яркие признаки рефлексивной психики, только в Греции процесс рефлексии зашел так далеко, что по уровню вскоре стал сравним с уровнем времен европейской Столетней войны (только с другим набором инхроник), а то и превосходил его – ведь не зря же процесс возвращения католической Европы к античным ценностям при длительном переходе от Средневековья к Новому времени назовут Возрождением... С течением времени, особенно начиная с ~600 г. до н.э. до н.э., уровень рефлексии и реализма (на ранних этапах одно тесно связано с другим) в работах греческих мыслителей, философов, поэтов, писателей, драматургов, художников, скульпторов и прочих творцов, создающих и познающих мир и общество, лишь нарастал, – как мы выяснили, из-за намного большего, чем в Центрально-Западном Средиземноморье и даже на континентальном востоке, сплетения воднотранспортных постосевых трасс восточно-средиземноморского ответа с осевыми продолжениями торговых трасс ВШП в восточной части Средиземного моря. Но примерно с конца V в. до н.э. наблюдается некоторое смещение ритмов истории, а точнее – существенный спад инхроэнергетики греков, проявивший себя уже в Пелопоннесской войне, и затем продолжившийся в так называемом кризисе IV в. до н.э.^[14] В то время как северо-балканские народы, чье общество было только затронуто блестящей эллинской культурой, крайне далеко продвинувшейся на пути увеличения рефлексии в психике своих носителей, сумели сохранить достаточно высокий уровень постосевой инхроэнергетики тем, что всего лишь потребляли продукты греческой культуры, по сути дела, не производя их. Точно так же как и развивавшийся далеко на западе Рим, который в это время и даже несколько позже всю свою постосевую инхроэнергетику больше вкладывал в средиземноморскую экспансию (т.е. в данном случае – в реализацию западно-средиземноморского постосевого отве-

^[14] В. И. Кузищин (ред.) “История Древней Греции”, М.: Высшая школа, 1986; С. Я. Лурье “История Греции”, под. ред. Э. Д. Фролова, СПб.: Издательство СПбГУ, 1993.

та), чем в создание каких-то чисто культурных продуктов психической рефлексии.

И похоже на то, что этот спад инхроэнергетики греческого общества, возникший в результате крайне интенсивного рефлексивного развития предыдущих веков как раз и стал основной причиной, не позволившей греко-македонцам решить задачу, которую в свое время, не справившись с завоеванием Греции, не довели до конца и персы, а именно – создание огромной империи, по территории даже большей, чем империи Ахеменидов (ведь не зря же Александр так неукротимо рвался к границам Китая и вглубь Индии), где сошлись бы вместе все южные средиземноморские территории восточно-средиземноморского постосевого ответа с маршрутами обоих вариантов (месопотамского и среднеазиатского) волжского ответа. В итоге вместо этого мы видим разодранное на куски отдельных государств весьма самобытное эллинистическое культурное пространство, с конца IV в. до н.э. и почти весь III в. до н.э. все больше и больше раздираемое и разрыхляемые нескончаемыми войнами диадохов и эпигонов^[15].

Параллельно нарастали тенденции индивидуализма, противопоставляющие личность гражданской общине (например, полиса), и в то же время “нарушение общинных связей, переселение, широкое общение друг с другом представителей разных народностей определили появление идеологии космополитизма”^[16] То есть, как и в Риме периода ЗОИ, налицо сочетание явных распадных процессов с какими-то другими процессами, правда, в данном эллинистическом случае отнюдь не консолидации, а скорее, с процессами выхода на более высокий уровень культурной самоидентификации, что в начальных фазах обычно и выглядит, как космополитизм.

При этом:

“Характерной чертой интеллектуальной жизни периода эллинизма было отделение специальных наук от философии. Количество накопленных научных знаний, объединение и переработка достижений разных народов вызывали дальнейшую дифференциацию научных дисциплин”^[17]

Как видим, развитие рефлексивной психики, вызвавшее указанное выше размывание постосевых символов подсознания и утрату ими своей нуминозной силы воздействия на психику людей и поведение общества, продолжилось и в эллинистическое время, причем с еще большей интенсивностью, чем до того. Обычно при описании данного феномена чаще и больше всего говорится о влиянии греческой культуры на культуры стран и народов Ближнего и Среднего Востока по всему пространству эллинистического мира. В терминах нашей психосоциальной составляющей инхронической модели культурных, политических, экономических и иных процессов это означает усиленное распространение некоторых структурно схожих комплексов осевых и постосевых символов эллинского культурно-инхронического происхождения среди местного населения соответствующих территорий.

^[15] И. Г. Дройзен “История эллинизма” в трех томах, М.: Академический Проект, Киров: Константа, 2011.

^[16] И. С. Свенцицкая “Лекция 19. Эллинистическая культура” в И. С. Свенцицкая (ред.) “История древнего мира”, Книга 2 “Расцвет древних обществ”, Издание 3-е исправленное и дополненное, М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1989, стр. 353–368, на стр. 355.

^[17] Там же, стр. 356.

Сразу заметим: в процессе дрейфа эллинской подсознательной архетипики местные осевые и постосевые архетипические символы и их комплексы, отвечающие за отображение тех же самых реалий внешнего объективного мира, что и мигрировавшие символы эллинского происхождения, судя по всему, никуда не исчезали, и даже не теряли своей инхроэнергетики, поскольку при всей схожести внешних объективных явлений, в том числе и инхронических, породивших данные символы, последние должны были весьма существенно различаться в случае греческого и местного их происхождения, так как возникали они все же в существенно разных инхронических, культурно-исторических и иных средах, в том числе и ресурсно-природных. И тем не менее общая инхроэнергетика каждого из местных социумов падала в процессе дрейфа эллинских символов к восточному населению, поскольку совокупность местных подсознательных символов разбавлялась более рефлексивными, а значит, менее инхроэнергичными, пришедшими эллинскими символами.

В то же время, как показывает множество исторических свидетельств, данный процесс культурного влияния на территориях эллинистического культурного пространства отнюдь не был односторонним. Другими словами, дрейф подсознательной культурной символики шел здесь не только от греческого мира к местным восточным социумам, но и в обратном направлении, т.е. от восточных культур к греческому населению самих Южных Балкан и Ионии на западе Малой Азии, не говоря уж о восточных территориях, на которых греко-македонцы расселились в ходе завоеваний Александра Македонского и после них.

Внешне это вылилось, прежде всего, в проникновение в эллинистическое время восточных культов в чисто греческую этнокультурную среду как поклонение различным синкретическим божествам, в которых соединялись черты восточных и эллинских богов, таким как: Кибела-Рея, Сирийская богиня, а особенно, египетские (!) боги Исида, Серапис-Осирис, Анубис и другие, культы которых впервые появляются в Греции уже в конце IV-начале III в. до н.э., затем пышно расцветают в II-I вв. до н.э. и в эпоху Римской империи^[18]. Это все древние боги Ближнего Востока и Малой Азии. В то же время среди греков эллинистической эпохи не менее широкое распространение получают и культы иранских божеств: Ахуры Мазды, Веретрагны, Анахиты, других, причем особым расположением пользовался Митра, о чем свидетельствует распространенность имени Митридат среди эллинистических правителей и знати^[19].

Так что:

“В контакте Греции и Азии, который был следствием завоеваний Александра Великого, трудно измерить то, что дал Восток эллинистической цивилизации. Может быть, следует выразиться так: ничего для литературы и науки, немногим больше для искусства и философии, почти все – для религии”^[20]

А после римского завоевания Греции и всего Восточного Средиземноморья восточные культы начинают активно проникать и в Рим...

^[18] П. Левек “Эллинистический мир” (перевод французского оригинала Paris: Armand Colin, 1969), М.: Наука Главная редакция восточной литературы, 1989, стр. 146-154.

^[19] Ф. Кюмон “Мистерии Митры” (перевод французского оригинала Bruxelles: H.LAMERTIN, LIBRAIRE-ÉDITEUR, 1913), СПб.: «Евразия», 2000, стр. 27-28.

^[20] П. Левек “Эллинистический...”, стр. 160.

Но “Почему распространялись восточные культы?” Именно так называется вторая глава в одном из авторитетных трудов по взаимодействию восточных религий с античным язычеством^[21]. А ведь и в самом деле – почему? Уточним: не только и даже не столько культы, – это лишь внешняя оболочка, – сколько несущая их подсознательная глубинная архетипическая символика Востока.

В связи с чем можно привести одно весьма примечательное мнение по поводу ответа на данный вопрос. Правда, высказано оно было применительно к римскому периоду экспансии восточных культов, тем не менее все началось еще в эллинистическую эпоху:

“...став владыками ойкумены, римляне всегда чувствовали некую внутреннюю ущербность – отсюда их преклонение перед Грецией. Чтобы восполнить этот пробел, потребовалось интегрировать восточных богов в римский пантеон”^[22]

Примерно к такому же выводу приходит и сам Франц Кюмон, акцентируя внимание не только на ощущении внутренней ущербности, вначале пробившемся в эллинистическом мире, чтобы затем поселиться и расцвести полным цветом среди античного населения Римской империи, но, прежде всего, на тех духовных благах и предпочтениях, которые восточные культы через эллинских посредников несли римлянам, чем, собственно, и вызывали в последних неодолимую тягу к восточным религиям, сектам, культам, ритуалам, мистериям... В Главе II вышеуказанного своего сочинения, Кюмон пишет о позднем римском мире:

“...в то время уже ничто не могло воскресить веру в силу древней и утратившей очарование науки. Никакое великое открытие не обновило представления о Вселенной. Природа более не раскрывала своих секретов, земля оставалась необработанной, а прошлое непроницаемым. Все дисциплины были забыты: осталось только повторение, и, обреченный на бесплодие, этот мир остро ощущал свой упадок и бессилие, оставив бесплодные поиски, умы отдались жажде веры”^[23]

“Впавшие в оцепенение науки больше не раскрывали неведомых истин. Растущее обнищание обескураживало всякую инициативу. Распространялась мысль о том, что человечество ожидает бесповоротное падение, что природа приближается к гибели, что конец света уже недалек. Необходимо помнить обо всех причинах этого упадка духа и беспомощности... В тяжелой атмосфере гнета и бессилия удрученные души с несказанным жаром стремились вырваться в сияющие просторы неба.

...

Восточные религии, действовавшие сразу на чувства, разум и совесть, поглощали человека целиком.

...

Почитание римских богов было гражданской обязанностью, поклонение чужеземным богам – выражением личной веры.

...

Восточные мистерии, направлявшие волю к идеальной цели и пробуждавшие внутренний дух, меньше пеклись о социальной пользе; но они умели вызывать это потрясение нравственного существа, которое извлекало из глубин бессознательного бьющие ключом эмоции, пересиливавшие всякий разум. Через внезапное озарение они давали предчувствие духовной жизни, напряженность которой делала пошлыми и презренными все материальные блага. Именно этот волнующий призыв к сверхъестественной жизни в этом и в ином

^[21] Ф. Кюмон “Восточные религии в римском язычестве” (перевод французского оригинала Paris, 1909), СПб.: Издательская группа «Евразия», 2002, стр. 47-76.

^[22] Там же, стр. 8 (вступительная статья Т. В. Антонова).

^[23] Там же, стр. 63-64.

мире сделал неотразимым слово их жрецов... Античность проиграла, началась новая эра»^[24]

Именно так – античность с ее все и вся перебарывающей рассудочной рефлексией проиграла и началась новая эпоха безраздельного владычества мифологизированного мышления, просуществовавшая более тысячи лет.

А вот как все это выглядит с точки зрения инхронического подхода и соответствующих этапов развития символической психики. Да, внешнюю причину массового распространения восточных культов в античной среде еще с эллинистических времен и впрямь можно назвать туманным ощущением “некой внутренней ущербности” у античных греков и римлян, нараставшей с развитием рефлексивного мышления. Ведь по мере “расшифровки” и знакового осознания постосевого подсознательных символов в обществе на основе уже осознаваемых осевых аналогий падала нуминозная сила воздействия этих символов на психику людей, снижая тем самым не только интенсивность религиозно-культового восприятия мира и связанных с ним переживаний и соответствующего поведения, т.е. веры как таковой, но страдала и инхроэнергетика всего общества в целом – и осевой, что в общем-то характерно для любых выходов из инхрозоны, но, как ни странно, и постосевой, что случается лишь на стыке двух *родственных (однотипных)* инхрозон и ведет к интенсивному развитию рефлексивной психики. А спад постосевой инхроэнергетики неизбежно вызывал спад темпов и качества реализации постосевых ответов. В результате в обществе все более и более росло безверие, бездуховность, начинает превалировать рефлексия, рациональное рассудочное понимание и объяснение всех и всяческих явлений в природе, в психике, в обществе и даже в самой сфере сакральных представлений – боги как люди... Поведение же индивидуумов все больше определялось личной выгодой, а не целями коллектива – на передний план выступала та самая “ущербность”, суть которой заключалась в *невозможности полноценной и полнокровной реализации ответов социума* в связи с сильнейшим падением инхроэнергетики в нем, вызванным интенсивным развитием рефлексивной психики в предыдущем и текущем периодах. Таким вот фатальным образом в периоды интенсивного развития рефлексивной психики понимание и постижение мира входило в трагический неразрешимый конфликт с созиданием и творением этого же мира, что в итоге выливалось в ощущение полной бессмысленности как своего личного существования, так и всего общества в целом, то самое ощущение “внутренней ущербности”... – вначале у составляющих социум наиболее чувствительных к инхронике индивидуумов, а затем и в более широких народных кругах.

Знакомая картина, не правда ли? Да, и мы с вами сегодня, в начале XXI века, живем в точно таком же ущербном бездуховном стремительно обесмысливающемся мире, в мире бога “Бабла”... Прошу прощения за сленг – просто так понятнее – и за преждевременное привлечение подобных параллелей и аналогий.

Попробуем еще раз осветить несколько важных моментов нашей психосоциальной инхронической модели, немного уточнив, а местами и дополнив их.

1. Не надо думать, что с началом выхода из осевой инхрозоны в 120 гг. до н.э., а особенно после окончательного выхода из нее в 220 гг., медлен-

^[24] Там же, стр. 75-76.

ным возвращением мифологической психики и затуханием научных методов познания прекратился и сам процесс познания в целом, все интеллектуальные исследования и изыскания. Ничего подобного – просто все эти интеллектуальные интересы, усилия и труды постепенно смещались в плоскость мистики, метафизики и мифологического мышления, в то же время возвращаясь в русло естественного – медленного и постепенного – развития познания, в отличие от его крайне интенсивных рефлексивных взрывоподобных форм:

“Ученые жрецы использовали все – пытливість наблюдений и достижения мысли – для достижения своей главной цели, разрешения вопроса о судьбах человека и мира и отношениях между небом и землей. Постоянно расширяющееся представление о мироздании беспрестанно видоизменяло особенности веры. Религия стремилась подчинить себе как физику, так и метафизику. Заслуга всех открытий приписывалась богам. От Тота в Египте и Бела в Халдее исходит не только откровение о богах и ритуале, но и все человеческие познания. Нам неизвестны имена восточных Гиппархов и Евклидов, которые разрешили основные проблемы астрономии и геометрии; вся путаная и несвязная литература ссылается на авторитет Гермеса Трисмегиста; учения о планетных сферах или противостоянии четырех стихий в ней помогают подкрепить систему антропологии и нравственности; астрономические теоремы ложатся в основу методики гадания; заклинательные формулы, призванные подчинить магу божественные силы, объединяются с химическими опытами и медицинскими предписаниями.

Эта тесная связь между наукой и верой сохраняется и в Риме. Теология все больше и больше сводится к обожествлению принципов или сил, известных науке той эпохи, поклонению Времени, рассматриваемому как первопричина, Звездам, движение которых предопределяет события в этом мире, четырем Стихиям, бесчисленные сочетания которых производят естественные явления, а главное, Солнцу, хранителю тепла, плодородия и жизни. Догматика мистерий Митры в некоторых отношениях представляет собой религиозное выражение римской физики и астрономии; во всех формах пантеизма познание природы считалось равноценным познанию Бога. Даже искусство, как мы уже видели (с. 44), все больше подчинялось тенденции выражать в изощренной символике научные идеи, и оно изображает посредством аллегорических фигур отношения между божественными и космическими силами, такими как Небо, Земля, Океан, Планеты, Созвездия и Ветры. Скульпторы вырезали на камне все то, о чем думали и чему учили. В общем, сохранялась верность принципу, согласно которому искупление и спасение зависят от раскрытия определенных истин, от познания богов, мира и нас самих, а благочестие превратилось в гнозис”^[25]

Таким образом, познание мира продолжилось и при мифологическом мышлении, просто гораздо медленнее и, ежели можно так выразиться, естественнее, без оголтелой рефлексии с ее интенсивной всеупрощающей “расшифровкой” и последующим весьма *частичным* осознанием многогранных и многозначных символов постосевого подсознания, которое иссушало как душу, так и разум человека, и в конце концов убивало само общество прекращением реализаций постосевых ответов из-за следующего за рефлексией или даже рука об руку с ней катастрофического падения инхроэнергетики этих сложных постосевых символов, вызванного столь упрощенным и ограниченным их пониманием в сознании людей или, иначе говоря, одним лишь преждевременным перемещением связанной с ними информации из подсознания в сознание.

О том же самом говорят упомянутые нами ранее свидетельства из державы Сасанидов, персидское население которой в Фарсе, в этой иранской глубинке, благодаря некоторому отдалению от остального ирано-парфянского эллинистического мира, да еще находясь вблизи весьма вероятной будущей постосевой трассы Каспий-Персидский залив, смогло избежать безудержной рефлексии и тем самым сохранить в относительной цело-

^[25] Там же, стр. 61-62.

стности сложные постосевые символы подсознания с их высоким уровнем инхроэнергетики. А в 220 гг. после окончательного выхода из осевой инхронзоны даже выдвинуло династию, которая сменила чрезмерно эллинизированные парфянских Аршакидов... Свидетельства эти также говорят и о том, что зороастрийские жрецы в сасанидском периоде проявляли живейший интерес к изучению научных знаний и различных сторон познавательной деятельности своих соседей (см. четвертый этюд, ком. 21), правда, понимаемых уже в новом религиозно-мистическом мифологическом ключе.

2. Возникшие в I тыс. до н.э. (Ясперсово осевое время) на волне рефлексии некоторые идеологии на самом деле были направлены против процессов рефлексии и рефлексирующей разновидности познания мира. К числу таких антирефлексивных идеологических (религиозно-философских) систем принадлежали зороастризм в Иране и Средней Азии, философский даосизм в Китае и, скорее всего, буддизм Хиньяны в Индии. Суть антирефлексивной “механики” этих идеологий сводилась либо к добавлению в обедневшее в результате рефлексии постосевое архетипическое подсознание совершенно новых постосевых сложных символов, по-новому отражающих некоторые аспекты постосевого будущего, либо же к расширению ассоциативной палитры прежних “затухающих” постосевых символов.

Надо полагать, именно такую антирефлексивную функцию в эллинистические и последующие римские времена выполняли и древневосточные культы, перенимаемые античным населением, наращивая тем самым актуальность информации постосевого подсознания, а значит, и повышая его нуминозность, причем не только у греков или римлян, но даже в какой-то мере и у обитателей западных римских провинций в целом. Что, собственно, и заставляло их, чувствуя некоторую свою “ущербность” (сильнейшее падение нуминозной силы, т.е. инхроэнергетики, постосевого подсознания), тянуться к этим культам.

3. Как помним, возникновение Ахеменидской империи в середине I тыс. до н.э., сопровождаемое ростом и расширением торговых связей на всем пространстве этой огромной страны, которые в то же время являлись уже *реализованной* частью будущего ВШП, привело к сильнейшей синхронной культурной реакции ряда регионов на западе и востоке цивилизованной Евразии, в том числе и к появлению новых цивилизаций (в Средней Азии и Восточном Иране) или к переходу уже существующих в новую фазу развития (интенсивная рефлексия в древнегреческом обществе и последующий эллинизм, Хань в Китае) в полосе цивилизованных сообществ вдоль будущего ВШП от Тихого до Атлантического океанов.

Что же говорить тогда о возникновении всего ВШП, уже не будущего, а самого что ни на есть настоящего, с начала периода ЗОИ в ~120 г. до н.э.? Казалось бы, можно ожидать, что культурные, идеологические, политические... да какие угодно! – реакции на это событие окажутся намного более мощными, чем на предыдущее аналогичное ахеменидское имперское событие. Но ничего такого в мировой истории вроде как не наблюдается... Ну, на востоке и западе Евразии синхронно складываются Римская и Ханьская империи... Ну, возвышение Парфии в это же время, и где-то тогда же кушаны переселяются из монгольских степей в Среднюю Азию... Но это все больше, скажем так, геополитика с геоинхроникой, т.е. синхронная реализация соответствующих имперских постосевых ответов. А где же тот культур-

ный фонтан, который забил в середине I тыс. до н.э., где взрыв культурных идеологических новаций?

Был-был, и фонтан был, и даже что-то похожее на взрыв, если рассматривать канву событий в надлежащем масштабе времени. Я имею в виду почти синхронное (с разницей менее столетия) появление в I в. н.э. первых двух так называемых мировых религий:

- христианства в начале века в Палестине, включенной в состав Римской империи в середине I в. до н.э., при том что предпосылки христианства восходят ко II в. до н.э. (если не раньше), например, к кумранской общине ессеев^[26] и другим иудейско-христианским сектам;

- буддизма Махаяны в конце века, по одной из версий – в южной Индии, по другой, более распространенной – в Северо-Западной Индии, которая в скором времени после этого входит в Кушанскую империю, где в I-II вв. н.э. Махаяна получает широкое распространение^[27], и, видимо, именно отсюда она проникает на расположенные восточнее территории Ханьской империи.

Что касается третьей мировой религии – ислама, возникшего в VII в., много позже, чем христианство и буддизм Махаяны, – то такая задержка могла быть вызвана несколько меньшим развитием религиозно-философских воззрений проживавшего на краю переднеазиатского мира населения Аравийского полуострова по сравнению с остальными обитателями Ближнего Востока. С другой стороны, находясь на периферии ближневосточного мира, арабы смогли избежать губительного воздействия рефлексии на свои постосеверные коллективные (архетипические) подсознательные символы и сохранить их инхроэнергетику на довольно высоком уровне. С третьей стороны, думается, что как раз это некоторое отставание в религиозных и философско-рефлексирующих исканиях и позволило аравийским купцам и бедуинам с их незашоренным взглядом на весь предыдущий религиозный опыт остального передне- и среднеазиатского населения создать столь интересную самобытную религиозную систему как ислам, наиболее последовательно претворяющего в жизнь монотеистическую идею Единого Бога. Более детально вопросы истоков и хронологии возникновения ислама мы затронем в одном из следующих этюдов.

Однако остаются еще и вопросы, в равной степени касающиеся всех трех мировых религий: что лежало в основе этих религий, было их наиглавнейшей особенностью? что отличало мировые религии от остальных культов? и почему именно эти религии оказались способными (каждая в свое время) распространиться на полмира? Обо всем этом – чуть ниже.

4. Великое Переселение народов началось около сер. II в. с двух сравнительно синхронных событий: с так называемых Маркоманских войн (166–180 гг.) германцев против расположенной на юге и западе от них Римской империи в Европе^[28] и с масштабного наступления сянбийцев на окружавшие их территории, в том числе на лежащую южнее Хань в 158-177 гг., которое вызвало еще и миграцию хуннов (сюнну) под ударами племен сян-

^[26] И. Р. Тантлевский “История и идеология Кумранской общины”, СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1994.

^[27] С. В. Пахомов “Махаяна” в М. Т. Степанянц (ред.) “Философия буддизма: энциклопедия”, М.: «Восточная литература», 2011, стр. 452-454, на стр. 453.

^[28] В. П. Буданова, А. А. Горский, И. Е. Ермолова “Великое переселение народов: Этнополитические и социальные аспекты”, СПб.: Алетей, 2011, стр. 36-78.

би из монгольских степей на запад вплоть до Волги в 155 г.^[29] Исходя из всего сказанного выше и в предыдущем этюде можно прийти к выводу, что главной причиной и истоком столь массовых передвижений населения в первой половине I тыс. до н.э. стал общий упадок инхроэнергетики цивилизованных стран и народов в полосе умеренных широт Евразии от Европы до Китая ввиду падения уровня осевой инхроэнергетики вплоть до нуля в период завершения осевой инхрозоны (ЗОИ), а также в результате спада уровня их постосевой инхроэнергетики, порой весьма существенного, из-за действия процессов рефлексии в том же периоде ЗОИ и даже еще раньше. И северные евразийские варвары, почуяв легкую добычу, устремились на юг, и тоже, условно говоря, по всему “лимесу” планеты – от Европы и Рима с его рейнско-дунайским пограничьем до Китая и Хань с ее Великой Китайской стеной... Наблюдавшиеся же изредка перемещения варваров с востока на запад в самом общем случае, скорее всего, были связаны с конфликтами за добычу в уже полуварварском (и то и кочевом полуимперском) мире наступавших на юг племен и народов, как это было, например, у хуннов-гуннов и их визави сяньбицев. Надо думать, в этом тотальном наступлении свое последнее веское слово в степной Евразии успел сказать и кочевой осевой ответ степняков – наконец-то, на самом выходе из осевой инхрозоны пришло и его время...

5. Таким образом, в ~120 г. до н.э. – ~220 г. н.э. осевая инхроника постепенно сходит на нет. Вместе с ней, разумеется, исчезает и рефлексирующая психика, ввиду исчезновения опорных осевых процессов, необходимых для ее функционирования, а подавленная до того рефлексией обычная и привычная мифологическая психика без помех возвращается на свое законное место. Отметим только, что смена рефлексирующей психики мифологической происходила в период ЗОИ столь же постепенно, как и полный спад до нулевого уровня осевой инхроэнергетики или, другими словами, как и исчезновение самой осевой инхроники.

Итак, мировые религии одна за другой, а христианство и буддизм Махаяны так и вообще почти одновременно, возникают вскоре после образования ВШП в ~120 г. до н.э. То есть здесь мы видим точно такой же феномен, который наблюдался в середине I тыс. до н.э. в связи с возникновением Ахеменидской империи и установлением в ней обширной надежной торговой сети, которая позже, в свое время, органично вольется в ВШП. Что, собственно, и стало главным синхронизатором взрыва культурных новаций в середине I тыс. до н.э. от Греции до Китая.

И тем не менее все три мировые религии несомненно несли в себе нечто такое общее, что коренным образом отличало их от других религий и культов. Поэтому стоит взглянуть на предпосылки появления мировых религий в первой половине первого тысячелетия нашей эры еще и с чисто системной точки зрения.

А с системной точки зрения возникновение обширной ахеменидской торговой сети в результате успешной реализации иранскими народами своих осевых ответов, стало еще одним предвестником очень скорого появления в историческом будущем ВШП, связывающего своими торговыми путями большую часть населения Евразии и Северной Африки в единую статическую торгово-экономическую систему. Статическую в том смысле, что

^[29] Л. Н. Гумилев “История народа хунну”, М.: Астрель, 2010, стр. 257-267.

она менялась сравнительно более медленно на фоне быстропеременной политической, да и исторической, обстановки. Однако вместе с вдруг раскрывшимися в середине I тыс. до н.э. новыми гранями осевых ожиданий и уточнением осевой ситуации в конце данного тысячелетия, благодаря взаимодействию осевых и постосевых процессов и, как следствие, попаданию из подсознания в сознание не только некоторых осевых содержаний, но и схожих с ними постосевых подсознательных символов (т.е. благодаря рефлексивной “расшифровке”), в какой-то степени еще в середине I тыс. до н.э. резко проявились и осознались также и некоторые стороны будущей постосевой обстановки.

Можно ожидать, что с началом появления в ~120 г. до н.э. ВШП уже не в инхроническом будущем, а в историческом настоящем, в окружающих реалиях настоящего, должно было вызвать еще более масштабное проникновение постосевых подсознательных содержаний в сознание людей, еще большее ослабление инхроэнергетики постосевых подсознательных символов, а следом и дальнейшего падения темпов реализации постосевых ответов, что неизбежно активизировало бы уже имеющиеся антирефлексивные механизмы в виде различных культов и учений, пытавшихся таким способом противостоять негативным последствиям рефлексии еще большим расширением ассоциативных связей прежних подсознательных постосевых символов и добавлением новых символов.

И на каком-то этапе этой внезапной резкой и достаточно сильной активизации антирефлексивных процессов в постосевое подсознание начинают попадать качественно совсем другие символы, чем были раньше, позволяющие по иному взглянуть на постосевое будущее. До этого, еще до появления ВШП в историческом реале, общечеловеческая будущая воднотранспортная постосевая сеть фигурировала в постосевом коллективном и личном подсознании людей, именно как сеть, т.е. как некая статическая система на манер ВШП, только не торгово-путевая, а в более широком воднотранспортном понимании, что, собственно, и способствовало столь массовой интерпретации постосевых подсознательных символов в ключе их осевых аналогов, извлекаемой в ходе взаимодействия осевых и постосевых ответных процессов. Однако с появлением в I в. до н.э. новой волны антирефлексивных постосевых символов данная общечеловеческая будущая воднотранспортная сеть уже предстает перед внутренним подсознательным взором людей не в этом своем привычном качестве, а как некая общечеловеческая *социальная* система, т.е. не как только воднотранспортная, не как просто транспортная, и уж тем более не как узко-специфическая торгово-путевая сеть, а как социальная система, в пределе объединяющая все человечество по всей планете и во всем многообразии деятельности ее членов. С другой стороны, если все же учитывать изначально основной воднотранспортный ее характер, быстропеременный касательно маршрутов и связей, особенно морской и океанской их составляющих, данная общечеловеческая социальная система уже является в значительной мере куда более динамичной, чем практически статичный по сравнению с ней торгово-путевой ВШП.

Здесь так и напрашивается сравнение серьезной ограниченности интенсивного рефлексивного научного познания мира с широчайшими горизонтами подсознательной символики: рефлексивная наука и философия античности довольно сильно приблизилась к полуосознанному пониманию особой важности для обществ постосевой эпохи судостроения и мореплавания, как и многих связанных с ними научно-технических дисциплин (астрономии, геометрии, металлургии и т.п.), и вместе с тем весьма мало продвину-

нулись (или даже совсем не продвинулись) в деле понимания единства и цельности будущей всепланетной воднотранспортной сети, за которой стояло объединение всего человечества в цельную *динамическую* социальную систему. И это, имея перед глазами пример подобного объединения человечества (или его большей части) Великим шелковым путем в осевой инхроне, только в существенно более *статичном* исполнении данного объединения.

Таким образом, этот двойной перелом в представлении постосевого будущего (общечеловеческая *социальная* система) и в его сущностных характеристиках (общечеловеческая *динамическая* социальная система), по всей видимости, и лег в основу мировых религий как новых постосевых ответов и обусловил их столь широкую популярность. Кроме того, феномен мировых религий в будущем становится намного более устойчивой альтернативой имперским ответам (при этом ни в коем случае не отменяя их взаимные самые разные сочетания), объединяя постосевые ответы общей культурной цивилизационной высоко инхронэнергетичной средой, а не довольно хрупким, как показала историческая практика, имперским образованием – та самая новая разновидность объединяющего ответа, о которой мы уже говорили в середине настоящего этюда.

К примеру, на Ближнем Востоке и в Европе этот ответ принял внешние культурные формы первоначально, как ни странно, гонимого большинством народа и преследуемого властями христианства. Может, гонимого исключительно под действием подсознательного стремления со временем укрепить и закалить в негативе совершенно новую необычную религию? Что, собственно, и произошло... И именно эти проклюнувшиеся еще в I в. до н.э. далеко от Рима в Восточном Средиземноморье предпосылки христианства, изначально активно менявшие постосевое инхроническое будущее ввиду проникающего с этого времени (т.е. после образования первых трасс ВШП в историческом реале в ~120 г. до н.э.) множества новых постосевых подсознательных символов к проживавшему на стыке сухопутного ВШП со Средиземным морем (в том числе и с Западно-Центральным Средиземноморьем) населению Палестины и Сирии, скорее всего, и лежали в основе быстрой стабилизации римского общества и его перехода к принципату, после того как Рим завоеванием Египет, завершил присоединение восточно-средиземноморских территорий в конце того же в I в. до н.э., что и удержало раннюю Римскую империю (принципат) на краю распада и гибели в первые века нашей эры. А после кризиса III века христианский объединяющий ответ продлил срок жизни поздней империи (домината) еще на пару столетий, выжил и сохранился после Великого Переселения народов в Византийской империи и ее наследнице России (как стержень российской евразийской цивилизации в лоне православия) и в западноевропейском средневековом католическом Христианском мире.

Вне всякого сомнения и христианство и буддизм Махаяны несли в себе сильнейший антирефлексивный заряд, чем только и можно объяснить, что обе эти идеологии изначально, еще задолго до окончательного выхода из осевой инхроны и повсеместного утверждения мифологическую психики в ~220 г., начали распространяться вширь и вглубь, опираясь исключительно на мифологическую составляющую мышления своих адептов. И тем не менее Махаяне не удалось добиться столь внушительных антирефлексивных эффектов, стабилизирующих социально-политическую обстановку в ареале ее распространения, как это было в Риме, и китайская империя Хань пала на выходе из осевой инхроны в ~220 г. Возможно, это связано с тем,

что Восточное Средиземноморье завоеванное Римом в I в. до н.э., которое как раз и стало родиной и основным очагом христианства, во второй половине I тыс. до н.э. было самым рефлексующим регионом планеты, что и вызвало столь мощную антирефлексионную реакцию со стороны постосевого инхронического будущего.

Итак, имеем: масштабный приток новых инхроэнергичных постосевых подсознательных символов, начиная с I в. до н.э. был вызван крайним истощением инхроэнергетики постосевого подсознания в предыдущую рефлексионную эпоху во всем цивилизованном мире от Европы до Китая, что спровоцировало вскрытие в многочисленных пластах ведущего постосевого потока социального аспекта функционирования мировой воднотранспортной сети с его сложнейшими высокоэнергичными символами. А это в свою очередь плюс ко всему могло привести к удлинению постосевой инхрозоны еще на несколько веков, поскольку конечным событием-источником постосевой инхроники наряду с возникновением глобальной воднотранспортной системы становится еще и возникновение порождаемой ею динамической социальной системы, для чего как раз и требовалось несколько дополнительных веков.

Да, постосевая инхроэнергетика неплохо сохранялась еще и у народов, не затронутых интенсивными рефлексионными процессами, т.е., как минимум, у всех нецивилизованных или недостаточно цивилизованных народов, но в какой-то мере и в среде древних восточных цивилизаций – те самые восточные культы, распространившиеся в античном мире в эллинистическую эпоху. А это уже другой, еще один, источник постосевых подсознательных символов, в некоторой степени сохранивших свою изначальную инхроэнергетику. В некоторой – потому что любая инхроэнергетика постепенно самым естественным образом расходуется на реализацию соответствующих ответов. Однако инхроэнергетика этих постосевых символов, сохранившихся на периферии рефлексии, не шла ни в какое сравнение с силой инхроэнергетики новой сложной постосевой символики, стоящей за мировыми религиями, которую можно было почерпнуть разве что в социальных пластах постосевой инхроники, открывшимися за новыми временными горизонтами удлинённой постосевой инхрозоны.

И еще специально отметим, что массовое появление в это переломное время в коллективных подсознательных представлениях людей таких образов, как Единый Бог, было связано с тем, что только близ окончания постосевой инхрозоны глобальная воднотранспортная сеть, начинает охватывать весь мир, и связанная с этой мировой сетью динамическая социальная система тогда и только тогда, а именно, в конце постосевой инхрозоны, становится общечеловеческой, т.е. совпадает со всем Человечеством. И это лишний раз подтверждает положение о новых сложных постосевых символах, проникших к некоторым социумам на границе эр, и со временем распространившиеся от них по всей планете, как о носителях сугубо социальной информации. То есть, как и говорилось выше: в многогранном многопластовом ведущем потоке в результате катастрофического падения постосевой инхроэнергетики вдруг вскрывается еще один слой – социальный, – неразрывно связанный с нарождающейся динамической социальной системой, которая стояла за глобальной воднотранспортной сетью, и была объединяема этой мировой сетью в единую системную цельность. По этой причине новые сложные постосевые символы, неожиданно хлынувшие в мир на границе эр далее для краткости будем называть постосевыми социальными, а существовавшие до того – постосевыми воднотранспортными, иногда

уточняя, если того потребует контекст: “удлиненной постосевой инхрозоны”.

И это не новый инхроимпульс, как можно было бы подумать. В конце концов, выход человека в космос в середине XX века, которым завершается удлиненная постосевая инхроза, – это не что иное, как прямой аналог выхода в открытый океан испанских каравелл или больших китайских кораблей минской эпохи в XV веке, только при совершенно иных обстоятельствах и в новых реалиях XX века, определяемых научно-техническим прогрессом, базовой составляющей постосевого ведущего потока, но самое главное – уже при совсем другой – новой – инхронике, отличной от постосевой и частично с ней совпадающей, полученной где-то в первой половине II тыс. н.э., под которой Человечество пребывало до середины XX века параллельно с еще незавершившейся удлиненной постосевой инхроникой и позже, до дней нынешних и еще позже – эта новая инхроза еще не завершилась, и когда завершится неизвестно.

Впрочем, об удлинении постосевой инхрозоны и о всех связанных с ним маркерах, передрягах, явлениях, процессах и хронологии мы еще продолжим разговор, но в следующих этюдах...

ШЕСТОЙ ЭТЮД: «Единый»

В предыдущем этюде некоторые вопросы, связанные с выходом из осевой инхрозоны, так и остались без ответа, а другие вообще даже не были затронуты. И самый первый и главный из них: почему третья мировая религия – ислам – возникла так поздно, аж в начале VII в., много позже христианства и буддизма Махаяны, почти синхронно появившихся в I в. на Ближнем Востоке и в Северо-Западной Индии? Поэтому вначале попробуем ответить на этот и другие вопросы, и лишь затем перейдем непосредственно к тематике данного этюда. Для этого нам потребуется чуть подробнее, хотя бы выборочно, фрагментарно и в самых общих чертах, обрисовать, культурно-инхроническую обстановку в Восточном Средиземноморье и на переднеазиатских территориях, сложившуюся в первые века нашей эры как ряд идеологических реакций на распространение здесь христианства и несомых им новых сложных подсознательных символов удлинённой постосевой инхрозоны, которые в предыдущем этюде нами с полным правом были названы социальными в противопоставление их прежним чисто воднотранспортным символам мировой воднотранспортной сети.

Итак, начнем.

Как мы предположили в предыдущем этюде, причиной внезапного удлинения в I в. до н.э. постосевой инхрозоны аж до середины XX века стало сильнейшее истощение воднотранспортных постосевых символов, т.е. катастрофическое падение уровня постосевой инхроэнергетики, в результате нарастающих процессов рефлексии. Что в свою очередь привело к мощному притоку социальных постосевых символов в архетипическое (самое глубинное коллективное) подсознание людей, активизации прежних ответов на постосевую инхронику в новом социальном символическом контексте и даже к формированию качественно новых ответов на нее. Эти социальные постосевые символы и далее распространялись (дрейфовали по социоинформационной ткани в результате взаимодействия людей и сообществ) в первую очередь внутри социальных сред с инхроэнергетически слабыми воднотранспортными постосевыми символами в подсознании составляющих их людей.

А переднеазиатским регионом с самыми “выгоревшими” воднотранспортными символами являлось как раз-таки Восточное Средиземноморье. И именно здесь зародилось христианство как первый ответ на поток новых социальных символов обитателей Галилеи в северной Палестине близ границы современных государств Израиля и Ливана. И в Восточном же Средиземноморье христианство получило самое большое распространение и наиболее ревностное почитание, особенно в раннем периоде. Отсюда – из восточной части Римской империи – христианство довольно быстро перекинулось на западную ее часть, где со II-I в. до н.э. проникновения Рима в Восточное Средиземноморье процессы рефлексии стремительно догоняли оную на востоке империи, и тем не менее все еще существенно отставали от восточно-средиземноморских темпов.

Если же взглянуть на карту христианизации в масштабе всей юго-западной Евразии, то большинство современных исследователей склонны к мнению, что темпы распространения христианства на запад от региона его зарождения, т.е. по территориям Римской империи, были значительно выше, чем на восток в Месопотамию и еще дальше в Иран, считая, таким образом, христианство на востоке менее значимым культурным феноменом, чем на

западе^[1]. И это в общем-то не должно вызывать удивление – мы уже имели возможность убедиться, что еще в первой половине I тыс. до н.э. местные западноиранско-месопотамские рефлексивные процессы заметно уступали в развитии рефлексии на востоке Ирана, в Средней Азии и в Восточном Средиземноморье, а следовательно, члены западноиранско-месопотамских сообществ имели возможность лучше сохранять уровень инхроэнергетики своей подсознательной постосековой воднотранспортной символики, несмотря на весьма высокие, тем не менее, скажем так: “естественные”, траты инхроэнергетики на реализацию постосековых ответов. Несмотря даже на всю эллинизацию парфянской культуры и всего Парфянского царства в целом – в конце концов, не будем забывать и о том, что культ Митры именно в парфянскую эпоху, еще до появления христианства, начал свое победоносное шествие на запад, а затем стал одним из главных конкурентов христианства в борьбе за души населения Римской империи.

История христианизации Парфии, а затем и персидского государства Сасанидов распадается на два периода^[2]: до второго царя сасанидской династии Шапура I, который в общем и целом можно назвать парфянским, и после восхождения Шапура I на трон Сасанидов, который, соответственно, назовем сасанидским. Походы Шапура I привели к массовым переселениям населения, причем значительная часть депортированных с запада уже были христианами, и темпы христианизации Месопотамии и Ирана, разумеется, несколько возросли, что, собственно, и разбивает историю евангелизации данного региона на два периода.

И все же ни “перемешивающие” население победоносные походы Сасанидских царей, ни даже начавшиеся в Византии с V в. гонения на христиан настороженного толка, которые стали массово переселяться на Восток, со временем не привело к столь же массовой христианизации державы Сасанидов, как это произошло в Сирии, Малой Азии, Египте... да по всей Римской империи. И причиной тому было одно “небольшое” отличие между Западом в лице Римской империи и Востоком, представленным державой Сасанидов, а именно – зороастризм иранского населения, чьи исходные воднотранспортными постосековые символы обладали еще достаточной инхроэнергетической силой, подкрепленной к тому же хорошо сохранившимся на окраине парфянского мира другим зороастрийским резервом – персидской постосековой архетипикой, для того чтобы противостоять проникновению в иранскую зороастрийскую ответную (на воднотранспортную составляющую постосековой инхроники) среду нового христианского постосекового ответа – ведь, как помним, христианство на первых этапах как раз-таки и распространялось в основном среди сообществ и/или их социальных слоев с почти полностью “выгоревшей” воднотранспортной постосековой психикой. Сами же новая социальная символика (т.е., собственно, постосековая инхроника с удлиненной инхрозоной), в отличие от ответов на нее в виде мировых религий или каких-либо внешних неиранских идеологических феноменов, разумеется, попадала к зороастрийцам, как и всякая другая инхроника, без каких-либо помех и препятствий.

О проникновении этих новых социальных символов к зороастрийцам говорит появление и укрепление у них в сасанидскую эпоху, в отличие от парфянского периода, так называемого зурванизма – нового течения в зо-

^[1] Г. М. Бонгард-Левин, В. А. Гаиров, Г. А. Кошеленко “Распространение христианства на Востоке (В свете исследований памятника Дура-Европос)” в ВДИ, №3, 2005, стр. 58-72, на стр. 61.

^[2] Там же.

роастризме (однако не исключено, что течение это было перенято персидской знатью еще от последних Ахеменидов), которое уже при первых Сасанидах приобрело в их державе статус государственной религии, правда в основном среди власть предержащих, знати и верховного жречества, но широкие народные массы (за редким исключением, например, в Согде) зурванизм так и не приняли^[3]. В то же время веру некоторых зороастрийцев в Зурвана, отца Ахуры Мазды и Ангро Манью, с полным правом можно расценивать, как частичный отход от четкой дуалистической позиции первоначального зороастризма в сторону монотеизма, т.е. единобожия – одного из главных признаков наличия социальных символов удлинённой постосековой инхрозоны у населения Юго-Западной Евразии.

Таким образом, видим, что зороастрийские воднотранспортные подсознательные постосековые символы, гораздо более инхроэнергичные, чем их аналоги в Восточном Средиземноморье, смогли остановить наступление христианского ответа восточно-средиземноморского происхождения на зороастрийские области ирано-месопотамского региона. Однако новые сложные социальные символы удлинённой постосековой инхрозоны, беспрепятственно дрейфовали в зороастрийскую среду, и даже способствовали формированию собственного зороастрийского постосекового ответа на них, в культурно-идеологическом плане проявившего себя в виде зурванизма, а в геополитическом плане – как стремление Сасанидов так или иначе приблизиться к средиземноморскому побережью и тем самым хотя бы частично принять участие в реализации восточно-средиземноморского постосекового ответа. С другой стороны, на востоке Сасаниды активно прибирали к рукам осколки распавшейся Кушанской империи и среднеазиатский вариант волжского постосекового ответа, превращая, таким образом, свою державу в полноценную в инхроническом смысле империю. В то же время Сасаниды продолжали так же ревностно, как и парфяне до того, защищать территории своего главного стержневого волжского постосекового ответа в Верхней Месопотамии по Евфрату, откуда, собственно говоря, и вырастали почти непрерывные войны Рима, а после и Византии, с Ираном... Тем не менее и этот новый зурванистский ответ не прижился и, не найдя надлежащей широкой поддержки в иранской среде, загдох и исчез спустя несколько столетий после появления ислама^[4].

Был еще один ответ на проникновение социальных постосековых символов в иранскую среду, но на сей раз не оборонительный, а вполне себе наступательный – митраизм. Культ Митры еще с I до н.э. проник из иранизированной Малой Азии в средиземноморский регион, а оттуда довольно-таки быстро перекинулся прямо в Рим, но только в конце I в. н.э. он неожиданно переходит в наступление намного более активной и где-то даже агрессивной проповедью и массовым распространением по самым отдаленным провинциям Римской империи, где продержался до IV н.э.^[5] Понятно, что культ Митры, точнее, уже вполне сложившаяся полноценная религия со своей растущей церковной организацией и храмами, как и христианство, от которого иранцы, собственно говоря, и получили новые социальные постосековые сим-

^[3] Зурванизма мы уже кратко коснулись в четвертом этюде, подробнее см. в М. Бойс “Зороастрийцы: Верования и обычаи”, 4-е изд., испр. и доп., СПб.: Азбука-классика, Петербургское Востоковедение, 2003, стр. 107-110, 164-165, 175-180.

^[4] М. Бойс “Зороастрийцы: Верования...”, стр. 110.

^[5] Ф. Кюмон “Восточные религии в римском язычестве” (перевод французского оригинала Paris, 1909), СПб.: Издательская группа «Евразия», 2002, стр. 180-181.

волы, просто продвигалась в сторону сильно ослабленных рефлексией – “выгоревших” – постосековых символов античного язычества.

Но прежде всего и больше всего митраизм приобрел популярность в римской армии:

“Митра, древний гений света, в зороастризме превратился в бога истины и справедливости и остался им на Западе. Это был маздеистский Аполлон, но, в то время как эллинизм, более восприимчивый к красоте, развил в Аполлоне эстетические качества, персы, более всего занятые вопросами совести, акцентировали в Митре его нравственность. Одной из черт, которые поражали не слишком щепетильных в этом отношении греков в их восточных соседях, был их ужас перед ложью, фактическим воплощением которой был Ахриман [*Ангро Манью* – А.З.]. Митру же всегда призывали в свидетели, давая клятву; это был бог, обеспечивавший строгое выполнение взятых обязательств. Наверное, одной из главных добродетелей для этого культа солдат, первым действием которых при вступлении на военное поприще была клятва в покорности и преданности своему повелителю, была нерушимая верность присяге. В нем превозносились верноподданность и верность, и, безусловно, он стремился пробуждать чувства, достаточно близкие к современному понятию чести”^[6]

Култ Митры, выросший из восточно-анатолийского иранского народного маздеизма, представлял собой обычный маздеистский языческий пантеон, в котором отдавалось должное как главным маздеистским богам, так и зороастрийскому дуализму – противостоянию Ахуры Мазды и его Бессмертных Святых зловерным дэвам во главе с Ангро Манью. Однако центральная и определяющая роль в нем отводилась богу Митре^[7], вокруг которого сложилось великое множество мифов и легенд, иногда даже приписываемых ему, а совершаемых другими божествами зороастрийских сочинений^[8], что, собственно, и выдвигало Митру на первое место в данной религии, но при всем при том верховным божеством пантеона он никоим образом не являлся^[9].

“В Авесте Митра предстает божеством небесного света”^[10]. В то же время “к нему часто взывают наравне с Ахурой в одном и том же молении: оба бога образуют пару, поскольку небесный свет и светлое небо [т.е. *Ахура Мазда* – А.З.] неразделимы по своей природе”^[11]. Сравнивая с известным отрывком из Плутарха, в котором излагается дуалистическая доктрина персов, видим: “Ормузд пребывает в вечном свете «столь же высоко над солнцем, насколько солнце удалено от земли»”^[12]. То есть Митра, “Непобедимое Солнце”^[13], с одной стороны, возглавляя воинство Сил Добра и Света против Сил Зла и Тьмы, пребывает между Ахурой Маздой и Ангро Манью, а с другой стороны, как бог клятв и договоров, выступает в роли посредника между ними. Такое срединное положение Митры выделяло его, отделяя от двух непримиримых полюсов (Ахуры Мазды и Ангро Манью), как и Зурвана в зурванизме, и точно так же было первым шагом к монотеизму, что также свидетельствует о проникновении новых сложных социальных постосековых символов Единого Бога в архетипическое подсознание адептов митраизма, как и у сасанидских иранцев. Другими словами, митраизм в своей

^[6] Ф. Кюмон “Восточные религии...”, стр. 197-198.

^[7] Там же, стр. 186.

^[8] Ф. Кюмон “Мистерии Митры” (перевод французского оригинала Bruxelles: H.LAMERTIN, LIBRAIRE-ÉDITEUR, 1913), СПб.: «Евразия», 2000, стр. 166.

^[9] Там же, стр. 141.

^[10] Там же, стр. 15.

^[11] Там же, стр. 19-20.

^[12] Там же, стр. 20

^[13] Там же, стр. 131-132.

поздней агрессивно распространяющееся на запад форме был такой же реакцией на эти новые полученные от христианства символы, как и сасанидский зурванизм.

Еще одним, более наглядным, шагом к монотеизму была повышенная терпимость митраистов к другим языческим культам – ничто не мешало adeptам Митры поклоняться богам других пантеонов, что способствовало постепенному их слиянию с митраизмом^[14].

“Таким образом, по крайней мере в IV в., перед митраизмом стояла задача объединить в едином широком синтезе всех богов и все мифы, создав новую религию, которая должна была согласоваться с господствующей философией и с правовым духом империи [Римской – А.З.]”^[15]

Как видим, митраизм был первым шагом к созданию новой синкретической, и тем не менее монотеистической религии, которую в наше время метко прозвали парадоксальным словосочетанием “языческий монотеизм”^[16]... И, похоже, что именно эта гибкость жрецов Митры была главным фактором, поначалу позволившим митраизму так долго и успешно соперничать с христианством. В то же время он же, скорее всего, и стал той самой причиной, по которой митраизм в конце концов, т.е. в IV в., уступил христианству, поскольку население Римской империи с окончательно “выгоревшими” чисто воднотранспортными постосевыми символами катастрофически нуждалось в более капитальной и кардинальной перестройке архетипической психики, причем в сторону единобожия социальных постосевых символов, чем это мог предложить “языческий монотеизм” Митры, но которого куда более строго и последовательно придерживалось раннее христианство.

Культурно-инхронические процессы, похожие на иранские, наблюдаются также и в иудейском обществе. Евреи с конца II тыс. до н.э. реализовывали свой первый постосевой ответ, основанный на более общем восточно-средиземноморском ответе, и заключавшемся в освобождении от филистимлян с последующим построением собственной еврейской государственности на важнейшем участке восточно-средиземноморского постосевого маршрута вблизи Суэцкого перешейка.

Однако после разрушения Первого (Соломонова) Храма и угона значительной части еврейского населения в Вавилонию (“вавилонское пленение”) в середине I тыс. до н.э. вавилонские евреи начали формировать совершенно новый уникальный постосевой ответ, вскоре принявший зримые формы в возведении молитвенных домов – синагог^[17], а в более общем представлении – в новую религиозную иудейскую традицию, которую условно можно сформулировать как переход от Храма к Книге.

После возвращения освобожденных персидским царем Киром II вавилонских евреев на родину, они стали активно продвигать и пропагандировать данную религиозную традицию среди местного еврейского населения, и главным его adeptом и защитником выступил вернувшийся в середине V в. до н.э. вместе с новой волной переселенцев священник Эзра, к тому же поддержанный назначенным несколько позже его прибытия персидским наместником Неемией^[18].

^[14] Там же, стр. 231-244.

^[15] Там же, стр. 246.

^[16] Там же, стр. 247.

^[17] В. Л. Вихнович “Иудаизм”, СПб: Питер, 2006, стр. 52-56.

^[18] И. Р. Тантлевский “История Израиля и Иудеи до 70 г. н.э.”, СПб: Издательство РХГА, 2013, стр. 216-221.

Если оттолкнуться от сути религиозных идей Эзры (“В Мишне и Талмуде Эзра – один из величайших деятелей еврейской истории, фактически основоположник раввинистического иудаизма”^[19]) и его сподвижников, а также от всего произошедшего в последующие века, то кажется достаточно разумным и к тому же весьма вероятным, что стоявший за этими идеями постосево́й ответ подразумевал медленную и постепенную подготовку *всего* иудейского населения к жизни в рассеянии, т.е. в многочисленных диаспорах, исповедующих одну и ту же религию, с ее догмами, обрядами и ритуалами, которые, таким образом, цементировали бы единую иудейскую среду и религию, противодействуя ее разбиению на отдельные соперничающие друг с другом секты, и тем самым поддерживая этническую целостность еврейского народа, его этнокультурную идентичность, не давая раствориться в многочисленном населении принявших евреев стран.

Ответ, на первый взгляд близкий ответам, которые позже начнут реализовывать мировые религии, и в то же время весьма существенно отличающийся от них, поскольку мировые религии расширяли свою базу распространением идей и ответов на другие народы и страны, а иудеи чисто географически намеревались распространить свою религию и стоящий за ним постосево́й ответ прямым перемещением адептов данного ответа, т.е. иудеев, медленными миграциями, быстрым переселением вплоть до угона в рабство... – да как угодно! – любым способом, лишь бы охватить иудейскими диаспорами как можно больше территорий, прилегающих к будущим глобальным воднотранспортным маршрутам. Да, и христианство, и Махаяна также иногда использовали схожие методы расселения общин, особенно на самых ранних этапах экспансии, но то были эпизоды, главным же механизмом их экспансии всегда оставался чистой воды прозелитизм, т.е. миссионерская деятельность среди иноверцев и/или насаждение религии насильственными методами, например, в случае распространения раннего ислама и создания Халифата или крещения саксонцев Карлом Великим. В то время как в иудаизме все обстояло прямо наоборот. А уж идея “богоизбранного народа” в корне противоречит любой мировой религии, концепции мировой религии как таковой...

И тем не менее возникновение нового к тому же уникального постосево́го ответа в иудейской среде в середине I тыс. до н.э. говорит о росте инхроэнергетики в иудейском обществе, вызванном достаточно высокой постосево́й инхроэнергетикой самого нового ответа, который во второй половине I тыс. до н.э. все еще базировалась на подсознательных архетипических символах только воднотранспортной природы (“короткая инхрозона”) и всего круга явлений и процессов: географии, астрономии, металлургии, обобщая – НТП в целом... и прочих, прилегающих к этому обширному блоку, связанных с развитием воднотранспортной среды. Таким образом, новый постосево́й иудейский ответ, довольно успешно противостоял росту рефлексии в коллективной психике иудеев, тем, что сохранял и даже увеличивал сравнительно высокий уровень инхроэнергетики лежащих в его основе воднотранспортных (“коротких”) постосево́вых символов, не допуская их “выгорания”.

И если в Иране на пути христианского ответа (с его внешними христианскими религиозно-культурными формами) на сложные социальные постосево́вые символы встал природный арийский дуализм (просматриваемый

^[19] А. Авнер, Н. Прат (ред.) “Краткая еврейская энциклопедия”, том 10, Иерусалим: Общество по исследованию еврейских общин, Еврейский университет в Иерусалиме, 2001, кол. 442.

также и в индуизме как противостояние асуров и дэвов, только с противоположным знаком), который реформами Заратустры лег краеугольным камнем в основу проповедуемой им религиозной доктрины, то в Иудее в ту же самую функцию выполнил обостренный новым иудейским постосевым ответом природный иудейский генотеизм, т.е. ограниченный рамками этноса монотеизм, который в принципе мог и не исключать поклонения другим богам, но в данном конкретном случае подразумевал религиозный императив “один Бог для одного народа (иудейского)”. Правда, справедливости ради стоит особо отметить, что не сложись у евреев первых представлений о единственности Бога задолго до того (лет этак на 500), как это произошло у других народов, то сложные социальные постосевые символы Единого Бога удлинённой инхрозоны не проникли бы прежде всего в среду именно соседствующих с ними галилеян и самаритян с сильно выгоревшими под воздействием эллинистической и римской рефлексирующих культур воднотранспортными постосевыми символами. Вот как раз на стыке этих двух территориальных зон: выгоревших воднотранспортных постосевых символов и сохранивших достаточно высокий уровень воднотранспортной инхрозэнергетики посредством сочетания иудейского генотеизма с новым постосевым ответом, и случилось христианское Откровение. Хотя и проросло оно медленно, с трудом, значительно раньше – десятилетиями и даже столетиями раньше, со II-I вв. до н.э., и в совсем других регионах...

Как видим, точно так же как и в Иране, высоко инхрозэнергетические воднотранспортные постосевые символы, только на сей раз иудейские, остановили проникновение христианского постосевого ответа в иудейскую среду, и в то же время пропустили сами новые социальные постосевые символы, дрейфующие от христиан. Результатом такого проникновения сложных социальных символов в иудейскую среду стала интенсификация реализации уже существующего иудейского постосевого ответа по подготовке иудейского населения к жизни в рассеянии и осуществлению самого рассеяния. Если в эллинистическую эпоху евреи постепенно расселялись по соседним территориям Восточного Средиземноморья и Ближнего Востока, то с I в. н.э. этот процесс, с одной стороны, ускоряется, а с другой – в ареал расселения евреев включаются и более дальние регионы, в основном Римской империи. Пика данный процесс достигает в середине Иудейской войны (восстания в 66-73/74 гг. н.э.) иудеев против римского господства, когда римлянами был разрушен Второй Храм (в 70 г.) и продана в рабство часть жителей Иерусалима. Сам город также был разрушен до основания, сохранились лишь три башни Цитадели, оставленные как свидетельство былой мощи иерусалимских укреплений^[20].

Вместе с интенсификацией процессов расселения евреев в эти судьбоносные времена происходили и другие не менее важные события:

“В ходе Первой Иудейской войны сошли с исторической сцены все основные религиозно-политические группировки Иудеи той эпохи. После 70 г. на смену сектантскому разнообразию приходит более или менее гомогенная группа *раббин*-«учителей», имевших, в основном, фарисейские корни. В истории евреев начинается раввинистический период, период Мишны и Талмуда...”^[21]

Продолжением данного пика расселения евреев по миру стало последовавшее спустя около 60 лет при императоре Адриане еще одно крупное

^[20] И. Р. Тантлевский “История Израиля и Иудеи до...”, стр. 323-330.

^[21] Там же, стр. 329.

восстание евреев против римского владычества в 132-135 гг. под руководством Симона Бар-Кохбы:

“Поводом к восстанию послужило решение императора Адриана построить на месте разрушенного Иерусалима новый город Элия Капитолина с соответствующим культом языческих богов...

...В результате подавления восстания Бар-Кохбы, как и в результате подавления первого восстания 66-70 гг., множество иудеев в Палестине погибло, было обращено в рабство, бежало в соседние страны”^[22].

Далее иудейский постосево́й ответ реализовывался уже до столь великого рассеяния еврейского народа, что в своей этнокультурной идентичности он опирался только на крепнувший раввинистический иудаизм да на инхроэнергетику этого своего невиданного уникального постосево́го ответа, сформированного еще в вавилонском плену, чья не менее великая сила и целеустремленность в полный рост заявили о себе в обоих иудейских восстаниях начала нашей эры...

И вот только сейчас, опираясь на выводы вышеприведенных примеров – иранского и иудейского – мы можем начать поэтапное приближение к пониманию того, почему третья мировая религия – ислам – появилась на полтысячелетия позже двух других мировых религий – христианства и буддизма Махаяны. Мы видели, как достаточно инхроэнергичные воднотранспортные символы могли успешно противостоять социальным постосево́вым ответам, в частности христианству, несмотря на то, что сами социальные символы обладали большей постосево́й инхроэнергетикой, чем воднотранспортные. Однако большая инхроэнергетика социальных символов способствовала лишь дрейфу их самих к принимающему социуму, но никак не ответов на них.

Можно предположить, что нечто подобное происходило и в Аравии первой половины I тыс. н.э. Ранее в пятом этюде настоящей хронографии уже говорилось, что “находясь на периферии ближневосточного мира, арабы смогли избежать губительного воздействия рефлексии на свои постосево́вые коллективные (архетипические) подсознательные символы и сохранить их довольно высокую инхроэнергетику”. Только здесь, в отличие от Ирана и Иудеи, не было столь мощной уже давно сложившейся или с давних пор постепенно складывающейся религиозной традиции, как зороастрийский дуализм или иудейский генотеизм, в рамках которой можно было бы отразить проникавшие (надо полагать, с первых веков нашей эры) в Аравию новые постосево́вые ответы, в основном опиравшиеся на социальные архетипические символы подсознания, как это произошло в случае зурванизма и митраизма в иранской среде и раввинизма в иудейской.

В итоге из-за наличия у арабов довольно инхроэнергичных воднотранспортных символов подсознания в Аравию не смогло сколь-либо серьезно проникнуть ни христианство, хотя отдельные эпизоды и были, ни также уже обладавший социальными постосево́выми архетипическими символами раввинистический иудаизм, при том что и такое периодически наблюдалось – так, в Йемене на короткое время иудаизм даже принимался как государственная религия, но исключительно по политическим соображениям. В то же время и христианство, и иудаизм очень мало затрагивали языческие религиозные представления аравийских народных масс, которые имели в

^[22] В. Л. Вихнович “Иудаизм”, стр. 74-75.

своей основе как веру в божества отдельных территорий и племенных объединений^[23], так и культ астральных богов^[24].

Так продолжалось до IV-V вв., после чего наступает упадок древне-аравийской, и в частности южной йеменской религии^[25], своими инхроэnergичными чисто воднотранспортными символами короткой постосековой инхрозоны, остановившей массовое распространение по Аравии соседних ответов на постосековую инхронику с социальными символами: в первую очередь христианство, но и талмудический иудаизм, и митраизм, и зурванизм... Взамен и в Йемене и в бедуинской Внутренней Аравии появляются некая новая религиозная тенденция, которую принято называть “неопределенным единобожием”. И тем не менее это в общем-то не очень выразительное единобожие выступает главным маркером, свидетельствующем о проникновении еще до Мухаммеда сложных социальных постосековых символов Единого Бога также и в Аравию, как и в другие переднеазиатские регионы до того.

Уже в надписях II-IV вв. просматривается постепенное развитие йеменских монотеистических представлений, поначалу в рамках традиционной языческой религии, однако число богов постепенно сокращалось, и йеменские единобожники начинают широко употреблять имя Единого Бога Рахман (Милостивый), хорошо известное и среди аравийских бедуинов у так называемых ханифов.

“Ханифским можно считать и термин *илах* (*илан*), употреблявшийся доисламскими поэтами, а в мусульманское время легко переделанный в *аллах*”^[26]

“Так возникает неопределенный йеменский монотеизм, несомненно подвергшийся влиянию иудаизма и христианства, сходный по духу с ними и с аравийским ханифством, но отличный от них всех”^[27]

Кстати, о ханифах... Еще В. В. Бартольд писал о них:

“В Коране учение Мухаммеда отождествляется не с учением сабиев, но с учением ханифов, которое возводятся к Аврааму; характерная черта ханифов, что они веруют в единого бога...

...

...о ханифах даются некоторые сведения, называются имена нескольких ханифов, бывших единобожниками еще до Мухаммеда и отказавшихся признать в нем своего учителя.

...

Вопрос о характере и происхождении учения ханифов – сабиев, вероятно, навсегда останется неясным, ввиду скудности и противоречивости сведений источников как о ханифах, так и о жизни общины Мухаммеда в первые годы ее существования.

...

Подробности учения ханифов едва ли когда-нибудь будут выяснены. Немногочисленные стихотворения, где говорится о ханифах и их вере, почти всегда вызывают сомнения в их подлинности”^[28]

^[23] М. Б. Пиотровский “Южная Аравия в раннее средневековье”, М.: Издательство «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1985, стр. 106-110.

^[24] К. П. Матвеев “История ислама”, М.: АСТ: Восток – Запад, 2005, стр. 62-65.

^[25] М. Б. Пиотровский “Южная Аравия в раннее...”, стр. 105.

^[26] Там же, стр. 155-156.

^[27] Там же, стр. 105.

^[28] В. В. Бартольд “К вопросу о сабиях” в “Академик В. В. Бартольд. Сочинения”, Том IV “Работы по истории ислама и арабского халифата”, М.: Издательство «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1966, стр. 469-486, на стр. 470-474.

Тем не менее, несмотря на отмеченную Бартольдом “скудность и противоречивость” сведений источников о ханифах, современные исследователи также склонны считать арабских ханифов домусульманского периода единопобожниками. Причем ханифство – это не секты, не общины, а отдельные личности, и даже отшельники, в крайнем случае, совсем небольшие группы единомышленников по некоторым религиозным вопросам:

“Известно также, что ханифы, как правило, были аскетами и отшельниками. Ханифы, выступая против язычества, его принципов и основ, избрав для себя набожный, правдивый и аскетический религиозный образ, призывали к воздержанию от поклонения идолам и отречению от идолопоклоннических убеждений и обычаев. По сути, они призывали к вере в верховного и единого бога, свободной от прежних догм и обрядов”^[29]

“Инициаторами его [*т.е. ханифства – А.З.*] были отдельные личности или ограниченные группы людей, в то время как широкие народные массы были далеки от активного участия в этом религиозном движении”^[30]

Итак, население Аравии, которое, находясь на периферии переднеазиатского мира, смогло избежать самых губительных воздействий рефлексии, и в то же время еще в начале нашей эры получило от ранних христиан новые архетипические социальные символы удлиненной постосековой инхрозоны. Кроме того, арабам одними лишь своими воднотранспортными постосековыми символами, проще говоря, своими древними языческими религиозными представлениями, удалось остановить масштабное проникновение в свою среду различных религиозных идеологий и связанных с ними постосековых ответов, порожденных социальными символами в соседних странах. Причем арабы не испытывали при этом никакой безысходности, бессмысленности бездуховного существования людей и общества, все так же реализуя свой прежний постосековой ответ на воднотранспортные символы: воевали, торговали, устраивали пиршества и празднества, пели песни и сочиняли стихи, короче веселились и жили в свое удовольствие. Столь благополучное положение дел в области духа и тела во многом определялось удачным расположением Аравийского полуострова относительно всех западных постосековых маршрутов, чьи выходы в Индийский океан легко контролировались из Аравии: по Красному морю на западе полуострова, по Персидскому заливу на его востоке. Плюс Суэцкий перешеек рядом... Так что арабам Аравии и в удлиненной инхрозоне при всей социализации ее архетипики вполне достаточно было своих исконных воднотранспортных постосековых символов и соответствующего ответа на них, чтобы уверенно смотреть в постосековое будущее и не испытывать при этом сколько-либо серьезного дискомфорта.

Положение начинает меняться в сер. III в. с выходом из осевой инхрозоны. Начинается медленный рост инхроэнергетики новых социальных символов и в аравийской среде, что, как было сказано выше, с IV в. приводит к некоторому ослаблению местного язычества, а следом и к появлению так называемого неопределенного единопобожия арабского происхождения как на севере и в центре, так и на юге Аравии, которое, правда, не имело особого успеха в широких народных массах.

И лишь с конца VI в. - начала VII в. здесь начинается движение к гораздо более явно и ярко выраженному, а главное, более массовому моноте-

^[29] Дж. А. Искендерли “Арабы-язычники периода джахилии и монотеизм” в сборнике “СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ВОСТОК: Проблемы историографии и источниковедения”, Баку: ЭЛМ, 2015, стр. 87–125, на стр. 115–116.

^[30] Там же, стр. 112.

изму – к исламу, который на удивление быстро преобразился в третью мировую религию. Так, что же все-таки произошло близ границы этих двух веков?

На рубеже VI-VII вв. персы захватили Йемен и присоединили его к Сасанидской империи наряду с другими ее провинциями, в результате чего большинство арабийских территорий оказались зажаты между Сасанидскими владениями^[31]. Можно ли уточнить дату присоединения Йемена? На основе синхронизации сведений из различных средневековых мусульманских источников, которые зачастую “не содержат временных ориентиров”^[32], нередко называется 599 год^[33], но при использовании данной даты присоединения Йемена к владениям Сасанидов возникает легкая нестыковка. Дело в том, что византийский император Маврикий и персидский шахиншах Хосров II в 591 г. заключили длительный мир между Византией и Персией^[34], ввиду того что Маврикий помог Хосрову вернуть трон и далее всячески покровительствовал ему, выступая в роли друга и союзника:

“Мир, наступивший на границе двух сверхдержав, был таким прочным, что в Армении позже появилась поговорка: «Сидеть беззаботно, точно во дни Маврикия»”^[35]

Кроме того, в знак признательности и примирения между двумя империями Хосров вернул значительную часть византийских земель, отвоеванных персами у Византии его предшественниками.

Поэтому маловероятно, что Хосров II в период императорства Маврикия пошел бы на столь недружественный к нему шаг, как захват Йемена, в котором постоянно шла борьба знати между провизантийской и антивизантийской (точнее, антиэфиопской, обычно проперсидской) группировками^[36], в связи с чем Йемен представлял собой немалый интерес для Византии с точки зрения поддержки ее эфиопских союзников. О торговой же заинтересованности Византии в Йемене поговорим особо чуть ниже.

И все переменялось, можно сказать, в одночасье (в историческом масштабе времени, конечно) в конце осени 602 г., когда в Византии был убит император Маврикий, и к власти прошел узурпатор Фока, правивший до 610 г.^[37]. В результате Хосров II нежданно-негаданно оказался освобожден от всех своих дружеских обязательств перед Маврикием, более того, он получил полное моральной право мстить за своего друга и патрона – война с Персией с Византией становилась неизбежной...

^[31] О. Г. Большаков “История Халифата. Том 1. Ислам в Аравии (570-633)”, М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2000, стр. 59.

^[32] Д. Е. Мишин “Хосров I Ануширван (531–579), его эпоха и его жизнеописание и поучение в истории Мискавейха”, М.: ИВ РАН, 2014, стр. 556, ком. 793.

^[33] М. Б. Пиотровский “Южная Аравия в раннее...”, стр. 24; А. О. Куликов “Аравия как объект византийско-сасанидского соперничества в VI в.: пути и формы противостояния” в межвузовском сборнике А. В. Гладышев (ред.) “История и историческая память”, Саратовский государственный университет, Вып. 17, 2018, стр. 15–26, на стр. 25;

^[34] Г. А. Острогорский “История Византийского государства”, М.: Сибирская Благозвонница, 2011, стр. 125; Ф. И. Успенский “История Византийской империи”, Т. 1 Период I (до 527 г.). Период II (518–610 гг.), М.: ООО «Издательство Астрель», 2001, стр. 589-590; Н. В. Пигулевская “Византия и Иран на рубеже VI и VII веков”, М., Л.: Издательство АН СССР, 1946, стр. 107.

^[35] С. Б. Дашков “Цари царей – Сасаниды. Иран III–VII вв. в легендах, исторических хрониках и современных исследованиях”, М.: СМИ-АЗИЯ, 2008, стр. 165.

^[36] М. Б. Пиотровский “Южная Аравия в раннее...”, стр. 21-23.

^[37] Ф. И. Успенский “История Византийской...”, Т. 1, стр. 590-603.

Однако официальное сообщение о смене власти в Византии дошло до Ктесифона (столицы Сасанидов) с очень большим запозданием – аж летом 603 г., – вместе с посланным из Константинополя посольством. Во главе посольства новый император Фока, прошедший к власти на волне восстания дунайских легионов против Маврикия, поставил человека, который руководил казнью Маврикия и его детей, что было откровенным знаком неуважения к Хосрову II. Хосров тут же посадил того под стражу и стал готовиться к войне, но только в декабре 603 г. смог собрать войска и двинуть армию против византийцев^[38].

Далее, в течение нескольких лет нанося византийским войскам поражение за поражением, две персидские армии в 608 г. захватили огромные территории (или же просто “прошили” своими походами, ослабляя тем самым влияние центральной константинопольской власти) и, с одной стороны, дошли до Халкидона на Босфоре под Константинополем, а в другом направлении, взяв Эдессу и палестинскую Кесарию, вышли к Средиземному морю^[39].

Таким образом, наиболее близким к не очень-то достоверному 599 году, совокупно выведенному из ряда средневековых мусульманских источников, оказывается отрезок времени от 604 г. до 607 г., когда персидский шах Хосров II с большой долей вероятности и правдоподобия мог послать экспедиционный корпус для захвата Йемена. Причем ближе к началу отрезка, чем к его концу – чем хронологически ближе к “освоению” персами множества азиатских владений Византии в 608 году, тем меньше смысла имела бы данная акция в свете достаточно щекотливого (скажем так...) геополитического положения, в котором вдруг оказалась Византия в целом, к этому году в значительной степени утратившая влияние на свои восточные земли. Смысл терялся еще и по той простой причине, что на тот момент начала в 604 г. очередной персидско-византийской войны из всего спектра возможных персидских интересов наиболее вероятной основой мотивации присоединения довольно-таки оторванных, даже отгороженных пустыней от Сасанидов и в общем-то нейтральных йеменских территорий выступали торгово-блокадные мотивы. Отсюда вывод: 604 г. – это самая что ни на есть подходящая дата для присоединения Йемена к персидской державе...

Теперь о торговле, торговых интересах, торговых путях и их блокаде со стороны персов – большая цитата:

“Большую активность продемонстрировало правительство Юстиниана [*время правления Византийской империей 527-465 гг. – А.3.*] также в своей экономической политике, нацеленной на поощрение торговли и ремесел. В качестве естественного средоточия торговых путей между Азией и Европой Константинополь господствовал в товарном обмене двух континентов. Средиземноморская торговля полностью находилась в руках греческих и сирийских торговцев. Главную роль при этом для Византийской империи играли не торговые отношения с обедневшими странами Запада, а торговля с Востоком: Китаем и Индией. Восточная торговля Империи была, тем не менее, пассивной, поскольку, хотя Византия и вывозила на Восток ценные ткани и посуду, производимую в мастерских Сирии, этот экспорт далеко отставал от потребности византийцев в восточных товарах, особенно в шелке. Еще большее значение имело то, что торговля с Китаем была зависима от посредничества персов. Это даже в мирное время влекло за собой лишние траты и усиливало отток золота из Империи, а частые периоды враждебных отношений с державой Сасанидов влекли за собой прекращение ввоза шелка. Путь в Китай по суше шел через территорию Персии, морское сообщение также было в руках персидских купцов, которые из Персидского

^[38] Н. В. Пигулевская “Византия и Иран на рубеже...”, стр. 178-179; С. Б. Дашков “Цари царей – Сасаниды...”, стр. 166.

^[39] С. Б. Дашков “Цари царей – Сасаниды...”, стр. 166-167;

залива отправлялись на Тапробану (Цейлон) и там загружали прибывающие из Китая товары»^[40]

Как видим, главная магистраль Великого шелкового пути (ВШП) из Китая через Среднюю Азию и Иран на Ближний Восток, в Европу и Северную Африку в VI в. (и раньше) периодически перекрывалась персидско-византийскими войнами, а до того – парфяно-римскими. Причем перекрывалась как военными действиями самими по себе, так и специальными указами сасанидских шахиншахов, с целью нанесения максимального экономического ущерба своему западному противнику – Византии, лишая ее существенных материальных ресурсов для ведения войны. И даже, после того как при Юстиниане в 553/554 гг. яйца шелкопрядов попали в Византию, а затем было налажено собственное византийское производство шелка^[41], главного стратегического китайского товара, ситуация кардинально не изменилась, поскольку по ВШП в Византийскую империю, кроме шелка, поступало еще множество других дорогостоящих в Передней Азии и Европе товаров из Индии и того же Китая. И в случае блокады главной магистрали ВШП в Иране торговые потоки с востока на запад продолжали все так же исправно искать обходные пути... Что, собственно, и становилось на протяжении большей части первой половины I тыс. н.э. и даже чуть позже основным фактором, способствующем развитию аравийской международной торговли, как сухопутной по Аравии (главный путь пролегал от оманского побережья, где разгружались корабли из Индии, по Южной Аравии до Йемена, и далее по Западной Аравии через Хиджаз до Палестины и Сирии), так и морских каботажных трас по Аравийскому и Красному морям (т.е. опять-таки вдоль южного и западного побережья Аравии, см. карту на Рис. 5.13).

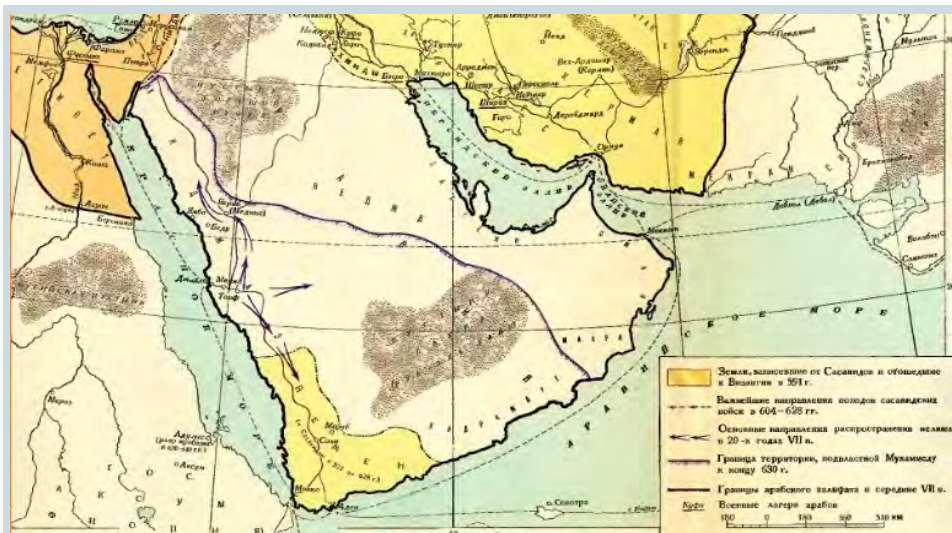


Рис. 5.13
Аравия в VI–первой половине VII вв.

Пунктиром на карте отмечены морские торговые пути.

(Фрагмент карты взят из Е. М. Жуков (ред.) "Всемирная история в десяти томах", Том III, М.: Государственное издательство политической литературы, 1957, карта "Аравия, Иран и Средняя Азия в VI – первой половине VII в.")

^[40] Г. А. Острогорский "История Византийского...", стр. 118.

^[41] Н. Пигулевская "Византия на путях в Индию. Из истории торговли Византии с Востоком в IV–VI вв.", М., Л.: Издательство АН СССР, 1951, стр. 195–196.

Итак, в 604 г. (или в период 604-607 гг. или даже в 599 г. средневековых мусульманских источников – такое расхождение для нашей модели причин зарождения ислама именно в это время особого значения не имеет) Сасаниды присоединили Йемен к своим владениям, полностью блокируя тем самым византийскую торговлю уже не только на главной магистрали ВШП по Средней Азии и Ирану с Месопотамией, но на основных обходящих Сасанидский Иран торговых путях из Индии в Средиземноморье: сухопутном по Аравии и морском вокруг Аравии. И примерно в это же время в одном из городов области Хиджаз на западе Аравии, а именно, в расположенной на торговом пути из Йемена в Палестину Мекке, жители которой принадлежали арабскому племени курайшитов, происходит весьма важное для всех мекканцев событие – в 603-605 гг. они затевают кардинальную перестройку всего своего главного святилища Каабы. Предполагается, что это событие огромной религиозной значимости как раз и послужила причиной получения (точнее, толчком к получению) пророком Мухаммедом, также участвовавшего в этой из ряда вон выходящей религиозно-строительной церемонии, его откровений как экстатических видений – ввиду сильнейшего чувства особой близости к божеству в момент снятия с места “Черного камня”. Мусульманская традиция даже приписывает ему честь инициатора переноски священного камня^[42]. С другой стороны, начало публичной проповеди Мухаммедом его учения принято относить к 610 г.^[43]

Как видим, ислам зародился в периоде 603-605 гг. - 610 г. синхронно вероятному времени присоединения Йемена к Сасанидской империи в 604-607 гг. по нашим расчетам. Начало же получения Мухаммедом откровений в 603-605 гг. так и вовсе совпадает с 604 годом наиболее вероятного времени завоевания Йемена персами. А поскольку самым значимым геополитическим последствием присоединения Йемена к империи Сасанидов, как говорилось выше, было блокирование торговых потоков ВШП уже не только на его главной трассе в Иране и Месопотамии, но и на его южной ветви по Аравии и морем вокруг полуострова, что весьма болезненно, если не сказать, катастрофически, отразилось на всей аравийской торговле, но особенно, на караванной через западно-аравийский Хиджаз с его главными центрами в Мекке и Йасрибе, то приходим к выводу, что непосредственной причиной зарождения (скорее, поводом к зарождению – истинные культурно-инхронические причины лежали гораздо глубже) ислама была блокада персами торговых путей через Йемен (и что особенно важно, соответствующих постосевых воднотранспортных трасс, в Аравии во многом практически совпадающих с уже существующими морскими и прибрежными сухопутными караванными путями) и вытекающего из нее ухудшения экономического положения всей Аравии в целом не только в начале VII в., но и в ближайшем и даже в весьма отдаленном инхроническом постостосевом будущем.

Что ж, не столь серьезная сиюминутная причина породила более чем серьезные последствия – между прочим, весьма распространенный вариант в сверхсложных системах, какими являются и системы социальные... Обеспокоенное всеми этим “перспективами” население Аравии, наконец-то, отказалось от своего в общем и целом скептического отношения к социальным символам удлинённой постосевой инхрозоны, впервые привнесенным на Ближний Восток христианством, и принялось формировать свой собственный новый постосевой ответ на уже прямо-таки на глазах возникающий в

^[42] О. Г. Большаков “История Халифата. Том 1. Ислам в Аравии...”, стр. 67.

^[43] Там же, стр. 76.

настоящем ущерб своим торговым интересам, а главное (ведь инхроза-то была постосевой), на ожидаемые в постосевом будущем воднотранспортные ущемления полуострова.

Таким образом, суть нового постосевого ответа бедуинов Аравии, кровно заинтересованных не только в самой аравийской торговле, в охране местных торговых путей и в прочих связанных с торговлей инфраструктурных решениях (водные источники, караван-сараи, святилища и т.п.), но прежде всего в надежности идущих мимо и рядом с полуостровом воднотранспортных трасс, заключалась в попытке установить максимально возможный для арабов контроль над воднотранспортными маршрутами всех вариантов западных постосевых ответов от волжских и средиземноморских до самого западного атлантического. И этот новый сугубо арабский ответ, пусть и испытавший некоторое чисто внешнее влияние христианства и иудаизма, который также базировался на социальных символах удлинённой постосевой инхрозоны, в итоге вылился в новую мировую религию – ислам, – с присущей таким мировым ответам непомерной экспансией, в данном конкретном случае реализуемой обрастанием сего ответа еще и соответствующими имперскими одежками под названием Халифат. Последний, правда, вскорости, а именно, с середины VIII века начал все более нарастающими темпами разваливаться, а вот ислам, так же как и другие мировые религии, дожил до дней нынешних. Конечно, не в своей первоначальной силе и мощи (т.е. на своем первоначально необычайно высоком уровне инхроэнергетики, хватившей на самое скорое создание огромной империи от Пиренеев до Тянь-Шаня), но сохранился – как культурный лик средневековой и современной переднеазиатской цивилизации.

Мало того, возникновение ислама в начале VII века и Халифата в его середине самым кардинальным образом повлияло на многие культурно-исторические и инхронические (в лице постосевых ответов) процессы в окружающих Халифат социумах; о некоторых из них речь пойдет в следующем этюде.

За пределами нашего чуть более внимательного рассмотрения остался буддизм Махаяны – просто за неимением места и времени. И еще по одной причине – несмотря на то, что социальные символы удлинённой инхрозоны, скорее всего, попали в Северо-Западную Индию с Ближнего Востока еще в конце I в. н.э., что и легло в основу Махаяны, идея Единого Бога не получила здесь и в Восточной Азии такого же широкого распространения, какую она получила на Ближнем Востоке и в Европе, т.е. в Западной Евразии. По этому поводу у меня имеется лишь одно предположение. Дело в том, что структура будущей воднотранспортной сети в пределах Старого Света существенно отличается в западной и восточной своих частях – западная часть, в Европе, Средиземноморье и Передней Азии, разбита на ряд отдельных усиленно конкурирующих друг с другом водных трасс, в то время как восточная часть практически состоит из одного морского маршрута, ведущего из Индии в Китай. Хотя и здесь имелись свои небольшие пространственные вариации – с какой части Индии корабли отправлялись на восток в сторону Китая или же, наоборот, куда приходили китайские товары: Цейлон, восточное побережье Индии близ устья Ганга или даже непосредственно западное индийское побережье, к которому сходилось большинство европейских воднотранспортных маршрутов.

В результате столь специфической воднотранспортной логистики идея единства на западе Евразии могла вырасти до спасительной веры в Единого Бога (как минимум, хотя бы частично спасающей от непрекра-

щающегося военного противоборства отстаивающих свои ответы социумов), которой наиболее последовательно придерживались мусульмане. В Восточной же Азии ни в идее такой, ни в вере особой надобности в общем-то не имелось, и Махаяна здесь расцвела множеством Будд и бодхисатв, а также еще большим множеством школ, течений, учений или же просто сект, большим даже, чем имела на момент своего зарождения в Северо-Западной Индии, откуда она в скором времени исчезла. И граница между двумя этими топологически, а следовательно, и культурно, столь разными воднотранспортными частями единой сети проходила как раз по Индии, в которой прочно установился индуизм, тоже, конечно, достаточно разноликий, но не до такой степени, как буддизм Махаяны.

И еще представляется нелишним хотя бы бегло коснуться и других постосевых культурно-инхронических реакций социумов Западной Евразии на социальные символы удлиненной постосевой инхрозоны. Некоторые из этих реакций интересны сами по себе безотносительно к перипетиям зарождения ислама – как яркие показательные феномены, в которых идея Единого Бога проявила себя наиболее наглядно и выпукло задолго до ислама. И что особенно любопытно, данные непростые реакции, зачастую, весьма тесно и причудливо переплетались с отчетливо выраженным дуализмом.

Показательный пример: с одной стороны, несущий и нерожденный Первоначальный Отец гностических текстов, а с другой, Демиург в тех же текстах, Творец, сотворивший (то ли по недоразумению, то ли по невежеству вперемешку с неумением или же вообще по злой воле своей) мир дольний, низший материальный мир, *наш* мир, и это все – главный гностический миф о падшей Софии-Мудрости, неразумном Демиурге и пути к Спасению. Попробуем, оставаясь в рамках инхронического подхода и очерченных ими культурно-исторических моделей, немного прояснить, что же стояло за этими феноменами, чем они являлись на самом деле или хотя бы что могли подразумевать в принципе.

Итак, по мере того как от иудео-христианских общин, с середины I в. до н.э. обосновавшихся и развивавшихся в Месопотамии^[44], а позже и в других областях Ближнего Востока, шел дрейф к местному населению новых сложных социальных символов удлиненной постосевой инхрозоны, формировались и другие, отличные от христианства, новые постосевые реакции на них (совсем необязательно, чтобы это были ответы на инхронику – под ответами мы понимаем только достаточно массовые значимые для социума культурные и иные явления, иначе говоря, движения) в основном в виде различных идеологических систем осмысления этих неведомых до того коллективному подсознанию очень инхроэнергичных социальных постосевых символов. Одной из таких реакций как раз и стал так называемый гностицизм.

Понятие “гностицизм” принадлежит историографии нового времени, древние же пользовались термином “гнозис (гносис)” (знание, познание, др. греч.) и производными от него грамматическими формами, такими как “гностический”, “гностик” и т.п. И все же лучше сразу дадим слово одному из наших лучших знатоков гностицизма и коптского языка:

“Гностицизм стал проблемой научного исследования в работах Р.Л. Липсиуса “Критика источников Епифания” (1865) и А. фон Гарнака “История догматов” (1886). Они положили начало критическому изучению источников и созданию на этой основе нетради-

^[44] Г. М. Бонгард-Левин, В. А. Гаибов, Г. А. Кошеленко “Распространение христианства...”, стр. 69-72.

ционной концепции гностицизма. Стали обсуждаться вопросы о том, какое место в гностицизме занимает философия, какое религия, проходит ли он путь развития от философии к религии или наоборот, какова его суть, в какой мере к его характеристике приложимы понятия "дуализм" и "монизм", в чем видеть его корни, какую роль в его формировании сыграли античное наследие, христианство, религиозная история иудаизма, вавилонская, древнеегипетская, иранская культуры... Подходы к вопросу о происхождении гностицизма множились, гипотезы сменяли друг друга. При этом снова и снова оказывалось необходимым определять черты самого феномена, контуры которого постоянно менялись с находками новых генетических связей и типологических подобий. Явление оказалось возможным рассматривать с разных точек зрения: историко-религиозной, философской, социологической, семиотической, сравнительной мифологии, психоанализа и т.д. Всё это, как и трудности источниковедческого анализа текстов, сделали проблему гностицизма одной из наиболее сложных, интересных и спорных, но едва ли приблизили ее разработку к завершению.

Различиям в объеме понятия «гностицизм» отвечают разные смыслы, вкладываемые в слово «гностический», начиная с древности вплоть до наших дней. Ведущий французский исследователь М. Тардьё, предлагая историю этого слова, указывают на восемь смыслов. Первым по времени он называет эпистемологический смысл, идущий от Платона. Вторым оказывается, по его обозначению, «прямой смысл», относимый им к еретическому гносису или «историческому гностицизму», развившемуся с I по V век на Востоке (Египет, Сирия, Аравия, Месопотамия) и на Западе (Италия, долина Роны) у писателей и в неортодоксальных христианских течениях. Третий смысл ересиологический, четвертый у Климента Александрийского, пятый у Евагрия Понтийского, шестой эзотерический, седьмой синкретический, восьмой психологический (иначе: феноменологический, экзистенциальный)»^[45]

Если поначалу гностицизм ассоциировался в основном с христианскими и иудейскими ересями или с неким философским учением, излагаемым в весьма своеобразной образно-дискурсивной форме, то в XX веке некоторые из исследователей стали склоняться к мнению, что гностицизм выступает как отдельный самобытный культурный феномен, который можно понимать как самостоятельную религию^[46], наподобие христианства, зороастризма, иудаизма, ислама... и др. В то время как сами античные гностики одним только своим тайным Откровением (гнозисом) позиционировали себя, как последователи эзотерического учения^[47] или даже учений, учитывая число школ и толков в гностицизме:

“Английский ученый Р. Вильсон полагал, что в слишком широких территориальных и хронологических границах понятие «гностики» постепенно утрачивает свою определенность. Он настаивал на том, чтобы отделить их от «гностицизирующих», и вернуться в общем к традиции древних. К гностикам он относил христианских еретиков, на которых нападали Ириней и Ипполит, гностицизирующими же именовал Филона Александрийского, мандеев, манихеев. Р. Вильсон отказывается видеть в гностицизме сумму идей. Скорее это – некое пестрое идейное содержание, обнаруживавшее себя в разных формах – от высочайшего философского мистицизма до низкой магии»^[48]

О весьма узкой (“эзотерической”) социальной базе гностицизма свидетельствует и тот факт, что

^[45] М. К. Трофимова “Проблема гносиса в свете коптских рукописей первых веков нашей эры” в сборнике “Научные и вненаучные формы мышления”, М.: Институт философии РАН, 1996, стр. 254–265.

^[46] Г. Йонас “Гностицизм (Гностическая религия)”, СПб.: Издательство «Лань», 1998.

^[47] Е. В. Афонасин “Античный гностицизм. Фрагменты и свидетельства”, СПб.: «Издательство Олега Абышко», 2002, стр. 61.

^[48] М. К. Трофимова “Историко-философские вопросы гностицизма”, М.: Издательство «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1971, стр. 22-23.

“Все люди делятся гностиками на «телесных» (соматики, гилики), «душевных» (психики) и «духовных» (пневматики). Из них только последним доступны тайны гносиса – высшего и подлинного мистического знания”^[49]

Причем доступны исключительно по рождению – никакие душевные порывы и духовные прорывы, никакие интеллектуальные усилия, никакие перипетии и повороты судьбы не могут позволить соматикам и психикам встать на путь гнозиса... В таком случае, вообще о какой социальной базе, необходимой для любой более или менее действенной, а значит, массовой религии может идти речь?! Тогда как для успешного функционирования эзотерических кружков и “школ” подобная малочисленная организация сторонников гностических учений была самой что ни на есть естественной формой существования.

А это в свою очередь ведет нас к заключению, что при столь малой численности членов отдельных гностических сообществ и при их достаточно больших расхождениях относительно формы и содержательной стороны различных гностических учений ни о каких таких специфически гностических ответах на постосевую инхронику, как это было, к примеру, у христиан, говорить не приходится, поскольку ответ на инхронику – это сугубо коллективное творческое действо, осуществляемое достаточно многочисленными коллективами, и вот здесь у гностиков имелись весьма серьезные проблемы. Да они, собственно, к массовости не очень-то и стремились, полностью отдаваясь своей мистической эзотерике и туманной метафизике избранных... И в то же время налицо явно выраженная тяга тем или иным способом присоединиться к христианскому постосевому ответу, о чем свидетельствуют множество христианских сюжетов и аллюзий в гностических текстах. Однако ортодоксальные христианские богословы решительно пресекли это их намерение, демонстративно отмежевываясь от гностиков, как от христианских еретиков.

Исключением по численности сторонников во всем гностицизме показывает себя разве что одно лишь манихейство, учение иранского пророка Мани, которое многими исследователями почему-то последовательно включается в список гностических учений.

В Сасанидской державе III в. до н.э. во время царствования царя Шапура I^[50], появляется еще один, кроме зурванизма и митраизма, ответ на социальные символы удлинённой постосевой инхрозоны, в религиозной форме вылившийся в учение пророка Мани, по его имени названное манихейством, в котором Мани попытался на специфической гностической основе (возможно, даже не позднеантичного, как принято считать, а древнего месопотамского происхождения) творчески соединить элементы христианства и зороастрийского дуализма, не исключая при этом и каких-то примесей эллинской культурной традиции^[51].

“Религия Мани, как мы увидим, представляет собой осознанное синкретическое смешение христианства и иранской религии с нижним слоем древней месопотамской религии в том виде, какой она приобрела в гностическом баптизме.

...

^[49] Е. Торчинов “Гносис и гностицизм”, вступление к книге Г. Йонас “Гностицизм...”, стр. 5.

^[50] А. Л. Хосроев “История манихейства (Prolegomena)”, СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2007, стр. 88-99.

^[51] Е. Б. Смагина “Манихейство: по ранним источникам”, М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2011, стр. 130-133.

Таким образом, манихейство было бы более чем любая другая религия в состоянии привести две великие соперничающие друг с другом религиозные формы, христианскую и иранскую, к высшему синтезу, который мог бы удовлетворить также потребности исконных жителей Междуречья с их гностическими вариантами бывшей ассирийско-вавилонской религии»^[52]

“То, что отправной точкой для Мани послужил древнеиранский дуализм, само собой разумеется, и это было подчеркнуто еще Ф. К. Бауэром. Между тем в иранской религии дуализм выражен намного более отчетливо, чем в манихействе”^[53]

А ведь манихейство и впрямь выступало в качестве одной из достаточно массовых народных религий и на востоке, и на западе, имея при этом хорошо организованную церковь на манер христианской со своей особой богослужебной практикой^[54], что, собственно, и обеспечило ему выход далеко за пределы Сасанидской империи, вплоть до Китая и Атлантики:

“Мы можем утверждать лишь то, что в IV–VI вв. манихейство укоренилось уже повсюду и в Римской, и в Персидской империях. О том, что оно долгое время представляло серьезную угрозу официальной религии, будь то христианство на Западе, или зороастризм (а позднее и ислам) на Востоке свидетельствует широкая география полемической антиманихейской литературы, возникавшая во всех концах тогдашней ойкумены: это и Рим, и Северная Африка, и Испания, и Египет, и Сирия, и Малая Азия, и Персия, и Средняя Азия, и т. д.”^[55]

И все это вызывает серьезные сомнения в принадлежности манихейства к гностицизму. Вспомним, что Р. Вильсон называл подобные учения, в которых прослеживается лишь некоторое (пусть даже местами довольно сильное) влияние гностицизма, “гностицизирующими” (см. ком. 27 выше). Мы же вслед за Вильсоном также будем считать истинными гностиками только тех, кого критиковали Отцы Церкви именно как гностиков плюс, разумеется, тех, кто оставил нам такие сокровища, как коптские рукописи, и термин “гностицизм” будем применять исключительно к этим учениям. Стоящий за манихейством ответ, скорее всего, был схож с ответами мировых религий – максимальный охват будущей воднотранспортной постосетевой сети, только не государственно-политическими структурами, как имперские ответы, а некой культурной цивилизационной общностью – в данном случае манихейской. Просто манихейству ввиду ряда причин и обстоятельств не удалось стать мировой религией^[56]...

За гностиками же, как мы видели, вообще не стояло никакого ответа на инхронику, что вполне логично – они ведь не творили мир в процессе коллективного творчества народных масс, а лишь пытались постигнуть его посредством узкого кружка “избранных”, которые познавали самих себя в экстазах, трансах и прочих медитациях, ввергающих в пограничные состояния психики, искренне полагая, что таким вот способом, а именно: окончательным и полным постижением свой собственной индивидуальной природы, они способствуют восстановлению полноты мироздания – Плеромы, нарушенной в предыдущие эпохи. Более того, они всеми фибрами души ненавидели и презирали Бога Творца нашего материального мира, который, по их мнению, силами косной материи препятствовал решению стоящей перед

^[52] Г. Виденгрэн “Мани и манихейство”, СПб.: «Евразия», 2001, стр. 56.

^[53] Там же, стр. 72.

^[54] А. Л. Хосроев “История манихейства...”, стр. 203-215.

^[55] Там же, стр. 234.

^[56] Е. Б. Смагина “Манихейство: по ранним...”, стр. 131.

гностиком-пневматиком задачи постижения своей собственной небесной природы с вытекающим из него истинным познанием мироздания (одно неотделимо от другого), в свою очередь ведущим к Спасению и личности, и мира, т.е. к возвращению из мрака материи в свет Единого Первоотца и восстановлению Плеромы.

И вновь та же самая оппозиция! – творчество-познание:

“С темой знания соприкасается проблема зла, к которой постоянно возвращаются гностические тексты. В апокрифе [*«Апокриф Иоанна»* – А.3.] нашло свое отражение понимание зла как незнания. Та же ключевая тема выражена и в противопоставлении творения откровению [*т.е. творения гностическому знанию-гнозису* – А.3.]. Глагол «творить» десятки раз употреблен применительно к деятельности протоархонта Иалдабаофа [*в других гностических текстах именуемого Демииургом* – А.3.] и его властей. Творению присуще то незнание, которое есть в его создателе. Налицо явное расхождение с библейской традицией, не отделявшей Бога откровения от Творца. Столкновение двух принципов откровения и творения прослеживается в части апокрифа, посвященной созданию человека”^[57]

С этим мы уже сталкивались, разбирая инхронические аспекты раннего зороастризма, когда пытались связать Аухуру Мазду и Ангро Майнью с реалиями объективного мира, вот только с прямо противоположной моральной оценкой данной оппозиции: творение как зло, знание как добро. Полностью противоположной или как-то частично, с этим сейчас мы как раз и будем разбираться.

Как выяснилось тогда (см. четвертый этюд настоящей хронографии), Благой Бог Творец, Ахура Мазда, представлял собой творческое начало в человеке, а в объективном мире соответствовал ответам на инхронику (в данном конкретном иранском случае – среднеазиатскому постосевому ответу) как коллективному творчеству широчайших масс населения. В то время как Бог Зла Ангро Манью олицетворял спонтанное осознание (“расшифровку” или рефлексии в терминах Карла Ясперса) нуминозных символов более поздней (постосевой) инхроники в глубинном архетипическом подсознании на основе схожих с ними символов более ранней (осевой) инхроники, постоянно осуществляющегося в психике *всех без исключения* носителей двух родственных инхроник (предыдущей и следующей) на протяжении всего периода перекрытия их инхрозон, чем (в результате осознания) снижалась инхроэнергетика более поздних (постосевых) архетипических символов и соответствующих ответов на позднюю (постосевую) инхронику, в результате чего страдала реализация этих ответов.

Похоже, и в гностическом случае Бог Творец (Демииург, кстати, одно из значений этого древнегреческого слова означает “ремесленник”) точно так же соответствовал ответам на инхронику, а именно – на осевую и постосевую инхроники, которые, собственно, и создали мир поздней античности, в котором жили античные гностики, и который они считали ущербным. И их можно понять, даже если рассмотреть некоторые результаты ответов на инхронику безотносительно к рефлексии – вспомним хотя бы чехарду сменявших друг друга торгово-металлургических осевых ответов в виде трех следующих друг за другом ВОП’ов (Великих оловянных путей), а завершилось все эта круговерть после прохождения постосевого инхроимпульса Великим шелковым путем (ВШП), вообще не имевшим никакого отношения к оловянно-бронзовой металлургии, столпу ранней осевой инхроники. И впрямь ремеслуха какая-то, точнее не скажешь... Плюс постоянное противоборство ответов на инхронику, неустанно порождающее войны, насилие,

^[57] М. К. Трофимова “Проблема гнозиса в свете коптских...”.

не прекращающуюся борьбу за разного рода *материальные* ресурсы между социумами, реализующими разные ответы...

Но если без шуток да со знанием дела и всех его нюансов, то на самом деле все эти перипетии и кидания из стороны в сторону вызваны были острой нуждой в быстрой адаптации осевых сообществ к стремительно меняющимся культурно-инхроническим реалиям. Отметим сразу: творческой адаптацией, т.е. каждый раз с рождением чего нового вплоть до крайне оригинального – взять хотя бы тот же Великий *шелковый* путь в конце осевой *оловянно-бронзовой торгово-металлургической* инхрозоны. На самого же Творца нашего мира, незнамо что возомнившего о себе невежественного ремесленника-неумеху, гностики возлагали всю ответственность за порождение зла в созданном им мире, носителем же зла выступала материя. А положило всему этому начало так называемое падение его матери Софии-Мудрости – младшего (последнего) зона, т.е. представителя надматериальной духовной иерархии.

А что же с нашим старым знакомцем Ангро Манью? Неужто гностики одним лишь усилием мысли и его обратили – в главное благое божество? То есть они что – поклонялись рефлексии? Нет, не по Ясперсу, а некому спонтанному глубинному социально-психическому процессу планетарного масштаба, как это было показано в четвертом этюде, продукты которого выливались вовне различными в основном культурными явлениями, чье наличие как раз и позволило Ясперсу завести разговор о рефлексии мышлении. Могло быть и так... Однако несколько более вероятным видится вариант, в котором из всех инхронических реалий Единому Первоотцу гностиков более всего соответствует не рефлексия, а инхроническое будущее. В период поздней античности – это постосевое инхроническое будущее, причем, именно его социальный аспект, несомый архетипикой социальных символов удлинённой постосевой инхрозоны, если учесть время зарождения античного гностицизма в I в. и исключительно гуманитарную социальную направленность гностических учений. Судите сами: инхроническое будущее как будущее состояние общечеловеческой системы (или при условной фатальности как наиболее вероятное будущее состояние этой системы в каждый настоящий момент времени) ведь и в самом деле несущее, т.е. оно не существует, существовать ему еще только предстоит (при условной фатальности, может, и вовсе не предстоит – тогда тем более несущее), но тогда несущему Первоначалу уже будет соответствовать инхроническое будущее следующей инхрозоны. Таким образом, оно, инхроническое будущее никогда не является существующим, оно – всегда несуществующее, всегда несущее, вечно несущее и вечно в будущем. И оно, это инхроническое будущее никем и ничем не порождается – разве может никогда не существующее появляться, возникать, кем-то или чем-то порождаться? Таким образом, инхроническое будущее – принципиально нерожденное.

Как видим, кажется, что аналогия полная, особенно, при большом желании свести сложнейшее пока еще совершенно неизученное явление объективного мира к куда более спекулятивным построениям гностиков... И тем не менее имеется одно весьма серьезное отличие инхронического будущего от ничем незамутненного абсолютно благого света Первоначала – от инхронического будущего всегда исходит угроза для развивающихся под соответствующей инхроникой социумов и их членов, что является основой любой инхроники, независимо от того, прямая ли это угроза или угроза упущенных возможностей. В таком случае, получается, что угроза, исходящая из инхронического будущего как раз и воспринималась гностиками как на-

рушение полноты мироздания – Плеромы. Нарушение, которое по гностической то ли космогонии, то ли эсхатологии призваны были исправлять избранные гностики-пневматики, а не какие-то там “топорные” ответы темных непросвещенных, а тем более – непосвященных, масс. Прохождение же инхрои́мпульса более всего перекликается с гностическим мифом о падении Софии-Мудрости^[58], в итоге породившей несовершенного и/или злокозненного Демиурга с его еще более несовершенным миром материи, т.е. с нашим миром ответов на инхронику, сотворенного во всей череде предыдущих инхрозон вкупе с постосевой инхрозоной. Как видим, и здесь отчетливо просматривается прямое противоборство гностиков с ответами на инхронику, с коллективным творчеством народных масс.

И тогда архетипические символы постосевой инхрозон, в том числе и социальные, в свете все той же гностической космогонии можно рассматривать как частицу высшего небесного света Первоотца, которую гностик-пневматик должен освободить от оков и мрака материи внутри себя на пути гнозиса, т.е. на пути экстатического познания себя и мира. Другими словами, пневматик должен уничтожить (в понимании гностиков – освободить) постосевую инхроническую архетипику внутри своей психики, которая попала туда при дрейфе постосевой инхроники или же добавилась при удлинении осевой инхрозон. Уничтожить же нуминозную подсознательную инхроническую информацию, т.е. максимально снизить уровень ее инхроэнергетики, и тем самым погасить реализацию вредных с гностической точки зрения ответов на инхронику, можно было только ее осознанием, еще более конкретно – осознанием постосевых архетипических символов, и в первую очередь новых высокоэнергичным социальных символов удлиненной постосевой инхрозон.

А вот сейчас, похоже, без рефлексии (в широком понимании – как осознания, пусть и частичного, символов глубинной архетипики) уже не обойтись. И это еще один совершенно новый вид рефлексии, отличный от уже известных нам, возникающих либо по мере успешного выполнения ответов на инхронику с последующим явным проявлением в объективном мире скрытой до того в подсознании информации, либо спонтанно на стыке двух инхрозон (“расшифровка”). И до этой особой рефлексии можно было добраться только в ходе какой-то столь же особый медитативной практики, которую вкупе с ее главной целью – *искусственным* запуском *личных* рефлекссионных механизмов – гностики, надо полагать, и называли гнозисом.

Таким образом, существует не две разновидности рефлексии, как мы полагали до сих пор, а аж целых три. Для лучшего понимания еще раз перечислим их все:

1. Естественная коллективная рефлексия ответов на инхронику, возникающая в ходе успешной реализации ответа, когда после выполнения некоего события (процесса, явления...) и его явного для всех проявления (скажем, завершения строительства некоего ирригационного сооружения), связанные с ним символы глубинной архетипики подсознания проецируются из подсознания в сознание, т.е. начинают осознаваться – чаще всего лишь частично, максимально упрощенно, зато приобретают большую знаковую точность и определенность дискурса. Например, начинает лучше пониматься весь спектр использования указанного выше сооружения – как плотины, как дорожного моста через реку и т.п., иногда обнаруживаются возможности

^[58] Более подробно с версией мифа одной из гностических школ, а именно – валентинианской, можно ознакомиться в Г. Йонас “Гностицизм...”, стр.184-197.

совершенно неожиданного применения или развития подобного сооружения. И именно данный эффект отвечает за естественный постепенный спад инхроэнергетики ответов на инхронику в ходе их успешного выполнения, с полным спадом инхроэнергетики до нуля при выходе из соответствующей инхрозоны, поскольку инхроэнергетика ответов покоится на инхроэнергетике соответствующих архетипических символов, теряющих инхроэнергетику по мере проникновения в сознание порожденного ими крайне редуцированного знания: культурно-философского, религиозно-теологического и даже мистического, образно-морального, фундаментального или прикладного научного, технологического, технического, а то и вовсе чисто практического, самого простого наипростого, где-то даже бытового на уровне навыка, иногда перетекающего в обычай...

Назовем эту разновидность рефлексии рефлексией 1-го рода.

2. Спонтанная (самопроизвольная) естественная коллективная “расшифровка” на временном стыке двух родственных инхрозон. Об этой рефлексии 2-го рода уже немало было сказано выше, поэтому не будем повторяться. Заметим лишь, что внешнее отличие рефлексии 2-го рода от таковой 1-го рода заключается в том, что при рефлексии 2-го рода инхроэнергетика символов подсознания снижается намного раньше, чем какие-то связанные с ними события, явления или объекты более поздней инхроники успеют проявить себя. В итоге суммарная инхроэнергетика архетипических символов более поздней инхроники спадает намного сильнее, из-за того что на основе схожести некоторых символов двух этих инхроник *одновременно и параллельно* могут осознаваться множество самых разных символов из столь же разных сфер деятельности человека и общества. Как результат – по мере подобной “расшифровки” рефлексии 2-го рода, много более интенсивной, чем естественное *постепенное и последовательное* осознание сложных архетипических символов подсознания в случае рефлексии 1-го рода, т.е. естественной ответной рефлексии, значительно, а порой так и вовсе катастрофически, падает уровень инхроэнергетики соответствующего ответа на более позднюю инхронику и ровно в той же степени тормозится его реализация.

3. И, наконец, новый – 3-ий род рефлексии, коренным образом отличающийся от первых двух родов, с которым мы столкнулись только сейчас в данном этюде, когда всего лишь попытались привязать гностический образный ряд и их инструментарий к инхроническим реалиям поздней античности. Характеризовать этот род можно, как искусственную экстатическую индивидуальную рефлексию. И данной характеристикой мы, собственно говоря, определяем источник знаний гностиков, их гнозис: во-первых, как рефлексивный, т.е. базирующийся на осознании содержимых подсознания, причем архетипического (читай: коллективного) характера; во-вторых, как основанный на медитативных практиках, т.е. механизм осознания запускается под действием соответствующей медитации, транса, экстаза и т.п., в отличие от первых двух рефлексий, где осознание происходит либо по мере реализации ответа (1-ый род), либо на основе схожести архетипических символов двух инхроник – ранней и поздней – на участке пересечения их инхрозон (2-ый род, ведущий к эффектам, подобным культурным феноменам “осевого” времени по Ясперсу); и, наконец, в-третьих, как чисто индивидуальное личностное явление, в отличие от рефлексий первых двух родов, которые на всех уровнях носят сугубо коллективный характер. Однако сразу отметим, что сами механизмы осознания подсознательной инхронической

архетипики в рефлексии первых двух родов также функционируют на уровне индивидуальных психик членов коллектива, но поскольку механизмы эти запускаются в индивидуальной психике *каждого* члена коллектива, то и рефлексия этих родов в первую очередь и наиболее наглядно проявляет себя как свойство всего коллектива, каковой она, собственно, и является – точно так же как и коллективное бессознательное по Юнгу, выраженное в сказках, мифах, легендах... кстати, и в снах, и в прочих продуктах коллективного взаимодействия индивидуальных психик.

Обратим внимание, что гностические учения “появились и расцвели в I-II вв., постепенно утрачивая свое значение и исчезая или маргинализируясь в III-IV вв.”^[59]. И что любопытно, расцвет гностицизма в I-II вв. и его постепенное исчезновение в III-IV вв. группируются вокруг чрезвычайно важного с инхронических позиций события – окончания осевой инхрозоны в 220-х гг. С точки же зрения гностиков важность этого события больше заключалась в том, что одновременно оно маркировало и окончание периода стыка осевой и постосевой инхроник, а значит, – и это самое важное – исчезновение рефлексии 2-го рода.

В условиях уже стартовавшего упадка осевой инхроэнергетики в период 3ОИ (завершение осевой инхрозоны в ~120 г. до н.э. – ~220 г. н.э.) осевая-постосевая рефлексия 2-го рода неизбежно также должна была начать синхронно спадать века за два-три до окончательного выхода из осевой инхрозоны в 220-х гг. – начать века за три (т.е. в ~120 г. до н.э. образования ВШП), а приобрести заметные формы века за два, примерно на границе эр. Таким образом, будущие гностики, впрочем, как все остальное осевое население, могли ощутить спад рефлексии 2-го рода только с I в. Что касается этого остального населения, скажем, в Восточном Средиземноморье, то оно в общем и целом никак не прореагировало на сей рефлексийный факт, глубинным архетипическим подсознанием озабочиваясь более насущными инхроническими проблемами и реалиями, как то: спад не только осевой, но и постосевой инхроэнергетики в результате длительного негативного воздействия рефлексии 2-го рода в предыдущий период; удлинение постосевой инхрозоны; проникновение в глубинную архетипику “удлиненных” социальных символов и их дальнейший дрейф от социума к социуму, что вовне выливалось в появление и распространение христианства и иных ответов на “удлиненные” социальные постосевые символы уже не только в восточно-средиземноморском регионе, но и далеко на западе и востоке.

А гностики, надо полагать, были из круга тех людей, которые за многовековой предшествующий период успели привыкнуть к рефлексии 2-рода, когда в сознание постоянно вносилась все новая и новая информация из глубинного архетипического подсознания (но уже в усеченной знаковой форме), и даже научились аналитическими методами в какой-то мере понимать ее, вдруг (в историческом масштабе времени) остались без этого, казалось бы, неиссякаемого источника самых разнообразных знаний, исходивших из достаточно близкого будущего (думается, порядка тысячу-полторы лет вперед, не более, а может, и менее) постосевой инхрозоны: и самых общих философских знаний, и более конкретных научно-технических, и социально-экономических, и политических, и психотехнических, и еще из множества других сфер познания мира, общества и человека, лежащих в основе античной фазы европейской цивилизации.

^[59] Е. Торчинов “Гносис и...”, стр. 4.

Так что члены вышеуказанного круга должны были весьма болезненно воспринять спад, а затем и полное исчезновение, рефлексии 2-рода. Однако рук они не сложили и начали, не покладая тех самых рук, искать ей замену. И что самое удивительное, довольно быстро нашли – ту самую рефлексию 3-го рода, точнее, психотехническую медитативную практику, способную запустить некоторые рефлексивные процессы в индивидуальной психике. Особенностью рефлексии 3-го рода и, наверное, ее главным отличием от двух первых рефлексий была определенная ограниченность психотехники, на которой она базировалась, а именно – психотехника отражала (переносила) в сознание, т.е. позволяла осознать, не *означаемое* сложных архетипических символов подсознания, как это частично происходило в рефлексивных механизмах двух первых родов, а их *означающее*, что позволяло выразить эти подсознательные содержимые в *знаковой* форме сознания, ни в коей мере не привязываясь, в отличие от других рефлексий, к внутреннему смыслу символов архетипики, а оперируя только их внешними “зашифрованными” в образах представлениями.

Данный вывод основывается на насыщенной и при том весьма причудливой гностической мифологии, в которой каждая отвлеченная умозрительная сущность, понятие или категория выражены через некий образ, действие или переживание. Некоторые исследователи даже определяют гностицизм, как “мифологию диалектики”:

“В трактате «О любви» Плотин [*основоположник неоплатонизма в III в. – А.3.*] интерпретирует миф об Афродите и Эросе. Здесь Афродита становится Мировой Душой, дочерью Кроноса, который есть Ум (III, 5, 2), т. е. мифологический образ превращается в понятие, логическую конструкцию. В учении гностиков о Софии мы находим совершенно противоположную картину: понятие, логическая конструкция становится мифологическим образом. Иначе говоря, если неоплатонизм, по выражению А. Ф. Лосева, есть диалектика мифологии, то мы бы осмелились назвать гностицизм мифологией диалектики”^[60]

Что касается упомянутого в вышеприведенной цитате неоплатонизма – философского направления периода поздней античности, – то, чтобы не слишком углубляться в дебри на внешний вид так просто устроенного стержня неоплатонической философии (Единое Благо → Вселенский Ум, иначе Дух или Нус древнегреческой классической философии → Мировая Душа → материя)^[61], в то же время довольно противоречивой самой по себе, с множеством нюансов и оттенков^[62], и в этом смысле совсем уж непростой, отметим указанную выше полярность двух этих идеологий, т.е. гностицизма и неоплатонизма, как “мифологии диалектики” и “диалектики мифологии”, и попробуем выдвинуть лишь одно осторожное психо-семиотическое предположение. А именно: что неоплатоники, которые также использовали некие медитативные практики, возможно, в какой-то мере чем-то близкие гностическим, в то же время весьма отличные от них^[63], стремились не к *пол-*

^[60] А. И. Сидоров “Плотин и гностики”, ВДИ, 1979, №1, стр.54–70, на стр. 67.

^[61] Где стрелки означают порождение одного от другого, в неоплатонизме именуемое эманацией. Детальнее – см. в одной из лучших монографий по неоплатонизму: Э. Брейе “Философия Плотина”, СПб.: «Владимир Даль», 2012, а также в Дж. М. Рист “Плотин: путь к реальности”, СПб.: «Издательство Олега Абышко», 2005.

^[62] См. в статью И. Берестов “Необходима ли эманация?” в Дж. М. Рист “Плотин: путь...”, стр. 289–318.

^[63] Неоплатоники предпочитали называть эти психотехники созерцанием. См. статью Э. Брейе “Мистицизм и учение у Плотина” в Э. Брейе “Философия Плотина”, стр.296–303. Кстати, здесь на стр. 298 приводятся из Эннеад весьма характерные слова самого Плотина о

ноте осознания символов подсознательной архетипики, пусть даже в виде зыбких туманных образов их означающего, как это делали гностики, а, наоборот, пытались извлечь посредством этого означающего достаточно конкретное знание, хранимое в их означаемом, “защищенном” внешней сложной образной “оболочкой” означающего. Пусть и не столь полное, всего лишь частичное крайне приблизительное знание, пусть огрубленное, но куда более точное, чем те многозначные и многозначительные мифы, которые извлекали из означающего символов архетипики гностики в процессе гнозиса, даже не пытаясь углубиться далее означающей составляющей символов, которая в результате попадала в сознание в виде мифических образов, а вполне конкретные смыслы означаемого так и оставались полностью сокрытыми от гностиков в подсознании.

И в этом смысле искусственная рефлексия неоплатоников сближалась с естественной рефлексией двух первых родов, обычно выливающейся в философско-научные внешние формы и представления или в реалистические произведения искусства.

В начале III в. мифологическая психика, напрямую работающая с означаемым архетипических символов подсознания, главным апологетом которой в Римской империи уже выступало христианство, окончательно сменяет коллективную рефлексирующую психику 2-го рода, в результате чего надобность в особых медитативных психотехниках, таких как лежащей в основе искусственной индивидуальной рефлексии 3-го рода, способной достучаться до означающего символов архетипики, полностью отпадает, и гностицизм постепенно сходит на нет.

Таким образом, благодаря установившемуся мифологическому мышлению, первичная информация напрямую извлекалась неоплатониками непосредственно из означающего символов архетипического подсознания, как это, собственно, делалось и всем остальным населением, прежде всего в отношении социальных символов удлинённой постосековой инхрозоны и прежде всех христианами. Однако неоплатоники, в отличие от других христиан, посредством своих *созерцательных* медиативных практик, применённых к этой довольно-таки разнородной противоречивой информации во всем ее возможном единстве и цельности, параллельно с обработкой означающих содержаний архетипики вычленяли и весьма ограниченную наиболее общую часть означаемого символов архетипики *еще в самом подсознании*. И только потом полученные таким способом смыслы означаемого осознавались и понимались, что еще больше огрубляло их – в принципе вполне научная метода: максимально упростить и лишь затем исследовать. Если, конечно, после такого всеобъемлющего последовательного упрощения еще остается, что исследовать...

И все же... – что это за смыслы такие недоступные? Разумеется, ни в коем случае не логические конструкции или там дискурс. И в то же время эти смыслы порождали многоликие гностические мифы внешнего означающего... Диалектика? Можно, конечно, выразиться и так, но от этого понятнее не становится. Скорее всего, это что-то сугубо правополушарное: картинки, музыка... что там еще? Танец как символный язык? Коротко говоря, что-то настолько художественное и при том очень конкретное и цельное, без малейшего налета двусмысленности и неоднозначности, что только это и можно назвать парадоксальной стороной символной психики, когда знаковое по своей природе означающее выступает в столь туманной и неопреде-

созерцании: «Не надо гнаться за этим светом – надо спокойно ждать его появления, как глаз ждет восход солнца».

ленной форме, лишь ввиду великой множественности его интерпретаций, сквозь которую очень трудно пробиться к конкретным и довольно-таки однозначным смысловым содержаниям означаемого символов, что само по себе уже парадоксально. Но и это еще не все – столь странное положение дел складывается лишь тогда, когда эти вполне себе однозначные смысловые содержания означаемого не имеют никаких аналогов во внешнем объективном мире, никоим видимым или каким другим чувственным образом не проявляются в нем. Поэтому вся парадоксальность архетипических символов на самом деле возникает не из-за сложности их означаемого, как это свойственно другим символам подсознания, а лишь в силу того что связанные с означаемым объекты внешнего реального мира попросту не существуют, *еще не существуют*. И тогда возникающая в результате всего этого неопределенность архетипических символов, их *принципиальная* неоднозначность оказывается целиком отнесенной к означаемому этих символов с его чрезвычайно повышенным в данном случае многообразием вероятных и возможных интерпретаций на основе уже имеющихся в психике смыслов.

Понятно, что к таким несуществующим – *несущим* – содержаниям и в самом деле очень трудно пробиться, и тем не менее мы без применения каких-либо психотехник одним лишь инхроническим методом все же пробуем добраться до этих укрытых, сохраненных в подсознании смыслов. А вдруг получится?..

Итак, как мы выяснили выше, гностики напрочь отвергали какие бы то ни были ответы на инхронику, считая их ответственными за все зло в нашем материальном мире и за его тотальное несовершенство. Поклонялись же они инхроническому (в данном случае постосевому) будущему без малейшей угрозы в нем, даже угрозы потерянных возможностей – какой же абсолютный свет, ежели угроза?

Инхроническое будущее без угрозы? Такое невозможно – угроза в будущем является основой инхроники и всех связанных с ней социопсихических механизмов. Другими словами, такой феномен в природе (и натуральной, и социальной) попросту не может существовать, во всяком случае, подобные примеры на наблюдаемом отрезке времени от зарождения человечества до дней нынешних не обнаружены. Так что эпитет “несущее” применительно к гностическому Первоначалу и с приведенных выше инхронических позиций выступает его совершенно точной характеристикой.

К тому же вместе с несущим инхроническим будущим без угрозы в нем невозможным становится и прохождение инхроимпульса, а значит, и проникновение архетипических символов инхроники в психику членов социума, невозможной – несущей – становится сама инхроника, и уж тем более ответы на нее, которые тотчас превращаются в столь же несущие образования. Понятно, что для гностиков мир без социальной инхроники стал бы раем на земле, раем без какого-либо развития еще со времен появления вида *Homo Sapiens*, анатомия представителей которого ничем не отличалась от анатомии современного человека, а вот разума, человеческого разума, у этих представителей как не было, так и не было бы и по сей день.

И в связи с этим возникает закономерный вопрос: откуда вообще у гностиков могли возникнуть подобные воззрения? Что-то не очень они похожи на отвязанных фантазеров... Может, и впрямь инхроническое устройство мира каким-то странным образом возможно без будущей угрозы и прохождения инхроимпульсов от нее? То есть все-таки возможен мир с инхроникой как связь с будущим, но без прохождения инхроимпульсов? Возможно, все эти вопросы мы еще раз зададим в самом конце следующей хроно-

графии, когда будем рассматривать гипотетическое событие-источник последней на данный момент времени инхроники, под единственным действием которой на настоящий момент времени развиваются все социумы планеты. А может, и не зададим, ежели и без того многое станет ясным, понятным и прозрачным...

**СЕДЬМОЙ ЭТЮД:
«Халифаты, каганаты, фемы, тантры, ламы, латы»**

Исламская империя в виде арабского Халифата возникла и набирала силу и мощь в течение чуть больше века – с 633-634 гг., когда арабы почти одновременно напали на Византию и вторглись в Иран^[1], до 750 г. смены правящей из сирийского Дамаска династии Омейядов в Халифате на Аббасидов^[2], вернее, распада единого до того Халифата на два образования: отделившийся от Халифата Кордовский эмират в Испании, в котором сохраняли власть представители прежней династией Омейядов, и остальные территории до того единого Халифата во главе с новой династией Аббасидов и с новой столицей в Ираке – вначале в Куфе, затем в Багдаде.

Таким образом, Халифат в середине VIII века проходит пик своего могущества, и с этого момента начинается период его медленного все ускоряющегося распада в череде восстаний, мятежей, религиозных и политических распрей, различных отделений и отпадений, продолжавшийся до середины X века, когда халифы Багдада были полностью лишены какой-либо политической власти^[3]. Последним крупным территориальным приращением Халифата стала Средняя Азия, чье завоевание завершилось присоединением Шаха и Ферганы в конце правления халифа Хишама (ум. в 743г.) – скорее всего, где-то около 740 г.^[4]

О начале упадка в Халифате свидетельствует и битва армии китайской империи династии Тан с войском Халифата на р. Талас южнее оз. Балхаш, состоявшаяся в 751 г. Хотя арабы за счет предательства союзных китайцам тюрков-карлуков и победили, но это сражение поставило точку в расширении Халифата на восток^[5]. Впрочем, экспансия Тан на запад точно так же была остановлена этим же сражением, и вскоре после него Тан тоже входит в длительный период упадка, начавшийся с восстания Ань Лушаня в 755 г., а затем и распада, ввиду ослабления центральной власти и усиления центробежных процессов в регионах. И в начале X в., точнее в 907 г., Танская империя окончательно исчезает с лица земли...^[6]

Что за синхронность такая странная, – и хронологическая, и смысловая, – китайских процессов с арабскими? Мало того, династия Тан пришла к власти в 618 г., что вполне синхронно с началом публичной проповеди пророка Мухаммеда в Мекке в 610 г. (см. в шестом этюде), а еще больше с его

^[1] О. Г. Большаков “История Халифата. Том 1. Ислам в Аравии (570-633)”, М.: Восточная литература РАН, 2000, стр. 212; С. Б. Дашков “Цари царей – Сасаниды. Иран III–VII вв. в легендах, исторических хрониках и современных исследованиях”, М.: СМИ-АЗИЯ, 2008, стр. 199. О. Г. Большаков “История Халифата. Том 2. Эпоха великих завоеваний (633-656)”, М.: Восточная литература РАН, 2002, стр. 19-23, 42-49.

^[2] Дата смерти последнего халифа единого Халифата из династии Омейядов. Между тем, первый халиф из Аббасидов пришел к власти уже в 749 г. (см. О. Г. Большаков “История Халифата. Том 4. Апогей и падение арабского Халифата (695-750)”, М.: Восточная литература, 2010, стр. 282 и предыдущие, 288; И. М. Фильштинский “Халифат под властью Омейядов (661-750)”, М.: Северо-принт, 2005, стр. 190).

^[3] И. М. Фильштинский “История арабов и Халифата (750-1517 гг.)”, М.: АСТ: Восток-Запад, 2006.

^[4] И. М. Фильштинский “Халифат под властью Омейядов...”, стр. 161; О. Г. Большаков “История Халифата. Том 4. Апогей и падение...”, стр. 199-200, 223.

^[5] С. Л. Тихвинский (ред.) “История Китая с древнейших времен до начала XXI века в десяти томах”, Т. III, И. Ф. Попова, М. Е. Кравцова (ред.) “Троецарствие, Цзинь, Южные и Северные династии, Суй, Тан (220-907)”, М.: Институт восточных рукописей РАН, 2014, стр. 15, 296-297; И. М. Фильштинский “Халифат под властью Омейядов...”, стр. 161.

^[6] С. Л. Тихвинский (ред.) “История Китая с древнейших времен...”, Т. III, И. Ф. Попова, М. Е. Кравцова (ред.) “Троецарствие, Цзинь, Южные...”, стр. 290-337.

переселением в Йасриб (позже переименованный в Медину) в 622 г. – событие, от которого отсчитывается начало мусульманской эры Хиджры. И все тот же вопрос: что именно синхронизировало процессы в империи Тан и в Халифате?

Здесь возможны разные варианты.

В принципе нечто подобное в хронологически синхронном распределении постосевой инхроэнергетики у китайцев и у арабов могло бы вызвать некое значимое событие в ведущем воднотранспортном потоке или в более общем и глубинном потоке НТП (научно-технического прогресса) в середине VIII века или даже в первой половине этого века – некоторые процессы, которых мы коснемся ниже, склоняют к последнему хронологическому варианту. Однако ничего такого существенного в иерархии ведущих постосевых потоков четко в пределах первой половины VIII века, похоже, не происходило. Кроме того, в данном случае вряд ли имела бы столь полная смысловая синхронность, т.е. корреляция смыслов, поскольку одна лишь схожая динамика инхроэнергетик в совершенно разных культурных средах обычно имеет весьма отличные друг от друга социальные, экономические и иные внешние выражения.

Что касается, чисто причинно-следственного воздействия, то навряд ли наблюдались бы столь быстрые реакции в откликающемся социуме на причинные импульсы со стороны воздействующего социума – в конце концов, восстание Ань Лушаня в Тан случилось спустя всего четыре года после сражения на реке Талас! Не говоря уж о том, что восстание это имело глубокие временные корни в танском обществе, а при одном лишь причинно-следственном взаимодействии такое (чтобы следствие опережало причину) просто невозможно.

Таким образом, в сухом остатке имеем лишь одну возможность – взаимодействие постосевых ответов танского и арабского социумов посредством инхронического будущего. С таким взаимодействием мы уже сталкивались, и не раз – вспомним хотя бы осевые метаморфозы 2200-2000 гг. (см. в Хронографии №4). Более того, взаимодействие ответов через общее инхроническое будущее встречается довольно часто, а при усложнении обществ с течением времени становится самым что ни на есть обычным делом среди ответов на одну и ту же инхронику. Осталось лишь выяснить, какой из двух постосевых ответов – танский или арабский – выступал в роли источника воздействия, а какой – в качестве его, так сказать, реципиента.

Несмотря на то что рядом с китайской империей Тан, причем в то же самое время, развивались культурно-политические образования с похожим распределением постосевой инхроэнергетики во времени – имеются в виду Второй тюркский, а за ним и Уйгурский, каганаты тюрков, а также возникновение и развитие тибетского государства, – всемирно-историческая роль Халифата и пределы его экспансии все же были много значимее, чем у Тан. Тем не менее, возникновение Первого (Великого) тюркского каганата от Волги до Тихого океана в 60-ые гг. VI в. гораздо раньше и проповеди Мухаммеда и тем более арабской экспансии, скорее всего, определялось исключительно воднотранспортными причинами, т.е. самым обычным имперским ответом отстающих в воднотранспортном отношении в основном степных центрально-азиатских племен и народов с выходом на волжские воднотранспортные маршруты на западе и китайскую оконечность будущей воднотранспортной сети на востоке, без каких-либо особенных религиозно-культурных амбиций или хотя бы каких-то их слабых следов (как, например, неопределенный монотеизм у арабов до VII в.), а значит и без присут-

ствия в тюркскую среде социальных символов удлиненной постосековой инхрозоны, и наличием одной лишь воднотранспортной составляющей постосевого будущего. И тогда, скорее, приходится говорить о китайском постосеовом влиянии империи Суй (до Тан) на тюрков. Правда не совсем понятно: то ли это чисто причинное влияние, то ли...

В любом случае и здесь явно не обошлось без взаимодействия через воднотранспортное постосеовое будущее. Но уже в 604 г. при самом активном и непосредственном причинном воздействии дотанской китайской империи Суй на Первый тюркский каганат последний разваливается на два независимых образования: Западный и Восточный каганаты, которые спустя несколько десятилетий падут под ударами Танской империи – в 630 г. Восточный каганат, в 659 г. Западный. И в этом конкретном случае распада Первого (Великого) тюркского каганата уже допустимо предположение стороннего влияния китайских социальных постосеовых символов и воспринимаемого китайцами социального постосеового будущего на тюркские процессы, в итоге разрушивших первичный воднотранспортный постосеовой ответ тюрков. Откуда, собственно, и взялось столь явная синхронность даты распада Великого тюркского каганата с весьма важным для далекой аравийской Мекки событием – кардинальной перестройкой ее главного святилища Каабы со снятием с места “Черного камня”, что вызвало ряд экстатических видений у пророка Мухаммеда, в итоге приведших к возникновению ислама, а за ним и Халифата. Другими словами, синхронизм распада Великого каганата тюрков именно в 604 г. в результате чисто причинного воздействия китайской империи на каганат и его окружение обусловлен был взаимодействием китайцев с Халифатом уже посредством и *социального*, а не только воднотранспортного, инхронического постосеового будущего.

И далее... Далее, как уже говорилось, в 618 г. династия Суй в китайской империи сменяется династией Тан довольно-таки синхронно с началом публичной проповеди Мухаммеда в 610 г. и его переселением в Йасриб в 622 г. и началом Хиджры. Видимо, танский более осмысленный в плане инхроники мобилизационный вариант социальной части китайского варианта постосеового ответа, несмотря на разгром империей Тан поздних тюркских каганатов, своим стратегическим союзом с кочевниками и оседло-кочевым населением Северного Китая особо и специально “заточенный” на предстоящее противодействие расширению Халифата в восточном направлении, оказался более востребованным, чем суйский сугубо антикочевой вариант, в результате приведший к расхождению династии и власти с китайским народом. А даты разгромов Западного и Восточный каганатов империей Тан с последующим включением их населения в особо нацеленный на противостояние Халифату танский постосеовой ответ отчасти синхронизируются с продвижением арабов вглубь иранских территорий...

И с этого времени установления контроля Танской империи над тюркскими землями, наверное, можно говорить о начале проникновения “удлиненных” социальных постосеовых символов от китайцев к тюркским племенам. В результате после тюркского восстания против танского господства в 679-693 гг. Восточный тюркский каганат был восстановлен на некоторое время (до 745 г.), так же как и Западный тюркский каганат, просуществовавший с 704 г по 740 г., но это были самые последние годы Великого тюркского каганата и его независимых продолжений на западе и востоке.

И главное – в 745 г. в восточной степи возникает совершенно новый каганат во главе с уйгурами – народом, очень близким по языку к тюркам Великого каганата, который относится к телесской группе тюркских племен.

И только с Уйгурского каганата уже начинает наблюдаться явные следы присутствие социальных символов удлинённой инхрозоны в степной тюркоязычной среде у уйгуров, которые вскоре после установления их гегемонии в виде Уйгурского каганата массово принимают манихейство в 759-767 гг., при том что манихеи начали свою пропаганду в уйгурской среде значительно раньше – примерно с 700 г.

Как видим, принятие уйгурами манихейства с 759 г. вполне синхронно окончанию как арабской, так и танской, экспансий, и эта синхронность столь же очевидно понимаема с точки зрения корреляции уйгурских инхронических процессов (т.е. ответов) с арабскими, но никак не с танскими. Дело в том, что, несмотря на очевидное сильнейшее прямое причинно-следственное воздействие Китая на степняков времен Великого тюркского каганата и его наследников, после прекращения арабской и танской экспансий в 751 г. на передний план выходит противостояние идеологий в виде мировых религий: ислама и множества течений буддизма Махаяны. И если не столь агрессивный китайский буддизм мало чем угрожал языческим воззрениям тюрков, в том числе и уйгуров, то их исламизация в довольно-таки ближайшем будущем в ходе мирного распространения ислама казалась практически неизбежной – простота, безапелляционность и бескомпромиссность арабской веры без малейшего намека на христианскую многозначительную неоднозначность (такую, например, как “нераздельно и неслиянно”) привлекали многих. Да, неизбежной, если, конечно, не предпринимать каких-то встречных противодействующих шагов... Вот таким встречным ударом против исламизации и стало уйгурское манихейство, которое, в отличие от Махаяны, в подсознательном восприятии степняков выглядело достаточно конкурентоспособным, чтобы бороться с исламом за их языческие души.

И тем не менее через какую-то сотню лет, в середине IX в. Уйгурский каганат был повержен в ходе наступления новых гегемонов степи – енисейских кыргызов, в результате чего большинство уйгуров отступили в Восточный Туркестан (китайский Синьцзян), где часть из них приняла христианство несторианского толка, а другая – обратилась в буддизм^[7].

Однако мирное наступление ислама с течением времени все-таки настигает уйгуров и здесь – с X в. начинается исламизация населения Восточного Туркестана, и уйгуров в том числе, завершившаяся спустя около полтысячелетия...

Таким образом, уже можно сказать, что, начиная, как минимум, с установления уйгурской гегемонии, восточная степь, как и Тан, развивалась уже под влиянием постосевого будущего, в значительной степени формируемого спонтанными внутренними процессами распада Халифата и мусульманским постосевым ответом, а не процессами в Танской империи. Указанные же “спонтанные внутренние процессы распада”, скорее всего, определялись слишком большим числом очень разных в культурном отношении социумов, включённых в состав Халифата, в первую очередь взаимодействием иранского и арабского культурных процессов. И в этом свете не стоит забывать, что принятое уйгурами манихейство также имело иранское происхождение. Все это вкупе снижало общую инхрозэнергетику имперского

^[7] Все описанные выше степные (и не только) события от возникновения Великого тюркского каганата (даже и того раньше) и до падения Уйгурского каганата подробно изложены в книге Л. Н. Гумилев “Древние тюрки”, М.: Рольф, 2002 (не раз изданной и переизданной и другими издательствами в другие годы), а более компактно и сжато – в Г. Л. Файзрахманов “Древние тюрки в Сибири и Центральной Азии”, Казань: Мастер Лайн, 2000.

ответа Халифата, одновременно повышая эффективность и инхроэнергетику мусульманского религиозного ответа, становящегося таким образом все более независимым от империи.

Итак, по мере широкого распространения ислама регионы Халифата начинали вносить немалый, к тому же неуклонно растущий вклад в его развал, в то время как мировая мусульманская религия, как было сказано, все меньше и меньше нуждалась в поддерживающих ее на ранних этапах имперских одежках. Более того, постоянно расширявшаяся *единая* арабская империя только снижала адаптационную гибкость ислама к весьма отличным друг от друга культурным окружениям, и тем самым лишь препятствовала процессам исламизации имперской периферии.

Теперь о Тибете. Если степняки на севере еще в середине VI в. в полный рост продемонстрировали свою сугубо воднотранспортную постосевую ориентацию (от Волги и Каспия до Тихого океана), то на Тибетском нагорье ничего подобного и близко не было. Тибетцев отчасти можно понять – и хотя в Тибете лежат истоки самых крупных рек Азии, а именно: Хуанхэ, Янцзы, Меконга, Салуина, Брахмапутры и Инда^[8], истоки эти, а тем более их судоходные части, большей частью находятся на столь великом расстоянии друг от друга, плюс к тому разделены труднопроходимой высокогорной местностью, что ни о каких соединяющихся друг с другом по суше судоходных участков воднотранспортных маршрутов, как мы это наблюдали в случае водораздельного гидрографического узла на хребте Баба в горах Гиндукуша (см. в четвертом этюде настоящей хронографии), здесь даже говорить не приходится. Другими словами, население Тибета не располагало достаточным воднотранспортным ресурсом для формирования и/или хотя бы частичного контролирования геополитически значимых воднотранспортных маршрутов будущей мировой воднотранспортной сети, что в свою очередь препятствовало формированию адекватного воднотранспортного постосевого ответа. Мигрировать же со своих родных гор и плоскогорий, как это делали степные тюрки, не менявшие степного вмещающего ландшафта даже во времена своих самых дальних миграций, тибетцы не то что не могли, но, судя по всему, не испытывали ни малейшего желания.

Таким образом, подвинуть тибетцев на какие-то решительные постосевые шаги и ответы могли разве что сложные социальные символы удлиненной постосевой инхрозоны, а точнее – вызываемые ответами других социумов возмущения в социальной части (именно в социальной, а не в воднотранспортной) постосевого инхронического будущего. И что же это за шаги такие? Пробежимся по ранней тибетской истории.

Первые зачатки государственности у тибетцев, судя по их мифам и преданиям, появились на юго-востоке Тибета, когда в этих краях зародилась так называемая Ярлунгская династия правителей (дже) цэнпо, задолго (в достаточно обширном периоде II/III-V вв.) до возникновения мощной тибетской державы в VII в. О ранних цэнпо, кроме мифов, почти ничего не известно. Если до них тибетцы жили отдельными племенами, то при цэнпо появляются союзы племен, которые принято называть “княжествами”, хотя, скорее, это были просто вождества. Во всяком случае, уже существовала наследственная передача власти правителя, но еще не было письменности да и многих других атрибутов государства^[9].

^[8] А. Д. Цендина “...и страна зовется Тибетом”, М.: Издательская фирма «Восточная литература РАН», 2002, стр. 12.

^[9] А. Д. Цендина “...и страна зовется...”, стр. 50-54; Е. И. Кычанов, Л. С. Савицкий “Люди и боги Страны снегов. Очерк истории Тибета и его культуры”, М.: Главная редакция восточ-

Если сравнить китайские и тибетские источники, то увидим, что китайцы ведут начало династии правителей Тибета от западных цянов. По сведениям китайских источников около середины V в. н.э. (точнее, в 439 г.) некий сяньбийский (древнемонгольский) принц по имени Фаньни, уходя от победоносно наступавших табгачей полукучевой империи Вэй (Тоба-Вэй), собрал своих людей и отступил из области Хэси на запад в Тибет к цянам (наиболее вероятным предкам тибетцев), где в скором времени стал их правителем. Историки отождествляют Фаньни с одним из ранних цэнпо^[10].

И что любопытно: в том же 439 году другой сяньбийский отряд под командованием Ашины (“500 семейств Ашины”) из того же Хэси, и тоже спасаясь от табгачей, двинулся на Алтай, где слился с жившими здесь потомками хуннов и тем самым положил начало тюркскому народу, встав во главе его – все ханы последующих каганатов были из рода Ашины. Уйгурская же история, тесно переплетенная с первыми тюрками, была всего лишь продолжением и дополнением собственно тюркской^[11].

Понятно, что данный на первый взгляд такой странный синхронизм вызван довольно простой синхронизирующей причиной – наступлением табгачей на область Хэси в 439 г. Но это еще не все. Смысловые и хронологические корреляции тибетских и тюркских процессов свидетельствует об изначально совершенно разной постосевой ориентации обеих сяньбийских орд: преимущественно воднотранспортной в отряде Ашины, чем и можно объяснить расположение целевого конечного пункта их миграции на южных склонах Алтайских гор, откуда открывался прямой *степной* путь на запад к Волге и Каспию и на восток к Тихому океану, и преимущественно социальной в отряде Фаньни, который отправился в лишенный широких воднотранспортных перспектив Тибет.

И тогда становится понятной также и полярная реакция обоих социумов, сложившихся к первой половине VII в.: распад Великого тюркского каганата почти одновременно с началом тибетской государственности – создание мощной тибетской державы цэнпо Сонцэн Гампо, основу которой заложили еще его предки (дед, а того больше отец) близ границы VI-VII вв., – вместе с появлением тибетской письменности и развитых институтов государственной власти^[12]. Напомню, что распад тюркского каганата ввиду утраченного к тому времени актуальности его сугубо “мирного” воднотранспортного постосевого ответа синхронизировался прямым причинным воздействием китайских империй Суй, а затем Тан, которая развивалась уже все больше в социальном русле влияния постосевой инхроники, связанным с возникновением на далеком западе новой мировой религии ислама и расширением его внешней политической формы Халифата на восток. Тибет же, точно так же, как и Тан, изначально развивался под влиянием *социального* постосевого будущего, поэтому тибетцы имели все возможности на основе собственного архетипического подсознания самостоятельно синхронизировать свой постосевой ответ с возникновением ислама и быстрым расширением Халифата на восток. Так что посредничество Тан для этого, как в случае с воднотранспортным ответом тюрков, совсем не требовалось.

ной литературы издательства «Наука», 1975, стр. 26-31; Е. И. Кычанов, Б. Н. Мельниченко “История Тибета с древнейших времен до наших дней”, М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2005, стр. 22-29.

^[10] Е. И. Кычанов, Б. Н. Мельниченко “История Тибета с древнейших времен...”, стр. 29; Л. Н. Гумилев “Конец и вновь начало”, М.: Рольф, 2000, стр. 108; Л. Н. Гумилев “Древние тюрки”, стр. 274.

^[11] Л. Н. Гумилев “Древние тюрки”, стр. 27.

^[12] Е. И. Кычанов, Б. Н. Мельниченко “История Тибета с древнейших времен...”, стр. 33-40.

В соответствии с тибетской традицией принято считать, что в это же время становления общетибетской державы при Сонцэн Гампо в Тибете появляется буддизм Махаяны китайского происхождения. Однако многие современные исследователи не согласны с данным тезисом, полагая, что буддизм проник в Тибет еще до VII в. поскольку Тибет был практически окружен буддийскими странами, такими как: Непал, Северная Индия, торговые города Западного края (Восточного Туркестана), Китай, и тибетцы не могли не познакомиться с новым для них вероучением во время взаимодействия (торгового ли, политического ли, а то и вообще военного, не говоря уж о культурном) с этими странами. Другое дело, что Сонцэн Гампо, озабоченный культурно-религиозным единством вновь возникшей тибетской державы, мог тем или иным образом, вольно или невольно, прямо или косвенно (например, женитьбой на принцессах из этих стран) поспособствовать несколько более широкому распространению буддизма в Тибете. И все же буддизм Махаяны и в VII в. вот так сразу не стал главной религией тибетцев – ведь у них была еще и их родная и природная довольно-таки развитая религиозная система, или даже “целый комплекс религиозных верований”, под названием бон, чьи священнослужители просто не могли не оказать весьма и весьма серьезного сопротивления буддийским нововведениям...^[13]

Существует множество гипотез и мнений по поводу природы и происхождения религии бон. Некоторыми авторами бон считается одной из разновидностей буддизма, “другие усматривают в боне элементы шиваизма, шаманизма, митраизма, манихейства, даосизма”. Из всего этого многообразия более или менее правдоподобно выглядит точка зрения о происхождении бона от шаманизма, широко распространенного в Южной Сибири, Центральной и Восточной Азии в гораздо более древние времена, а также версия об иранских влияниях на бон^[14]. Таким образом, синкретическая версия, основанная на этих двух гипотез, может гласить: шаманизм, который лег в основу бона, являлся автохтонной религией населения Тибета или же был занесен туда очень давно, а впоследствии, много позже, испытал существенное влияние иранской культуры, возможно, что и не одно, а целый ряд влияний: юэчжи, маздеизм, зороастризм, митраизм... – выбор велик, даже учение Мани с его с сравнительно более поздним происхождением и общей гностической направленностью (а может, прямо наоборот – благодаря последнему?) исключать нельзя.

В итоге в тибетской правящей верхушке стала разворачиваться ожесточенная борьба между сторонниками бона и буддизма:

“Несмотря на то что бон до середины IX в., до гибели династии [Ярлунгской – А.З.], оставался главным верованием страны, борьба сторонников бон и буддизма превратилась в основное противоречие в правящем клане и группировках Тибетского государства VI-IX вв.”^[15]

Похоже на то, что именно столь непримиримое противостояние бона буддизму и стало спустя около сотни лет после правления Сонцэн Гампо, близ середины VIII в. (в правление цэнпо Тисон Дэцэна, ближе к началу правления; кстати, этот хронологический рубеж нам тоже уже знаком...),

^[13] А. Д. Цендина “...и страна зовется...”, стр. 73-76, 57.

^[14] Там же, стр. 56-60; Б. И. Кузнецов “Древний Иран и Тибет (История религии бон)”, СПб.: Издательство «Евразия», 1998.

^[15] Е. И. Кычанов, Б. Н. Мельниченко “История Тибета с древнейших времен...”, стр. 44.

главной причиной начавшегося вытеснения из Тибета Махаяны китайского толка ее индийской разновидностью, основанной на тантрах.

Но по порядку, и прежде всего несколько слов (точнее, цитат) о Тантре:

“Элементы философии тантраяны встречаются уже в Типитаке [*трехчастный сборник текстов Палийского канона, который можно считать «линией демаркации» между ранним буддизмом Хинаяны («малой колесницы») периода рефлексивной психики и более поздним буддизмом Махаяны («большой колесницы») времен постсоевой мифологической психики*^[16] - А.З.], однако как отдельные тексты тантры развиваются сравнительно поздно. Самые ранние тантры (такие как, например, «Гухьясамаджа-тантра») современные исследователи датируют не ранее IV в. н.э. (тибетские буддийские историки объясняют это тем, что до этого времени тантры оставались совершенно тайным учением)”^[17]

Основываясь на сказанном, можно прийти к выводу, что элементы тантрического мировоззрения появляются почти одновременно с Махаяной или несколько позже нее. И по мере их обоюдного развития они начинают тесно переплетаться меж собой, образуя, таким образом, идеологию и практику еще одного особого направления Махаяны под названием Ваджраяна (“алмазная колесница”). В то же время:

“Время и обстоятельства появления Ваджраяны недостаточно изучены и являются дискуссионной проблемой. Хотя элементы тантрических культов встречаются и в Ведах, и в Палийском каноне (см. Типитака), наиболее ранние письменные свидетельства о существовании тантр (конкретно – дакини- и бхагини-тантр) встречаются лишь в начале VII в., в автокомментарии Дхармакирти к «Прамана-варттике». Хотя некоторые исследователи датируют древнейшие тексты Ваджраяны IV или даже III в. н.э., их доводы не общеприняты”^[18]

Основным отличием Ваджраяны, воспринятой ею из Тантры, на тот момент выделяющий ее среди прочих учений Махаяны буддизма в целом, был тезис о возможности достижения спасения посредством особых йогических практик и древних магических ритуалов в течение даже одной жизни, может, одного мгновенного просветления – при правильном исполнении сложных психофизических погружений йоги в сопровождении соответствующих мантр, мандал и прочих магических заклинаний и ритуалов:

“Учение, придуманное Буддой Шакьямуни, имело в виду слишком тяжелый, слишком долгий и утомительный путь к спасению и очень много требовало от человека. Этому человеку надо было следовать буддийскому нравственному идеалу – отказаться от желаний, довольствоваться малым, подавать налево и направо милостыню и т.д., чтобы через сто миллионов поколений он, т.е. его перерождение, мог бы достичь просветления и стать буддой. Причем какое-нибудь другое перерождение в пятидесятимиллионном поколении могло все испортить, совершив дурной поступок. А наградой самому человеку, столько труда положившему на стезе нравственной жизни, было лишь перерождение из бедного крестьянина в не очень бедного, и то после смерти. Несправедливо. Естественно, буддийская мысль стала искать иной выход, который давал бы награду человеку сразу. И нашла.

В буддизм, особенно в буддизм махаяны, в первые века нашей эры начинает проникать идея о достижении состояния будды с помощью магии, мистическим путем. Она была не нова в Индии, где магические ритуалы распространились очень широко, проникнув во все религиозные верования. Всевозможные заклинатели, колдуны, волшебники, йоги —

^[16] В. К. Шохин “Типитака” в М. Т. Степанянц (ред.) “Философия буддизма: энциклопедия”, М.: «Восточная литература», 2011, стр. 680-686, на стр. 680. Пассаж про периоды рефлексивной и мифологической психики, разумеется, от меня.

^[17] А. А. Терентьев “Тантры”, там же, стр. 672-674, на стр. 672.

^[18] А. А. Терентьев “Ваджраяна”, там же, стр. 197-200, на стр. 197.

одни из самых популярных действующих лиц древнеиндийской литературы и фольклора. Но буддизм не сразу воспринял эту идею. Только к концу I тысячелетия она оформилась в целостное учение, проповедующее возможность достижения состояния будды не в результате накопления добродетелей в бесчисленных перерождениях, а за короткий период, даже за одну жизнь, с помощью тайных магических ритуалов. Это учение стало отдельным направлением в буддизме и было названо ваджраяной, т.е. «Алмазной колесницей». Тантризмом его именуют европейцы. Тантры – тексты, лежащие в основе учения.

...

Как мы помним, буддизм учит, что вся жизнь – страдание, причина страдания – в желаниях, а освобождение от желаний есть путь к спасению. Тантризм «уточняет» последний тезис. Да, говорит он, все люди так и должны поступать, но некоторые, особенные, наделенные специфическим даром и овладевшие особым умением, могут не стараться успокоить желания и страсти, а использовать их, повернув энергию, заключенную в них, на достижение состояния просветления. То есть использовать сами желания в качестве средства преодоления желаний^[19]

Как видим, в отличие от античных гностиков, адепты Ваджраяны смогли соединить доктрины массовой мировой религии (Махаяны) с крайне мистической эзотерической, а во многом так и просто магической, практикой для избранных и ее доктринальным обоснованием, создав тем самым особое религиозное направление – тибетский буддизм Ваджраяны. Почему гностики не смогли достичь того же самого в Европе и на Ближнем Востоке? Почему отцы церкви (аналога главам школ Махаяны в данном конкретном случае) не пошли на плодотворный контакт с гностиками? При том что сами гностики всеми силами стремились к такому солидарному взаимодействию с христианством... Скорее всего, потому что данный синтез происходил или не произошел в совершенно разные эпохи и в столь же различном культурно-инхронических условиях: 1) на границе между периодом рефлексии психики в средиземноморском регионе и пришедшей ей на смену мифологической психикой; 2) и с практически целиком и полностью мифологической структурой психики в индийско-пригималайском регионе при слиянии Махаяны и Тантры в Ваджраяну и дальнейшим ее соединением с элементами бона в Тибете. Но много важнее, что в первой половине I тыс. рефлексия и рефлексирующая психика обошли самой дальней стороной по сути почти первобытные вожества-княжества Тибета, где позже Ваджраяна приобрела свои самые завершенные отточенные формы – не зря ведь ее еще называют тибетским буддизмом. Что-то похожее на общество арабов Аравии до ислама, но в еще более ярко выраженной категоричной форме – видимо, из-за изначально преимущественно *социальной* символики в постосековой архетипической психике тибетских «язычников»...

Однако, чтобы вычленив узловые точки взаимодействия тибетской религии бон с буддизмом Ваджраяны, сейчас нас интересует лишь одна особенность Ваджраяны, отличающая ее от других махаянистских направлений, которая касается ее специфической психо-магическо-мистической составляющей тантрического происхождения:

“Тантры зачастую сознательно использовали элементы древних магических ритуалов, направленных на победу над врагом или подчинение своей воле людей, животных и богов, – отсюда множество заимствований «странных» для буддизма образов и имен. Ранние буддийские тантрики делали эти заимствования совершенно сознательно: например, в комментариях к «Чакрасамвара-тантре» сохранилось предание, что для улучшения нравственного состояния шиваитов Будда и бодхисаттвы, приняв соответственно обличье Шивы и его приближенных, незаметно, «чтобы не огорчать» верующих, подавили культ Шивы в 24

^[19] А. Д. Цендина “...и страна зовется...”, стр. 99-101.

священных местах шиваизма и подменили всю религиозную идеологию, оставив старые образы и имена, но наполнив их иным, буддийским содержанием”^[20]

Итак, где-то близ середины VIII в. (более широко – во второй половине VIII в.) цэнпо Тисон Дэцэн начал приглашать учителей-проповедников буддизма из Индии и Непала, чтобы было что противопоставить отторгаемому и народом, и знатью буддизму Махаяны, идущему из танского Китая (с которыми Тибет уже давно вел длительные войны в основном за Синьцзян – Восточный Туркестан^[21]).

Однако индийские гуру тоже один за другим терпели крах и возвращались в родные земли. Но последний из них (Шантиракшита) перед отъездом посоветовал пригласить известного тантрика Падмасамбхаву из страны Уджана на севере Индии, “который сможет подавить старых тибетских богов”, и “который мог бы справиться со злыми силами Тибета во имя торжества учения”^[22]. Здесь “под старыми тибетскими богами” и “злыми силами Тибета” разумеются духи и демоны бона. И Падмасамбхав прибыл из своей страны но, в отличие от Шантиракшиты и остальных гуру, он и в самом деле победил демонов бона:

“Проповедь Шантиракшиты была тихой. Полуприкрыв глаза, он говорил: «Земная юдоль... Не убий, не прелюбодействуй... Копи нравственные заслуги...» — «Э...» — сказали люди. Падмасамбхав повел совсем другие речи. Он выпучил глаза, упер руки в бока, топнул ногой (примерно таким его изображают на буддийских танках) и воскликнул: «Я умею лучше управлять духами, силами добра и зла, чем ваши жрецы и шаманы! Все ваши демоны будут корчиться у меня под башмаком и делать все, что я прикажу! Кроме того, я знаю, как спастись из мира страданий быстро и без больших хлопот!» — «О!» — сказали люди”^[23]

Как именно Падмасамбхав смог “победить демонов бона”, можно понять по цитате под комментарием [20], т.е. примерно так, как по легенде Будда и бодхисаттвы подавили культ Шивы в священных местах шиваизма, подменив религиозную идеологию тем, что оставили старые образы и имена, но наполнили их новым буддийским содержанием. Вот по этой же самой, скажем прямо, нехитрой схеме (свойственной еще и митраизму в Европе – так называемый “языческий монотеизм”, см. в шестом этюде), множество элементов бона проникло в тибетский буддизм (Ваджраяну).

А следом за Падмасамбхавой вернулся и Шантиракшита, и они уже вдвоем вместе с учениками продолжили распространять Ваджраяну по Тибету. Итак:

“Тантрист Падмасамбхав сумел подчинить бонских духов, включив многих из них в буддийский пантеон.

Магия и тантризм более подошли тибетцам. Поддержать Падмасамбхаву в Тибет вернулся и Шантиракшита. За 12 лет в двух днях пути от Лхасы был построен монастырь Самье (уезд Чанан, где находится монастырь Самье, в 137 км от Лхасы, и сейчас область с развитым земледелием и скотоводством). Самье был сооружен по образцу монастыря Одантапури, который представлял собой модель вселенной. В Самье поселились первые монахи-тибетцы, их было семеро, все они получили наставления в вере от Шантиракшиты”^[24]

^[20] А. А. Терентьев “Ваджраяна”, стр. 199.

^[21] А. Г. Малявкин “Борьба Тибета с Танским государством за Кашгарию”, Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1992.

^[22] А. Д. Цендина “...и страна зовется...”, стр. 99; Е. И. Кычанов, Б. Н. Мельниченко “История Тибета с древнейших времен...”, стр. 58-59.

^[23] А. Д. Цендина “...и страна зовется...”, стр. 99.

^[24] Е. И. Кычанов, Б. Н. Мельниченко “История Тибета с древнейших времен...”, стр. 58-59.

Так были заложены первые самые ранние основы тибетского буддизма, за пределами Тибета часто именуемого ламаизмом^[25]. Но бон отнюдь не исчез, как можно было бы подумать, – в ходе неантагонистического взаимодействия с тантрическим буддизмом он сам воспринял от него не меньше, а то и больше, отчего, как было сказано выше, некоторые исследователи даже считают его разновидностью буддизма. И в таком виде бон сохранился до наших дней...

Не следует также считать, что все конфликты между боном и буддизмом вот так разом исчезли. Нет, они продолжились, но уже все больше в политической сфере, между различными группами власти и знати, слабо затрагивая народные массы. Более того, именно это противоборство правящих группировок, прикрывающих расхождение своих вполне земных интересов то приверженностью бон, то поклонением Буддам, и привело в итоге к развалу “Великого Тибета” в середине IX в.^[26]

Таким образом, мы уже имеем два значимых хронологических рубежа синхронности процессов в Тибете с оными в Халифате (и Тан): начало развитой тибетской государственности в начале VII в. синхронно с проповедью пророка Мухаммеда и начало формирования тибетского буддизма примерно в середине VIII в. синхронно с прекращением расширения Халифата. Отличие вектора развития и в Тан, и в Халифате, – и там и там упадок после середины VIII в., – от тибетского, где развитие после этого рубежа продолжилось не только в государственной политической сфере (косвенное, и в то же время весьма наглядное, тому свидетельство – это успехи и победы тибетцев, в худшем случае, ничейный исход в большинстве тибетско-танских войн и столкновений VII- IX вв.^[27]; кстати “именно в конце VIII – начале IX вв. в тибетских документах появляется термин *Бод ченпо* – «Великий Тибет»^[28]), но началось еще и в духовной как зарождение и становление тибетской Ваджраяны, что опять-таки подтверждает приоритет социальных постосевых символов перед воднотранспортными в Тибете и главную нацеленность тибетского общества на противостоянию исламу именно в мирное время его экспансии (как и манихейство уйгуров), а не в период военной экспансии Халифата, хотя последнее, разумеется, также имело немалое значение для тибетской архетипики.

Так продолжалось до конца тибетской державы в середине IX в., но для этого последнего тибетского рубежа, как ни странно, нет ни одного явно видимого халифатского синхронизма. Хотя почему странно? – Халифат как начал распадаться с середины VIII в. на собственно Халифат Аббасидов и Кордовский эмират Омейядов, так и продолжил разваливаться с все растущей скоростью до своего последнего рубежа в середине X в., когда иранцы из горной прикаспийской области Дейлем захватили Багдад и лишили багдадского халифа последних крох светской власти. Так что, выражаясь на языке математики, график дезинтеграции Халифата в зависимости от времени представлял собой почти плавно растущую кривую без каких-либо экстремумов или каких-то иных засечек – провинции на протяжении этих двух веков отпадали одна за другой с завидным постоянством: в Северной Африке и в Средней Азии, на Ближнем Востоке и в Иране с Афганистаном. Как

^[25] Е. И. Кычанов, Л. С. Савицкий “Люди и боги Страны...”, стр. 225-226; А. Д. Цендина “...и страна зовется...”, стр. 6.

^[26] Е. И. Кычанов, Б. Н. Мельниченко “История Тибета с древнейших времен...”, стр. 62-63.

^[27] А. Г. Малявкин “Борьба Тибета с Танским государством...”.

^[28] Е. И. Кычанов, Б. Н. Мельниченко “История Тибета с древнейших времен...”, стр. 66-70.

говориться, глазу не за что зацепиться... Разве что свою роль мог сыграть еще и географический фактор – в 821 г. в Хорасане образовался наследственный эмират Тахиридов, а в 861 г. в соседнем Сиджистане (Систан, Сеистан) возник поначалу небольшой эмират Саффаридов (и обе эти даты – 821 г. и 861 г. – группируются как раз вокруг середины IX в.), который вскоре прибрал к рукам все тахиридские владения и распространился почти на весь Иран, кроме его северо-запада^[29]. А следом и чуть дальше на восток были ирано-тюркские эмираты и султанаты Саманидов (X в.), Караханидов (XI в.), Газневидов (XI в.)... Завершилось же все тем, что тюркские племена степных огузов под водительством династии Сельджуков в 1040 г. в знаменитой битве при Данданакане одной своей легкой конницей против законных в броню индийских слонов наголову разгромили мощную газневидскую армию и из захваченного ими Хорасана грозной лавиной обрушились на Иран и всю Переднюю Азию...^[30]

Другими словами, около середины IX в. Халифат начинает постепенно отделяться от Центральной и Восточной Азии иранским поясом: вначале Тахаридским, затем Саффаридским, а это, ввиду еще большего (большего, чем в середине VIII в.) спада угрозы наступления всей махины единого Халифата Аббасидов в восточном направлении, вполне могло враз и серьезно снизить постосевую инхроэнергетику тибетского постосевого ответа. Почему бы и нет? – вполне внятная и понятная причина происшедшего в Тибете в середине IX в. как реакция на начало процесса отпадания от Халифата его восточных областей, прилегающих к Центральной Азии. Вот только синхронность немного странноватая – будто бы слегка размытая лет этак на двадцать или двадцать пять по обе стороны от середины IX в.

Но это лишь одна из возможных версий. И хотя, на мой взгляд, она наиболее близка истине, все-таки приведу еще один вариант, к тому же синхронистически более корректный. Около середины IX в., а точнее, в 861 г. (между прочим, год возникновения в Сиджистане эмирата Саффаридов – тоже интересно...) придворные гвардейцы тюрского происхождения убили в Багдаде своего законного халифа, которого должны были охранять, и возвели на халифский престол другого удобного им представителя правящего дома Аббасидов. Мало того, они продолжили это делать и далее, сменяя (чаще убивая) одного Аббасида другим – “За десять лет с 861 г. по 870 г. на престоле сменилось четыре халифа”^[31]. На какое-то время даже возникло двоевластие: один халиф сидел в Багдаде, а другой – в Самарре. В итоге этот смутный период кровавых распрей и дворцовых переворотов стал прологом к падению багдадского Халифата Аббасидов в 945 г. под ударами иранских горцев-дейлемитов, возглавляемых Буидами (Бувайхидами)^[32], что также могло вызвать спад постосевой инхроэнергетики в Тибете еще с середины IX в., синхронно с отпадением от Халифата ряда восточных областей и началом упадка власти багдадских халифов, превратившихся в марионеток в руках своих же гвардейцев.

^[29] И. М. Фильштинский “История арабов и Халифата...”, стр. 144-163; В. В. Бартольд “К истории Саффаридов” в “Академик В. В. Бартольд. Сочинения”, Том VII “Работы по исторической географии и истории Ирана”, М.: Издательство «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1971, стр. 337–353, дата возникновения эмирата Саффаридов на стр. 344.

^[30] К. Рыжов “Мусульманский Восток VII – XV вв.”, М.: «Вече», 2005.

^[31] И. М. Фильштинский “История арабов и Халифата...”, стр. 124.

^[32] Там же, стр. 164-165.

Кстати, как раз около той же середины IX в. разбитые енисейскими кыргызами уйгуры (их каганат пал в 840 г.^[33] синхронно с распадом единой Тибетской державы после 842 г.^[34]) отступают в Восточный Туркестан, где принимают несторианство и буддизм, – оседлое государство уйгуров в Восточном Туркестане, так называемое идыкутство, образовалось в 861 г.^[35] синхронно с возникновением в Сиджистане эмирата Саффаридов. То есть уйгуры точно так же демонстрируют сильнейший спад постосевого инхро-энергетики своего прежнего манихейского ответа, что, скорее всего, тоже связано с утратой Халифатом восточных территорий и ростом влияния гвардии при халифском дворе около середины IX в.

В то же время часто бросающиеся в глаза маловразумительные синхронности (например, такие как начало периода произвола тюркских гвардейцев в 861 году синхронно с возникновением в Сиджистане эмирата Саффаридов) наталкивает на мысль о существовании в рассматриваемом явлении, кроме взаимодействия различных социумов посредством постосевого инхронического будущего Халифата (главного фактора влияния на ближнее и дальнейшее окружение Халифата в VII-X вв.), еще чего-то, пока что нами неучтенного. Плюс растущая к концу рассматриваемого периода хронологическая размытость некоторых синхронностей... В принципе такое размывание может вызывать наличие слишком большого числа чисто причинно-следственных связей в одном из взаимодействующих социумов (в данном случае, скорее всего, в обществе Халифата) и/или более интенсивное протекание связываемых ими процессов, поскольку обычное причинно-следственное взаимодействие – это нечто прямо противоположное инхроническому взаимодействию, отвечающему за большинство синхронностей в историческом процессе. Так, может быть, множество на первый взгляд не очень-то понятных синхронизмов в самых разных процессах, в некотором роде также “размывающее”, только на сей раз не хронологию, а смысл этих синхронностей, вызвано тем же самым эффектом воздействия внутренних причинных связей? Вопросы, вопросы... Однако все может проясниться вдруг и сразу, если мы внесем в систему этих “синхронистических уравнений” еще одно – всего лишь одно “уравнение”.

Речь идет о создании еще халифом аль-Мамуном (813-833 гг.) гвардии, формируемой из рабов и плененных воинов-гулямов, в основном тюркского (отчасти дейлемитского) происхождения, взамен несших раньше эту службу хорасанцев:

“Но наступило время, когда придворная армия из хорасанцев стала докучать халифам своими претензиями. Вместе с тем ее рекрутирование становилось все более трудным, по мере того как восточные провинции обретали автономию. Так, в Хорасане укрепились и полностью господствовала добившаяся независимости династия Тахиридов”^[36]

“Когда аль-Мамун принял решение покинуть Мерв и переселиться в Багдад, он доверил управление провинцией [*Хорасаном* – **А.З.**] своему лучшему военачальнику, иранцу Тахиру. Тот правил всего лишь один год (821-822), но перед смертью объявил провинцию независимой и приказал опускать упоминание имени халифа в пятничной молитве (акт, равносильный неповиновению). Аль-Мамуну ничего не оставалось делать, как передать управление провинцией сыну Тахира – Тальхе (822-828), и с той поры в Хорасане устано-

^[33] Л. Н. Гумилев “Древние тюрки”, стр. 468.

^[34] Е. И. Кычанов, Б. Н. Мельниченко “История Тибета с древнейших времен...”, стр. 69.

^[35] Л. Н. Гумилев “Древние тюрки”, в Синхронистической таблице на стр. 503.

^[36] И. М. Фильштинский “История арабов и Халифата...”, стр. 88.

вилаась власть династии Тахиридов (821-873) со столицей в Нишапуре, хотя Тахириды и посылали в Багдад ежегодную подать”^[37]

Из этих цитат можно понять, что создание придворной тюркской гвардии аль-Мамуном соотносится с 821 годом возникновения в Хорасане независимого от Халифата эмирата Тахиридов или к ближайшим после него годам, вследствие трудностей дальнейшего набора гвардейцев из Хорасана, находящегося под управлением Тахиридов. Однако при аль-Мамуне гвардия гулямов была еще довольно-таки малочисленной – не более четырех тысяч сабель^[38]. И только следующий халиф аль-Мутасимом (833-842 гг.) принцип набора чужеземных воинов распространил на всю армию, и их общая численность была доведена до 70 тысяч^[39].

Итак, мы имеем еще один синхронизм – отпадение Хорасана от Халифата в 821 г. и создание придворной тюркской гвардии в Багдаде в том же году 821 году или в близкие к нему следующие 820-ые гг. И синхронность этих событий вполне понятна и прозрачна, определяясь прямой причинной связью между процессом отпадения восточных провинций Халифата и созданием новой придворной гвардии (ввиду сложностей набора гвардейцев в прежних восточных провинциях Халифата) из народов не арабского, а чаще даже не иранского происхождения, чтобы верность их службы зависела не от каких-то местных региональных привязанностей, а исходила от одной лишь личной преданности халифам.

Той же причинной природой этой гвардейско-тахиридской связки вызвана к жизни и размытая дата – 820-ые гг. после 821 г., – понятно, что трудности с рекрутским набором в дворцовую гвардию возникли не тотчас, мгновенно, секунда в секунду с обретением Хорасаном независимости от Халифата в эмирате Тахиридов, а постепенно нарастали из года в год по мере укрепления эмирата. Таким образом, понятным становится также и то, что размывание синхронных дат обычными причинно-следственными связями вызывается их принципиальной инерционностью, причем разной в разных процессах, когда следствие в обязательном порядке запаздывает относительно причины.

В итоге, мы имеем уже целых три процесса, синхронно протекающих в Халифате, синхронность которых обеспечивается обычными причинно-следственными связями: отпадение от Халифата провинций, усиление влияния тюркской гвардии при халифском дворе и ослабление власти халифов. Или даже четыре, если учесть и процесс прорастания культурных особенностей населения, особенно на периферии Халифата, и в первую очередь у персов, увеличивающим инхроэнергетику исламского религиозного постосевого ответа, и уменьшающим ее у имперского ответа, делая ислам все более и более независимым от империи, как бы возвышающимся над ней.

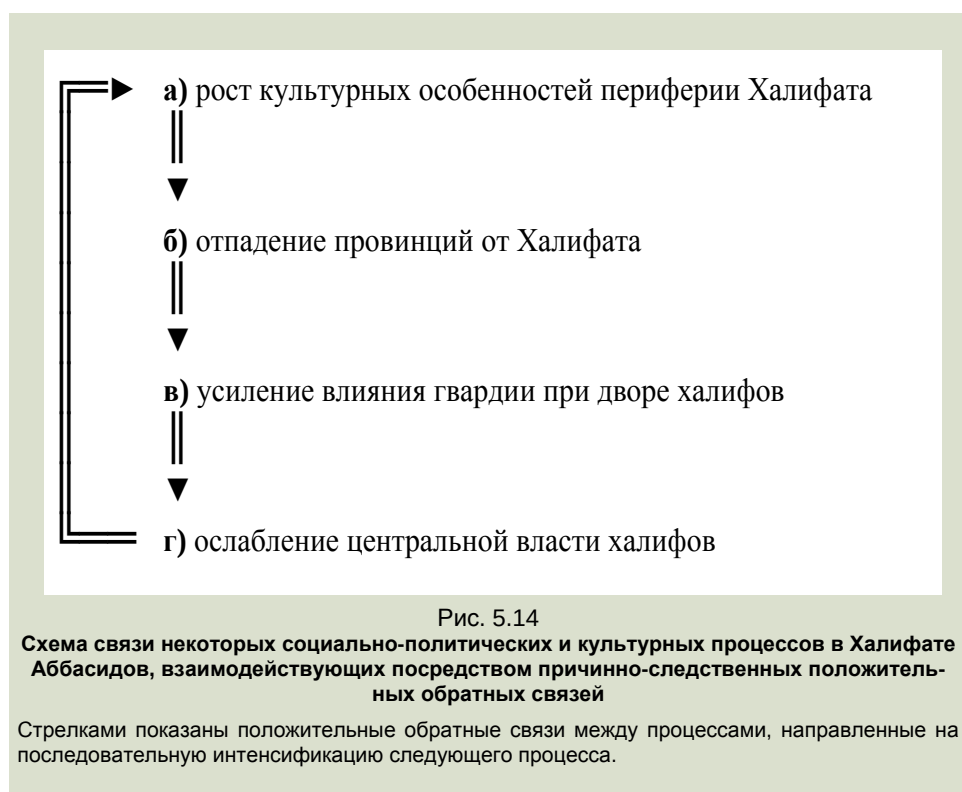
И все эти процессы (они же системы, поскольку процессы всегда можно представить как системы, а системы, наоборот – процессами), увязанные друг с другом обычными и привычными причинно-следственными связями, к тому же закольцованы ими в одно общее кольцо так, что в результате процессы взаимно усиливают друг друга. Такие связи в кибернетике принято называть положительными обратными связями. Под термином “обратные” здесь понимается именно закольцованность процессов общим

^[37] Там же, стр. 76.

^[38] Там же, стр. 89.

^[39] А. Мюллер “История ислама: От доисламской истории арабов до падения династии Аббасидов”, М.: ООО «Издательство Астрель», ООО «Издательство АСТ», 2004, стр. 731.

для них кольцом взаимодействия, когда информация (в нашем случае причинно-следственное воздействие) с выходов одних процессов, пройдя по всему кольцу процессов, попадают на входы тех же самых исходных процессов. И таких процессов в кольце может быть всего лишь два или даже один, что чаще всего и наблюдается и изучается, когда выходы процесса-системы какой-то согласующей схемой непосредственно увязаны с его же входами. А под термином “положительные” – взаимное последовательное усиление, т.е. интенсификация, процессов друг другом по мере прохождения информации (причинно-следственного воздействия) по кольцу. И тогда в закольцованной подобными положительными обратными связями системе наблюдается непрерывное синхронное нарастание всех этих процессов вплоть до разрушения системы (взрыв, лавина и т.п.), если, конечно, в системе нет специальных ограничителей роста интенсификации. Однако в социальных процессах (системах) нет таких искусственных ограничителей, и в их закольцованной положительными обратными связями суперсистеме дело, чаще всего, “благополучно” завершается ее распадом и исчезновением, что и случилось с Халифатом в 945 г. В данной схеме в принципе могут участвовать не только указанные выше процессы, но и множество других промежуточных и иных прочих, кроме того, эти иные прочие, как и процессы нашей системы, плюс ко всему могут участвовать еще и в совсем уж сторонних системах процессов, отдельных и отделенных от нашей, и испытывать влияния также и от них, откуда и термин “суперсистема”. Но ситуация обычно редуцируется тем, что этими сторонними влияниями, как правило, пренебрегают, как слишком слабыми по сравнению с взаимодействием процессов изучаемой системы.



И если расположить эти процессы в приведенном выше порядке, только впереди остальных трех поставить стартовый процесс прорастания культурных особенностей периферии, который, собственно, и запустил следующие за ним процессы, то получим наглядное графическое отображение

вышесказанного, где каждый предыдущий процесс создает предпосылки к усилению (интенсификации) следующего за ним процесса, а находящейся в конце списка процесс ослабления центральной власти халифов точно так же усиливает первый в списке процесс прорастания периферийных культурных особенностей в Халифате, в результате чего процессы оказываются закольцованными в смысле влияния друг на друга в направлении их интенсификации (См. схему на Рис. 5.14). Кроме того, становится понятным и нарастание рассинхронизации ближе к окончательному исчезновению Халифата, вызванной растущей со временем интенсификацией процессов, взаимодействующих посредством причинно-следственных связей.

В связи с чем вспомним, что все еще остается вопрос синхронности тибетских и уйгурских событий середины IX в. с неким событием (или событиями) в Халифате. Помнится, выше мы определили дату данного пока что неизвестного нам события, как размытую дату лет этак на двадцать-двадцать пять по обе стороны от середины IX в. С другой стороны, уйгурский каганат пал под ударами кыргызов в 840 г.^[40], а распад Великого Тибета начинается после убийства цэнпо Дармы в 842 г.^[41]. Таким образом, можно конкретизировать формальное представление даты – 840-842 г. ± 20 лет, где сама намного более точная центральная дата равноудалена на 20 лет от краев: 821 г. образования эмирата Тахиридов и 861 г. образования эмирата Саффаринов и сильнейшего упадка светской власти халифов в пользу дворцовой гвардии.

Но и эта все еще такая же размытая дата поддается дальнейшему уточнению по некоторым, казалось бы, малозначительным синхронистическим маркерам. 840 г. нам практически ничего не дает, зато 842 г. вызывает кое-какие значимые ассоциации – это год смерти халифа аль-Мутасима, который распространил принцип набора воинов-гулямов и на армию. А если к сказанному приплюсовать еще и растущую личную преданность как армии, так и дворцовой гвардии (последнее особо важно), халифам, – не вообще халифам, а конкретным халифам, конкретным личностям, – то можно ожидать, что именно с этого года, скорее всего, и начинается или же ощутимо возрастает гульмская вольница в войсках, и более всего при халифском дворе, а это в свою очередь спустя двадцать лет в 861 г. настолько увеличивает влияние гвардии, прежде всего во время престолонаследования, что в итоге приводит к чехарде смены халифов гвардией в период 861-870 гг., а в дальнейшем – к такому упадку халифской власти, из которого багдадский Халифат так и не смог выбраться и не оказал дейлемитам достойного сопротивления в 945 г.

Как видим, опершись на дату смерти халифа аль-Мутасима в 842 г. мы плавно и последовательно проходим по причинно-следственным связям от середины IX в. к середине X в., когда пал Халифат Аббасидов. Похоже на то что, именно смерть аль-Мутасима в 842 г. и была тем самым искомым событием, на которое в 840 г. уйгуры прореагировали падением своего каганата – демобилизационная реакция на серьезное ослабление будущих угроз со стороны Халифата в постосевом будущем, вызвавшая резкий спад инхроэнергетики уйгуров. А позже еще и подтвердили свой выбор созданием идькутства в 861 г. в глубоком тылу, укрывшись за горами в восточной части Восточного Туркестана (Синьцзяна). А Великий Тибет точно так же начинает распадаться прямо в 842 г. – та же самая демобилизация и спад уровня постосевой инхроэнергетики, но уже тибетского ответа...

^[40] Л. Н. Гумилев "Древние тюрки", стр. 468.

^[41] Е. И. Кычанов, Б. Н. Мельниченко "История Тибета с древнейших времен...", стр. 69.

Если же взглянуть на все это не только с точки зрения событийного представления, а более процессуально, то размытая дата 840-842 г. ± 20 лет дает точную привязку не только к данным событиям, но еще и к процессам взаимодействия халифской власти с гулямской армией и дворцовой гвардией на фоне постепенного отпадения провинций от Халифата.

Таким образом, мы видим, что уже с самого начала VII в., в такт с началом проповеди пророка Мухаммеда, на востоке далеко-далеко от Аравии выстраивается глубоко эшелонированная линия обороны от ислама и будущего Халифата, состоящую из трех “фортификационных сооружений”:

1) “Крепость” военно-политической мощи китайской империи Тан в Восточном Туркестане и прилегающих к нему степных районах, избравшая в качестве тылового культурно-религиозного прикрытия множество течений буддизма Махаяны, разумеется, вместе с даосизмом и конфуцианством. Честно говоря, в плане культурного противостояния исламу – так себе кулак, скорее, разрозненные пальцы, видимо, в надежде на то, что до столь глубокого проникновения ислама на восток в культурные тылы китайской империи дело все-таки не дойдет. Однако что касается военно-политических вопросов, то эта “крепость” в общем и целом справилась с поставленной перед ней задачей, точно привязав дату решающего сражения с Халифатом на реке Талас к самому началу распада Халифата вследствие происходивших в нем культурных и иных процессов. И хотя китайцы и из-за предательства тюркских союзников проиграли эту битву, но при этом весьма наглядно показали, что на легкое проникновение еще дальше на восток арабы могут не рассчитывать.

2) На правом северном фланге Тан расположился бастион Уйгурского каганата, в качестве культурно-религиозного щита остановившегося на манихействе, и это оказалось огромной ошибкой, поскольку учение Мани было слабо приспособлено к исполнению функций государственной религии, а все больше неофициальной народной; и эта культурная ошибка превратила уйгурский бастион в самое слабое звено всей фортификационной линии обороны от Халифата и ислама.

3) А на левом южном танском фланге глыбой застыл Великий Тибет с его синтезом Ваджраяны и бона. И если первая как часть мировой религии (буддизм Махаяны) показала высокую *поглощающую* способность приспособления к самому разному культурному окружению, то второй проявил в себе как на поле отторжения чужеземных культурно-религиозных влияний и веяний в случае китайского буддизма Махаяны, так и в части своих возможностей в каких-то других случаях входить с ними в весьма плодотворные синкретическое взаимодействие, например, буддизм Ваджраяны с индийской Тантрой в ней.

И не столь важно, что и уйгуры, и Тибет постоянно конфликтовали и воевали с Тан и меж собой – это был всего-навсего процесс выяснения отношений между всеми тремя постосевыми ответами центров силы Центральной Азии на предмет того, какой из них лучше в деле противостояния Халифату и исламу. А лучшим, судя по всему, был все-таки Великий Тибет, почти всегда побеждавший Китай в тибетско-танских войнах, самым же неудачным – манихейский Уйгурский каганат. Однако процесс этот выяснения отношений так и не был доведен до конца ввиду полного и окончательного исчезновения Халифата с политической сцены Евразии и Северной Африки в середине X в., который тем не менее оставил после себя огромный шлейф

многоликого мусульманского мира – один из брильянтов, украсивший культурный облик планеты наряду с христианством и буддизмом.

Итак, мы рассмотрели ситуацию на восточной границе Халифата, сложившуюся в период времени VII-X вв. Совсем иначе дела обстояли на его северной границе с Византийской империей и Западной Европой в лице королевства Меровингов и сменивших их Каролингов. О Западной Европе мы еще поговорим чуть ниже, что же касается Византии, то единственное, что мы сейчас вправе предположить априори относительно этого региона по аналогии с востоком, так это все та же зависимость византийских процессов развития и деградации от внутренних процессов Халифата как результат причинно-следственного влияния последнего, и в то же время никаких существенных византийско-халифатских синхронностей в периоде VII-X вв. нигде, кроме как в первой трети VII в., не наблюдаются, точнее, все даты чрезвычайно размыты или же попросту смещены. И их непомерная размытость как раз и свидетельствует о резко возросшей доле причинно-следственного взаимодействия Византии с Халифатом, существенно затухающей инхронические истоки после 634 г., когда арабское войско вторглось в пределы Византии^[42], что со временем с головой погрузило ее еще и в закольцованный положительными обратными связями распад Халифата Аббасидов. Однако до 634 г. инхронические синхронизмы вполне наблюдаемы. К ним-то мы и обратимся прежде всего.

И сразу в глаза бросается победоносный поход в Сасанидскую Персию императора Ираклия, сменившего узурпатора Фоку, который был казнен в 610 г. Хотя византийцам и удалось в 611 г. принудить персов оставить Кесарию Каппадокийскую, однако попытка наступления в Армении в 613 г. потерпела сокрушительную неудачу, после чего персы повсюду начали быстро продвигаться вперед. Таким образом, к началу знаменитого похода Ираклия в 622 г. Византия продолжала оставаться в тяжелейшем положении, находясь, в сущности, в окружении – из Европы на империю волна за волной накатывали славяне и авары, а с востока неудержимо наступали персидские армии, и персы стояли уже в Халкидоне, в непосредственной близости от Константинополя, авары же периодически грабили предместья византийской столицы с запада^[43].

До 626 г. поход продолжался с переменным успехом, в 623 г. Ираклий даже был вынужден вернуться в Константинополь, вокруг которого сложилась угроза совместного наступления авар и персов на столицу. Столь же или даже еще более угрожающая обстановка вновь повторилась в 626 г. В это время Ираклий со своим войском находился в Закавказье, но возвращаться не стал, так что византийцам пришлось отбиваться без своего императора, но они блестяще справились и с этой задачей. Угроза была преодолена, и Ираклию наконец-то представилась возможность перейти к безоглядному наступлению на персов – осенью 627 г. он ринулся на юг в самую сердцевину державы Сасанидов:

“В начале декабря Ираклий стоял под Ниневией, и здесь дело дошло до чрезвычайно ожесточенной битвы, в которой решился исход византийско-персидской борьбы: персидская армия была уничтожена, Византия выиграла войну. Победоносное наступление византийцев продолжилось, и уже в начале января 628 г. они вступили в Дастагерд, излюб-

^[42] О. Г. Большаков “История Халифата. Том 2. Эпоха великих завоеваний...”, стр. 19-21.

^[43] Г. А. Острогорский “История Византийского государства”, М.: Сибирская Благозвонница, 2011, стр. 143-144; Ф. И. Успенский “История Византийской империи”, Т. 2, “Период III (610–716 гг.). Иконоборческий период (717–867 гг.)”, М.: ООО «Издательство Астрель», ООО «Издательство АСТ», 2001, стр. 39-40.

ленную резиденцию Хосрова, которую великий царь был вынужден спешно покинуть. Весной 628 г. в персидской державе произошли события, которые сделали дальнейшую войну бессмысленной: Хосров был свергнут и убит, на престол возшел Кавад-Широе, который немедленно заключил мир с византийским императором. Возвращение всех областей, ранее принадлежавших Византийской империи, стало результатом великой победы византийцев и крушения персидского могущества»^[44]

Итак, Ираклий стал императором в 610 г. И эта синхронность с началом публичной проповеди Мухаммеда сама по себе в принципе вполне может быть объяснена одной лишь причинно-следственной зависимостью процесса зарождения и раннего развития ислама от всего комплекса взаимоотношений Византии и Персии, кульминацией которого в этом периоде и в данном конкретном арабском контексте стало присоединение Йемена к Персии и блокада данной акцией индийской торговли Византии на маршрутах вокруг Аравийского полуострова (см. шестой этюд).

Зато следующий синхронизм начала похода Ираклия в 622 г. с переселением пророка Мухаммеда и первой общины его последователей из Мекки в Йасриб уже достаточно недвусмысленно свидетельствует о нахождении самого Ираклия и всего византийского общества под непосредственным воздействием арабского инхронического будущего как части более общего постосевого инхронического будущего, поскольку арабское событие переселения общины Мухаммеда, как и в танском слухе, имело неизмеримо большее всемирно-историческое (а значит, и инхроническое) значение, чем поход византийского императора, пусть и завершившийся полным разгромом державы Сасанидов. В связи с чем более вероятно, что уже в 610 г. мы также наблюдаем зависимость византийских событий от будущего Халифата, а не наоборот, как было предположено выше. К тому же инхроническую зависимость, а не обычную причинно-следственную...

Что касается “крушения персидского могущества”, т.е. полный разгром Персидского государства, как главный результат похода Ираклия, то... Честно говоря, разгром-то оказался не столь уж и полный – ведь Ираклий не взял Ктесифон, хотя и мог сделать это, совершенно не утруждая свою армию, не аннексировал исконные земли Сасанидов... Вследствие чего позже персы смогли достаточно упорно противостоять начавшемуся в 633 г. наступлению арабов на Иран^[45]. Все это наводит на мысль, что Ираклий прекратил свой поход и вернулся в Византию не из-за того, что продолжение войны стало бессмысленным, как это принято считать, поскольку Хосров был убит, а на престол возшел новый шахиншах Кавад-Широе, тут же заключивший мир с Ираклием. Не исключено и даже весьма вероятно, что находившийся под сильнейшем воздействием арабского инхронического будущего византийский император все-таки принял такое решение, исходя из будущих куда более серьезных бед, грозящих Византии, можно сказать, всей кожей чувствуя, ощущая рвущихся с юга воинственных арабских конников с их невиданным оружием – исламом. И тогда не сломленный до конца Иран смог бы отвлечь значительную часть этой массы на себя, тем самым серьезно облегчая задачу империи по обороне своих территорий. Что, собственно говоря, и произошло... – “Иран сопротивлялся арабскому нашествию в общей сложности более двух десятилетий”^[46].

^[44] Г. А. Острогорский “История Византийского...”, стр. 153 и предыдущие стр.

^[45] О. Г. Большаков “История Халифата. Том 1. Ислам в Аравии...”, стр. 212; С. Б. Дашков “Цари царей – Сасаниды...”, стр. 199.

^[46] С. Б. Дашков “Цари царей – Сасаниды...”, стр. 204.

Есть еще один факт в подтверждение арабской мотивации всей деятельности Ираклия, после того как он стал императором – это учреждение практически накануне арабского вторжения фем^[47], в своем более позднем виде представляющие собой этикие византийские генерал-губернаторства, которые, собственно, и защищали империю от экспансии арабов. Надо же, какое “чудесное” стечение обстоятельств! Ну, прямо как большевистская революция 1917 года с ее коммунизмом незадолго до вторжения в Россию в 1941 г. всей консолидированной гитлеровским нацизмом Европы. Вот только в XX веке реальная действенная идеология, иначе говоря, имеющая мощные инхронические корни, имела у обороняющейся стороны (коммунизм), а не как в VII веке у наступающей стороны (ислам)... И в то же время в начале VII века другая мировая религия – еще сравнительно молодое христианство византийцев – тоже продолжало бурлить, причем с довольно высокой инхроэнергетикой, и поэтому вполне могло запустить достаточно мощную упреждающую реакцию (ответ) общества, какими выступили фемы, на будущие сильные угрозы.

Насчет времени возникновения фемного устройства общества существуют целый спектр различных мнений, иногда, казалось бы, в корне противоречащие друг другу, а на самом деле вполне даже согласующиеся меж собой – от отнесения времени создания фем к концу VII в. до попыток представить учрежденные в конце VI в. Равеннский и Карфагенский экзархаты, как предтечу фем VIII в.^[48], а точнее, как некий универсальный образец эффективного военно-политического устройства всей остальной Византийской империи в условиях тотального враждебного окружения. И столь великий разброс времени в гипотезах исследователей той давней эпохи уже сам по себе в принципе может косвенно свидетельствует о пребывании под непосредственным и достаточно сильным инхроническим воздействием арабской ипостаси постосевого инхронического будущего не только императора Ираклия, но и всего византийского общества, как минимум, с самого начала VII в., когда пророком Мухаммедом были получены первые откровения в результате его сильнейших внутренних религиозных переживаний, в конечном итоге вызванных присоединением Йемена к Сасанидским владениям и блокадой персами аравийской торговли, скорее всего, около 604 г.

Разумеется, фемы возникли не вот так сразу, в одночасье – для становления и развития этих военно-административных новшеств требовалось время. Поэтому первые фемы вначале, скорее всего, были просто некими крупными военными единицами (условно говоря, дивизия или там корпус, вероятно, однородного этнического состава), вокруг которых со временем начинает складываться гражданская администрация, и только к VIII в. обе эти составляющие, военная и административная, сливаются в нечто единое – в собственно фему^[49].

И тем не менее особую роль Ираклия (отец которого, Ираклий Старший, кстати, был экзархом Карфагенского экзархата в царствование узурпатора Фомы) в деле возникновения фемного строя мало кем отрицается. Возможно, он и в самом деле опирался на какой-то персидский или “туранский”

^[47] Г. А. Острогорский “История Византийского...”, стр. 144-156; А. А. Васильев “История Византийской империи“, Том 1, “Время до Крестовых походов (до 1081 г.)”, СПб.: Издательство «АЛЕТЕЙЯ», 1998, стр. 306-310; Ф. И. Успенский “История Византийской...”, Т. 2, стр. 146-170.

^[48] А. А. Васильев “История Византийской...“, Том 1, стр. 307.

^[49] Ф. И. Успенский “История Византийской...”, Т. 2, стр. 169.

(среднеазиатский, т.е. аварский?) опыт^[50], но, как мне представляется, здесь гораздо большую роль сыграло тяжелое положение, в котором очутилась Византийская империя в начале VII в., когда попала в тиски одновременно наступающих на Константинополь славяно-аварских масс с северо-запада и персидских армий с востока. И сын бывшего экзарха в самом скором времени смог связать в своей голове в один тугой узел наступающих в настоящем друг другу навстречу славян и персов со смутным ощущением будущей угрозы с юга непонятно даже от кого (арабы со своим исламом и Халифатом в ближайшем постосеовом будущем еще сидели в глубинах коллективного архетипического подсознания византийцев), и все это – с уже существующим в рамках империи действенными примерами военно-политического устройства отдельных имперских регионов в форме экзархатов. Главная же идея “тугого узла” заключалась в использовании одних своих противников (славян) против других врагов (персов) – обычное дело для империи еще с древнеримских времен. Тем более что сложившаяся пространственная конфигурация текущей и будущей геополитики сама подталкивала к такому общему для настоящего и будущего ее разрешения посредством такого инструмента, как славянские по этническому воинскому составу соединения, перебросенные в Малую Азию из уже ставших для них привычными балканских мест^[51] и, разумеется, подальше от византийской столицы. Именно такими, надо полагать, были первые фемы, на первый взгляд направленные против персов, на самом же деле – против ожидаемого в грядущем арабского нашествия, и это было их главным предназначением.

Справедливости ради следует отметить, что оппонентами концепции Ф. И. Успенского изначально славянских корней первых фем иногда приводится довод, что в источниках нет свидетельств крупных переселений славян в Малую Азию в столь ранние (до конца VII в.) времена^[52]. Но как же тогда быть с известным в ученом мире положением, что отсутствие свидетельств еще не есть свидетельство отсутствия?

Далее, после 634 г. нападения арабов на империю, по мере того как Византия и Халифат входят в боевой клинч – в плотное обычное причинно-следственное взаимодействие во время устойчиво нарастающих военных действий, – синхронизмы начинают размываться или даже хронологически расщепляться на два разных, в то же время по смыслу тождественных, события. Одновременно растет число событий, которые принадлежат как арабскому, так и византийскому, событийному потоку – это, как правило, разные битвы-сражения и прочие подобные акты тесного обоюдного причинно-следственного взаимодействия.

Так, тщательно подготовленная попытка захвата Константинополя арабами в 674-678 гг., вылившаяся в целый ряд осад и штурмов византийской столицы при параллельном ведении боевых действий в Малой Азии^[53] в равной мере принадлежит и арабской, и византийской истории, причем и там, и там – это важнейшее событие в данном периоде правления халифа Муавии (661-680 гг.^[54]), который основал правившую до Аббасидов династию Омейядов. А его аналогом, так сказать, смысловым “близнецом”, выступает второй штурм Константинополя в 717-718 гг.:

[50] Г. А. Острогорский “История Византийского...”, стр. 146, ком. 2.

[51] Ф. И. Успенский “История Византийской...”, Т. 2, стр. 42.

[52] А. А. Васильев “История Византийской...”, Том 1, стр. 308.

[53] Г. А. Острогорский “История Византийского...”, стр. 176-177.

[54] О. Г. Большаков “История Халифата. Том 3. Между двух гражданских войн (656-696)”, М.: Издательская фирма «Восточная литература», 1998, стр. 103, 182.

“В августе 717 г. брат халифа, Маслама, уже стоял перед Константинополем с армией и флотом. Как и в дни Константина IV [*т.е. во времена первого штурма имперской столицы — А.3.*], вновь началась ожесточенная борьба, в которой речь шла о жизни и смерти Византийской империи. Но, как и тогда, тридцатью годами ранее, Византия вновь выиграла решительный бой. Византийцам вновь удалось уничтожить вражеский флот с помощью греческого огня, в то время как попытки арабов взять Константинополь штурмом разбились о неприступность его стен. Сверх того, зима 717-718 гг. оказалась особенно суровой, так что арабы умирали в большом количестве, и в конце концов в арабском лагере разразился невыносимый голод, который унес еще больше жизней. Кроме того, арабское войско подверглось нападению болгар, которые причинили ему тяжелые потери. 15 августа 718 г., ровно через год после начала, осада была снята, а арабские корабли покинули византийские воды”^[55]

И тогда возникает закономерный вопрос о подспудной причине (или причинах) такого раздвоения событийной ткани. Мы уже выяснили, что Халифат, вернее, его угрожающее империи инхроническое будущее, начиная с начала VII в., как и для ряда обществ на востоке Халифата, для Византии также выступали в качестве этаккой ведущей причинной силы (не будем называть ее ведущим потоком, поскольку более общий многогранный водно-транспортный научно-технический постосево́й поток все так же оставался ведущей основой для всех постосево́вых социумов), определяющей многие процессы и события в византийском обществе, и, надо полагать, точно так же вызывающей соответствующие синхронизмы с арабскими событиями. А в случае двух указанных выше штурмов Константинополя их причинно-следственными инициаторами вообще выступали арабы. Поэтом истоки такого расщепления событийного потока на два тождественных по смыслу, но хронологически разнесенных события, тоже следует искать в Халифате.

И в этом нам посильную помощь может оказать название третьего тома фундаментального труда О. Г. Большакова “История Халифата” — “Между двух гражданских войн (656-696)”. Что за войны такие? Разберемся, но очень похоже на то, что как раз здесь и кроется истинный источник “расщепления-раздвоения”...

“Первая гражданская война в исламе”, называемая еще первой фитной^[56], состоялась в 656-661 гг.^[57] и в первую очередь была вызвана противостоянием между достаточно поздно принявшей ислам арабской элитой, в частности богатыми курайшитскими (из племени которых происходил и Мухаммед) кланами мекканских купцов, особенно из рода Омейядов, и воинами племенной армии арабов:

“Возник болезненный для Империи конфликт между стоявшей у власти омейядской знатью и обитавшими в гарнизонных городах (Куфе, Басре, Фустате) солдатами арабской племенной армии, основными активными участниками арабских завоевательных походов, недовольными тем, что плодами их военных подвигов воспользовалась мекканская аристократия”^[58]

Это с одной стороны, а с другой — также назревал конфликт между теми же мекканскими купцами и мусульманскими религиозными авторитетами (знатоками Корана, ближайшими сподвижниками Мухаммеда), тоже,

^[55] Г. А. Острогорский “История Византийского...”, стр. 215.

^[56] И. М. Фильштинский “Халифат под властью Омейядов...”, стр. 25. Одно из значений арабского слова *фитна* — смута.

^[57] О. Г. Большаков “История Халифата. Том 3. Между двух гражданских...”, стр. 9-109.

^[58] Там же, стр. 24.

как и племенное ополчение, требовавшими различных раздач, но более всего – участия в политической власти, т.е. равноправия при назначении на “хлебные” места растущего Халифата^[59].

Еще один конфликт, частично проявившийся в первых двух, был связан с политико-административным устройством самого Халифата: должна ли арабская империя и далее оставаться подобной первоначально довольно малочисленной мусульманской общине сподвижников Мухаммеда или же столь крупной державе, после того как в ее состав вошел ряд территорий древних цивилизаций и крупных городов с этнически, культурно и религиозно разнородным населением, все-таки уже требовались совершенно другие социально-экономические институты и установления?

“Расхождение части мусульман с халифом [Али – А.3.] по поводу конкретного политического вопроса о третейском суде *[имеется в виду предложение, с которым вынужден был согласиться Али, по созданию некоего совета для выбора халифа мусульман не Алахом (т.е. по рождению, по стечению обстоятельств, за заслуги перед исламом и т.п.), а членами этого совета – А.3.]* послужило базой, на которой началась разработка новой религиозно-политической доктрины, отражавшей чаяния недовольных существующим порядком мусульман правильно устроенного общества, основанного не на вольном толковании учения пророка аристократами ислама, а на истинном, буквальном следовании Корану. Отношение к официальным представителям власти как искажителям истинной веры, вероотступникам, порождало фанатичность и беспощадность. Им было непонятно, что огромное государство не может жить по тем же правилам, по каким жила маленькая община, окружавшая пророка, как не понимали этого и после них многие ревнители возврата к “чистому” исламу, руководившиеся благими намерениями и шедшие против естественного хода истории”^[60]

В ходе военных действий и дебатов о третейском суде всплыл еще один спорный и в то же время весьма важный болезненный вопрос о верховенстве: что имеет большую силу и ценность – реальная политическая власть или законное право на эту политическую власть? Другими словами, появилось и крепло:

“...убеждение, что можно признавать политическую власть халифа, не признавая его религиозного авторитета, и почитать иных духовных лидеров”^[61]

И все это усложнялось еще и взаимоотношениями с неарабским населением – новообращенными и иноверцам:

“С увеличением числа новообращенных из неарабов участие их в оппозиционных религиозных движениях становится все заметнее и наконец превращается в главную оппозиционную силу в Халифате и исламе”^[62]

Одним из итогов противостояний внутри мусульманской общины в первой гражданской войне (в первой фитне) стала появление династии халифов из рода Омейядов, правившей в Халифате до 750 г., которая объявила столицей Халифата Дамаск. Но куда более серьезным последствием войны оказался раскол мусульманского общества на три течения под давлением клубка вышеуказанных противоречий: суннизм, наиболее многочисленное направление, которого изначально придерживались сторонники Омейядов;

^[59] Там же.

^[60] О. Г. Большаков “История Халифата. Том 3. Между двух гражданских...”, стр. 78-79.

^[61] Там же, стр. 109.

^[62] Там же, стр. 123.

шиизм, главный императив которого гласил, что духовным предводителем мусульман может быть только потомок Мухаммеда, происходивший от его дочери Фатимы и Али – сподвижника пророка, его зятя и двоюродного брата; и хариджизм, сравнительно малочисленное и самое радикальное движение первоначально племенных, а далее просто социальных, низов Халифата.

Когда же после смерти халифа Муавии, первого халифа Омейяда, в 680 г. на престол вступил его сын Йазид I, а в скором времени был убит отказавшийся присягать новому халифу Хусейн, сын также убитого еще во времена первой гражданской войны халифа Али, сложились предпосылки для новой смуты^[63], довольно быстро переросшей во вторую гражданскую войну в Халифате.

Предпосылки эти заключались в том, что, если во времена первой фитны шиитское движение только только-только зародилось, то:

“Перенос столицы Халифата в Дамаск обеспечил шиитам поддержку находившихся в оппозиции к суннитской омейядской Сирии жителей Ирака. Но реальное широкое развитие шиитское движение началось после убийства Хусейна в Кербеле. С этого времени оно перестала быть движением одной из арабских партий, партии сторонников Али, и обрело характер самостоятельного религиозного направления в исламе. Шиитские идеи перестали распространяться преимущественно среди принимавших ислам неарабов, как это было на раннем этапе. Теперь арабский гарнизон в Куфе [*в Ираке – А.З.*] стал играть в нем ведущую роль. С завоеванием восточных провинций арабские солдаты занесли его в Иран, в частности, в гарнизонный город Кумм, ставший с той поры одним из главных в Иране шиитских центров”^[64]

Следующая более массовая вспышка второй фитны произошла в 682 г. в виде открытого выступления против дамасского халифа в Медине:

“Собравшиеся в мединской мечети участники заговора объявили, что, не признают Йазид I законной главой мусульманской общины, отказываются повиноваться ему и оказывать подобающие халифу почести, и изгнали из города омейядского наместника”^[65]

Однако на сей раз связана она была не столько с суннитско-шиитским противостоянием, сколько с все нараставшим конфликтом мединских и мекканских “староверов” (потомков сподвижников Мухаммеда) с омейядской властью, по их мнению сосредоточившей в своих руках чрезмерную полноту политической власти. В результате их непрерывная антиомейядская пропаганда способствовала утрате авторитета правящей династии^[66].

И на все это наложился еще один, пожалуй, самый актуальный для того времени конфликт, выросший из двух первых:

“В начальный период арабских завоеваний мы знаем о существовании двух сложных по своему составу племенных союзов: «южан» и «северян». Обе эти группировки племен действовали и в Сирии, и в Ираке, в основном в Басре. Непосредственным следствием этого разделения явился кризис омейядской власти, который вызывал желание у некоторых бедуинских лидеров использовать сложившееся положение для усиления своих позиций в лагере завоевателей под руководством неомейядских претендентов на власть”^[67]

^[63] И. М. Фильштинский “Халифат под властью Омейядов...”, стр. 66-68.

^[64] Там же, стр. 68.

^[65] Там же, стр. 69.

^[66] Там же, стр. 68.

^[67] Там же, стр. 71.

А поскольку Йазид I по материнской линии был тесно связан с южноаравийскими арабами, т.е. с йеменцами, которые, таким образом, были прочной опорой династии^[68], то это еще более усугубило поляризацию неомейядских (“северяне”) и омейядских (“южане”) племенных групп.

Как видим, конфликты остались почти теми же самыми, что и в первую гражданскую войну: Омейядов с племенным арабским миром (или, как минимум, с какой-то его частью), их же с мусульманскими авторитетами, в первую очередь священных исламских городов Медины и Мекки, суннитско-шиитский... Разве что добавилось еще и этнополитическое противоборство двух племенных арабских группировок, да хариджиты, на данном этапе воевавшие больше шайками, чем войсками, крайнее направление которых (азраkitы) стало категорически противопоставлять себя всему остальному исламскому миру^[69], уже не представляли собой сколь либо серьезной силы по сравнению с другими политическими силами и группировками. И тем не менее:

“Число их [*хариджитов* – А.З.] на фоне всеобщего признания Ибн аз-Зубайра [*лидера движения населения Медины и Мекки против Омейядов* – А.З.] было невелико, но они стали мощным катализатором антиумайядского [т.е. *антиомейядского* – А.З.] движения в Аравии, Ираке и Иране”^[70]

Полностью завершилась вторая гражданская война в 692 г. – и опять-таки победой правящей династии, когда армия очередного халифа омейядской династии Абд аль-Малика после шестимесячной осады взяла штурмом мятежную Мекку, и так называемый антихалиф Ибн аз-Зубайр пал у стен Каабы^[71].

Таким образом, не только исходные противостояния обеих гражданских войн – и первой, и второй – были практически одними и теми же, но и результаты этих войн, такие как победа Омейядов в них, полностью совпадают. Почему? Подобная схожесть наводит на мысль, что в этих войнах решалась одна и та же задача, которая не была решена во времена первой фитны, и была предпринята еще одна попытка решить ее при второй фитне. И похоже на то, что и во второй раз задача также не была решена, поскольку Омейяды остались у власти, столица – в Дамаске, а спустя около полувека стала нарастать еще одна смута, часто называемая третьей фитной, начавшаяся в 747 г.^[72], и завершившейся в 750 г., исходом которой был уже прямо противоположен результатам двух первых фитн – династия Омейядов была замещена новой династией Аббасидов, и столица Халифата была перенесена из Сирии в Ирак^[73].

Кажется, мы, наконец, нащупали искомое исходное расщепление одного процесса – гражданского противостояния в Халифате – на два хронологически разнесенных события – первую и вторую фитну, – произошедшее в результате того, что первая гражданская война не достигла своих целей – все указанные выше противоречия так и остались не разрешенными и просто-напросто были загнаны вглубь халифатского общества, что в конце концов и привело ко второй фитне, вернее, к возобновлению первой. Кстати,

^[68] Там же, стр. 65.

^[69] О. Г. Большаков “История Халифата. Том 3. Между двух гражданских...”, стр. 243-244.

^[70] Там же, стр. 222.

^[71] И. М. Фильштинский “Халифат под властью Омейядов...”, стр. 87-88; О. Г. Большаков “История Халифата. Том 3. Между двух гражданских...”, стр. 266-269.

^[72] О. Г. Большаков “История Халифата. Том 4. Апогей и падение...”, стр. 257.

^[73] Там же, стр. 282-291.

такое расщепление чем-то напоминает два разделенных мирным временем периода одной гораздо более поздней войны в Европе Столетней, – правда произошедшей по совершенно другим инхроническим причинам и в ином всемирно-историческом контексте, но все равно любопытно...

Что касается третьей фитны, то это уже совсем другая история. Отличие в первую очередь касается ее конечных результатов относительно правящей династии и столицы. Что дает нам право предположить наличие несколько иных условий и действующих факторов в течение третьей гражданской войны в Халифате и даже значительно раньше – по мере складывания причин ее возникновения, среди которых главной и определяющей причиной выступило многократное увеличение роли новообращенного в ислам местного населения в первой половине VIII в., особенно, если последнее соседствовало с арабами, осевшими на землю, и больше не желавшими участвовать в завоеваниях^[74].

В то же время перенос столицы по завершении третьей фитны именно из Сирии и именно в Ирак, несмотря на то, что внешне все это выглядит, как приход к власти партии сторонников династии Аббасидов в рамках гораздо более широкого шиитского движения^[75], и даже с опорой на него, дает нам веские основания в рамках инхронического подхода к истории предположить, что истинным действенным фактором, глубинным и скрытым от внешнего взгляда движителем всех трех гражданских войн, являлось противостояние двух постосевых ответов, с которым арабы столкнулись вплотную, как только в процессе экспансии своего специфического имперско-исламского постосевого ответа вышли за пределы Аравийского полуострова, а именно – противостояние восточно-средиземноморского и месопотамско-волжского воднотранспортных постосевых ответов. И влияние данного противостояния на общество Халифата росло прямо пропорционально росту числа новообращенных в ислам неарабских жителей (*мавали*) в завоеванных провинциях Халифата, т.е. пропорционально росту их значимости в социально-политических, экономических и культурных процессах мусульманской общины Халифата, – то самое прораствание местных культурных особенностей провинций Халифата в новой для них исламской среде, которое в IX в. запустило кольцо положительных обратных связей в Халифате, спустя около века разваливших его (см. Рис. 5.14 в настоящем этюде и текст до и после рисунка).

Корень же всех этих разноликих процессов лежал в географическом расположении священных для мусульман городов Мекки и Медины близ общего участка воднотранспортных маршрутов обоих средиземноморских постосевых ответов южнее Суэца по Красному морю и осевых торговых трасс вдоль его аравийского берега, которое сыграло свою роковую роль во всплесках и спадах протекания всех трех фитн. И если оба ответа – восточно-средиземноморский и месопотамско-волжский – поначалу имели примерно равное значение для исходного доисламского арабского воднотранспортного постосевого ответа как одни из важнейших составных его частей с двух сторон Аравийского полуострова, и одновременное наступление арабов на Византию и Иран тому подтверждение, то совсем иначе дело обстояло с соотношением значимости волжских и средиземноморских ответов в последующем более общем имперском исламском ответе, который, как

^[74] И. М. Фильштинский "Халифат под властью Омейядов...", стр. 132-138.

^[75] О том, как и почему Аббасиды пересеклись с одним из направлений шиитского движения, и что из этого произошло, см. в О. Г. Большаков "История Халифата. Том 4. Апогей и падение...", стр. 137-138 и далее.

помним, предполагал включение в него всех воднотранспортных постосевых ответов Западной Евразии. И вот здесь как раз и сказало свое веское слово географическое положение священных для мусульман арабских городов Хиджаза вдоль одних лишь средиземноморских воднотранспортных постосевых маршрутов от Средиземноморья к Индийскому океану, которое предоставляло несколько больший приоритет средиземноморским ответам, чем волжским.

С другой стороны, с одновременным началом арабских завоеваний Ирана и Византии в 633-634 гг. и присоединением к Халифату до того принадлежащего Византии сиро-палестинского побережья Средиземного моря из двух до того симметричных для арабов средиземноморских ответов восточно-средиземноморский ответ, крепко завязанный на данное побережье, начинает приобретать большее значение, по сравнению с еще только планируемым западно-средиземноморским ответом.

В итоге восточно-средиземноморский ответ занимает лидирующие позиции в составном имперском исламском ответе раннего Халифата по сравнению как с западно-средиземноморским ответом, так и с менее приоритетным, благодаря географии Мекки и Медины, месопотамским вариантом волжского воднотранспортного постосевого ответа, южный участок которого проходил по бывшим сасанидским владениям в Ираке. А ведь данный иракский участок точно так же, как и в случае Сирии, был включен в состав Халифата после завоевания арабами Сасанидской державы. Но что любопытно – прорастание местных культурных особенностей в результате роста числа мавали (новообращенных в ислам местных жителей) наиболее интенсивно происходило именно на бывших сасанидских, в основном зороастрийских, территориях в Иране и Ираке...

Таким образом, на ранних этапах Халифата курайшитские купцы (в общем случае – все торговые кланы Мекки и Медины) заполучили великолепнейшую возможность и далее в полном объеме да еще с быстро растущим товарооборотом развивать существующую еще с доисламских времен торговлю Хиджаза с Сирией индийскими, оманскими и йеменскими товарами по ответвлению Великого шелкового пути (ВШП) из Индии к Средиземному морю вокруг Аравии по морю и по суше (см. Рис. 5.13 в предыдущем шестом этюде). И все это благодаря отчетливо обозначившемуся после завоевании арабами Сирии лидерству восточно-средиземноморского воднотранспортного ответа среди всех прочих постосевых ответов Западной Евразии, дающее возможность купцам священных арабских городов лучше совмещать все выгоды торговли по прежним трассам ВШП в настоящем с более удобным геополитическим воднотранспортным положением в будущем, иначе говоря, совмещать *уже* имеющиеся материальные блага с верой. Именно на этом – на приоритете восточно-средиземноморского постосевого ответа в рамках более общего имперско-исламского постосевого ответа зидилась власть Омейядов в исламском арабском обществе.

При таких геополитических, геоэкономических и геоинхронических раскладах южные арабы, и прежде всего йеменцы, также проживающие в непосредственной близости от трасс средиземноморских воднотранспортных ответов, и восточно-средиземноморского в частности, по югу Аравийского полуострова (более всего это касается пролива Баб-эль-Мандаб, отделяющего Африку от Аравийского полуострова), точно так же и по той же самой причине, как и у богатых купеческих кланов Хиджаза, получали возможность совмещать торговлю и воднотранспортные ответы с максимальной выгодой для себя и в настоящем, и в будущем. Вот почему на протяже-

ние всех трех фитн йеменские племена в большей своей части плодотворно сотрудничали с омейядской властью в Дамаске посредством большого количества йеменцев поселившихся в Сирии после ее завоевания.

Однако, по мере того как северные (в основном) арабы в процессе завоевания персидской державы Сасанидов, завершившегося в 651 г.^[76] (а спустя пять лет началась первая гражданская война в Халифате...) заселяли городскими гарнизонами Ирак, более всего Южный, менялась и логистика культурных связей – на передний план стали выступать совсем другие группы арабского населения в самой Аравии, но прежде всего вне ее территории, между которыми налаживались новые связи, влияния и взаимоотношения.

Мусульманские лидеры, так называемые “староверы” Медины и Мекки в лице еще живых сподвижников Мухаммеда и их потомков, знатоки Корана и прочие авторитеты ислама, которые остались не у дел в торгово-исламской идиллии восточно-средиземноморского ответа, начали постепенно налаживать более крепкие связи с северо-арабской составляющей племенной арабской армии, завоевывавшей сасанидские земли Ирака и Ирана. Тем паче что связи между этими двумя регионами, Хиджазом и Южным Ираком, имели давние корни – еще в доисламские времена влияние арабского государства Лахмидов на северо-востоке Аравии со столицей в Хире на нижнем Евфрате (т.е. в Южном Ираке), порой доходило до Медины, тогда еще именуемой Йасрибом^[77]. Кроме того, от Хиры до Йасриба существовал устойчивый торговый путь как ответвление ВШП в Аравию и далее на юг через Йемен в Африку (см. Рис. 5.13).

Таким образом, арабская религиозная элита по мере исламизации Ирака начала противопоставлять себя захватывающей все больше власти арабской же купеческой элите тем, что в качестве главного воднотранспортного пути во вмещающем более общем имперско-исламском ответе стала отдавать предпочтение маршруту месопотамского варианта волжского ответа в противовес восточно-средиземноморскому ответу курайшитских купцов Мекки. Повторяю в который раз: все это только на уровне глубинного коллективного подсознания, на уровне же индивидуального сознания данные подсознательные импульсы выливались в ряд действий, в поведение, мотивация которого могла быть совершенно иной, не имеющей ничего общего с происходящим в подсознании, причем разной у разных людей – ведь сознание, пытающееся интерпретировать смутные подсознательные содержания во всей их целостности порой, а то и зачастую, выглядит таким выдумщиком...

Итак, имеем: мусульманские авторитеты, дабы заполучить такие же властные полномочия, как и богатые купеческие роды Мекки, в качестве лидера воднотранспортных постосевых ответов Западной Евразии в широком спектре имперско-исламского ответа со временем избрали месопотамско-волжский ответ, часть маршрута которого пролегла по Ираку на его самом сложном и трудном, а оттого и наиболее важном, схопутно-речном участке. И на то имелись свои особые причинно-инхронические основания, более веские, чем приведенный выше довод о стародавних связях Хиджаза и Южного Ирака...

До сих пор мы говорили исключительно о плюсах восточно-средиземноморского ответа, однако имелись и минусы, к тому же немалые. И прежде всего тот факт, что к тому времени, когда Халифат завоевал Сасанидскую державу в 651 г., а Омейяды пришли к власти в самом Халифате в

^[76] И. М. Фильштинский “Халифат под властью Омейядов...”, стр. 16.

^[77] О. Г. Большаков “История Халифата. Том 1. Ислам в Аравии...”, стр. 48.

661 г., арабы так и не смогли справиться с Византийской империей. Впрочем, и после не смогли, но сейчас не об этом. И если после окончательного завоевания Египет в 646 г.^[78] побережье Восточного Средиземноморья вне Европы до Сирии включительно вместе с наиважнейшим для обоих средиземноморских ответок участком на Суэцком перешейке арабы взяли под свой прочный контроль, то малоазиатская часть побережья по-прежнему оставалась за Византией вместе со вторым по значимости после Суэца участком восточно-средиземноморского ответа у проливов Босфор и Дарданеллы – вторым “узким горлышком” данного ответа.

Мало того, здесь же, на этом “горлышке” располагался Константинополь – столица Византийской империи, – демонстрируя тем самым важность восточно-средиземноморского ответа для Византийской империи как таковой, у которой этот воднотранспортный постосево́й ответ был самым главным и определяющим среди прочих воднотранспортных постосево́вых ответов Западной Евразии, в разные времена доступных Византии. А потенциально доступными ей были только средиземноморские и атлантический ответы, т.е. плюс всего лишь еще один средиземноморский ответ – западно-средиземноморский, – который империя, осуществляя свои имперские амбиции, периодически брала под частичный контроль – прежде всего в центрально-средиземноморской Италии. Что касается атлантического постосево́вого ответа, воднотранспортный маршрут которого проходил по морям-океанам из Европы вокруг Африки в Индию, а европейский конец находился на Пиренейском полуострове, то и это пиренейское его начало тоже иногда и периодически частично попадало под юрисдикцию Византийской империи. До тех пор пока расположенное здесь Вестготское королевство не пало под ударами арабов и берберов в 711 г.^[79]...

Следует отметить, что арабы времен Халифата всеми своими завоеваниями достаточно ясно демонстрировали нежелание закрепляться на территориях севернее линии Пиренеи–Черное море–Кавказ–Каспий, т.е. примерно 45° северной широты. В то время как территория проливов Босфор и Дарданеллы вместе с византийской столицей были расположены как раз в противоположной зоне, можно сказать, “обязательных” для арабов завоеваний южнее этой воображаемой линии, отрезающей южные, уже преимущественно морские, части всех воднотранспортных маршрутов постосево́вых ответов Западной Евразии. И пока Константинополь и прилегающие к нему территории не были включены в Халифат, этот момент довольно сильно ослаблял реализацию восточно-средиземноморского ответа арабами. Что в свою очередь позволяло различным группам в Халифате время от времени весьма активно продвигать месопотамско-волжский ответ на лидирующие позиции во времена гражданских войн, пока в 750 г. династия Омейядов не потерпела сокрушительного поражение в третьей гражданской войне, а столица Халифата из Дамаска, расположенного близ главной трассы восточно-средиземноморского ответа, была перенесена в Багдад на трассу месопотамско-волжского ответа в Ираке.

Возвращаясь к тому, с чего мы начали этот разговор – к расщеплению событийной ткани штурма Константинополя силами арабской армии и флота на два разных, но однотипных, хронологически разнесенных события в 674-678 и 717-718 гг. Напомню, что выше мы уже отметили привязанность этих штурмов к двум первым гражданским войнам в Халифате. Во времени

^[78] И. М. Фильштинский “Халифат под властью Омейядов...”, стр. 18.

^[79] Там же, стр. 166; С. П. Карпов (ред.) “История Средних веков: в 2 томах”, Том 1, 7-е издание, доработанное, М.: Издательство Московского университета, 2010, стр. 241.

это выглядит примерно так: штурмы состоялись грубо-приблизительно спустя около 20 лет после окончания соответствующей гражданской войны (~15 лет в первом случае и ~25 лет – во втором). Таким образом, мы вправе предположить, что расщепление штурмов было вызвано исходным расщеплением одной гражданской войны на две, в результате того, что первая смута не достигла своих целей, и понадобилась вторая смута. Однако вторая фитна также не достигла своих целей, и только в третьей фитне проблема была решена кардинально, что отразилось в отстранении Омейядов от власти в Халифате, и столица была перенесена из Сирии в Ирак. Соответственно, третьего штурма Константинополя уже не понадобилось.

После всего сказанного ранее на фоне только что бегло пересказанной истории противостояний в Халифате, связь византийской столицы и ее штурмов с проблематикой, которая раз за разом вызывала гражданские войны в Халифате, становится совершенно понятной и прозрачной – Омейяды все это время безуспешно пытались упрочить геоинхронические позиции “своего” восточно-средиземноморского ответа и в конечном счете избавиться от дамоклова меча, нависавшего над его маршрутом в узком горлышке проливов Босфор и Дарданеллы. Таким образом, связь штурмов Константинополя с двумя первыми гражданскими войнами в Халифате носит совсем даже не случайной и даже не спекулятивный хронологический характер, а демонстрирует глубинные зависимости самых разных процессов в халифатском обществе друг от друга.

И хотя арабы после поражения во втором штурме Константинополя продолжили какое-то время ожесточенно воевать с империей, периодически вторгаясь в Малую Азию, тем не менее византийцы выдержали и этот натиск, и в скором времени вернули себе полный контроль над всеми малоазиатскими территориями. А далее:

“С освобождением Константинополя и очищением Малой Азии завершился важный этап византийско-арабской войны. Позднейшие нападения арабов хотя и причиняли Империи постоянный ущерб, однако более не подвергали опасности само ее существование”^[80]

Что касается византийско-халифатских синхронизмов VIII-IX вв. и позже, то здесь сразу привлекает внимание мощный культурно-религиозный феномен, обычно именуемый византийским иконоборчеством. Еще задолго до того как в 726 г. император Лев III, нанеся поражение арабам при втором штурме Константинополя, “впервые открыто выступил против почитания икон”^[81] даже в самой Церкви присутствовали враждебные иконам настроения, согласно которым христианство как чисто духовная религия исключало почитание икон”^[82]. Появление широкого иконоборческого движения в Византии принято приписывать влиянию иудаизма и ислама, павшее на благодатную почву местного монофизитства, к чему издавна было склонно население восточных провинций империи, где все еще продолжала проскакивать искры этой христианской доктрины, радикальный вариант которой был осужден как ересь на IV Вселенском (Халкидонском) соборе в 451 году. В то же время существует отчетливое понимание того, что “только соприкосновение с арабским миром заставило вспыхнуть тлеющую вражду к

^[80] Г. А. Острогорский “История Византийского...”, стр. 216.

^[81] Там же, стр. 221.

^[82] Там же, стр. 219-220.

иконам”, тем более что арабофильство Льва III стало уже чуть ли не притчей во языцех^[83].

Таким образом, византийское иконоборчество с полным правом можно счесть культурно-религиозным шагом христианства навстречу исламу, в котором, как известно изображение людей и животных, мягко говоря, не приветствуется, а в культовых целях вообще запрещено. Но что любопытно: первыми против христианских икон на своих территориях еще за несколько лет до начала иконоборчества в Византии выступили сами арабы Халифата Омейядов – “халиф Йазид II в 723-724 гг. повелел уничтожить изображения христианских святых в своем государстве”, а до него “подобную меру предпринял уже предшественник Йазида халиф Умар II (717-720)”^[84]. И это явно не инхроническая синхронность. Скорее, здесь проявили себя какие-то специфические причинно-следственные связки, например, вызванные к жизни арабофильством Льва III.

Потом был период временного возвращения иконопочитания, затем вновь иконоборчество. Окончательное и бесповоротное восстановление иконопочитания в Византии было официально провозглашено на Соборе в марте 843 г. после смерти в предыдущем 842 году последнего императора-иконопочитателя Феофила^[85].

Таким образом,

“Как борьба против персидского и арабского вторжений была судьбоносной для государственного существования Византийской империи, так и иконоборческий кризис стал временем ключевых решений для ее духовной самостоятельности. За военным вторжением следовала духовная интервенция Востока, нахлынувшая на Империю в форме иконоборчества. Ее преодоление для культурного развития Византийской империи имело значение, подобное тому, какое для ее государственности имело отражение военного вторжения. Крушение иконоборческого движения означало победу греческой религиозной и культурной самобытности над воплощенной в иконоборчестве азиатской сущностью. Отныне в качестве греко-христианской Империи Византия и в культурном отношении заняла свое особое положение между Востоком и Западом”^[86]

Кстати... Дата 842 г. уже встречалась нам выше в качестве маркера инхронической синхронности процессов и событий в различных обществах на востоке Халифата (Тибет и Уйгурия) с целым пулом причинно-следственные связей (кольцо положительных обратных связей) внутри самого Халифата. Поэтому и в данном византийском случае можно вполне уверенно утверждать (разумеется, в рамках инхронического подхода), что “преодоление” иконоборчества именно в 842-843 гг. было вызвано к жизни инхронической синхронностью культурных процессов в Византии с наступлением периода прогрессирующего ослабления власти халифов в Халифате, неумолимо ведущего к исчезновению последнего с исторической арены в середине X в. Другими словами, и византийские причинные зависимости середины IX в. вырастают из того же самого корешка, что и инхронические синхронности на востоке Халифата, а именно, из инхронического будущего Халифата – этого великого как причинно-следственного, так и инхронического, синхронизатора во второй половине I тыс.

И тем не менее иконоборчество, исчезнув само, оставило после себя шлейф последствий не только в политической сфере, но особенно в религи-

^[83] Там же, стр. 220.

^[84] Там же, стр. 221 и ком. 1 на этой странице.

^[85] Там же, стр. 288, 289.

^[86] Там же, стр. 286.

озной жизни византийцев, и тем самым по сути подготовило почву для окончательного раскола в середине XI в. единой до того христианской церкви на две – Восточную и Западную^[87].

На Западе же, т.е. в Западной Европе, еще с II в. начали бурлить процессы Великого Переселения народов, в основном германских племен, о чем мы уже подробно говорили в одном из предыдущих этюдов. И все-таки даже в этом на первый взгляд абсолютном хаосе со временем стали возникать островки стабильности и порядка.

Так, на территориях нижнего течения Рейна и вдоль прилегающего побережья Северного моря, называемых в III - начале IV века “Франций” (Francia), из проживающих здесь германских племен (хаттов, хамавов, бруктерам, марсам и другим) складывался племенной союз франков^[88], из которого потом вырастет единое Франкское государство, чье возникновение обычно связывают с Хлодвигом (481-511 гг.), предводителем франков из рода Меровингов, в 496 г. (или в 498 г.) вместе со своей дружиной принявшего христианство в его ортодоксальной форме (в отличие от других германских народностей, отдавших предпочтение арианству). К концу своего правления Хлодвиг уже имел титул короля. В результате последовавших чуть позже завоеваний и присоединений возникло большое королевство, самое крупное и, как показало время, самое долговечное из всех прочих варварских германских государств^[89]. Позже на протяжении всего VI в. Франкское государство (Regnum Francorum) то съезживалось, то вновь расправляло плечи в еще большем территориальном размере, до тех пор, пока в первой половине VII в. при правлении Хлоторя II (613-629 гг.) и Дагоберта I (629-639 гг.) окончательно складывается общая структура государства, но начало всему этому все-таки положили франки Хлодвига^[90]...

Правда, Дагоберт I был последним из Меровингов, умевших ограничивать своеволие магнатов, который хоть что-то делал во благо величия Франкского королевства. Но именно при нем начинается возвышение тех, кто вскоре покончит с королями этой династии, которых с той поры современники стали прозывать “ленивыми королями”. Стремясь ограничить влияние знати на местах и сократить административный аппарат тяготевшей к большей независимости знати Австразии, Нейстрии и Бургундии, Дагоберт I ввел институт единого майордомства (управление королевскими поместьями и финансами) на все королевство, при том что до этого свои майордомства существовали в каждом из этих регионов. Тогда-то и выдвинулся новый могущественный род майордомов всех трех частей Франкского королевства, со временем сумевших закрепить за собой этот важный пост и с его помощью подчинить прочих магнатов, – то были потомки Пипина Ланденского (иначе Старого или Старшего), из которых происходил и прадед Карла Великого Пипин II Геристальский, во второй половине VII в. окончательно отодвинувший на задний план “ленивых королей”^[91].

Еще более известен другой Пипинид – Карл по прозвищу “Мартелл” (Боевой Молот), который после множества мытарств и злключения “добился всеобщего признания в качестве единого майордома франков (714-741) и даже какое-то время обходился без «традиционного реквизита» –

^[87] Там же, стр. 244-248.

^[88] А. П. Левандовский “Франкская империя Карла Великого. «Евросоюз» Средневековья”, М.: Алгоритм, 2013, стр. 20-22.

^[89] Там же, стр. 23-27; С. П. Карпов (ред.) “История Средних...”, стр. 100-101.

^[90] А. П. Левандовский “Франкская империя...”, стр. 26-30.

^[91] Там же, стр. 30-32.

очередного «ленивого» короля-Меровинга». Он первым перешел к постоянной практике бенефициев (земельных пожалований, дававшиеся высшей властью в условное владение на срок несения службы), позже ставшей основой общеевропейского феодализма; первым на базе бенефициев создал боеспособную тяжеловооруженную латную конницу (прообраз будущей рыцарской конницы), сыгравшей немаловажную роль в победе 732 года над арабами под Пуатье, которые вторглись в Аквитанию из завоеванного ими в 711 г. Вестготского королевства на Пиренейском полуострове, и тем самым остановил экспансию Халифата на Крайнем Западе^[92].

Однако самым знаменитым Каролингом из династии майордомов, королей и даже императоров, названной так, скорее всего, по имени Карла Мартелла, оказался его внук, тоже Карл, которого потомки прозвали Великим. Карл Великий (франкский король с 768 по 814 гг., император франков с 800 по 814 гг.) воюя на протяжении практически всего своего правления, создал огромную державу, куда вошли не только земли Франкского королевства, но и большая часть Германии и даже некоторые славянские территории, Северная и Средняя Италия, плюс небольшие территориальные приобретения за Пиренеями (Испанская марка с центром в Барселоне). В 800 г. в Риме Карл принял из рук папы римского императорскую корону^[93].

По смерти Карлу наследовал единственный из переживших его сыновей (Людовик), чье правление знаменовало начало распада империи. Он еще в 817 г., сохраняя за собой верховную власть, разделил государство между тремя сыновьями: Лотарем (старшим сыном и соправителем), Людовиком и Пипином. Позднее, после рождения младшего сына Карла он перераспределил земли, вызвав тем самым ряд мятежей старших сыновей. В итоге после смерти Людовика в 840 г. единая Франкская держава распалась, что чуть позже в 840 г. было зафиксировано Верденским договором 843 г.: Карлу Лысому достались западные земли, составившие Западно-Франкское королевство (будущая Франция), Людовику Немецкому – германские земли к востоку от Рейна, образовавшие Восточно-Франкское королевство (будущая Германия), Лотарь же сохранил императорский титул, а также Италию и Прованс вкуче с территориями между Восточным и Западным королевствами от Северного моря до Швейцарских Альп, названные Лотарингией, которые в свою очередь были поделены между сыновьями Лотаря после его смерти.

Попутно отметим, что из всего множества перечисленных дат более всего наше инхроническое внимание привлекает одна из них – 843 г., – совпадающая с датой окончательного подавления иконоборческого движения в Византии, которая, как мы видели выше, соотносится с датой соответствующего события в Халифате.

Другой пример более или менее устойчивого развития – английский. После того как размещенные в Британии римские войска в 408 г. были отозваны в Галлию для восстановления порядка на рейнской границе и назад уже не вернулись, связи этой бывшей римской провинции с континентом стали обрываться, участились разбойничьи нападения воинственных соседних народов – скоттов и пиктов. Из-за чего, собственно, один из правителей бриттов в 449 г. и пригласил для защиты Британии германский отряд из ма-

^[92] Там же, стр. 34-35 (очевидно, что в датировку правления Карла Мартелла у Левандовского вкралась элементарная описка, пришлось исправить...); С. П. Карпов (ред.) "История Средних...", стр. 115-116.

^[93] С. П. Карпов (ред.) "История Средних...", стр. 119-124, карта на стр. 121, генеалогическое древо Каролингов на стр. 139.

териковой Ютландии (сегодня северная часть этого полуострова принадлежит Дании, а южная – Германии), состоявший из ютов, к которым почти сразу присоединились родственные им англ и саксы. Германцы вскоре взбунтовались и, поддерживаемые постоянным подкреплением с континента, приступили к планомерному завоеванию Британии, которое растянулось чуть ли не на столетия. К началу VII в., когда германцы вышли к берегам Ирландского моря, их перевес стал очевиден. В итоге бритты частью переселились на северо-запад Галлии, частично были покорены и в дальнейшем ассимилированы^[94].

VII-VIII века стали периодом складывания германских раннефеодальных государств в Британии. Общепринято считать, что их было семь: ютское королевство Кент, сакские королевства Эссекс, Сассекс и Уэссекс, королевства англов Восточная Англия, Мерсия и Нортумбрия. Весь VII в. и VIII в. эти королевства воевали друг с другом, до тех пор пока в начале IX в. верх не взял Уэссекс – власть уэссекского короля в той или иной мере была признана всеми остальными англосакскими королевствами. Однако до полного объединения страны было еще далеко, другие государства сохраняли свои законы, иногда – династии, случались мятежи и отказы признать нового верховного правителя^[95].

И хотя бритты начали принимать христианство (правда, в одной из еретических его форм с точки зрения ортодоксальной церкви) еще в III-IV вв., христианизация коснулась англосаксов лишь в 597 г., когда король Кента обратился в христианство. И только в 664 г. собор британского духовенства принял римский церковный календарь, а вместе с ним и католический вариант христианства, что сблизило британских христиан с христианами континентальной Европы. И позже, в VII-VIII вв., англосакские проповедники уже сыграли выдающуюся роль в христианизации континентальных саксов, фризов и других германских народов^[96].

Дальнейшему объединению страны поспособствовала внешняя угроза от набегов, а после середины IX в. и завоевательных походов, норманнов, прежде всего датчан, которых король Уэссекса Альфред все же сумел напругением всех сил наголову разбить в битве под Эддингтоном в 878 г. После чего заключил с ними мирный договор. По договору северные и восточные районы Англии отошли датчанам и стали называться Данелаг, иначе Дэнло (Danelaw), – областью действия датского права, – а юг и запад страны остались за Альфредом. Таким образом, он контролировал уже не только Уэссекс, но и Кент, который первым подпал под датское господство, плюс еще и добрую половину Мерсии. К концу своего правления Альфред стал именовать себя “королем англосаксов”, но официально этот титул принял только его сын Эдуард^[97].

Далее Эдуард и его преемники шаг за шагом освобождали страну, в том числе территории Дэнло. При этом многие местные датчане без особого сопротивления признавали власть английских королей и принимали христианство. А когда в 20-е годы X в. северные районы подпали под удары язычников-норвежцев, датчане даже поддержали единоверных англичан. В результате ожесточенная борьба с норвежцами в середине X в. закончилась их полным поражением, что обеспечило окончательное объединение страны, и правнук Альфреда Эдгар в 973 г. был торжественно коронован как ко-

^[94] Там же, стр. 213-214.

^[95] Там же, стр. 214-215.

^[96] Там же, стр. 215-216.

^[97] Там же, стр. 216-217.

роль всей Англии^[98]. И тем не менее в первой половине X в. Англия вновь попадает под власть датчан, войдя в державу датского короля Кнута, куда наряду с Данией и Англией входила и Норвегия, но на недолгий срок – после смерти Кнута его держава распадается, и Англия возвращает себе независимость^[99].

В таком вот состоянии страна подходит к судьбоносному для нее 1066 году завоевания ее нормандцами – теми же самыми викингами-норманнами, еще в IX в. осевшими на севере Франции в области, с тех пор называемой Нормандией, где они все это время интенсивно смешивались с местным французским (уже французским...) населением. Однако дальнейшая их история, как и история англичан, нас уже не должна волновать, поскольку здесь и сейчас мы ищем арабо-европейские синхронизмы исключительно времен существования арабского Халифата, т.е. до середины X в. Правда, ищем, скажем прямо, без особого успеха – похоже, пока что наблюдаются лишь единичные случаи европейско-арабских синхронностей и все больше во французском примере. Да и те вполне могут оказаться франко-византийскими синхронизмами...

Рассмотрим еще один регион не то чтобы устойчивости и стабильности, но он хотя бы сохранился, в отличие от Вестготского и Вандальского королевств, без каких-то особых усилий поглощенных Халифатом и Византией, соответственно. И регион этот, а именно – Италия, – как и предыдущие наши примеры в Западной Европе, точно так же всплыл из бурлящего котла Великого Переселения народов.

В течение V-VI вв. Италия в составе Западной Римской империи и после ее падения не раз подвергалась варварским нашествиям, преимущественно германским: вестготы, вандалы, остготы, германцы Одоакра не совсем ясного происхождения, скорее всего, смешанного. Последней волной в 568 г. в Италию вторглись лангобарды. Периодически брала под контроль Италию или некоторые отдельные ее территории и Византия. Так, после нашествия лангобардов, которые потеснили византийцев, империя все же сохранила за собой юг полуострова вместе с Сицилией и Равенну на севере с областью, где была даже введена новая форма правления, заключавшаяся в объединении гражданской и военной власти в руках одного наместника – так называемый Равеннский экзархат^[100].

Завоевания франкского короля Карла Великого в 773-774 гг. включили Лангобардское королевство в состав Франкской державы, а затем и империи, но не принесли Италии политического единства. И хотя по Верденскому договору она и стала независимым королевством, раздробленность Италии не была преодолена и после распада империи Карла Великого. Тому имелось много причин: венгры в первой половине X в. совершили ряд набегов на страну, юг Италии подвергался частым нападениям арабов, к концу IX в. овладевших Сицилией, но самое главное – с середины X в. Северная и Средняя Италия становится объектом притязаний германских королей^[101]...

Мы включили Италию в вышеприведенный перечень очагов более или менее устойчивого политического развития стран в период VII-X вв. существования арабского Халифата (в котором IX-X вв. – это время складывания современных западно-европейских народов: англичан, французов, итальянцев...) не только по причине более повышенной живучести итальян-

[98] Там же, стр. 217-218.

[99] Там же, стр. 224-225.

[100] Там же, стр. 86-94, 156.

[101] Там же, стр. 192-193.

ского общества, но в первую очередь из-за того что Италия, как и намного более стабильные и централизованные Франция и Англия, располагалась на главной трассе западно-средиземноморского воднотранспортного постосевого ответа: Англия, пролив Па-де-Кале, Рейн – Сона – Рона по французской территории, вдоль итальянских портов и далее по Средиземному морю до Суэца.

Вестготам на Пиренейском полуострове, выбитым с этой основной постосевой трассы Западной Европы франками, по всей видимости (исходя чисто из географического их положения) не оставалось ничего иного как попытаться зацепиться за атлантический ответ. В то время как окончательное расположение в 429-435 гг. вандалов (вместе с союзными им аланами) и их королевства в Северной Африке, основанного на мавритано-нумидийских (в том числе и Карфагена) территориях Западной Римской империи, и уже в 442 г. добившегося независимости от империи^[102], склоняет к мысли об ориентации африканских вандалов на западно-средиземноморский ответ. Тем более что присоединение к Вандальскому королевству в 455 г. крупных островов Западно-Центрального Средиземноморья (Корсики, Сардинии, Сицилии плюс Балеарские острова)^[103], свидетельствует о том же.

Однако обоим этим народам не повезло – Вандальское королевство было захвачено и уничтожено Византией в 533-534 гг. при императоре Юстиниане^[104], а арабы, как было сказано выше, разгромили Вестготское королевство и присоединили земли вестготов к Халифату в 711 г.

Как видим, большинство вторгшихся в Западную Римскую империю германцев тяготели к здешнему западно-средиземноморскому постосевому ответу. При том что у себя в Германии, находясь на северных территориях трасс восточно-средиземноморского ответа, они, естественно, придерживались последнего. Война ответов? Однако после того как германцы оседали на европейских территориях Римской империи, они довольно быстро смешивались с местным в той или иной степени романизированным населением и в результате переходили к реализации западно-средиземноморского ответа, уже и без того реализуемого римлянами. Так что на войну ответов мало похоже...

В пятом этюде настоящей хронографии мы, исследуя причины упадка и исчезновения Римской империи в V в, отметили некоторые психосоциальные и инхронические факторы, которыми в рамках нашей инхронической модели можно объяснить целый ряд наблюдаемых явлений и процессов той поры по всей планете, и в Европе в частности. В их числе и Великое Переселение народов, которое началось в Европе около сер. II в. до н.э. с так называемых Маркоманских войн (166–180 гг.) германцев против расположенной на юге и западе от них Римской империи^[105]. В итоге мы пришли к следующему выводу, который, чтобы не повторяться новыми многословными периодами, процитируем (сами себя) дословно:

“...главной причиной и истоком столь массовых передвижений населения в первой половине I тыс. стал общий упадок инхроэнергетики цивилизованных стран и народов в полосе умеренных широт Евразии от Европы до Китая ввиду падения уровня осевой инхроэнергетики вплоть до нуля в период завершения осевой инхрозоны (ЗОИ) и в результате спада уровня их постосевой инхроэнергетики, порой весьма существенного, в результате

^[102] Там же, стр. 88-89; В. П. Буданова, А. А. Горский, И. Е. Ермолова “Великое переселение народов: Этнополитические и социальные аспекты”, СПб.: Алетейя, 2011, стр. 100.

^[103] В. П. Буданова и др. “Великое переселение...”, стр. 41, ком. 24.

^[104] С. П. Карпов (ред.) “История Средних...”, стр. 152.

^[105] В. П. Буданова и др. “Великое переселение...”, стр. 36-78.

действия процессов рефлексии в том же периоде ЗОИ и даже еще раньше. И северные евразийские варвары, почуяв легкую добычу, устремились на юг, и тоже, условно говоря, по всему “лимесу” планеты – от Европы и Рима с его рейнско-дунайским пограничьем до Китая и Хань с ее Великой Китайской стеной...”

Как видим, здесь мы и в самом деле наблюдаем не войну ответов, а устремление германских племен в пределы стремительно слабеющей в ходе падения инхроэнергетики империи, дабы в подходящий момент воспользоваться ее наследством, а именно – территориями, на которых можно было бы реализовывать тот или иной местный постосево-ответ: западно-средиземноморский или в крайнем случае атлантический, пока еще в значительной степени потенциальный. И столь хищническое поведение германских племен, естественно, сопрягалось со столь же негативным отношением к ней, впоследствии, после падения Западной Римской империи, перенесенное возникающими как грибы варварскими королевствами на сумевшую устоять перед германским, а затем и славянским, натиском Восточную империю, т.е. Византию, в свою очередь имевшей виды на бывшие римские территории этих королевств, периодически пытаясь взять их под контроль, а то и включить их в состав империи, что лишь усиливало отрицательное отношение населения королевств к византийцам. Повторимся: мы имеем дело не с войной воднотранспортных постосево-ответов, а с явно выраженным противоборством германских племен, а затем и королевств, с Византией за воднотранспортные ресурсы. И даже сама Германия вполне могла бы со временем в каком-то потенциальном пределе стать аренной борьбы Византии и германских по происхождению европейских государств, тем более что в Византии восточно-средиземноморский ответ занимал лидирующие позиции, а в Германии вообще был единственно доступным.

При этом, расселяясь, германцы романизировались и даже принимали христианство, но и в рамках римской культуры, кельтизации (в некоторых регионах), культурного влияния других народов и даже христианизации они ухитрялись сохранять крайне негативное отношение к Византии как к постоянной или, как принято сегодня говорить, экзистенциональной угрозе их существованию как таковых. Надо полагать, именно по этой причине многие возникающие в Европе народы частичного германского происхождения на раннем этапе своего существования зачастую принимали не ортодоксальное византийское христианство, а одну из еретических его форм, обычно арианство. Столь неприязненное отношение к Византийской империи особенно сильно проявилось у вандалов-ариан – в своем королевстве они жесточайшим образом преследовали исповедовавших ортодоксальное христианство^[106].

Таким образом, византийская угроза в VI-X вв. (и даже ранее) была для обществ Западной Европы куда более актуальной и существенной угрозой, чем угроза со стороны Халифата и ислама, несмотря на всю их огромную культурно-историческую роль в развитии человечества, с которой Византия вкупе с нарождающимся еще в I тыс. православием, тем не менее, вполне могли бы потягаться.

А теперь о синхронизмах. Вначале перечислим значимые европейские события с их датами VII-X вв. (время существования арабского Халифата), затем попробуем привязаться к синхронным данным событиям арабским и/или византийским событиям. И так для всех интересующих нас сейчас регионов.

^[106] Г.-И. Диснер “Королевство вандалов. Взлет и падение”, СПб.: Евразия, 2002.

Франция:

1. Дагоберт I Меровинг (629-639 гг.) учредил институт единого майордомства на все королевство, из которого впоследствии вырастет новая королевская и даже императорская династия Каролингов.

2. Карл Мартелл в 732 г. разбивает арабское войско в сражении при Пуатье, и тем самым прекращает экспансию Халифата на Крайнем Западе.

3. Карл Великий – франкский король с 768 по 814 гг., император франков с 800 по 814 гг.

4. Официальный распад империи франков с династией Каролингов на Францию, Германию и Лотарингию по Верденскому договору в 843 г.

В этом списке только два события коррелируют с существенными событиями в Халифате, а именно – 1-е, которое относительно синхронно дате вторжения арабов в Византию в 634 г.^[107], совместному арабо-византийскому событию; и 4-е, синхронное году смерти халифа аль-Мутасима в 842 г., который распространил принцип набора воинов-гулямов и на армию, – на первый взгляд малозначительное событие, однако органично вплетаясь в цепь взаимно усиливающих друг друга положительных обратных связей в Халифате (см. Рис. 5.14 в настоящем этюде и текст вокруг него), данное событие приобретает весьма большой вес и в результате начинает влиять практически на все халифатские процессы и даже на дальнейший ход истории в Халифате. Однако 4-е событие синхронно также и концу периода иконоборчества в Византии, т.е. и здесь тоже имеем синхронность с совместным арабо-византийским событием.

Из тех же европейских событий, которые не коррелируют заметно с событийной тканью в Халифате (2-е и 3-е), 2-е плюс ко всему является совместным арабо-европейским событием, что, собственно, и не позволяет рассматривать его, как, арабо-европейский синхронизм, но в то же время данное европейское событие в какой-то мере синхронно началу иконоборческого периода в Византии в 726 г.

Как видим, существенные события на территории Франции в VII-IX вв. чуть более синхронны событиям в Византии, чем в Халифате, но при этом не будем забывать, что византийские события в свою очередь коррелируют с халифатскими.

Англия:

1. Завершение завоевания Британии германскими племенами англосаксов, ютов к началу VII в. с последующим затем формированием семи германских королевств на протяжении VII-VIII вв.

2. Начало христианизации германцев в Британии в 597 г.

3. Начало завоевательных походов датских викингов в Англию в середине IX в., которых король Уэссекса Альфред разбил в битве под Эддингтоном в 878 г. и заключил с ними мирный договор

4. В 20-е годы X в. северные районы Англии подпадают под удары норвежцев.

5. Борьба с норвежцами в середине X в. заканчивается их поражением, что приводит к окончательному объединению страны, и правнук Альфреда Эдгар в 973 г. торжественно коронуется как король всей Англии.

1-е и 2-е события, по всей видимости, причинно связаны друг с другом, что дает нам право привязать их к одной условной дате ~600 г. А это

^[107] О. Г. Большаков “История Халифата. Том 2. Эпоха великих завоеваний...”, стр. 19-21.

уже синхронно дате присоединения Йемена к Сасанидской Персии и начало торговой блокады Византии не только по ВШП, но и морской со стороны Красного моря и Индийского океана. Плюс синхронность с началом полувечия откровений пророком Мухаммедом. Со стороны Византии 1-е и 2-е события еще и синхронны перевороту узурпатора Фоки и казни законного императора Маврикия в 602 г., что и стало причиной войны между Византией и Персией и блокады морской индийской торговли Византии в Йемене, вызвавшей инициализацию Мухаммеда (подробнее см. в шестом этюде настоящей хронографии).

3-е событие частично синхронно (середина IX в.) окончанию иконоборческого периода в Византии в 843 г., а дата 878 г. победы англичан – времени гвардейского беспредела (861-870 гг.), точнее, его окончанию в Халифате.

4-е событие ярко выраженной синхронности ни с арабскими, ни с византийскими событиями не имеет. Его можно счесть разве что прологом к 5-му событию, в котором начало борьбы с норвежцами синхронно падению Халифата в середине X в. (945 г.), а коронация Эдгар короной всей Англии в 973 г., синхронна пику (точнее, началу пика) могущества Византийской империи в конце Македонской династии при императоре Василии II Болгаробойце (976-1025 гг.)^[108]. А сам пик этот, вне всякого сомнения, покоился не только на уникальной личности Василия II, но и на достижениях завоевательной политики предшествующих ему императоров: Никифора II Фоки (963-969 гг.) и Иоанна I Цимисхия (969-976 гг.)^[109]. Как видим и в Англии вероятность византийское инхроническое влияния на эту страну также превалирует над вероятностью арабского инхронического влияния.

Италия:

1. В 568 г. в Италию вторгаются лангобарды и основывают в Северной и Средней Италии свое Лангобардское королевство.

2. В 773-774 гг. франкский король Карл Великий включил Лангобардское королевство в состав Франкской державы, а затем и империи.

3. По Верденскому договору 843 г. Италия становится независимым королевством.

4. Арабы в конце IX в. овладевают Сицилией.

5. С середины X в. в Северная и Средняя Италия становится объектом притязаний германских королей.

В этом списке не наблюдается ни одного итальяно-арабского или итальяно-византийского синхронизма, поскольку: 1-е событие не попадает в интересующий нас хронологический период существования Халифата; 2-е событие – это, скорее, франко-лангобардское событие, а не итальянское; 3-е событие является франко-итальянским событием, и любые его синхронности с событийной канвой Халифата или Византии с гораздо большей вероятностью можно отнести к арабо-франкским или византийско-франкским корреляциям; 4-е событие чистейшей воды арабо-византийское событие; 5-е событие в свою очередь, скорее, выступает не как сугубо итальянское событие, а как общеевропейское, – хотя бы ввиду огромных всемирно-исторических последствий данного события для всей Западной Европы в целом и некоторых регионов Западной Евразии эпохи Средневековья (одно лишь противостояние германских императоров и папской теократии вкупе с

^[108] Г. А. Острогорский “История Византийского...”, стр. 374-393.

^[109] Там же, стр. 359-374.

крестовыми походами чего стоят...) и синхронно сходу с исторической сцены арабского Халифата в 945 г.

Кроме того, в течение всего периода существования Халифата в VII-X вв. в Италии проходил непрерывный этногенез итальянского народа (как и прочих основных западноевропейских народов и народностей каждый в своем регионе: немцев, французов, англичан и прочих), завершившийся в X веке, в век падения Халифата и пика могущества Византии в правление Василия II Болгаробойца. Поэтому этногенетический ответ, интенсивно реализуемый вдоль доступных трасс и окончаний европейских воднотранспортных ответвлений (средиземноморских и атлантического), можно считать общим постосевым ответом западноевропейской цивилизации в последней трети первого тысячелетия наряду с еще более общим и глобальным (и хронологически, и во всех других смыслах) католическим христианским ответом.

Таким образом, весь пул основных наблюдаемых в Западной Европе синхронностей также склоняет нас к мысли, выдвинутой нами выше, что западноевропейские общества больше развивались под ведущим воздействием византийско-православного постосевого будущего (как части общемирового постосевого будущего), чем арабо-исламского. Правда, эффект довольно сильно размывается из-за плотного итало-византийского, а на юге Италии еще и не менее тесного итало-арабского, причинно-следственного взаимодействия.

Однако в западноевропейском случае имеется одно довольно значимое отличие, носящее мотивационный характер, от всех прочих рассмотренных нами вариантов: византийского, восточно-азиатского, центрально-азиатского, среднеазиатского. Если в Восточной, Центральной и Средней Азии, а также в Византии, в которых темпы, качество и знак (плюс – прогресс и сплочение, минус – регресс и распады) процесса развития во многом определялось постосевым будущим Халифата, процессы консолидации и мобилизации нарастали по мере роста угрозы со стороны Халифата и спадали синхронно с ослаблением данной угрозы, то в Западной Европе в ее зависимости от будущего Византийской империи все обстояло ровно наоборот – с ослаблением Византии, а следовательно, и угрозы с ее стороны Западу, росла централизация, ведущая к большей мобилизации, что вело к консолидации западноевропейских обществ, и наоборот, с усилением Византии усиливались процессы распада. Разумеется, в разной степени в каждом из этих обществ – от нулевой безразличной до весьма серьезной. Наиболее яркий пример – это зарождение мощного института майордомов во Франкской державе синхронно с нападением арабов на Византийскую империю, ослабляющим ее, а спустя два века распад империи Карла Великого (финального аккорда майордомского взлета во времена иконоборческого ослабления Византии) синхронно с прекращением иконоборческого движения, которое, как уже говорилось, явилось отступлением византийского общества перед исламом на духовном фронте, т.е. синхронно с победой Византии в религиозно-культурной сфере и укреплением христианства в Византии, за которым в самом скором времени последовал и взлет политический с приходом к власти в империи могущественной Макендонской династии.

Получается, что на восточных и центральных границах Халифата на угрозу отвечали угрозой, а на западных границах угрозой отвечали только на слабость потенциального противника, а на растущую с его стороны угрозу тут же отвечали отступлением в виде своего собственного ослабления. Что сказать... – любопытная особенность парадигмы коллективного пове-

дения части западноевропейского населения уже в те далекие времена, а конкретнее – во времена сложения современных западноевропейских наций. Более ярко и наглядно данная парадигма проявилась в эпоху Великих географических открытий, когда начал складываться европейский колониальный мир. Достаточно взглянуть на карту того мира и в скором времени последовавшего за ним – колониями европейских государств, как правило, становились недостаточно развитые сообщества Америки, Австралии, Африки и Азии. Пожалуй, единственным исключением, подтверждающим правило, выступает Индия, но и здесь огнестрельное оружие успело сыграть свою решающую колонизирующую роль...

При этом во времена Халифата не все западноевропейское население демонстрирует подобную поведенческую модель, а только та ее часть, до которой Византия в принципе могла бы... скажем так, “дотянуться” в существующих на тот момент VII-X вв. условиях. Так было, например, на французских территориях, в некоторых регионах между Францией и Германией и в какой-то мере в Италии, где взаимодействие с Византией реализовывалось в основном плотным причинно-следственным взаимодействием без каких либо существенных реакций на постсоевое будущее Византийской империи. Куда же Византия с большой долей вероятности не “дотягивалась”, а население, тем не менее тоже пребывало под воздействием византийского ведущего событийного потока, поведенческие реакции были точно такими же, как и на восточных и центральных границах Халифата. И тогда мы видим, к примеру, как разгром норвежцев и объединение Англии в 973 г. (военное и политическое усиление английского общества) совпадают с началом правления самого выдающегося деятеля Македонской династии императора Василия II, пришедшего к власти в 976 г. – начало пика военного и политического усиления византийского общества.

В Европе имеется еще один регион, которого мы пока что не касались, а именно самая северная Европа в лице Скандинавии, с существовавшим здесь на отрезке IX-X вв. позднего “халифатского” времени невиданным феноменом викингов-варягов. Пора бы и коснуться...

ВОСЬМОЙ ЭТЮД: «Два цветка языческой Европы»

С точки зрения инхроники в первую очередь, наверное, следует определиться с хронологическими рамками эпохи викингов, чтобы потом можно было разбираться с его сущностными смысловыми характеристиками. Принято считать, что эпоха викингов начинается с их нападения в 793 г. на монастырь Св. Кутберта, расположенный на английском острове Линдисфарн в королевстве Нортумбрия^[1]. Однако имеются и сообщения о “контактах” с норманнами лет за сорок до этого – например, о разграблении около 753 г. «северными людьми» *normanni* острова Танет у британского побережья Ла-Манша напротив устья Темзы, или о вторжении норманнов в той же середине VIII в., которое отразил король Оффа в Мерсии^[2]. Правда, не факт, что в столь ранние времена эти норманны уже называли себя викингами, тем более что в Англии того времени они были известны не только как северные люди (норманны), но все больше под именем данов, т.е. датчан^[3], (см. выше). Так что мы тоже будем придерживаться общепринятой точки зрения и примем за начало экспансии викингов 793 год.

Завершилась же эпоха викингов битвой при Гастингсе, состоявшейся в 1066 г., в которой франко-нормандские рыцари, т.е. уже офранцузенные потомки викингов, наголову разбили англосаксов и завоевали Англию. И это при том, что тремя неделями раньше в битве у Стемфордбридже англичане одержали победу над войском последнего из «конунгов-викингов», претендовавшего на английский престол норвежского короля Харальда Сурового^[4]. Таким образом, мы имеем хронологические рамки феномена викингов с 793 г. по 1066 г. Как видим, к тому времени уже сошедший с исторической сцены в 945 г. Великий Халифат, к феномену викингов, скорее всего, никакого отношения не имеет, или более взвешенно – имеет довольно-таки косвенное отношение. То же самое можно сказать относительно Византии и Западной Европы. Похоже на то, что в скандинавском случае мы имеем дело с процессами, весьма напоминающими то, что происходило в Юго-Западной Азии двумя столетиями ранее при возникновении ислама, а следом и Халифата. Однако между двумя этими ситуациями наблюдаются и существенные различия, поскольку Аравия до откровения Мухаммеда веками, с II-III вв. до VI в., довольно плотно контактировала с цивилизованными сообществами Ближнего Востока и их идеологиями, как древними, так и сравнительно более новыми. И все это время арабы, не препятствуя проникновению инхроэнергичных социальных символов удлинённой постосевой инхрозоны, весьма успешно противостояли постосевым ответам на эти символы в лице христианства и иудаизма, демонстрируя тем самым высокую инхроэнергетику своей собственной воднотранспортной символики короткой постосевой инхрозоны.

Вот почему для полного понимания своеобразия скандинавского ответа, не стоит примерять к скандинавам постосевое будущее других сообществ, как делалось это при рассмотрении остальных евразийских регионов вокруг Халифата, а следует в первую очередь обратить внимание на воз-

^[1] Г. С. Лебедев “Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси”, СПб.: Евразия, 2005, стр. 28, 33-35.

^[2] Там же, стр. 37, 39.

^[3] Там же, стр. 39.

^[4] Там же, стр. 28; С. П. Карпов (ред.) “История Средних веков: в 2 томах”, Том 1, 7-е издание, доработанное, М.: Издательство Московского университета, 2010, стр. 209.

возможности и условия проникновения в их среду социальных символов удлиненной постосевой инхрозоны, которое в данном случае могло происходить лишь при плотном общении с носителями “удлиненных” символов, например, христианами.

Уже было сказано, что в VII-VIII вв. англосакские проповедники сыграли немалую роль в христианизации германских континентальных народов, в том числе и фризов. В то же самое время (т.е. в VII-VIII вв.) фризы, территории которых в устье Рейна соседствовали с южной Ютландией, где уже проживал скандинавский народ данов-датчан, разворачивали свою масштабную торговлю:

“В течение всего VII в. происходит последовательный подъем экономики северо-восточных областей Франкского государства. Наряду с мелкотоварным крестьянским хозяйством и ремеслом (сукноделие у фризов) возобновляется городское производство гончарной керамики, стекла, железных изделий. Рейн, Шельда, Маас приобретают значение важных торговых путей. Здесь возникают центры, известные под латинско-германским названием *vicus* (герм. *Wik*, в значении «порт, гавань, залив»). Термин в значении «торговый порт» закрепляется не только за североморскими прибрежными поселениями, такими как Квентовик во Фризии, но даже за городами, известными с римской эпохи: *Lundenwic* назван Лондон в 604 г. (Vogel 1969: 197-200). Уже в VIII в. североморские «вики» играют заметную роль в экономике, в некоторых из них начинается чеканка монеты. Франко-фризская торговля втягивает в свой ареал Британию, Ютландию, Скандинавский полуостров, достигает Ладоги (Давидам 1968: 54-63; Arbman 1937: 238; 1962: 40). Формируется западная ветвь морских торговых путей”^[5]

Фризские торгово-ремесленные фактории основываются во многих местах Ютландии и Скандинавии, способствуя тем самым зарождению будущей системы поселений-виков к началу экспансии викингов в IX в.^[6]

Вот по этому фризскому торговому “мосту”, предполагающем достаточно плотное взаимодействие различных социальных и этнокультурных групп, в том числе и христиан с язычниками, вероятнее всего, и проникали символы удлиненной постосевой инхрозоны на Скандинавский полуостров и даже еще дальше на восток вплоть до Ладоги в течение второй половины VII в. и всего VIII в. В это время в Скандинавии наблюдается появление первых христиан, в основном среди местной политической и торговой элиты, однако широкие народные массы это движение не затронуло, т.е. успехи первых миссий по распространению христианства среди скандинавских язычников оказались, мягко говоря, “сравнительно скромными”^[7]. Другими словами, в Скандинавии высоко инхроэнергичные языческие воднотранспортные символы короткой постосевой инхрозоны до поры до времени столь же успешно, как в свое время (до VII в.) и в Аравии, противостояли христианскому ответу на “удлиненные” символы. Между прочим, именно в это время в скандинавском регионе, как и до того в Аравии ранее VII в., международная торговля приобретает повышенное значение...

У арабов спусковым крючком, запустившим процесс формирования собственного ответа на символы удлиненной постосевой инхрозоны, послужил захват Йемена Сасанидским государством, который блокировал торговые пути из Индии в Византию по южной ветви ВШП. В свою очередь, у меня не вызывает сомнения, что начавшаяся в IX в. масштабная экспансия викингов на всю Европу была таким же, только собственно скандинавским, ответом на проникшие до того к скандинавам “удлиненные” постосевые

^[5] Г. С. Лебедев “Эпоха викингов в Северной Европе...”, стр. 222.

^[6] Там же, стр. 222-279.

^[7] Там же, стр. 369, более подробно на стр. 365-370.

символы. Однако в отличие от Аравии скандинавы не стали создавать совершенно новую, тем более мировую, религию, а, наоборот, сделали упор на увеличение роли своего язычества и его веса в обществе – так называемая “языческая реакция”^[8]. И все же... – что послужило исходным пусковым механизмом в Скандинавии на границе VIII и IX веков?

Таким триггером вполне могла бы стать Франкская империя Карла Великого, которая возникла как раз на этой хронологической границе. Тем более что ответом империи Карла на постосевую инхронику и связанное с ней византийское постосевое будущее было взятие под полный контроль северных участков речных маршрутов как западно-средиземноморского, так и восточно-средиземноморского постосевых воднотранспортных ответов. При том что восточно-средиземноморский момент имел решающее значение для скандинавов, к чьим территориям по прилегающим к Балтике германским и славянским землям сходились практически все речные маршруты восточно-средиземноморского ответа.

Почему бы и нет... Однако выше мы уже пришли к мнению о частичной схожести скандинавских процессов VII-VIII вв., а затем в IX-XI вв., с происходившим в Аравии до VII в. и в VII-X вв. Вот только из-за одного синхронизма, наверное и все-таки, не следует вот так сразу отказываться от данного далеко идущего вывода. В таком случае наблюдаемая франко-скандинавскую синхронность, скорее, следует понимать как след постосевого настоящего, а не постосевого будущего Западной Европы или какой-то ее части, т.е. как *прямую* причинно-следственную реакцию скандинавов Северной Европы на какие-то действия западных европейцев в настоящем. И в этом своем качестве возникновение Франкской империи на вполне законных основаниях можно рассматривать, как тот самый толчок, запустивший масштабную экспансию скандинавов в IX-XI вв., предпосылки которой сложились еще в VII-VIII вв. с проникновением в Скандинавию символов удлиненной постосевой инхрозоны по фризскому торговому “мосту”, вовне вылившееся в появление здесь немногочисленных групп первых христиан. И все это совершенно синхронно с появлением во Франкской державе династии майордомов-королей, постепенно сменивших во власти “ленивых королей” Меровингов.

Но, чтобы разобраться, что же именно в постосевом будущем было воспринято населением Скандинавии, как угроза, в первую очередь следует присмотреться к постосевому будущему уже возникающей к тому времени прямо на глазах *всей единой общечеловеческой* социальной воднотранспортной системы или, как минимум, к западно-евразийской ее части, а не каких-то более мелких отдельных частей, хотя, наверное, и к ним придется обратиться. Поэтому для начала попробуем отметить уже намечающееся (и тем не менее все еще всего лишь вероятное, пусть и весьма вероятное в то время) постосевое будущее общечеловеческой воднотранспортной системы в свете возникающих в Скандинавии и вокруг нее торгово-экономических коллизий. В связи с чем еще ряд вводных цитат:

“Вскоре после основания первых «факторий» на Балтике, по крайней мере, появления фризского поселка в пределах Хайтабу и скандинавской «судоремонтной мастерской» в Ладого, то есть на противоположных концах транбалтийского морского пути середины VIII в., начинается движение ценностей и средств обмена в восточной части Европейского континента, по Волжскому пути. Уже в VIII в. арабское серебро из стран Переднего Востока и Средней Азии через Северный Кавказ по Волге распространяется далеко на се-

^[8] Там же, стр. 371-379.

вер, достигая обских угов, а к рубежу VIII-IX вв. – Волго-Окского междуречья и Ладogi (Янин 1956: 86-100; Лещенко 1971:9, 19; Даркевич 1976: 144-146; Носов 1976: 96-110). Складывается *восточная ветвь* трансевропейской системы торговых связей”^[9]

“С 810-х гг., таким образом, арабское серебро непосредственно вовлекается в обращение торгово-ремесленных центров в землях скандинавских викингов и быстро становится решающим фактором движения ценностей. Волхов, в низовьях которого находится Ладога, ближайший и наиболее ранний выход с морской трассы на речные пути Восточной Европы, обеспечивал продвижение на Балтийско-Волжский путь”^[10]

“В первой трети IX в. (клад у д. Кислая в Днепро-Двинском междуречье, 825-833 гг., и другие находки) Волховско-Днепровская магистраль начинает использоваться как трасса для движения из Балтики в Черное море и византийско-исламское Средиземноморье, летописный Путь из Варяг в Греки (Лебедев 2002: 29; Lebedev 1980:90-101).

В конце VIII – начале IX в., со стабилизацией коммуникативно-транспортной функции Ладоги как выхода с основных восточноевропейских речных путей – в Балтийское море, западная и восточная ветви смыкаются на Балтике, образуя уникальный в своем роде «серебряный мост», перекинутый через североевропейский *Barbaricum* и связавший пространства от Британии на западе до Прикамья на востоке, от окраинных областей Норвегии на севере до причерноморско-каспийских степей, византийских, хазарских и мусульманских крепостей и портов на юге Европы”^[11]

С учетом приведенной в ком. 5 цитаты из той же работы вырисовывается полная система торговых связей в Европе и на Ближнем Востоке, в большей своей части воднотранспортная, так или иначе связанная с Балтикой, которая в принципе не очень-то нуждалась в главной трассе западно-средиземноморского воднотранспортного ответа: Англия, Рейн-Маас, Сона-Рона, Центральное Средиземноморье (близ западной и южной Италии), Суэц. При том что сама Англия одновременно являлась и северо-западной оконечностью этой трансевропейской системы торговых связей, сходящихся к Балтике, с центром в Скандинавии, которая была описана в ком. 5, 9 и следующих двух комментариях.

В нашей же инхронической терминологии Англия была северо-западной оконечностью главных трасс восточно-средиземноморского и волжского воднотранспортных постосевых ответов, выступая при этом еще и в роли точно такой же самой северо-западной оконечности главной трассы западно-средиземноморского постосевого ответа: Англия, Рейн-Маас... и т.д., которая досталась ей в наследство еще от поздней античности. Такая ситуация, надо думать, могла сложиться примерно к 600 г., когда Британия была окончательно завоевана англосакскими племенами, и эта бывшая провинция Римской империи довольно быстро попала в сферу еще не до конца изжитых, а местами и вовсе не изжитых, родоплеменных отношений – так называемый европейский *Barbaricum*.

Таким образом, в Европе VIII-IX вв. мы видим две отдельные торгово-экономические (и даже геополитические), в основном воднотранспортные, системы: 1) условно говоря, скандинавскую, а точнее и более общо – восточноевропейскую; и 2) западноевропейскую. Причем каждая из этих систем являлась ответвлением ВШП (Великого шелкового пути), исполнявших к тому же и роль воднотранспортных маршрутов двух основных европейских постосевых ответов: западно-средиземноморского и восточно-средиземноморского (последний, правда, в сочетании с месопотамским ва-

^[9] Там же, стр. 223-224.

^[10] Там же, стр. 226.

^[11] Там же, стр. 227.

риантом волжского ответа), которые на юге Евразии были объединены багдадским Халифатом. При этом обмен товарами скандинавского полюса восточноевропейской торгово-экономической системы с Западной Европой мог осуществляться как из зоны пересечения этой системы с западноевропейской системой в Англии, что естественно и возникало практически само собой, т.е. самопроизвольно, так и напрямую из скандинавских городских центров (виков) походами военно-торговых дружин викингов по крупным континентальным рекам в Германию, Францию и земли между ними или же морем, например, в мусульманскую Испанию, а позже, уже за пределами указанного хронологического отрезка, и в средиземноморскую Италию.

Тем не менее, несмотря на столь активное торговое взаимодействие меж обеими системами, в конце VIII в. вдруг вспыхнуло и начало бурно нарастать крайне враждебное агрессивное отношение населения этих систем друг к другу по мере развития военно-торговой экспансии викингов и связанной с ней “языческой реакции”, что отчетливо просматривается на примере христианства: как викинги в первую очередь беспощадно грабили, громили и уничтожали аббатства и церкви в Западной Европе; и как в течение тридцати с лишним лет тянулось изнурительное упорное крайне ожесточенное завоевание и христианизация Карлом Великим Саксонии, за которой уже простирались славянские земли^[12].

Как видим, во второй половине VIII в. христианская Западная Европа начинает переходить от распространения своей религии при помощи Креста (миссионерства) к ее насаждению Крестом и Мечом (завоеваниями). И это серьезно встревожило население Северной Европы, в котором к тому времени уже успели укорениться символы удлиненной постосековой инхрозоны, однако скандинавы ответили на них и связанное с ними постосековое будущее довольно оригинально – активизацией своих родных “коротких” языческих постосековых символов, т.е. совсем не так как арабы или палестинцы, в похожей ситуации сформировавшие ислам и христианство, соответственно.

В итоге мы уже вправе предположить, что для населения Скандинавии наибольшей угрозой из всего общепланетарного постосекового будущего выступило именно христианство как постосековой ответ в виде мировой религии, что по сути являлось всего лишь формой выражения особой цивилизации (вернее, особой фазы уже давно существующей цивилизации), реализуемой множеством локальных культур на разных континентах, которая к тому же пыталась охватить все доступные ей воднотранспортные постосековые ответы. Именно такими же мировыми религиями и одновременно цивилизационными фазами являлись и ислам, и буддизм Махаяны: первый был очередными ликом древней переднеазиатской цивилизации, а второй – чуть менее древней восточноазиатской цивилизации. При том что и в сообществе, зародившемся в Скандинавии в VII-VIII вв. в недрах растущей торгово-экономической трансъевропейской системы, как считают некоторые исследователи, уже просматриваются ростки совершенно новой языческой цивилизации, независимой от остальных цивилизаций планеты, наиболее ярко проявившей себя в экспансии викингов во времена “языческая реакция” IX-X вв.^[13]

В то же самое время с христианством как отдельной фазой европейской цивилизации дела обстояли несколько сложнее. Еще до викингов, с завоеванием Италии лангобардами, в более или менее едином до того орто-

^[12] А. П. Левандовский “Франкская империя Карла Великого. «Евросоюз» Средневековья”, М.: Алгоритм, 2013, стр. 75-86.

^[13] Г. С. Лебедев “Эпоха викингов в Северной Европе...”, стр. 276-279.

доксальном христианстве уже стало намечаться расхождение между Римом и Константинополем, которое вскоре переросло в серьезное разногласие по столь существенному вопросу, как иконнопочитание, что в итоге вылилось во временный раскол между западной и восточной Церквями в 867 г. при константинопольском патриархе Фотии^[14]. С началом же эпохи экспансии викингов расхождение, пусть и по другим вопросам, еще более углубилось и обострилось. Похоже на то, что именно с этого момента Фотиева раскола единая христианская цивилизация и начала распадаться на две цивилизации: римскую католическую западноевропейскую и византийскую православную восточноевропейско-ближневосточную. Процесс окончательно завершился Великой Схизмой в 1054 г. – кстати, достаточно синхронно с перекрытием главной трассы западно-средиземноморского ответа потомками викингов-норманнов из Нормандии (нормандцами, уже ревностными католиками), которые в 1066 г. захватывают Англию. А далее на протяжении почти всего XI в. нормандцы завоевывают еще и Южную Италию с Сицилией, где создают мощные довольно централизованные для своего времени герцогства и королевства, и тем самым окончательно ставят крест на эпохе викингов^[15].

И все это на фоне крайней феодальной раздробленности остальной Западной Европы! В том числе и экономической раздробленности – практически до натурального хозяйства чуть ли не в каждой деревушке бывшей Франкской империи^[16]. И в это же самое каролингское время в IX-X вв. усиливаются этногенетические процессы, завершившиеся возникновением целого спектра современных западноевропейских народов: французов, немцев, итальянцев и др.^[17] И возникшие в 843 г. на обломках империи Карла Великого новые Французское, Германское и Итальянское королевства тоже об этом – об интенсивном этногенезе, причем протекающем в условиях растущей социально-политической и торгово-экономической раздробленности во многих регионах Западной Европы. В результате всего этого нормандцы Южной Италии и Сицилии в конце XI в. уже выступили одними из лидеров общеевропейского крестоносного наступления на Ближний Восток...^[18]

Итак, становится понятным, что ответом, который осуществляли викинги своей агрессивной военно-торговой экспансией, начав его реакцией на экспансию христианского католического мира в лице Франкской империи на восток, а именно и конкретно – в сторону геополитически “скандинавских” территорий восточно-средиземноморского постосевого ответа вдоль восточноевропейских рек Балтийского бассейна, – являлся захват главной трассы западно-средиземноморского постосевого ответа, на которой покоилась вся мощь Франкской империи, в свою очередь первой начавшей угрожать восточной торговле скандинавов по трассам восточно-средиземноморского ответа.

Остается непонятным лишь один парадокс: почему, скандинавы, столь яростно вступившие в борьбу с наступающим католическим христианством в IX в., и по сути победоносно завершившие ее к середине XI в., сразу после этого, а то и несколько раньше, начинают принимать христиан-

^[14] Г. А. Острогорский “История Византийского...”, М.: Сибирская Благозвонница, 2011, стр. 294-296, 301-302, 305-306, 309-310.

^[15] С. П. Карпов (ред.) “История Средних...”, стр. 208; Д. Норвич “Нормандцы в Сицилии. Второе нормандское завоевание. 1016-1130”, М.: ЗЛЮ Центрполиграф, 2005.

^[16] С. П. Карпов (ред.) “История Средних...”, стр. 124-127.

^[17] А. П. Левандовский “Франкская империя...”, стр. 212-213.

^[18] Д. Норвич “Нормандцы в Сицилии...”, стр. 132-133.

ство в самых разных западноевропейских регионах и даже в самой Скандинавии?

С другой стороны, если постосевым ответом викингов, их главной целью, и в самом деле являлось взятие под свой контроль главной трассы западно-средиземноморского постосевого ответа на участке между Англией и Южной Италией, являвшегося воднотранспортным стержнем всего западного Христианского мира, и Франкской империи Карла в том числе, то естественно предположить, что они своими походами, а еще больше торговыми экспедициями (впрочем, одно не очень-то отличалось от другого), первым делом попытались бы нарушить или хотя бы как-то перенаправить многовековые торговые связи западно-средиземноморского ответа на этой трассе. Собственно говоря, именно это и наблюдается почти на всем протяжении IX-X вв. экспансии викингов.

Однако ближе к концу периода экспансии конечная цель всего движения викингов, поначалу столь понятная и прозрачная в терминах воднотранспортной постосевой инхроники, вполне могла измениться, причем самым коренным образом. И произошло это, скорее всего, где-то во второй половине X в. или даже в самом конце этого столетия, когда осевшие в Нормандии в 911 г. и с тех пор интенсивно смешивавшиеся с окружающим местным населением норманны^[19] уже давно перешли в христианство, а скандинавские страны в это же время только-только приближались к массовой христианизации населения. Но прежде чем делать какие-то скороспелые выводы следует разобраться, что именно происходило в это время (вторая половина X в.) с “восточной ветвью трансевропейской системы торговых связей” с северным полюсом в Скандинавии, поскольку в рамках одной лишь Западной Европы, да и Северной тоже, многие европейские коллизии просто не понять.

С точки зрения восточной торговли скандинавов и союзных им балто-славянских и финно-угорских народов во второй половине X в. практически подряд произошли два весьма важных примечательных события: первое – падение Халифата Аббасидов в 945 г. в результате завоевания Багдада иранскими горцами-дейлемитами, выходцами с берегов Южного Каспия; второе – разгром Булгара и Хазарии походом великого киевского князя Святослава Игоревича на Волгу в 965 г., затем продолженным рядом походов его сын Владимира Святославовича (крестившего Русь, прозываемого также и Владимиром Святым, и Владимиром Великим) в те же самые земли в конце X в., имевших своим следствием включение в сферу древнерусского влияния некоторых территорий на Средней и Нижней Волге^[20].

О первом событии уже не раз говорилось выше, единственное, что стоит добавить, так это вполне возможный небольшой спад торговли по Волжскому пути еще с 945 г. в связи с падением Халифата и вызванным им сужением рынка сбыта самых дорогостоящих северных товаров, скажем, таких как пушнина. Однако много большее воздействие на товарооборот Волжского торгового пути было оказано походами киевских князей на Волгу во второй половине X в. и нанесенными ими ударами по Хазарии и Булгару – ведущим акторам волжской торговли и, соответственно, главным конкурентам древнерусской торговле на Пути из Варяг в Греки, – что не могло не сказаться, причем самым кардинальным образом, на системе торговых связей по “трансконтинентальным восточноевропейским водным пу-

^[19] С. П. Карпов (ред.) “История Средних...”, стр. 208.

^[20] М. И. Артамонов “История хазар”, Л.: Издательство Государственного Эрмитажа, 1962, стр. 426-437.

тям и связанным с ними центрам” с полюсом в Скандинавии, а значит, и на всей экономике скандинавских стран:

“Время ее [«старейшего торгового города» Бирки на оз. Мелар (совр. Меларен) в Швеции – **А.З.**] становления и расцвета, до середины X в., определяется в первую очередь движением арабского серебра и сложением трансбалтийской системы торговых путей и центров IX – первой половины X в. Упадок Бирки вполне определенно можно связывать с походами киевского князя Святослава и его дружин в 964-967 гг. на Волжскую Булгарию и Хазарию, с разгромом Булгара, Итиля на Волге и захватом Саркела на Дону (Лебедев 1985: 256-257). Вслед за этими и дальнейшими походами Святослава происходит глубокая переориентация торговых потоков, с Волжского пути – на Днепровско-Волховский, а одновременно – быстрое вытеснение деградировавшего дирхема – более легким, но высококачественным германским денарием из серебра Раммельсбергских рудников (с 964 г.)”^[21]

“...ведущие «вики» – Бирка, Хедебю, Скирингсаль и др. – не пережили поздней эпохи викингов, приходя в упадок вскоре (и в связи) по прекращении поступления арабского серебра. Следует отметить, что, наряду с экономическими факторами изменения «серебряного потока», его переориентация с восточных – на западные (германские и затем английские) монетные ресурсы происходит после походов Святослава 964-965 гг. на Волжский путь, разгрома ведущих центров восточной торговли в Булгаре и Итиле и установления безусловного доминирования Волховско-Днепровского Пути из Варяг в Греки”^[22]

“Видимо, уже в 830-х-860-х гг. наметилось разделение функций **Волжской** и **Волховско-Днепровской** магистралей. Первая из них специализируется как *торговый путь*; вторая — как путь *военно-политический*, служивший целям формирующегося Древнерусского государства. Это соотношение было нарушено в последней трети X в., когда после походов Святослава Волжская магистраль приходит в упадок, и ведущей коммуникацией Восточной Европы становится Днепровский путь. Начальный этап его формирования относится к 780-810-м гг., а окончательно сложился он, видимо, между 825-839 гг. (Lebedev 1980: 101; Нефедов 2002: 101-106). **Петергофский клад**, в свете последних исследований, не только документирует эту дату «прямых контактов» на всех узловых отрезках и направлениях Пути из Варяг в Греки. *Семиотика* петергофских граффити – в истоке особой, рождавшейся на этом пути, *знаковой системы* «дружинной культуры»”^[23]

Правда, с утверждением, что Путь из Варяг в Греки (Волховско-Днепровский) специализировался в основном в военно-политической сфере, а Волжский путь – исключительно на торговле, вряд ли можно согласиться, иначе трудно было бы объяснить мотивацию киевских князей, столь упорно пытавшихся взять под контроль Волжский путь, разве что привлечением национально-освободительного движения против засилья хазар и прочими подобными чисто гипотетическими реалиями. А как тогда быть с тем, что Святослав первым делом двинул свое войско на Булгар и только потом в Хазарию? Ах да – военно-политическая стратегия... Но ведь эту же стратегию продолжили и потомки Святослава, когда от Хазарии остались одни воспоминания

И совсем другое дело устойчивая торговая мотивация. Да, в постосековой инхронизации торговые пути в Европе, и не только, как составные части и продолжения Великого Шелкового Пути во многом совпадали с водно-транспортными магистральями, однако одной чисто воднотранспортной мотивации явно недостаточно для понимания настоячивых походов Святослава и других киевских князей именно на волжские территории. В то время как в торговой сфере Волжский путь еще задолго до Святослава неизбежно

^[21] Г. С. Лебедев “Эпоха викингов в Северной Европе...”, стр. 256.

^[22] Там же, стр. 554.

^[23] Там же, стр. 550.

должен был войти в жесткую конкуренцию с Путем из Варяг в Греки в деле торговли Скандобалтики с Ближним Востоком, – особенно в свете высканзанного выше тезиса, что дружины викингов-варягов примерно в равной степени занимались как военными набегами, так и торговлей.

Итак, причинную цепь событий от экспансии викингов и “языческой реакции” в Скандинавии в IX-X вв. до начала вступления скандинавских стран в Христианский католический мир на границе тысячелетий, т.е. две прямо противоположные геополитики с начавшимся в середине X в. переходом от первой ко второй, можно представить следующим образом:

1. Еще с 1945 г. возможен и довольно вероятен некоторый спад торговли по Волжскому пути в связи с падением Халифата Аббасидов, чем не преминули воспользоваться великие киевские князья для дальнейшего ослабления своих волжских торговых конкурентов (Булгар и Хазарию) серией походов на Волгу, начиная с 1965 г., которые в итоге нанесли серьезный ущерб волжской торговле.

2. Разгром ведущих центров восточной торговли в Булгаре и Хазарии во второй половине X в. и последующий крах волжской ветви трансъевропейской системы торговых связей с полюсом в Скандинавии неизбежно вели к серьезному кризису всей скандинавской экономики, восточная торговля которой в равной мере опиралась на два воднотранспортных торговых маршрута: Волжский и из Варяг в Греки, т.е. восточно-средиземноморский.

3. Данный экономический кризис Скандобалтики способствовал полной отмене прежнего скандинавского воднотранспортного постосевого ответа и связанной с ним геополитики скандинавов, а именно: “языческая реакция” плюс военно-торговая экспансия на христианскую Европу с ее стержневым западно-средиземноморским постосевым ответом, поскольку прежний скандинавский ответ, уже не мог в полной мере и объеме опираться на восточную часть скандобалтийской торгово-экономической системы, что неминуемо рано или поздно отозвалось бы поглощением скандинавских стран католической Европой, причем не в далеком-предалеком инхроническом будущем, а в самом что ни на есть ближайшем будущем, почти в настоящем. За отменой прежнего ответа сразу последовало формирование (точнее, все это происходило поэтапно параллельно и одновременно) совершенно другого прямо противоположного ответа, больше соответствующего новой экономической реальности. Императив нового ответа был крайне прост, действен и весьма распространен: не имеешь возможности противостоять каким-то препятствующим тебе и твоим планам движениям, веяниям, обстоятельствам... – возглавь их.

4. Суть нового воднотранспортного постосевого ответа скандинавов можно сформулировать примерно так. Скандинавия оказалась лишенной около половины своей восточной торговли, да и в оставшейся части основной участок Пути из Варяг в Греки от Новгорода до Киева (в свою очередь составляющий всего лишь часть более протяженного восточно-средиземноморского постосевого маршрута, который южнее проходил по территориям Византия и Халифата) уже находился под контролем Древнерусского государства^[24]. И сей ущерб надо было как-то возмещать, пустоту чем-то заполнять. Вспомним, что скандинавы набегами викингов уже почти два столетия плотно взаимодействовали с западно-средиземноморским ответом христианской Западной Европы – то ли взаимодействовали, то ли раз-

^[24] Там же, стр. 385.

рушали его, вернее, хватало и того и другого... Плюс выходом в 985-995 гг.^[25] из Гренландии на североамериканские территории (Винланд) скандинавы в каком-то смысле даже вошли в конкуренцию с пока что всего лишь потенциальным атлантическим ответом западных европейцев. Потом, правда, отказались от этой попытки – видимо их новый воднотранспортный постосевоый ответ не подразумевал таких преждевременных кульбитов.

Таким образом, новый ответ скандинавов, перенося акцент с ускользающей от них восточной торговли на западную, в основном опирался на уже имеющийся у них богатый западно-средиземноморский опыт: начать расселяться по критически важным регионам западно-средиземноморского маршрута данного постосевого ответа в Англии и Южной Италии, и тем самым добровольно влиться в Христианский мир Западной Европы, не дожидаясь, когда за ними “придут”, а в некоторых вопросах (например, крестовые походы) так и возглавить его. Тем более что стремление христианства, как и любой другой мировой религии в Западной Евразии, охватить собой как можно больше воднотранспортных постосевых маршрутов соответствовало и целям самих скандинавов. А здесь, надо полагать, сполна была задействована практика нормандцев в Северной Франции, которые уже много десятилетий перемешивались с местным французским населением, перенимая от него папское христианство, и в то же время сохраняя и некоторую свою самобытность. Вот почему именно на долю нормандцев выпала честь завоевания Англии и Южной Италии с Сицилией, пока сами скандинавские страны одна за другой принимали христианство западного толка: Дания – в середине X в. (что любопытно – “де юре” Дания крестилась практически одновременно с началом похода Святослава на Волгу...), Норвегия – около 1030 г., Швеция – в XI в.^[26] Но это было только начало, так, например, в Швеции христианизация растянулась аж до XIII в.^[27] Может, потому что шведы намного больше, чем остальные скандинавы, взаимодействовала с Путем из Варяг в Греки? А значит, и с Киевской Русью, которая также приняла христианство примерно в это же время начала христианизации Скандинавии, а именно в конце X в., только православного толка из Византии, при том что разногласия византийского православия с римским католичеством в вопросах веры и обрядности возникали все чаще и чаще. И это плодотворное торговое взаимодействие шведов с Путем из Варяг в Греки еще долго удерживало широкие народные массы шведского населения от скоропалительного решения безоглядно кинуться в объятья западным христианам – ведь у них были и другие варианты: одну лишь Швецию из всех прочих скандинавских стран восточно-средиземноморский воднотранспортный торговый маршрут уж как-нибудь да прокормил бы, причем очень даже неплохо прокормил бы... Ведь, даже когда шведы практически уже не контролировали Путь из Варяг в Греки, а остальная Скандинавия со всеми своими западноевропейскими анклавами (в основном нормандского происхождения) всюю тяготела к постосевоу западно-средиземноморскому ответу, конечным-то потребителем многих южных и восточных товаров по-прежнему и достаточно долгое время все еще оставался европейский Север в общем и целом, и Швеция в частности. И только в XII в. эта ситуация начинает взламываться крестоносным наступлением Западной Европы на

^[25] Там же, стр. 50.

^[26] Н. В. Джежора “Христианизация скандинавского региона” в сборнике В. В. Старостенко, О. В. Дьяченко (ред.) “Религия и общество”, Могилёв: Могилёвский государственный университет, 2018, стр. 70-72, на стр. 72.

^[27] С. П. Карпов (ред.) “История Средних...”, стр. 212-213.

Ближний Восток и его финальным аккордом в начале XIII в. – разгромом и выводом на полвека из “игры” Византийской империи после четвертого крестового похода...

Итак, с новым – католическим в свое основе – постосевым ответом Скандинавии тоже вроде как все более или менее понятно. Остается разобраться лишь с тем, что легло в постосевую основу Древнерусского государства, Киевской Руси, а затем привело Русь к византийскому православию. Вот этими вопросами мы прямо сейчас и займемся.

Вопрос происхождения Руси изначально, еще с XVIII в., был серьезно отягощен непрекращающейся борьбой двух мнений, двух точек зрения, двух позиций. Ежели совсем уж точно – двух лагерей, не научных школ, а именно лагерей, как это совершенно верно подмечено в приведенной ниже цитате:

“...на протяжении XVIII, XIX и XX вв. русско-скандинавские отношения IX-XI вв. были предметом острейшей дискуссии между «норманистами» и «антинорманистами», причем борьба этих научных *лагерей* [*курсив мой* – **А.З.**], зародившихся еще в дореволюционной России и восходивших к полемике Михаила Ломоносова с «немцами-академиками» времен императрицы Елизаветы Петровны, в XIX столетии постепенно утратила национально-патриотическую окраску. С точки зрения советских историков, «норманизм» и «антинорманизм» развивались в то время как «течения внутри буржуазной науки». Однако после 1917 года, и особенно по мере «построения социализма в одной стране – СССР», ориентированная на давнее воздействие Европы на Россию «норманская теория» приобретала политическую окраску и, соответственно, антимарксистскую направленность, а в крайних своих проявлениях часто носила идеологизированный и откровенно антисоветский и антирусский характер (достаточно вспомнить «норманистские» брошюры по русской истории в ранцах солдат гитлеровского вермахта). Это вызывало и вполне адекватную в таком отношении, и столь же далекую от целей и методов научного исторического исследования реакцию оппонентов-«антинорманистов» (причем не обязательно советских, но и не менее идеологизированных зарубежных российских «почвенников» из эмигрантской науки)”^[28]

Или чуть более конкретно об “антинорманистских” и “норманистских” позициях:

“...наибольший интерес для российских исследователей представлял, естественно, процесс образования классового общества и государства у восточных славян. Киевская Русь, Древнерусское государство IX-XII вв. – закономерный результат внутреннего социально-экономического развития восточнославянского общества. Этот фундаментальный вывод был дополнен достаточно убедительными доказательствами несостоятельности теорий «норманского завоевания» или «норманской колонизации» Древней Руси, выдвигавшихся зарубежными норманистами в 1910-1950-х гг.”^[29]

“Археологи, прежде всего шведские, еще с начала XX в. затратили значительные усилия на разработку так называемого «варяжского вопроса», который рассматривался в русле «норманской теории» образования Древнерусского государства (Arne 1914; Nerman 1929; Arbman 1955; Портан 1982:99-101). Согласно экстремальным версиям этой теории, основанным на тенденциозном толковании русских летописей, Киевская Русь была создана шведскими викингами, в середине IX в. силой оружия подчинившими восточнославянские племена и затем составившими господствующий класс древнерусского общества во главе с князьями Рюриковичами.

Подобная картина, напоминая, например, «норманское завоевание» Англии офранцузенными потомками викингов в XI в. (1066 г.), однако, совершенно не соответствовала ни древнерусским, ни скандинавским, ни, в сравнении с ними, английским письмен-

^[28] Г. С. Лебедев “Эпоха викингов в Северной Европе...”, стр. 10.

^[29] Там же, стр.11.

ным источникам, летописям и хроникам, средневековым юридическим актам, да и историческим воспоминаниям народов”^[30]

Крайние радикальные точки зрения отбросим сразу: относительно завоевательных норманистских построений это уже сделал сам Г. С. Лебедев в своей фундаментальной и в то же время энциклопедической монографии (см. вышеприведенную цитату), на богатейшую фактографию которой мы в чаще всего опираемся в нашем изучении варяжско-викингских вопросов. Что касается исключительно восточнославянского происхождения Древней Руси “антинорманистов”, то там возражения возникают прямо на концептуальном уровне – как так получается, что Скандинавия викинг-варягов и Русь зародились и поднимались практически одновременно в IX (или даже чуть раньше) - XI вв., причем совершенно независимо друг от друга, без каких-либо причинных влияний друг на друга или общего источника развития? Не говоря уж о многочисленных археологических и иных свидетельствах прямого культурного влияния скандинавов на восточнославянское (отнесем к восточным славянам и ильменских славян, пусть даже здесь не все так однозначно) древнерусское общество^[31]...

В то время как в рамках инхронического подхода трудно представить подобное “норманистско-антинорманистское” противостояние, поскольку в описанных выше условиях становится неизбежным дрейф скандинавского ответа викинг-варягов на восточнославянские ильменские племена близ Старой Ладogi и далее на юг к проживающим южнее другим восточным славянам. Причем дрейф чрезвычайно мощный и действенный, так, что те славяне, которые более всего подпали под данный скандинавский ответ (в инхронической терминологии: сильные инхроники данного ответа), перенимали его вместе со всей вмещающей культурной варяжской скандинавской аурой – от имен, языка и религии до мельчайших бытовых, воинских и иных прочих производственных и экономических традиций, привычек и навыков. При том что большинство славян все же отвергало этот варяжский ответ с его “дружинной” культурой, сохраняя свое прежнее культурное своеобразие, и продолжая, как и раньше молиться своим богам, взращивать хлеб и пасти скот.

В результате в славянской среде также начало складываться такое же разделение на крестьян-бондов и воинов-торговцев викинг-варягов, как и в Скандинавии, только в еще более дифференцированной поляризованной форме, поскольку славянские “бонды” принадлежали существенно другой культурной среде, чем славянские “викинги” (точнее, “варяги”), которые целиком и полностью перенимали инокультурную скандинавскую среду. И тогда становится понятным наш вышеприведенный тезис о непротиворечивости приведенной модели археологическим данным, поскольку при столь мощном и в то же время крайне избирательном на уровне даже не сообществ, а отдельных личностей, дрейфе скандинавского “дружинного” ответа славянские “варяги” становились практически неотличимы на археологическом уровне от скандинавских викинг-варягов. И похоже на то, что именно этих новообращенных новоявленных славянских “варягов”, остальные славяне прозвали *руссами* (возможно, избрав для этого какой-то термин скандинавского

^[30] Там же, стр.10.

^[31] См. третью часть все той же монографии Лебедева “III. ВАРЯГИ НА РУСИ” (стр. 410-576), в которой описание подобных следов скандинавского культурного влияния на Русь, а также преломление всего этого в древнерусской и скандинавской летописной и мифологической традициях разбросаны чуть ли не по всей части.

происхождения, хотя возможна и местная славянская основа), а следом руссами их принялись именовать и сами скандинавы. Хотя не исключен и такой вариант, в котором первыми славянских “варягов” называли *руссами* именно скандинавы.

Ну, а Рюрик в нашей инхронической интерпретации самым естественным образом выступает в роли предводителя одной из таких славянских по этническому происхождению дружин руссов, которые полностью перешли в поле скандинавской “дружинной” культуры, взяв на вооружение разновидность (или лишь часть) постосевого ответа викингов-варягов, а именно – построение воднотранспортного Пути из Варяг в Греки. И если для ответа викингов была характерна весьма агрессивная экспансия преимущественно в западном направлении, то ответ скандинавов-варягов (как их называли славяне), думается, в основном шведской принадлежности и руссов (этнических славян, тотально перенявших “дружинную” культуру скандинавов) подразумевал развитие в южном направлении, причем с большим перевесом русской составляющей над шведской и в значительно большей мере торговыми, чем военными методами, хотя насильственное обложение данью восточнославянского (и не только) населения, массово не принимавшего постосевой ответ Путь из Варяг в Греки (слабые инхроники данного ответа), разумеется, также имело место.

И вот такая нехитрая, я даже сказал бы, простенькая, версия на фоне инхронических методов способна удовлетворить все и всяческие требования имеющихся исторических (частично, так как за некоторыми моментами письменных источников зачастую кроются далекие от исторической действительности пассажи) и археологических свидетельств в непростом вопросе происхождения Руси.

Наверное, стоит рассмотреть еще более незатейливый вариант – предположим, что скандинавские викинги-варяги относились к населению европейского *Barbaricum*’а совсем иначе, чем они же с какого-то этапа, а именно – после насильственной христианизации германских земель империей Карла Великого, – стали относиться к населению цивилизованного Христианского мира Западной Европы. И вся предложенная выше схема тогда вполне могла бы работать исключительно на скандинавских (чаще всего шведских) военно-торговых дружинах. В таких условиях этнокультурная принадлежность, как правило, отходит на дальний план, а все решает бы цивилизационная принадлежность населения. И поэтому на западе Европы – завоевания и погромы цивилизованных стран, а на ее востоке – взаимопонимание и сотрудничество (естественно, в каких-то разумных пределах, не без этого...) близких друг другу во многом еще родоплеменных сообществ.

Вроде бы все сходится, правда, за исключением одного малюсенького “но” – и в этом редуцированном случае пришлось бы учитывать неизбежное распространение-дрейф “дружинного” ответа или в более привычных для историков-археологов терминах – сильное скандинавское культурное влияние на восточных славян или какую-то их часть. И тогда... И тогда мы сразу скатываемся к первому варианту. Не в столь безапелляционном его виде, конечно, а в более мягком, срединном исполнении, что ли... Таким образом, мы видим, что оба варианта отмечают крайние случаи, и, по все видимости, решение следует искать где-то между ними, варьируя степень участия восточнославянского населения в скандинавском дружинном движении, возможно, разным для разных племен – к примеру, в зависимости от их географического положения.

И еще. Понятно, что дрейф скандинавской “дружинной” культуры происходил не только на восточных славян, но и на славян западных, прибалтийских и даже южных, а тем более на балтийское и финно-угорское население Скандобалтики. Тем не менее только восточные славяне смогли на основе этого дующего из Скандинавии ветра “дружинного” ответа создать свое мощное государство, ставшего в один ряд с развитыми и развивающимся далее скандинавскими странами, а также с волжскими Булгарией и Хазарией. По всей видимости, основную и определяющую роль здесь сыграла геополитика, точнее, геоэкономика – многие места проживания восточных славян располагались вблизи ключевых участков будущего Пути из Варяг в Греки, и это стало главной опорой древнерусского “дружинного” ответа как особого варианта-ответвления скандинавского “дружинного” ответа викингов-варягов, что, собственно, и легло в основание будущей древнерусской государственности.

А теперь... Теперь же незамедлительно переходим к Заключению настоящей – постосевой – Хронографии.

Заключение

В итоге мы рассмотрели инхронические и этнокультурные обстоятельства в наиболее значимых с точки зрения всемирно-исторического развития социумах, расположенных вокруг Халифата (и не только) во времена его существования в VII-X вв. В первой половине следующего II тыс. произошло еще немало других явлений взрывоподобного характера, подобных внезапной экспансии арабов или норманнов, такие как неожиданно быстрое завоевание среднеазиатскими турками-сельджуков всего Ближнего Востока, крестовые походы европейцев в том же ближневосточном направлении и колоссальное по территориальным масштабам монгольское наступление и на Китай и в Западную Евразию.

Однако если экспансия населения Аравии или викингов-варягов целиком и полностью объяснимы одними лишь постосевыми инхроническими эффектами, то с упомянутыми “взрывами” не все так “просто”. Некоторые социально-культурные и политико-экономические явления, как первой половины II тыс., так и второй, при учете одной лишь постосевой мотивации никак не объяснимы: это и эпоха Возрождения в Западной Европе, и последующий после нее научно-технический взлет европейцев, и перипетии протекания Столетней войны,.. которые просматриваются при самом первом беглом взгляде, но могут всплыть и другие примеры. Все это недвусмысленно свидетельствует (особенно научно-технический подъем Европы, родственной оному в античные времена все той же западноевропейской цивилизации на стыке двух инхрозон: осевой и постосевой) о прохождении инхроимпульса новой инхроники, скорее всего, где-то в первой половине II тыс. Поэтому для того, чтобы правильно вычленить, какие элементы функционирования вышеуказанных “взрывов” (которые могут иметь как чисто инхроническую природу, так и быть обусловленными обычными причинно-следственным триггерами, или сами выступать в роли таких триггеров) следует отнести к постосевой инхронике, а какие к новой, мы вынуждены посвятить данным “взрывам” этюды перенести в следующую – последнюю – Хронографию №6.

Среди же описанных в данной постосевой Хронографии №5 новых социопсихических инхронических механизмов несомненно смешанной осевой-постосевой природы прежде всего и в первую очередь следует отметить явление рефлексии, которую нам удалось обнаружить и исследовать, оттолкнувшись вначале от чисто этической проблемы добра и зла в раннем зороастризме, а затем от описания данного явления наравне и в связи с культурным феноменом “осевого времени” в трудах философа экзистенциалиста К. Ясперса. Однако не менее интересно еще и явление удлинения постосевой инхрозоны в связи с порожденными механизмами рефлексии полнейшим “выгоранием” соответствующих (а именно – постосевых) символов в архетипике носителей постосевой инхроники в периоде завершения осевой инхрозоны, указывающее на то, что удлинение инхрозоны возможно не только в результате прохождения инхроимпульса новой инхроники, как это было в случае с осевой инхрозоной, но и как следствие резкого спада инхроэнергетики в процессе развития и углубления рефлексии.

На том, пожалуй, и прервемся, остальное – в этюдах. А нас уже ждет не дождется самый последний том “Иныхроники цивилизации” с заключительной третьей частью второй книги и небольшой последней Хронографией №6 в ней, доводящей хронологическую канву нашего повествования до дней нынешних. Как видим: все – самое последнее и заключительное...

Литература

А. Авнер, Н. Прат (ред.) "Краткая еврейская энциклопедия", том 10, Иерусалим: Общество по исследованию еврейских общин, Еврейский университет в Иерусалиме, 2001.

А. Г. Алексанян "Даосизм" в С. Л. Тихвинский (ред.) "История Китая с древнейших времен", Т. II, Л. С. Переломов (ред.) "Эпоха Чжэньго...", стр. 116–137.

Ю. В. Андреев "От Евразии к Европе. Крит и Эгейский мир в эпоху бронзы и раннего железа (III – начало I тыс. до н. э.)", СПб.: Издательство «Дмитрий Буланин», 2002.

М. И. Артамонов "История хазар", Л.: Издательство Государственного Эрмитажа, 1962.

"Атлас мира", М.: Комитет геодезии и картографии СССР, 1991.

"Атлас мира", М.: ПКО «Картография», Издательство Оникс, 2010.

Е. В. Афонасин "Античный гностицизм. Фрагменты и свидетельства", СПб.: «Издательство Олега Абышко», 2002.

А. С. Балахванцев "Политическая история ранней Парфии", М.: Институт востоковедения РАН, 2017.

В. В. Бартольд "Академик В. В. Бартольд. Сочинения", Том IV "Работы по истории ислама и арабского халифата", М.: Издательство «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1966.

В. В. Бартольд "К истории Саффаринов" в "Академик В. В. Бартольд. Сочинения", Том VII "Работы по исторической географии и истории Ирана", М.: Издательство «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1971, стр. 337–353

С. С. Березанская, В. В. Отрощенко, Н. Н. Чередниченко, И. Н. Шарфутдинова "Культуры эпохи бронзы на территории Украины", Киев: Наукова думка, 1986.

М. Бойс "Зороастрийцы: Верования и обычаи", 4-е изд., испр. и доп., СПб.: Азбука-классика, Петербургское Востоковедение, 2003.

Л. А. Боровкова "Кушанское царство (по древним китайским источникам)", М.: Институт востоковедения РАН, 2005.

Б. М. Бонгард-Левин (ред.) "История Древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации", Часть вторая "Передняя Азия. Египет", М.: Наука, 1988.

Г. М. Бонгард-Левин, В. А. Гаиров, Г. А. Кошеленко "Распространение христианства на Востоке (В свете исследований памятника Дура-Европос)" в ВДИ, №3, 2005, стр. 58-72.

О. Г. Большаков "История Халифата. Том 1. Ислам в Аравии (570-633 гг.)", М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2000.

О. Г. Большаков "История Халифата. Том 2. Эпоха великих завоеваний (633-656)", М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2002.

О. Г. Большаков "История Халифата. Том 3. Между двух гражданских войн (656-696)", М.: Издательская фирма «Восточная литература», 1998.

О. Г. Большаков "История Халифата. Том 4. Апогей и падение арабского Халифата (695-750)", М.: Восточная литература РАН, 2010

Э. Брейе "Философия Плотина", СПб.: «Владимир Даль», 2012.

Ю. М. Бровендер "Металлопроизводство покровско-мосоловской срубной культуры эпохи поздней бронзы Доно-Донецкого региона", ВІСНИК СХІДНОУКРАЇНСЬКОГО НАЦІОНАЛЬНОГО УНІВЕРСИТЕТУ імені Володимира Даля, № 5 (246), 2018, стр. 11–21.

В. П. Буданова "Варварский мир эпохи Великого переселения народов", М.: Наука, 2000.

В. П. Буданова, А. А. Горский, И. Е. Ермолова "Великое переселение народов: Этнополитические и социальные аспекты ", СПб.: Алетейя, 2011.

А. А. Васильев "История Византийской империи", Том 1, "Время до Крестовых походов (до 1081 г.)", СПб.: Издательство «АЛЕТЕЙЯ» , 1998.

Л. С. Васильев "Древний Китай", Том 1 "Предыстория, Шан-Инь, Западное Чжоу (до VIII в. до н.э.)", М.: «Восточная литература» РАН, 1995.

В. Л. Вихнович "Иудаизм", СПб: Питер, 2006.

Г. Виденгрэн "Мани и манихейство", СПб.: «Евразия», 2001.

А. В. Волков "Загадки Финикии", М.: Вече, 2004.

А. В. Волкова, В. В. Горовой "Истоки интерлокальности кочевнической цивилизации скифов и взаимовлияние культурных элементов на территории Северного Причерноморья в раннескифский период", Вестник Карагандинского университета, Серия: История, философия, право, № 3(39), 2005, стр. 5–11.

А. Воронков “Гидронимы и этнонимы – свидетели миграций народов моря. Тевкры, сикелы и сарды”, LAP LAMBERT Academic Publishing, 2012.

Геродиан “История императорской власти после Марка в восьми книгах”, Перевод (вместе с шестью своими учениками) и общая редакция А. И. Доватура, СПб.: Издательство «Алетейя», 1995.

Геродот “История. В девяти книгах”, Перевод и примечания. А. Г. Стратановского, Л.: «Наука», 1972.

Я. П. Гершкович “Этнокультурные связи в эпоху поздней бронзы в свете хронологического соотношения памятников (Нижнее Поднепровье – Северо-Восточное Приазовье – Подонцовье)”, Археологический альманах, № 7, 1998, стр. 61–92.

Л. А. Гиндин, В. Л. Цымбурский “Гомер и история Восточного Средиземноморья”, М.: Восточная литература РАН, 1996.

В. С. Горбунов “Срубная общность Восточной Европы”, Уфа: изд-во БГПУ, 2006.

Л. Н. Гумилев “История народа хунну”, М.: Астрель, 2010.

Э. А. Грантовский “Иран и иранцы до Ахеменидов”, М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1998.

Э. А. Грантовский “Ранняя история иранских племен Передней Азии”, Издание второе, исправленное и дополненное, М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2007

С. А. Григорьев “Металлургическое производство в Северной Евразии в эпоху бронзы”, Челябинск: Цицеро, 2013.

Л. Н. Гумилев “Конец и вновь начало”, М.: Рольф, 2000.

Л. Н. Гумилев “Древние тюрки”, М.: Рольф, 2002.

Л. Н. Гумилев “История народа хунну”, М.: Астрель, 2010.

М. А. Дандамаев, В. Г. Луконин “Культура и экономика древнего Ирана”, М.: Издательство «Наука», 1980.

А. Х. Дани, Ж.-П. Моэн (ред) “История человечества. Том II. III тысячелетие до н.э – VII век до н.э.”, Издательский дом МАГИСТР-ПРЕСС, 2003.

С. Б. Дашков “Цари царей – Сасаниды. Иран III–VII вв. в легендах, исторических хрониках и современных исследованиях”, М.: СМИ-АЗИЯ, 2008.

Н. В. Джежора "Христианизация скандинавского региона" в сборнике В. В. Старостенко, О. В. Дьяченко (ред.) "Религия и общество", Могилёв: Могилёвский государственный университет, 2018, стр. 70-72.

Н. К. Дибвойз "Политическая история Парфии", СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2008.

Г.-И. Диснер "Королевство вандалов. Взлет и падение", СПб.: Евразия, 2002.

Е. С. Докашева "Великий шелковый путь. Полная история", «Издательство АСТ», 2020.

И. Г. Дройзен "История эллинизма" в трех томах, М.: Академический Проект, Киров: Константа, 2011.

И. М. Дьяконов "История Мидии от древнейших времен до конца IV века до н.э.", М.,Л.: Издательство АН СССР, 1956.

И. М. Дьяконов "Восточный Иран до Кира (К возможности новых постановок вопроса)" в Б. Г. Гафуров (ред.) "История иранского государства и культуры", М.: Наука, 1971, стр. 122-154.

И. М. Дьяконов (ред.) "История древнего мира", Книга 1 "Ранняя древность", Издание 3-е исправленное и дополненное, М.: Главная редакция восточной литературы, 1989.

В. И. Завьялов, Н. Н. Терехова "К проблеме перехода от эпохи бронзы к эпохе железа (технологический аспект)", КСИА, Вып. 242, 2016, стр. 199–211.

А. Б. Егоров "Лекция 2. Римская республика с середины II в. до 31 г. до н.э." в В. Д. Неронова (ред.) "История древнего мира", Книга 3 "Упадок древних обществ", стр. 22–48

Е. М. Жуков (ред.) "Всемирная история в десяти томах", Том III, М.: Государственное издательство политической литературы, 1957.

Е. В. Зеймель, Г. Ф. Ильин "Лекция 12. Кушанское царство. Индия в начале I тыс. н.э." в В. Д. Неронова (ред.) "История древнего...", стр. 220–230.

А. И. Иванчик "Киммерийцы. Древневосточные цивилизации и степные кочевники в VIII–VII вв. до н. э.", М.: Институт всеобщей истории РАН, 1996.

А. И. Иванчик "Еще раз к дискуссии о киммерийцах и хронологии раннескифской культуры" в сборнике "«Terra Scythica»: Материалы международного симпозиума «Terra Scythica»", Новосибирск: Издательство Института археологии и этнографии СО РАН, 2011, стр. 64–76).

О. Ивик, В. Ключников "Гунны", М.: Ломоносовъ, 2015.

Г. Йонас "Гностицизм (Гностическая религия)", СПб.: Издательство «Лань», 1998.

Дж. А. Искендерли "Арабы-язычники периода джахилии и монотеизм" в сборнике "СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ВОСТОК: Проблемы историографии и источниковедения", Баку: ЭЛМ, 2015, стр. 87–125.

С. П. Карпов (ред.) "История Средних веков: в 2 томах", Том 1, 7-е издание, доработанное, М.: Издательство Московского университета, 2010.

С. Г. Карпюк "Климатический детерминизм и история климата в работах В. В. Клименко", ВДИ, №1, 2007, стр. 244–257.

Н. К. Качалова "Ранний горизонт срубных погребений Нижнего Поволжья", Советская археология, Вып. № 3, 1978, стр. 69–79.

С. И. Ковалев "История Рима", Новое издание, исправленное и дополненное под общей редакцией профессора Э. Д. Фролова, СПб.: ООО «Издательство «Полигон», 2002.

І. Ф. Ковальова, С. С. Волкобой "Маївський локальний варіант зрубної культури", Археологія, Вип. 20, 1976, стр. 3–22.

М. Колледж "Парфяне. Последователи пророка Заратустры", 2004.

Д. Коллис "Кельты: истоки, история, миф", М.: Вече, 2007.

С. Н. Коренюк "К вопросу о датировке начального этапа ананьинской культуры Волго-Камья", Известия Самарского научного центра РАН, т. 11, №2, 2009, стр. 265–270.

В. И. Клочко, В. Ю. Мурзин "О взаимодействии местных и привнесённых элементов скифской культуры" в сборнике "Скифы Северного Причерноморья", Киев, 1987, стр. 12–19.

Н. Н. Крадин "Империя Хунну", Издание 2-е, переработанное и дополненное, М.: Логос, 2001.

В. И. Кузищин (ред.) "История Древней Греции", М.: Высшая школа, 1986.

Б. И. Кузнецов "Древний Иран и Тибет (История религии бон)", СПб.: Издательство «Евразия», 1998.

Н. В. Кулагина "Символ и символическое сознание", Культурно-историческая психология, № 1, 2006, стр. 3–10.

А. О. Куликов "Аравия как объект византийско-сасанидского соперничества в VI в.: пути и формы противостояния" в межвузовском сбор-

нике А. В. Гладышев (ред.) “История и историческая память”, Саратовский государственный университет, Вып. 17, 2018, стр. 15–26.

Е.Е. Кузьмина “В стране Кавата и Афрасиаба”, М.: Издательство «Наука», 1977.

Е. Е. Кузьмина “Арии – путь на юг”, М.: Летний сад, 2008.

Е. И. Кычанов, Л. С. Савицкий “Люди и боги Страны снегов. Очерк истории Тибета и его культуры”, М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1975.

Е. И. Кычанов, Б. Н. Мельниченко “История Тибета с древнейших времен до наших дней”, М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2005.

Ф. Кюмон “Восточные религии в римском язычестве”, СПб.: Издательская группа «Евразия», 2000.

Ф. Кюмон “Мистерии Митры”, СПб.: «Евразия», 2002

А. П. Левандовский “Франкская империя Карла Великого. «Евросоюз» Средневековья”, М.: Алгоритм, 2013.

П. Левек “Эллинистический мир”, М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1989, стр. 146-154.

В. А. Лопатин “Смеловский могильник: модель локального культурогенеза в степном Заволжье (середина II тыс. до н. э.)”, Саратов, 2009.

С. Я. Лурье “История Греции”, под. ред. Э. Д. Фролова, СПб.: Издательство СПбГУ, 1993.

И. П. Магидович, В. И. Магидович “Очерки историй географических открытий”, Т. 1, М.: Просвещение, 1982.

В. М. Майоров “Восстание «Желтых повязок» и падение династии Хань” в С. Л. Тихвинский (ред.) “История Китая с древнейших времен до начала XXI века в десяти томах”, Т. II, Л. С. Переломов (ред.) “Эпоха Чжэньго...”, стр. 256–257.

О. А. Максимова “Бытовые памятники срубной культурно-исторической общности бассейна Северского Донца в оценке украинских исследователей первого десятилетия XXI столетия”, Вестник ВГУ, Серия: история. политология. Социология, № 1, 2013, стр. 119–125.

А. Г. Малявкин “Борьба Тибета с Танским государством за Кашгарию”, Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1992.

В. М. Массон “Древнеземледельческая культура Маргианы”, Материалы и исследования по археологии СССР, № 73, М., Л.: Издательство АН СССР, 1959.

К. П. Матвеев “История ислама”, М.: АСТ: Восток – Запад, 2005.

С. В. Махортых “Киммерийцы и древний Восток”, ВДИ, № 2, 1998, стр. 95–104.

С. В. Махортых “Культура и история киммерийцев Северного Причерноморья”, докторская диссертация, Киев, 2008.

С. В. Махортых “Переход от заключительного периода эпохи поздней бронзы к раннему железному веку в Северном Причерноморье”, Российский археологический ежегодник, №2, 2012, стр. 276–286.

И. Н. Медведская “Периодизация скифской архаики и древний Восток”, Российская археология, №3, 1992, стр. 86–107.

И. Н. Медведская “Древний Иран накануне империй (IX—VI вв. до н. э.). История Мидийского царства”, СПб.: Петербургское Востоковедение, 2010.

Р. А. Мимоход “Радиоуглеродная хронология блока посткатакомбных культурных образований”, КСИА, Вып. 225, 2011, стр. 28–53.

Д. Е. Мишин “Хосров I Ануширван (531–579), его эпоха и его жизнеописание и поучение в истории Мискавейха”, М.: ИВ РАН, 2014.

В. И. Молодин, А. В. Епимахов, Ж. В. Марченко “Радиоуглеродная хронология культур эпохи бронзы Урала и юга Западной Сибири: принципы и подходы, достижения и проблемы”, Вестник НГУ, Серия: История, филология, Т. 13, Вып. 3: Археология и этнография, 2014.

Е. К. Молчанова “Парфянский язык”, в энциклопедическом издании В. С. Расторгуева (ред.) “Языки мира. Иранские языки. II. Северо-западные...”, стр. 13-27.

Т. Моммзен “История Рима”, в 4 томах, Том четвертый (кн. VIII продолжение), Ростов-на-Дону: «Феникс», М.: «Зевс», 1997.

А. Мюллер “История ислама: От доисламской истории арабов до падения династии Аббасидов”, М.: ООО «Издательство Астрель», ООО «Издательство АСТ», 2004.

А. И. Немировский “История раннего Рима и Италии. Возникновение классового общества и государства”, Воронеж: Издательство Воронежского Университета, 1962.

А. И. Немировский “Этруски. От мифа к истории”, М.: Наука, 1983.

- А. И. Немировский "Нить Ариадны. В лабиринтах археологии", М.: Вече, 2007.
- В. Д. Неронова (ред.) "История древнего мира", Книга 3 "Упадок древних обществ", Издание 3-е исправленное и дополненное, М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1989.
- Д. Норвич "Нормандцы в Сицилии. Второе нормандское завоевание. 1016-1130", М.: ЗЛО Центрполиграф, 2005.
- Г. А. Острогорский "История Византийского государства", М.: Сибирская Благозвонница, 2011.
- В. В. Отрощенко "К истории племен срубной общности" в А. Д. Пряхин, Ю. П. Матвеев, А. С. Саврасов, И. Е. Сафронов (ред.) "Археология восточноевропейской лесостепи: Доно-Донецкий регион в эпоху бронзы", Вып. 17, Воронеж: Воронежский государственный университет, 2003, стр. 68–96.
- С. В. Пахомов "Махаяна" в М. Т. Степанянц (ред.) "Философия буддизма: энциклопедия", М.: «Восточная литература», 2011, стр. 452-454.
- М. Б. Пиотровский "Южная Аравия в раннее средневековье", М.: Издательство «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1985.
- Н. В. Пигулевская "Византия и Иран на рубеже VI и VII веков", М., Л.: Издательство АН СССР, 1946,
- Н. Пигулевская "Византия на путях в Индию. Из истории торговли Византии с Востоком в IV-VI вв.", М., Л.: Издательство АН СССР, 1951.
- Г. Ф. Полякова "От микенских дворцов к полису" в Е. С. Голубцова (ред.) "Античная Греция", Том 1 "Становление и развитие полиса", М.: Издательство «Наука», 1983, стр. 89–127.
- В. В. Потапов "Кобяковские памятники в низовьях Дона: проблемы появления и исчезновения", Российский археологический ежегодник, № 2, 2012, стр. 287–308.
- И. В. Пьянков "Средняя Азия и Евразийская степь в древности", СПб.: Петербургское лингвистическое общество, 2013.
- В. С. Расторгуева (ред.) "Языки мира. Иранские языки. II. Северозападные иранские языки", М.: Индрик, 1999.
- И. В. Рак (ред.) "Авеста в русских переводах (1861—1996)", СПб.: Журнал «Нева», РХГИ, 1997.
- Дж. М. Рист "Плотин: путь к реальности", СПб.: «Издательство Олега Абышко», 2005.

М. Ростовцев “Общество и хозяйство в Римской империи”, Том 1, СПб.: “Наука”, 2000.

К. Рыжов “Мусульманский Восток VII – XV вв.”, М.: «Вече», 2005.

Д. Г. Савинов “Оленные камни в культуре кочевников Евразии”, СПб: СПбГУ, 1994.

А. В. Сафронов “Этнополитические процессы в Восточном Средиземноморье в конце XIII - начале XII вв. до н.э.”, автореферат кандидатской диссертации, Москва, 2005.

А. В. Сафронов “Очерки по истории Восточного Средиземноморья в XIV–XII вв. до н.э.”, Москва: Институт востоковедения РАН, 2018.

И. С. Свеницкая (ред.) “История древнего мира”, Книга 2 “Расцвет древних обществ”, Издание 3-е исправленное и дополненное, М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1989.

И. С. Свеницкая “Лекция 19. Эллинистическая культура” в И. С. Свеницкая (ред.) “История древнего мира”, Книга 2 “Расцвет древних обществ”, стр. 353–368.

В. И. Свержин “Все о парусных кораблях”, Вильнюс: UAB «Bestiary», СПб.: ООО «СЗКЭО», 2014

Л. М. Сверчков, Н. Бороффка “Период Яз-II: этапы и хронология”, Вестник археологии, антропологии и этнографии, № 1 (32), 2016.

А. В. Седов (ред.) “История Древнего Востока. От ранних государственных образований до древних империй”, М.: Восточная литература, 2004.

И. П. Сергеев “Римская Империя в III веке нашей эры. Проблемы социально-политической истории”, Харьков: «Майдан», 1999.

О. В. Сергеева “Анализ поселений эпохи поздней бронзы Нижнего Поволжья (типы, площадь, плотность заселения региона)” в В. А. Лопатин (ред.) “Археология Восточно-Европейской степи”, Вып. 5, Саратов: Научная книга, 2007, стр.119–136.

А. И. Сидоров “Плотин и гностики”, ВДИ, 1979, №1, стр.54–70.

Б. Я. Ставиский “Кушанская Бактрия. Проблемы истории и культуры”, М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1977.

М. Т. Степанянц (ред.) “Философия буддизма: энциклопедия”, М.: «Восточная литература», 2011.

Т. В. Степугина “Лекция 28. Расцвет рабовладельческого общества в Китае” в И. С. Свеницкая (ред.) “История древнего мира”, Книга 2 “Расцвет...”, стр. 491–516.

Е. Б. Смагина “Манихейство: по ранним источникам”, М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2011.

И. Р. Тантлевский “История и идеология Кумранской общины”, СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1994.

И. Р. Тантлевский “История Израиля и Иудеи до 70 г. н.э.”, СПб: Издательство РХГА, 2013.

А. И. Тереножкин “Киммерийцы”, Киев, Наукова думка, 1976.

А. А. Терентьев “Ваджраяна”, в М. Т. Степанянц (ред.) “Философия буддизма...”, стр. 197-200.

А. А. Терентьев “Тантры”, в М. Т. Степанянц (ред.) “Философия буддизма...”, стр. 672-674.

С. Л. Тихвинский (ред.) “История Китая с древнейших времен до начала XXI века в десяти томах”, Т. II, Л. С. Переломов (ред.) “Эпоха Чжаньго, Цинь и Хань (V в. до н.э. – III в. н.э.)”, М.: Наука – Восточная литература, 2016.

С. Л. Тихвинский (ред.) “История Китая с древнейших времен до начала XXI века в десяти томах”, Т. III, И. Ф. Попова, М. Е. Кравцова (ред.) “Троецарствие, Цзинь, Южные и Северные династии, Суй, Тан (220-907)”, М.: Институт восточных рукописей РАН, 2014.

М. К. Трофимова “Историко-философские вопросы гностицизма”, М.: Издательство «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1971.

М. К. Трофимова “Проблема гносиса в свете коптских рукописей первых веков нашей эры” в сборнике “Научные и вненаучные формы мышления”, М.: Институт философии РАН, 1996.

О. Н. Трубачев “Названия рек Правобережной Украины. Словообразование. Этимология. Этническая интерпретация” в Трубачев О. Н. “Труды по этимологии: Слово. История. Культура”, Том 4, М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009, стр. 381–694 (первое издание: О. Н. Трубачев “Названия рек Правобережной Украины: словообразование, этимология, этническая интерпретация”, М.: Наука, 1968).

Ф. И. Успенский “История Византийской империи”, Т. 1 Период I (до 527 г.). Период II (518–610 гг.), М.: ООО «Издательство Астрель», ООО «Издательство АСТ», 2001.

Ф. И. Успенский “История Византийской империи”, Т. 2, “Период III (610–716 гг.). Иконоборческий период (717–867 гг.)”, М.: ООО «Издательство Астрель», ООО «Издательство АСТ», 2001

С. Л. Утченко (ред.) “Всемирная история”, Том II, М.: Государственное издательство политической литературы, 1956.

Г. Л. Файзрахманов “Древние тюрки в Сибири и Центральной Азии”, Казань: Мастер Лайн, 2000.

И. М. Фильштинский “Халифат под властью Омейядов (661-750)”, М.: Северо-принт, 2005

И. М. Фильштинский “История арабов и Халифата (750-1517 гг.)”, М.: АСТ: Восток-Запад, 2006.

Р. Хенниг “Неведомые земли”, Том. 1, М.: Издательство иностранной литературы, 1961.

А. Л. Хосроев “История манихейства (Prolegomena)”, СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2007.

А. Д. Цендина “...и страна зовется Тибетом”, М.: Издательская фирма «Восточная литература РАН», 2002.

Ю. Б. Циркин “От Ханаана до Карфагена”, М.: ООО «Издательство Астрель», ООО «Издательство АСТ», 2001.

Ю. Б. Циркин “«Военная анархия» (из политической истории Рима III в. н.э.)” в сборнике Э. Д. Фролов (ред.) “Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира”, Вып. 9, СПб.: Издательство СПбГУ, 2010, 271-288.

Ю. А. Черниенко “Сабатиновская культура в системе древностей бронзового века юга Восточной Европы”, Stratum plus, №2, 2014, стр. 15–112.

Е. Н. Черных “Культуры кочевников в мегаструктуре Евразийского мира”, Том 1, М.: Языки славянской культуры, 2013.

И. Т. Черняков “Северо-Западное Причерноморье во второй половине II тыс. до н.э.”, Киев: Наукова думка, 1985.

Т. А. Шеркова “Египет и Кушанское царство (торговые и культурные контакты)”, М.: «Наука», Главная редакция восточной литературы, 1991.

А. Штенцель “История войн на море с древнейших времен до конца XIX века”, Том 1, Часть первая “Период господства гребных флотов”, Глава I “История мореплавания и морской торговли в древности”, М.: Издательство, ЭКСМО-Пресс, 2002.

Г. Шепард “К вопросу об истоках культа Диониса” в Е. В. Яровой (ред.) “Индоевропейская история в свете новых исследований (Сборник трудов конференции памяти профессора В. А. Сафронова)”, М.: МГОУ, 2010, стр. 295–308.

В. К. Шохин “Типитака” в М. Т. Степанянц (ред.) “Философия буддизма...”, стр. 680-686.

Д. И. Эдельман “Мидийский язык”, в энциклопедическом издании В. С. Расторгуева (ред.) “Языки мира. Иранские языки. II. Северо-западные...”, стр. 13.

В. А. Якобсон “История Востока. Том 1. Восток в древности”, М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2002.

К. Ясперс “Смысл и назначение истории”, М.: Политиздат, 1991.

References

- M. Amster (ed.) "FROM SILK TO OIL: Cross-Cultural Connections Along The Silk Roads", China Institute in America, 2005
- D. Berger, J. S. Soles, A. R. Giumlia-Mair, Gerhard Brüggemann, E. Galili, N. Lockhoff, E. Pernicka "Isotope systematics and chemical composition of tin ingots from Mochlos (Crete) and other Late Bronze Age sites in the eastern Mediterranean Sea: An ultimate key to tin provenance?", PLoS ONE, 14 (6): e0218326, 2019.
- A. M. Bietti Sestieri, A. De Santis "Relative and absolute chronology of Latium Vetus from the Late Bronze Age to the Orientalizing period" in D. Brandherm, M. Trachsel (eds.) "A New Dawn for the Dark Age? Shifting Paradigms in Mediterranean Iron Age Chronology. Proceedings of the XV World Congress (Lisbon, 4-9 September 2006)", Oxford: Archaeopress, 2008, pp. 119–133.
- J. Bruck "Bronze Age Britain and Ireland" in P. Bogucki, P. J. Crabtree (eds.) "Ancient Europe 8000 B.C. – A.D. 1000. Encyclopedia of the Barbarian World", Vol. 2, N.Y.: Charles Scribner's Sons, 2004, pp. 54–61.
- E. Bryant "The Quest for the Origins of Vedic Culture. The Indo-Aryan Migration Debate", Oxford University Press, 2001.
- R. Carpenter "Discontinuity in Greek Civilization", Cambridge University Press, 1966.
- J. Czebreszuk "Mysterious Raw Material From the Far North: Amber in Mycenaean Culture" in S. Bergerbrant, S. Sabatini (eds.) "Counterpoint: Essays in Archaeology and Heritage Studies in Honour of Professor Kristian Kristiansen", Oxford: Archaeopress, 2013, pp. 557–563.
- G. De Mulder, M. Van Strydonck, M. Boudin "The impact of cremated bone dating on the archaeological chronology of the Low Countries", Radiocarbon, Vol. 51, Nr 2, 2009, pp. 579–600.
- N. T. de Grummond "Ethnicity and the Etruscans" in J. McInerney (ed.) "A companion to ethnicity in the Ancient Mediterranean", Wiley Blackwell, 2014, pp. 405–422.
- P. R. Duffy, G. M. Parditka, J. I. Giblin, L. Paja "The problem with tells: lessons learned from absolute dating of Bronze Age mortuary ceramics in Hungary", Antiquity, 93 (367), 2019, pp. 63–79.
- K. Dzięgielewski, M. S. Przybyła, A. Gawlik "Reconsidering Migration in Bronze and Early Iron Age Europe: Bridging a Gap in European Mobility?" in K. Dzięgielewski, M. S. Przybyła, A. Gawlik (eds.) "Migration in Bronze and Early Iron Age Europe", Prace Archeologiczne No. 63 Studies, Krakow, 2010, pp. 9–36.

M. Finne, K. Holmgren, H. S. Sundqvist, E. Weiberg, M. Lindblom "Climate in the eastern Mediterranean, and adjacent regions, during the past 6000 years – A review", *Journal of Archaeological Science*, 38, 2011, pp. 3153–3173.

K. P. Fischl, V. Kiss, G. Kulcsár, V. Szeverényi "Transformations in the Carpathian Basin around 1600 B.C.", in H. Meller, F. Bertemes, H.-R. Bork, R. Risch (eds.) "1600 – Kultureller Umbruch im Schatten des Thera-Ausbruchs?", *Tagungen des Landesmuseums für Vorgeschichte Halle*, 9, Halle (Saale), 2013, pp. 355–371

G. Gnoli "The Seleucid Era and the Date of Zoroaster" in A. Panaino, A. Piras (eds.) "Proceedings of the 5th Conference of the Societas Iranologica Europ.a, held in Ravenna, 6–11 October 2003", vol. I, Milano, 2006, pp. 101–114.

V. K. Gupta, B. R. Mani "Painted Grey Ware Culture: Changing Perspectives", *Heritage: Journal of Multidisciplinary Studies in Archaeology*, 5, 2017, pp. 370–379.

D. Kaniewski, E. Van Campo, J. Guiot, S. Le Burel, T. Otto, C. Baeteman "Environmental Roots of the Late Bronze Age Crisis", *PLoS ONE* 8(8): e71004, 2013, doi:10.1371/journal.pone.0071004.

A. B. Knapp, S. W. Manning "Crisis in Context: The End of the Late Bronze Age in the Eastern Mediterranean", *American Journal of Archaeology*, Vol. 120, No. 1, 2016, pp. 99–149.

K. Kristiansen, T. B. Larsson "The Rise of Bronze Age Society. Travels, Transmissions and Transformations", Cambridge University Press, 2005.

J. Leskovar "Hallstatt [2]. The Hallstatt culture" in J. T. Koch "Celtic culture. A historical encyclopedia", Santa Barbara, Denver, Oxford: ABC-CLIO, 2006, Vol. III (G–L), pp. 887–889.

P. Makarowicz "The birth of a new world. Barrows, warriors, and metallurgists (1600 – 1200/1100 BC)" in P. Urbańczyk (ed.) "The past societies. Polish lands from the first evidence of human presence to the Early Middle Ages", Warszawa, 2017, pp. 127–186.

J. V. S. Megaw, M. R. Megaw "La Tene [2]. The La Tene period" in J. T. Koch "Celtic culture. A historical encyclopedia", Santa Barbara, Denver, Oxford: ABC-CLIO, 2006, Vol. III (G–L), pp. 1071–1076.

T. A. Mikhailova "Celtic origin: location in time and space? Reconsidering the "East-West Celtic" debate", *Journal of Language Relationship – Вопросы языкового родства*, 13/3, 2015, pp. 257–279.

J. Müller "Changes in the Bronze Age: Social, Economical and/or Ecological Causes?" in J. Kneisel, W. Kirleis, M. Dal Corso, N. Taylor, V. Tiedtke (eds.) "Collapse or Continuity? Environment and Development of Bronze Age Human Landscapes", *Proceedings of the International Workshop*

"Socio-Environmental Dynamics over the last 12.000 years: The Creation of Landscapes II (March 2011)", *Universitätsforschungen zur prähistorischen Archäologie*, Band 205, Bonn, 2012, pp. 257–265.

B. Nessel, G. Brüggemann, E. Pernicka "Tin isotope ratios in bronzes from central and southern Europe", *The Journal of the International Union for Prehistoric and Protohistoric Sciences*, Vol. 2, Issue 1, 2019, pp. 1–11.

J. M. O'Shea "A River Runs Through It: Landscape and the Evolution of Bronze Age Networks in the Carpathian Basin", *Journal World Prehistory*, 24, 2011, pp. 161–174.

A. Parpola "The Roots of Hinduism. The Early Aryans and The Indus Civilization", Oxford University Press, 2015.

T. Paulette "Domination and Resilience in Bronze Age Mesopotamia" in J. Cooper, P. Sheets (eds.) "Surviving Sudden Environmental Change: Answers from Archaeology", University of Colorado Press, 2012, pp. 167–195.

M. Pearce "The Italian Bronze Age" in P. Bogucki, P. J. Crabtree (eds.) "Ancient Europe 8000 B.C. – A.D. 1000. Encyclopedia of the Barbarian World", Vol. 2, N.Y.: Charles Scribner's Sons, 2004, pp. 34–42.

M. Pearce "The Significance of Bronze" in P. Bogucki, P. J. Crabtree (eds.) "Ancient Europe 8000 B.C. – A.D. 1000. Encyclopedia of the Barbarian World", Vol. 2, N.Y.: Charles Scribner's Sons, 2004, pp. 6–11.

W. Powell, R. Mathur, J. John, M. Price, H.A. Bankoff, M. Tisucká, L. Godfrey "Unearthing Europe's Bronze Age mining heritage with tin isotopes: A case study from Central Europe", *European Geologist*, 48, 2019, pp. 58–62.

N. R. Sandars "The Sea Peoples. Warriors of the Ancient Mediterranean 1250–1150 BC", London: Thames & Hudson, 1978.

D. Singh, B. Vikrama, D. K. Kushwaha "Painted Grey Ware Settlements: Spatial Analysis and Interpretation of Inter-site Behaviour", *Man and Environment*, XXXIX(2), 2014, pp. 78–91.

P. W. Stockhammer, K. Massy, C. Knipper, R. Friedrich, B. Kromer, S. Lindauer, J. Radosavljević, F. Wittenborn, J. Krause "Rewriting the Central European Early Bronze Age Chronology: Evidence from Large-Scale Radiocarbon Dating", *PLoS ONE* 10(10), e0139705, doi:10.1371/journal.pone.0139705, 2015, pp. 1–32.

P. Suchowska-Ducke "Understanding Cross-cultural Communication in the European Bronze Age", in P. Maria, M. H. Öñiz (eds.) "SOMA 2011. Proceedings of the 15th Symposium on Mediterranean Archaeology, held at the University of Catania 3–5 March 2011", Vol. 1, BAR International Series 2695 (I), Oxford: Archaeopress, 2015, pp. 11–19.

S. Svizzero "The collapse of the Únětice culture: economic explanation based on the «Dutch disease»", Czech Journal of Social Sciences, Business and Economics, 4 (3), 2015, pp. 6–18.

V. Szeverényi "The Early and Middle Bronze Ages in Central Europe" in P. Bogucki, P. J. Crabtree (eds.) "Ancient Europe 8000 B.C. – A.D. 1000. Encyclopedia of the Barbarian World", Vol. 2, N.Y.: Charles Scribner's Sons, 2004, pp. 20–30.

A. Uesugi "A Study on the Painted Grey Ware", Heritage: Journal of Multidisciplinary Studies in Archaeology, 6, 2018, pp. 1–29.